ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
EH141
C845

Л. КАМЕНЕВ

ЕНИМ
С 845

СТАТЬИ И РЕЧИ

ТОМ
I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1925

К.

Л. КАМЕНЕВ

ЕН 141
С 845

СТАТЬИ И РЕЧИ

1905—1925

ТОМ I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1925

2-ой

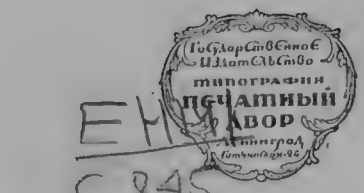
Л. КАМЕНЕВ

О ЛЕНИНЕ

СТАТЬИ, РЕЧИ, ЗАМЕТКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1925

К.



Государственное Издательство
типографии
ПЕЧАТНЫЙ ДВОР
Ленинград
Гатчинская-26

ЕН
С 845

№ (936)
БИБЛИОТЕКА
(25)
4121с.1

с ф
4489

1058449

Гиз. № 10956.
Ленинградский Гублит № 7280
20 л. Отп. 15.000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ.

стр.

Предисловие. 7

I.

ЛЕНИН И ЕГО ПАРТИЯ.

1. Речь в день пятидесятилетия 23/IV 1920 г. 11
2. Ленин 21
3. Путь Ленина. Беглый обзор 29
4. Дело Ленина 42
5. Ленин и его партия. 59
6. Великий Мятежник. 98
7. Задачи Маркса — дело Ленина. 100
8. Ленин и молодежь 103
9. Год без Ильича. 106
   1. Учение Ленина. . . . . —
   2. Работа по Ильичу 126

II.

СКОРБНЫЕ ДНИ.

10. 30 августа 1918 г. 145
11. 17 апреля 1923 г. 146
12. 23 апреля 1923 г. 150
13. 16 января 1924 г. 151
14. 18 января 1924 г. 152
15. 27 января 1924 г. 154
16. 23 мая 1924 г. 157
17. 21 января 1925 г. 159
18. Годовщина. 167

III.

ЗА ЛЕНИНИЗМ.

стр.

19. Ревизия ленинизма. 171
1. Статья первая . . . . . —
2. Статья вторая 179
20. Ленинизм или троцкизм. (Уроки партийной истории.) 188
21. Был ли Ленин действительно вождем пролетариата и революции? 244

IV.

К ПОЗНАНИЮ ЛЕНИНА. ФРАГМЕНТЫ.

22. Литературное наследство и собрание сочинений Владимира Ильича 253
23. 30 лет тому назад. 269
24. Некоторые черты литературной деятельности Ленина до эмиграции. 272
25. Ленин в «Искре». 281
1. Встреча с Плехановым в 1900 г. . . . . —
2. История одной статьи. 284
26. Письма Ленина Горькому 296
27. Письма эпохи войны. 301
28. Рукописи Ильича 304
I. . . . . —
II. 305
III. 306
29. Задачи Института Ленина 307
30. Указатель имен и терминов 313

ПРЕДИСЛОВИЕ.

С тех пор как 23 года тому назад я впервые услышал живую речь Владимира Ильича и покорился его обаянию вождя и человека, сотни раз приходилось мне рассказывать рабочим о Ленине. Каждый раз, — применяясь к меняющейся аудитории, — я пытался подвести ее как можно ближе к пониманию основных начал его учения, основных черт его личности, основных линий его жизни и борьбы. Каждый раз я стремился показать своим слушателям-рабочим, что учение, личность и жизнь Ленина неразрывно связаны с историей их собственного класса, что это учение, эта жизнь, эта личность являются лишь гениальным воплощением тех сторон исторического процесса, которые ведут пролетариат к победе над миром рабства и насилия. И всякий раз я оканчивал свой рассказ о Ленине с ощущением, что — в лучшем случае — мне удалось дать лишь черновой набросок, схему того, что должен знать о своем вожде пролетариат. И до сих пор я мечтаю о том, что эти первоначальные схемы, наброски, рассказы мне удастся когда-либо расширить и пополнить до тех пределов, когда они превратятся в подлинную «книгу о Ленине, его жизни и его учении». Условия партийной работы мешают этому; вероятно, будут мешать и в ближайшее время. Поэтому только я решился собрать вместе свои речи, статьи и заметки о Ленине в надежде, что в своей совокупности они помогут рабочим приблизиться к пониманию и познанию гения своего вождя. Как я уже сказал, рассказывая о Ленине, я стремился сделать понятным его учение и его жизнь меняющейся аудитории. При этом нельзя было избежать повторений, но я расположил теперь свои беседы о Ленине в порядке возрастающей сложности. К этим рассказам о Ленине я прибавил несколько более специальных статей и заметок, явившихся результатом моих работ, как редактора «Собрания Сочинений» Ленина и директора Ленинского Института. Мне хотелось бы еще отметить, что — как мне кажется — уже в первых двух статьях сборника — в речи и статье, посвященных 50-летию Владимира Ильича и относя-

шихся к апрелю 1920 г., т.-е. к тому времени, когда Владимир Ильич был еще с нами, отмечены уже те важнейшие стороны учения Ленина, которые ныне признаются всеми нами как главнейшие составные части *ленинизма*.

Это предисловие я кончаю словами, которые читатель найдет в самом сборнике:

«Это — не биография Ильича и не история Ленинской партии. Это лишь попытка рассказать рабочим-ленинцам о Ленине. Пусть старые бойцы, читая этот рассказ, вспомнят те бои, которые они вели под руководством Ильича. Пусть молодежь на этом рассказе учится вести войну за дело рабочего класса «по-ленински». Пусть ленинцы — и старые и молодые — еще раз скажут себе: нам нельзя не победить; нам нельзя проиграть великой войны за коммунизм, начатой под знаменем Ильича. Нам надо биться до конца за победу ленинизма, под знаменем ленинизма, во имя ленинизма, во имя пролетарского коммунизма».

Л. Каменев.

24 мая 1925 г.
Кремль.

I

ЛЕНИН И ЕГО ПАРТИЯ

РЕЧЬ В ДЕНЬ 50-ЛЕТИЯ.

23/IV 1920 года.

Т. т., если Московская организация коммунистической партии устроила сегодняшнее собрание, то она руководствовалась не задачей воздать какую-либо честь Владимиру Ильичу. Владимир Ильич в этой чести, в кликах, в словах хвалы не нуждается и пролетариат не привык словами, торжественными одами чтить своих вождей, своих лучших товарищей. Если мы решили посвятить сегодняшний вечер в связи с 50-летием жизни Владимира Ильича воспоминаниям и оценке его деятельности, то потому, что изучение работы т. Ленина есть абсолютно необходимый элемент подготовки рабочего класса к его победоносной борьбе. Если спросить, что должен изучить человек, рабочий, трудящийся для того, чтобы стать сознательным коммунистом, то ответ на это может быть только один. Кроме того знания, которое рабочий выносит из обстановки своего труда, он должен знать учение Маркса и учение Ленина.

Учение Маркса, потому что оно есть общая основа всякой пролетарской революции, потому что учение Маркса дает ключ к пониманию всего развития человечества с самых древних времен и вплоть до того момента, когда по слову Энгельса совершится прыжок из царства необходимости в царство свободы и когда начнется истинная история человечества, человечества, освобожденного от классового разделения и тем самым освобожденного от всякого гнета, от всякого насилия: до сих пор история была историей рабов и историей господ. Вот почему для каждого трудящегося необходимо, чтобы стать сознательным бойцом своего класса, изучение Маркса.

Но вторым шагом должно быть изучение жизни, жизненной работы Владимира Ильича, потому что, если Маркс дал эту общую теорию развития пролетариата, его борьбы и его победы, то в тот момент, когда общая теория Маркса стала осуществляться миллионами людей, когда эта революционная теория перестала быть идеей небольшого круга передовых пролетариев, а стала могущественной массовой силой, стала опираться на миллионы,

именно Владимир Ильич, а не кто-либо другой, встал во главе этих миллионов, стал их руководителем и их вождем.

Конечно, в том докладе, который я вам могу представить в отведенный мне срок, нельзя надеяться изучить жизненную работу Владимира Ильича, но будут времена и об этой работе в связи с историей пролетарской революции будут написаны томы. Я могу поставить и вместе с вами искать ответ лишь на самые общие вопросы жизни и работы Владимира Ильича.

Первый вопрос — как это стало возможным, что именно русский рабочий класс выдвинул человека, который стал вождем мирового пролетариата, почему не французское рабочее движение, не германское рабочее движение, не английское рабочее движение, а именно движение российского пролетариата выдвинуло того, кто теперь является общепризнанным теоретиком и руководителем мировой борьбы пролетариата. Это, конечно, объясняется далеко не только исключительными, личными свойствами т. Ленина, не только его дарованием, его глубочайшим и обширнейшим умом, его твердой стальной волей, не только этим, хотя, конечно, ту тяжесть, которую история взвалила на плечи руководителя мирового пролетариата, мог поднять только человек величайшего ума, величайшей воли, величайшего напряжения и величайшей прозорливости. Я не хочу употреблять здесь, в родной семье борцов-коммунистов, слов слишком широковещательных и слишком больших, но если бы нужно было все определения личных качеств тов. Ленина сжать в одно слово, то это слово было бы, конечно, — гениальные способности Владимира Ильича. Так вот не один этот гений объясняет то, что именно Россия выдвинула тов. Ленина, объясняется это ходом борьбы российского пролетариата. Российский пролетариат, российские трудящиеся массы могут гордиться Владимиром Ильичем, потому, что вся его личность, вся его работа есть воплощение, слияние воедино всего того великого, всего того революционного, что зрело и созрело в глубинах и толщах российских трудящихся масс.

Эти массы с самого начала XX века были историей поставлены в особое положение. Россия, страна отсталая, должна была решить те задачи, которые на Западе были решены десятилетия тому назад. Отсталость России сводилась к тому, что крепостническая экономика, помещичье землевладение и созданное на этой почве господство помещичьей монархии осталось в России, как проклятое наследие средневековья еще в XX веке. В то время, как у всех цивилизованных народов, во всей Европе и в Америке это средневековье было свергнуто еще в половине XIX столетия, российский пролетариат должен был взять на себя выполнить задачу освобождения России от старого векового гнета, задачу, которая на Западе решалась в лучшую пору молодой революционной буржуазии.

Эта задача революционного российского пролетариата стала перед ним во весь рост как раз в такой момент, когда наша страна стала перекрестком, на котором сошлись революционные движения всего мира. Это создано было ее географическим положением на границе между Европой и Азией, при котором она служила мостом между высшими формами развития капитализма в виде империалистических держав Западной Европы и отсталым, порабощенным, закабаленным Востоком, где сотни миллионов людей Индии, Китая, Азии, Африки, служили только рабочим скотом для пышного развития буржуазной цивилизации Западной Европы и Америки. Россия представляла страну, в которой совмещались самые передовые элементы развития общества, в виде крупнейших городов, крупнейших заводов, на которых сосредоточивались крупнейшие массы революционного пролетариата, с одной стороны, и элементы азиатской отсталости в виде нашей захудалой, голодной, закабаленной царю, помещику и уряднику деревни, с другой стороны. Эти острые противоречия, это положение на перекрестке исторических дорог, сделало то, что российский пролетариат с момента своего рождения находился в революционной лихорадке. В то время, как в Западной Европе после установления буржуазного порядка, после того, как Парижская Коммуна была подавлена в крови рабочих, наступил длительный, почти сорокалетний период относительного спокойствия, мирного, т.-е. не сопровождавшегося войнами и восстаниями, выжимания пота из наемных рабов капитала, в это время российский пролетариат с самого момента появления его на исторической арене переживал период революционной молодости. Он рождался и исторически воспитывался в обстановке, которая была чревата все новыми и новыми волнами революционных движений.

В этой-то атмосфере постоянных революционных потрясений, постоянного нарастания революционного взрыва, постоянного роста в массах сознания того, что только революционной борьбой можно достичь тех или иных результатов, могла только и появиться фигура Владимира Ильича.

Чтобы сказать кратко, в чем заключалось то новое, что деятельность, теория и практика Ленина, а значит, и русского пролетариата, внесли в мировое революционное движение, в мировое движение за освобождение рабочего класса, если подыскивать краткие формулы, то нужно сказать, что русский рабочий класс вместе с Лениным впервые после революций начала и середины XIX века поставил на очередь дня вопрос о насильственном переходе власти из рук одного класса в руки другого класса. Этого вопроса в Европе не стояло. Европейский пролетариат в лице лучших своих представителей боролся только за предварительные условия дальнейшей борьбы, а не за непосредственный захват

власти. В Европе условия складывались таким образом, что переход власти в руки пролетариата, в руки рабочих низов, рисовался где-то в отдалении, и так как он рисовался именно в отдаленном тумане будущего, то складывалось мало-по-малу убеждение, что этот переход совершится какими-то мирными путями, путем всеобщего избирательного права, при помощи которого низы, все более и более просвещаясь и постепенно усиливаясь в парламентских учреждениях, получат, наконец, в них большинство и тогда столь же мирно начнут осуществлять через те же парламентские учреждения ряд крупнейших социальных реформ.

Таким образом проблема власти и проблема нового пролетарского государства ни в западно-европейской социалистической теории, ни в практике европейских социалистических партий не становилась, как очередная задача дня, как практическая задача, к решению которой нужно немедленно готовиться, как задача, которая ставит ряд практических вопросов, на которые нужно дать ответ с сегодняшнего на завтрашний день. Русский пролетариат, поставленный в другие условия, оказавшийся лицом к лицу с самодержавием, в тот момент, когда он уже сознал, что его интересы есть интересы социалистического переворота, принужден был ходом истории России поставить этот вопрос о власти и о государстве. И поэтому нет ничего удивительного в том, что революционная постановка вопроса о власти дана была именно вождем русского пролетариата, Владимиром Ильичем, и дана была как раз в такой момент, когда впервые на арене русской истории появился пролетариат на улицах, в прямой борьбе с охранителями старого государственного порядка. Это был период 1903, 1904, 1905 гг. Как ответил тогда коллективный разум и коллективный инстинкт трудящихся масс России на вопрос о своих величайших задачах?

Коллективный разум, колективная воля, колективный инстинкт трудящихся масс России устами Ленина сказал тогда: царствующему самодержавию пролетариат, ведущий за собой крестьянство, может и должен, если он хочет победить, противопоставить революционную диктатуру пролетариев и крестьян. Этот ответ, данный в 1905 г. на фоне массовых политических стачек, массовых демонстраций, солдатских восстаний, восстания броненосца «Потемкина Таврического» и крестьянских движений, оформленный уже в резолюциях, статьях и тезисах Владимира Ильича, в 1905 г. впервые за последние 40 лет, а если не считать трехмесячной истории Парижской Коммуны, то за последние 60 лет, поставил в громадной стране, где жили две сотни миллионов людей, вопрос о диктатуре рабочих низов. После этого момента в борьбе рабочего класса и этих формулировок Ленина, идея диктатуры рабочих низов перестала быть более

или менее красивым словом, записанным в программе, заготовленным для отдаленного будущего; она стала реальностью, люди стали понимать, что такое эта диктатура, они стали понимать, что диктатура и жестокая борьба за нее стали в порядок исторического дня. Стало ясно видно, что диктатура создается в непосредственной уличной борьбе, не по заранее заготовленному рецепту, а союзом рабочих борцов, решивших взять винтовку в руки против существующей власти. Этого опыта не было у европейских рабочих конца XIX и начала XX веков, и этого опыта не могли они передать ни Каутскому, ни Жоресу, ни Гэду. Ленин же почерпнул эту идею диктатуры в живой борьбе русского рабочего класса. Если искать корней этого учения, то их нужно искать у Маркса, в его гениальном анализе восстания парижских коммунаров, но непосредственный толчок надо искать здесь в Москве, на Красной Пресне в восстании 1905 г., где дан был первый проблеск того, как будет завоевана пролетарская диктатура и что она обозначает в действительности.

Идея диктатуры, таким образом, непосредственно в жизни оказалась связанной с восстанием. Так в первой русской революции оформилась идея диктатуры, правда тогда еще диктатуры не социалистической, а демократической, не диктатуры пролетариата, а диктатуры пролетариата и крестьянства. Но уже тогда Владимир Ильич до конца договорил, что такая диктатура, как революционная власть, не имеющая за собой никаких законных оснований, опирающаяся на насилие, и поставил вопрос только о том, какое это насилие, насилие ли меньшинства господ над большинством народа или насилие громадного большинства масс над кучкой насильно захвативших все богатства и поэтому более сильных во весь предшествующий исторический период, чем коллективные силы порабощенного народа.

Тогда же в этой раскаленной атмосфере России, совершавшей свои первые революционные шаги, совершавшей свое освобождение от крепостничества и пробивавшей путь к социалистической революции, зародилась и нашла свое воплощение другая идея XX века. Когда форму диктатуры, как власть низов, надо было раскрыть, когда надо было ответить, как пролетариат, захвативший власть в руки, будет управлять, где тот аппарат и те формы государства, через которые он будет управлять, тогда рабочий класс стихийно дал ответ, направляемый не заранее обдуманной теорией, а подталкиваемый на этот путь правильным классовым инстинктом, который в революционный период является прекрасным руководителем. Рабочий класс дал ответ на эти основные вопросы пролетарской революции, создав в Питере, а затем и в Москве первые Советы Рабочих Депутатов, которые стали затем типом, образцом боевых объединений трудящихся в тот момент, когда они восстают против старого госу-

дарства, и которые в 1917 г. при победе революции стали типом нового государства пролетариата.

Таким образом, впервые появившись на исторической арене, революционный пролетариат России сразу вносит в историю мирового революционного движения две величайшие идеи. Идею диктатуры, непосредственно осуществляемую массами, и идею советов, идею Советской власти, как той формы пролетарского государства, которая неизбежна и необходима для восставших пролетариев. Эти идеи сформулировал, развил, обосновал и привел в связь с учением Маркса тов. Ленин. Эти две идеи казались тогда, в 1905 г., национально-русскими. Тот факт, что эти идеи нашли воплощение в отсталой России, западно-европейскими социалистами оценивался таким образом: конечно, чтобы бороться с русским царизмом может быть и неизбежны советы, может быть и нужна диктатура, но у нас, в Европе, есть парламент, право демонстраций, собраний, свобода печати, нам эти варварские способы борьбы не подходят, мы слишком «цивилизованы», слишком далеко зашли в развитии «культурной» политики, чтобы обращаться к тем методам, к которым обращаться в варварской России может быть и неизбежно. Тогда это казалось как будто естественным, потому что в самой Европе обострение отношений между пролетариатом и буржуазией не дошло до той степени, когда диктатура и Советская власть являлись бы неизбежным лозунгом пролетариата.

Но вот прекратился мирный период развития, начался период исторических катастроф, стали обрушиваться одно за другим государства, стали рушиться города, поля залились кровью, наступила империалистическая война. Вся буржуазная цивилизация и весь хваленый демократизм были забыты, затоптаны сапогом милитаризма. Вздернутые историей на дыбы массы должны были отдать себе отчет, неизбежно перед ними стал вопрос: где же те формы борьбы, при помощи которых мы смогли бы противостоять против потока, влекущего всех к гибели; где лозунги, где те формы борьбы, которые подсказали бы нам, что нужно делать, где вожди пролетариата, когда пролетариат как связанную скотину ведут на бойню во имя империализма? Казалось естественным ждать ответа у многоумных, старых, седых марксистов, которые имели опыт десятилетий; казалось, надо было искать этого ответа у Жореса, Гэда, Плеханова, Каутского.

У этих людей нельзя было искать этого ответа. Оказалось, что эти люди для новых задач, для этой новой всемирной исторической эпохи мертвы; они ничего не могут сказать. Они могут повторить старые формулы, которые стали безжизненными. Они могут вспомнить и когда написал Маркс, но понять, но приспособить эти формулы к новой жизни, стать во главе масс

они не могут. Они не в такой атмосфере жили, не так воспитывались, не то делали всю свою жизнь. То, чего жаждала вся пролетарская масса, необходимый ей опыт, необходимые ей указания, нужная тактика, имелись налицо, имели своего авторитетного представителя, но не в лице Каутского, Гэда, Плеханова, а в лице Ленина. Оказалось, что российский пролетариат и его вождь Ленин, которые жили все время в обстановке революционного движения, знают что такое диктатура, знают, что только диктатуру пролетариата можно противопоставить диктатуре буржуазии, знают, как приступать к строительству нового государства. Тогда Ленин выдвинулся во главу всего мирового движения как пламенный защитник новых методов борьбы, идеи диктатуры, идеи Советов. Он объяснил, что диктатура пролетариата, Советы связаны с самым ходом борьбы пролетариата в капиталистическом обществе, что гениальное предвосхищение этой борьбы есть у Маркса, если Маркса изучать, а не охолащивать, если искать у него ответа на вопросы восставшего пролетариата, а не ответов на вопросы парламентских столкновений в странах, где власть принадлежит буржуазии.

Таким образом, неизбежным оказалось, что Владимир Ильич, человек, который неоднократно оставался один, человек, который неоднократно объявлялся сектантом, раскольником, который неоднократно видел, как он с теорией революционного развития как будто оказывается в стороне от широкой исторической дороги, по которой идут оппортунисты, он как бы по призыву истории становится во главе мирового пролетариата: оказалось, что широкая историческая дорога пролетариата лежит именно там, где стоит Ленин, обобщающий весь революционный опыт борьбы рабочего класса.

Руководимый подлинно-революционной теорией и опираясь на миллионные массы, Ленин привел их к власти. И тогда стала перед ним новая задача, задача, которая никогда еще не была и не могла быть решена ни в одной социалистической книжке, для решения которой не было еще никаких исторических примеров. Эта задача о том, как же рабочим низам, миллионам, которые впервые раскрыли глаза, впервые приступили к строительству, к сознательному творчеству истории, как им строить государство. Не было в истории еще исторического деятеля, который бы осмелился отдать строительство мира в распоряжение самих масс, потому что не было до самого последнего периода тех масс, которые были бы призваны к действительному продолжению строительства всей предшествовавшей культуры человечества. Теперь эти массы в виде пролетариата налицо. Только теперь в лице пролетариата история создала ту массу, которая может взять в свои руки все наследие предшествовавшего развития, всю технику, все материальные богатства,

всю умственную культуру, все завоевания науки, и не расточить, а приумножить этот результат тысячелетней истории. Но во главе этих масс в их великом деле может стать и их историческую роль может оправдать только тот человек, который бездонно, до конца, ни на минуту не колеблясь, руководствуется полнейшим доверием к этим массам.

Западно-европейские социалисты XIX века, конечно, опирались на массы, конечно, они понимали, что они без масс ничего не могут сделать, но никогда они не представляли себе, что массы эти, как они есть, в ходе гражданской войны, могут немедленно приступить к строительству государства, могут его строить, и что из этого войдет не хаос, не разрушение, а подлинное здание нового государственного организма.

Вот это абсолютное доверие, вера в разум и в коллективное творчество масс, абсолютная уверенность, что человечество не может выйти из тупика, куда его загнала вся история, если каждый чернорабочий не возьмется за дело государственного строительства, это лежит в основе всей теории и всего дела Владимира Ильича.

Когда Владимир Ильич сказал накануне октябрьского восстания или в первые дни его, что мы идем к тому и мы хотим того, чтобы «каждая кухарка умела управлять государством», это было в истории человечества действительно новым словом. Ибо в этих словах выразилась абсолютная уверенность, что только трудящаяся масса, как она создана историей, со всеми своими достоинствами и недостатками, взявшись за руль государственного управления, может спасти человечество и все те ценности, которые оно накопило. Теория и практика государства у Владимира Ильича есть только осуществление того лозунга, чтобы каждый чернорабочий человек мог быть соправителем государства. Государство должно поэтому перестать быть какой-то таинственной организацией, движущейся по каким-то законам, не понятным для простых людей. Государственная машина есть просто аппарат, созданный для потребности людей, до сих пор для потребностей господствующих. Этот аппарат терпим постольку, поскольку он нужен для осуществления лучшей жизни людей, и лишь до тех пор, пока он выполняет эту роль. Этот аппарат должен быть настолько прост, чтобы всякий трудящийся человек мог стать возле него и понимать его сверху донизу. Вот это представление о государстве есть то, которое соответствует действительно новой всемирно-исторической эпохе. Это та теория государства, та практика государственного строительства, которая только и может быть создана восставшим пролетариатом.

Пролетариат создает и свою науку и свою теорию государства и свое государство. Ленин в своем учении, которого, повторяю, он не мог найти в самых гениальных книгах, создал эту

новую теорию, конечно, опираясь на гениальное предвидение Маркса, разработал его в целую систему и воплотил в ежедневную практику управления. Создать эту новую теорию государства и испытать ее на деле, зная, что спасение общества только в том, чтобы до дна победоносного пролетариата, дониза привлечь силу рабочего класса к управлению всеми винтиками государства,— это и было историческим делом Ленина. Вот почему Ленин не остался только вождем национальной революции, т.-е. вождем революции, которая развивается в ограниченных рамках государственных границ. Его программа и его тактика, которые он извлек из осознания хода борьбы пролетариата, есть то, что необходимо для всего мирового движения пролетариата, который исторической судьбой толкается на путь, указанный Лениным, и неизбежно приходит к идее пролетарского государства, создаваемого мозолистыми руками каждого трудящегося человека. Вот почему случилось такое чудо, что наш Владимир Ильич, выросший в обстановке русского движения, которого до 1914 г. никто не подумал перевести на европейские языки, стал самым популярным и любимым вождем не только для пролетариев, которые живут в России, но и для немцев, французов, итальянцев, китайцев, японцев и т. д.

Нетрудно представить себе, как этот вождь, который должен был воплотить в себе все будущее пролетариата, как он должен был себя чувствовать в ряду тех течений, которые господствовали в европейском социализме. Заранее можно сказать, что его позиция во всю предшествовавшую эпоху была и должна была быть позицией постоянной, неугомонной, беспощадной борьбы за свою теорию против бесчисленных врагов. И действительно, историческая работа Ленина, если взять ее исторически с первого момента появления его на исторической арене, есть история непрерывной идейной политической борьбы. Не было момента у Владимира Ильича, когда он не направлял бы свой ум, свою волю, свое перо и свое слово против врагов или опошлителей марксизма. Бесчисленными надо считать эти споры и столкновения, в которых он отстаивал свою теорию. Поэтому он представлялся врагам как раскольник и сектант. Да, он раскольник. Я не знаю случая, чтобы Ленин задумался над расколом с самым близким своим другом, с самой могущественной организацией, если он был уверен, что они отступили от теории пролетарского социализма. Он всегда готов был остаться один, имея против себя бесчисленных противников, если только он был твердо уверен, что в их шагах заключается малейшее отступление от социализма. В этой идейной борьбе Ленина с другими течениями мировой пролетариат давал предварительную битву за то, за что он потом с оружием в руках боролся на площадях. Вся борьба, которую партия провела и через которую должен

пройти пролетариат любой страны, борьба со всеми оттенками буржуазии, борьба, которую нам приходится вести, уже средствами государственного принуждения, борьба не только с либералами, но и с меньшевиками, эс-эрами, с левыми эс-эрами, вся эта борьба была предвосхищена Лениным в его идейных битвах с различными «уклонами» оппортунизма, и пролетариату, став у власти, пришлось только осуществлять эту заранее обоснованную борьбу, а там, где этой предварительной борьбы не было, где десятками годов не разыгрывалась идейная война пролетарского социализма против социализма мещан, там рабочий класс платился за это тяжелыми ошибками.

Сводя воедино те краткие черты, которыми я охарактеризовал Ленина, я должен сказать, что историческая эпоха восстания пролетариата требовала вождя из стали, со стальной волей, с прозорливостью, достигающей гениальности, и с твердой рукой, которая могла бы направлять восстания масс по верному пути к победе. И пролетарская масса этого вождя получила, она получила тов. Ленина. Ленин главнокомандующий восставших армий пролетариев. И мы уверены, что с тем великолепным героизмом, с тем великим мужеством, которое обнаружил пролетариат под руководством Ленина, он придет под его знаменем к окончательной победе, к сокрушению старого мира, мира рабства для того, чтобы построить на бренных остатках этого мира мир новый, мир свободы, равенства и братства для обновленного человечества.

ЛЕНИН.

С концом XIX столетия кончается последний период «мирного» органического развития капиталистического общества — период, начавшийся в крови Седана и парижских коммунаров. Новый XX век открывает период политических и социальных катастроф: войны, национальные революции (русская 1905 г., турецкая, китайская, персидская, португальская), колониальные восстания, национальные столкновения, перестройка государственных границ идут непрерывной чередой и во втором десятилетии сливаются в мировую войну и мировое возмущение пролетариата. Азия и Африка втягиваются в общее движение, и новые сотни миллионов людей в революционных формах выступают на историческую арену.

В этой обстановке происходит крушение величайшей европейско-азиатской монархии Романовых. Именно этой международной обстановкой, обстановкой приближающегося крушения всего капиталистического общества, объясняется важнейшая особенность русской революции: сближение, почти полное слияние краха полицейско-крепостнического государства и крушения господства капитала (1905 г.—февраль 1917 г.—октябрь 1917 г.). Эта особенность хода революционного движения в России не могла явиться результатом той или иной программы той или иной политической партии. Она была результатом своеобразного сочетания национальных особенностей русской экономии (слабость национальной буржуазии, социальная мощь пролетариата крупных фабрично-заводских центров, революционное положение крестьянства, убедившегося на деле, что оно может получить земли крепостников-помещиков только из рук пролетариата, захватившего власть) с обстановкой мирового состязания крупнейших империалистических держав и революционным пробуждением Востока.

Вот в этой-то атмосфере подготовки и развития величайшего массового революционного подъема, шедшего ко все более и более острым формам борьбы, на переломе двух всемирно-исторических эпох, в стране, соединяющей властвующую Европу

империалистов с миром порабощенного Востока колониальных рабов, — и мог только воспитаться и вырасти теоретический руководитель и практический вождь мирового пролетариата в его восстании против буржуазии.

После того, как гений Маркса, опиравшийся на революционные традиции классических буржуазных революций и на революционный опыт 40 — 60-х годов, заложил основы программы и тактики мирового рабочего движения, Германия, Франция, Англия, отчасти и Россия дали рабочему движению первоклассных ученых, пропагандистов, популяризаторов, агитаторов и организаторов. Никто, однако, из этой великой плеяды работников рабочего дела (Бебель, Жорес, Гэд, Адлер, Плеханов) не перешел той грани, которая отделяет эпоху обучения, просвещения и собирания сил рабочего класса от эпохи штурма буржуазных твердынь старого мира. Для новой эпохи они оказались мертвы — и это стало ясно уже задолго до 4 августа 1914 года.

Ясная формулировка новых задач и тактики новой эпохи в мировом рабочем движении была выработана не на кафедре германского рейхстага, не на трибуне французских рабочих собраний, не в правлениях английских трэд-юнионов, не на страницах «Neue Zeit», а на подпольных собраниях русских пролетариев-революционеров, где Ленин обсуждал и взвешивал тактику борьбы против царизма, опиравшегося на все силы международного капитализма.

Тактика, здесь обсуждавшаяся, задачи, здесь формулировавшиеся, не могли замкнуться в узко национальные рамки, рамки Российского государства, уже потому, что враг, против которого велась борьба, черпал свои силы во всей мировой организации капитала. Французская биржа и английский империализм, связавшие прямым союзом свои судьбы с русским капиталом и властью русской буржуазии, сами толкали мысль передовых русских революционеров на международную арену, заставляли их ставить все вопросы своей борьбы в мировом масштабе. Милюков, Керенский и Церетели, торжественно подтвердившие верность союзникам царизма, ничего не изменили в этом отношении: всемирный размах мысли, включение в сферу своих непосредственных интересов вопросов и проблем мирового пролетарского движения навязывались руководителю русского пролетариата самым историческим положением России за последние 25 лет больше, чем представителю рабочего движения какой бы то ни было другой страны.

17 лет назад, в эпоху первой Думы, самый сильный, самый умный (и потому наиболее ценимый Лениным) идейный противник Ленина Г. В. Плеханов спрашивал Ленина: «Где в его программе гарантии от реставрации?» — Ленин отвечал: «Полной гарантией от реставрации в России (речь шла о гарантиях

при победе демократической революции) может быть исключительно социалистический переворот на Западе. Другой гарантии нет и быть не может... Чтобы удержать за собой победу, чтобы не допустить реставрации, русской революции нужен не русский резерв... Есть ли такой резерв на свете? Есть: социалистический пролетариат на Западе... Вопрос сводится к тому, как именно и чем именно может революция в России облегчить или ускорить социалистическую революцию на Западе».

Это сказано не в 1920, не в 1917, не в 1914, а в 1906 г. И как не случаен этот ответ, как не случайно то, что отсталая земледельческая Россия стала первой страной социалистической революции, так не случайно, что революционное учение Маркса, извращенное и охолощенное оппортунизмом вождей на Западе, в руках Ленина вновь стало тем знаменем, под которым пролетарии «штурмуют небо», т.-е. тем, чем его создал и что в нем видел сам Маркс.

Историческая обстановка в Европе 1870 — 1900 гг. сложилась так, что учение Маркса в руках его учеников стало больше всего орудием *объяснения* хода исторического развития и *прогноза* светлого будущего. Те элементы этого учения, которые звали к непосредственному революционному *действию* масс, которые заключали в себе не объяснение истории, а *руководство для восставшего против буржуазии пролетариата*, забывались и выветривались. Для русского пролетариата дело обстояло не так: на очереди дня стояло именно восстание, и он воспринял учение Маркса *целиком*, принужденный *отстаивать* против укоренившегося оппортунизма в особенности те черты учения Маркса, которые под презрительной кличкой «бланкизма», «заговорщичества», «утопизма» отвергались западно-европейскими мещанами от социализма, а вслед за ними и русскими оппортунистами — социал-демократами.

Для Ленина теория Маркса так же непреложна и целостна, является таким же ничем не заменимым орудием анализа, как основные алгебраические формулы для строителя-инженера. Ее *практические* выводы (учение об обострении классовой борьбы, о гражданской войне, о диктатуре пролетариата, о государстве), которые делают его учением боевого, воинствующего *класса*, которые зовут к наступлению, именно в работах Ленина получили ту разработку, которой не могли, не хотели дать западно-европейские теоретики: для них в эпоху после 1870 г. это было просто *не интересно*. А Ленин именно за эти части учения Маркса вел бесчисленное количество войн с оппортунистами всех стран и всех мастей. Когда в 1901 г. он писал, что социалистическая организация должна быть готова к «подготовке, назначению и проведению всенародного вооруженного восстания», среднему социал-демократу Европы это не могло не казаться порождением

варварски-отсталых условий борьбы в России. Но внимание к этим именно вопросам, сочетание марксизма с непосредственно-революционным движением широких масс сделало то, что когда вопрос о восстании пролетариата стал на очередь дня во всей Европе, массы европейских рабочих именно в статьях, в работах и в опыте Ленина должны искать ответов на насущные вопросы своего движения.

Страстное отстаивание боевых выводов учения о классовой борьбе, тех выводов, что вольно и невольно притуплялись в предшествующую эпоху, беспощадная борьба с малейшим отступлением от революционной теории, постоянная готовность остаться одному против «всех» — против «всех» на верхушках, зато в теснейшем единении с подлинными рабочими массами, — во имя «ортодоксального», т.-е. революционного марксизма, — вот та новая струя, которую в первую очередь внес Ленин в теорию и практику мирового социалистического движения. «Сектантство» и «раскольничество» — так пытались клеймить тактику Ленина мещане. Исторически же «сектантство» и «раскольничество» Ленина были только необходимым и неизбежным средством отстаивать и развивать те именно непосредственно-революционные стороны марксизма, которые стали живой водой для мирового пролетариата к концу империалистической войны.

И Каутский, и Плеханов, и Гэд вели великолепную и плодотворную борьбу с оппортунизмом Бернштейнов и Мильеранов. Ясно, однако, что плоскость и захват этой борьбы были другие. Отстаивая в ряду с Каутским — (аграрный вопрос) — и Плехановым — (философия марксизма) — основы Марксова учения, Ленин поставил на очереди сначала в русском, а затем и в международном движении те вопросы непосредственного массового движения, которых те споры не затрагивали. Из сферы общих вопросов капиталистического развития и парламентской тактики вопросы были перенесены в сферу непосредственной борьбы восставшего и восстающего против капиталистического общества пролетариата — и тут-то оказалось, что непроходимая пропасть лежит не между Плехановым, Каутским, Лениным — с одной стороны — и Бернштейном — с другой, а между Лениным — с одной стороны — и Плехановым, Каутским, Гэдом и Бернштейном — с другой. В тяжелой, «сектантской», «раскольничьей» двадцатилетней борьбе Ленина начала новой теории и новой тактики новой всемирно-исторической эпохи боролись, и в борьбе росли против лучших представителей умиравшего периода истории рабочего движения. Мертвое хотело заглушить живое, но живое выжило и победило, и через головы живых мертвецов протянуло руку вечно-живым коммунарам Парижа и заветам Маркса.

Как бы в предвидении этой борьбы Ленин писал еще в 1901 г.: «Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути,

крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда итти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не оступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не примирения». Это было верно в 1901 году, это верно и сейчас.

Если новая постановка новых вопросов теории и практики рабочего движения есть одна сторона того, что внес Ленин в мировое пролетарское движение, то новое отношение к роли масс в историческом строительстве является другой стороной того же.

И к этому вопросу необходимо подойти исторически. С 1848 и по 1905 гг. — за исключением краткого периода Парижской Коммуны — массы трудящихся в Европе не появлялись на улицах ее благоустроенных городов в качестве *хозяев и строителей жизни*. Парламентарии замещали народ, а парламентские столкновения — уличную борьбу. Вопрос о власти, о насильственном перемещении власти из рук одного класса в руки другого был снят с очереди. Социалисты опирались на пролетарскую массу, но в качестве парламентариев и членов правлений союзов предпочитали действовать *за* нее, больше всего избегая ее непосредственных активных действий. На этом пути официальная социал-демократия зашла в тупик. Затхлая атмосфера этого тупика заставила Розу Люксембург года за $1^1/_2$ до войны забить тревогу и вновь выдвинуть вопрос о непосредственных «массовых действиях» рабочего класса.

Между тем русский пролетариат с начала века жил в атмосфере непосредственных массовых действий, прямых столкновений с охранителями государственного порядка, а в 1905—6—7 годах неоднократно оказывался победителем в этих столкновениях и хозяином улицы. Он знал, что именно его массовыми открытыми действиями решается *вопрос о власти* и что нет других способов решить этот вопрос. Вопросы о непосредственной активности масс, о их самочинной свободно-складывающейся организации, о сочетании политической и экономической борьбы, о захватном осуществлении «свобод», о захвате власти в центре и в отдельных городах бастующими, демонстрирующими и вооруженными рабочими были самыми насущными, практическими вопросами движения. Практика этого самочинного, ломающего легальные рамки, идущего к захвату власти массового активного движения пролетариата нашла в Ленине своего выразителя. Он предвидел его теоретически, взвешивая в начале 900-х годов возможные формы борьбы пролетариата, он защищал его в 1905—7 гг., он отстаивал традиции именно этого движения в глухую пору реакции 1908 — 12 гг., он опирался на него, чтобы вырвать

власть из рук буржуазии в 1917 г., он положил его — и теоретически и практически — в основу строительства первого пролетарского государства.

Недоверие к кромсанию законопроектов парламентскими болтунами и абсолютная уверенность в том, что только непосредственное участие в историческом строительстве самих порабощенных миллионов трудящихся способно вывести человечество из тупика — естественно укрепились в этой обстановке и стали исходным пунктом всей дальнейшей тактики Ленина. А только это и могло быть исходным пунктом всякой успешной политики в тот момент, когда мировая война вызвала к исторической жизни миллионы наемных рабов капитала. Именно в подобной теории больше всего нуждался мировой пролетариат, оказавшийся перед разбитым корытом надежд «реформистов» на смягчение противоречий и мирное перерождение капитализма в социализм. «Наступает, — писал Ленин в 1906 году, — период непосредственной политической деятельности «простонародия», которое попросту, прямо, немедленно ломает органы угнетения народа, захватывает власть, берет себе то, что считалось принадлежащим всяким грабителям народа, одним словом, когда именно просыпаются мысль и разум миллионов забитых людей, просыпаются не для чтения только книжек, а для дела, живого человеческого дела, для исторического творчества».

Написать эти слова в 1906 году значило переместить весь центр тяжести понимания европейского социализма, значило открыть новый период пролетарской борьбы, значило указать основные руководящие принципы тактики пролетариата, переходящего от предварительного собирания сил к восстанию против капитала.

На почве этого абсолютного доверия к историческому творчеству трудящихся масс, творящих новый мир — по слову Ленина — со всей своей «девственной примитивностью, простой, грубоватой решительностью», — разрешена Лениным труднейшая для современного мирового движения пролетариата проблема — проблема власти, вековыми усилиями попов, юристов, государственных людей, профессоров и поэтов закутанная во все обманы мистики и метафизики.

«Новая власть, как диктатура огромного большинства, могла держаться и держалась исключительно при помощи доверия огромной массы, исключительно тем, что привлекала самым свободным, самым широким и самым сильным образом всю массу к участию во власти. Ничего скрытного, ничего тайного, никаких регламентов, никаких формальностей. Ты — рабочий человек? Ты хочешь бороться за избавление России от горстки полицейских насильников? Ты наш товарищ. Выбирай своего

депутата, сейчас же, немедленно выбирай, как считаешь удобным— мы охотно и радостно примем его в полноправные члены нашего совета рабочих депутатов, крестьянского комитета, совета солдатских депутатов. Это — власть, открытая для всех, делающая все на виду у массы, доступная массе, исходящая непосредственно от массы, прямой и непосредственный орган народной массы и ее воли».

Пролетариат России, Финляндии, Венгрии, Германии в 1917—20 гг. на деле стал осуществлять эти слова 1906 г., казавшиеся тогда неслыханной ересью и бывшие на деле предвидением единственно возможных и неизбежных форм государственного строительства пролетариата, восстающего против старого мира.

Все государственное искусство Ленина в том, что он знал, что масса, миллионы трудящихся сделают то, что надо, что у пролетарского государства нет иных интересов, кроме интересов этих миллионов, что они сделают в сотни раз лучше, чем самая революционная канцелярия, и что основная и исчерпывающая задача заключается в том, чтобы втянуть эту массу всю донизу, до дна в государственную работу.

На это глубокое доверие к коллективному разуму трудящихся опиралась та воля к победе, без которой В. И. Ульянов не стал бы Лениным и без которой дело ленинизма не могло бы осуществиться. У Ленина воля к победе, готовность взять власть не были чертой индивидуального характера, — любви к власти у Ильича не было ни на один грамм; это было выражение новых настроений миллионов, коллективного, тяжкой ценой купленного сознания их, что без решительной победы, без завоевания власти, без готовности этой властью орудовать, как рабочий орудует молотом, нет выхода из тупика. Воли к победе, решимости победить, смелости взять на себя все — все без исключения — последствия решительной победы не было в европейском социализме 1870 — 1900 гг. Рабский страх перед победой, социология трусов — остаются и до сих пор основным признаком мирового меньшевизма. Именно этот страх рабов перед собственной победой превращает меньшевистских вождей — по слову Ленина — из рабов капитализма в его холопов, в хамов и лакеев своих господ.

Ленин знал: для того, чтобы выйти на широкую дорогу, рабочее движение должно прежде всего расстаться с этой психологией. «Не может быть и речи об энергичном, успешном сборе армии, руководстве ею без уверенности в том, что мы «смеем» победить», — писал Ленин. Вот почему уже накануне первой русской революции, в 1905 г., перед лицом меньшевиков он ребром поставил проблему победы пролетариата.

«Смеем» ли мы победить? Позволительно ли нам победить? Не опасно ли нам победить? Следует ли нам побеждать? Стран-

ный на первый взгляд вопрос этот, однако, был поставлен и должен был быть поставлен, ибо оппортунисты боялись (-ятся. *Л. К.*) победы, отучивали (-ают. *Л. К.*) пролетариат от нее, пророчили (-чат. *Л. К.*) беды от нее, высмеивали (-вают. *Л. К.*) лозунги, прямо зовущие к ней». Если гениальностью назвать умение выразить, сформулировать и сделать общепонятными мысль и чувство, зреющие в глубинах наибольшего количества людских существ и открывающие им новые исторические пути,— то перед нами именно такая гениальная мысль, охватывающая подавляющее большинство всего человечества, формулирующая его наиболее глубокие и потаенные чувства, единственно открывающая ему дорогу к будущему.

Реальным воплощением этой гениальной постановки вопроса был знаменитый ответ Ленина на вопрос о власти на первом съезде Советов в 1917 г., — ответ, предопределивший не только октябрьскую революцию, но и п о б е д у октябрьской революции. «Он (Церетели, или Керенский, или кто-то еще: — история, запомнившая на веки ответ Ленина, уже забыла имя вопрошателя) говорил, что нет в России политической партии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя. Я отвечаю— есть; наша партия от этого не отвертывается: каждую минуту она готова взять власть целиком».

Этим, смехом и возмущением встреченным, заявлением в о л и р а б о ч е г о к л а с с а к п о б е д е, р е ш и м о с т и е г о в з я т ь н а с е б я в л а с т ь и в с е е с п о с л е д с т в и я открывается новая эпоха в истории социализма и рабочего движения, а следовательно, и в истории судеб человечества.

Ленин всей своей личностью, своими идеями, своей работой не только воплощал новую эпоху рабочего движения с его революционным подъемом и «волей к победе». Он — победил на деле, что было труднее.

Ленин не только указал пути победы, он удержал плоды победы, что было еще труднее.

Эту победу он завещал нам развивать и расширять. Это можно сделать, лишь вооружившись оружием ленинизма.

ПУТЬ ЛЕНИНА.

(Речь, произнесенная на пленуме Московского Совета 7-го февраля 24 г.)

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Жизнь и работу Владимира Ильича будут изучать десятилетиями и столетиями. Не только мы, его соратники, его ученики, армия, вождем которой он был, но и враги наши признали, что фигура Владимира Ильича будет стоять веками, что его работа, его мысли, его воля наложат свой отпечаток в течение столетий на жизнь человечества. Мы сейчас не можем даже приблизительно окинуть всей грандиозности и всего величия проделанной им работы: у нас нет еще таких слов, которые бы полностью отразили и наше восхищение перед проделанной Владимиром Ильичем работой и нашу печаль перед безмерной утратой. Я поэтому хотел бы здесь, перед Московским Советом, напомнить только главнейшие моменты жизни и революционной работы Владимира Ильича, отметить только главнейшие этапы, через которые он провел рабочий класс России и рабочий класс всего мира, дать только основные вехи его жизненного пути.

Мы должны будем на примере Ильича учиться годами. При решении всякого вопроса нам надо будет для того, чтобы ошибки наши были минимальные, оборачиваться назад и проверять себя учением и делами Владимира Ильича.

Борьба Ленина с народничеством.

Владимир Ильич родился в апреле 1870 г. в Симбирске, на берегах Волги, в семье трудовой интеллигенции, в семье учителя, который стал затем, благодаря своему труду, директором народных училищ. Когда Владимиру Ильичу было 17 лет и когда он кончал гимназию, его старший брат Александр Ильич был арестован в Петрограде с бомбой в руках. Группа

студентов Петроградского университета, во главе с Александром Ильичем готовила покушение на Александра III и была арестована в самый день намеченного покушения. Через несколько дней Александр Ильич вместе с группой ближайших товарищей был казнен.

Нет никакого сомнения, что казнь старшего брата произвела сильное впечатление на Владимира Ильича и что мысль его должна была заработать в определенном направлении. Он должен был поставить и поставил перед собой вопрос: где те силы, опираясь на которые, можно было бы победоносно закончить борьбу с самодержавием, которую в продолжение десятилетий вели передовые элементы русского народа. Восьмидесятые годы были временем упадка революции. Старые концепции, методы, способы борьбы русской интеллигенции потерпели крушение.

Владимир Ильич был одним из первых, который у нас в России нашел ответ на этот вопрос. Он нашел его благодаря изучению трудов научного социализма, благодаря изучению Карла Маркса. Ответ Маркса, к которому примкнул Ленин, гласит: «Единственным, действительным и победоносным бойцом против самодержавия и против основ капитализма является рабочий класс». Этот ответ, который был дан товарищем Лениным, по тем временам был ответом теоретическим. Казалось безумно смелой мыслью возложить надежду всей борьбы на рабочий класс, который тогда в России представлял маленькую крупинку, который был совершенно неорганизован, который не имел никакой политической, объединяющей его идеи. Мысль о том, что именно рабочий класс явится вождем всей дальнейшей борьбы, что он организует все другие слои народа против самодержавия и против капитализма, казалась смешным книжным измышлением. И вся русская интеллигенция обрушилась на эту мысль сарказмами, насмешками и критикой.

У первых русских марксистов, во главе которых стоял Владимир Ильич, не было ни органов печати, ни возможности проповедывать свои мысли, враги же марксизма—представители мелкобуржуазного народничества и либерализма, имели в своих руках всю легальную и почти всю нелегальную прессу. Они пользовались всеобщим уважением, между тем, как та марксистская молодежь, с очень слабыми связями с рабочими, с этими теоретическими мыслями, не имела за собой ничего, кроме твердой уверенности, что она нашла действительный, победоносный путь для борьбы. Владимир Ильич сделал из этого немедленно соответствующие практические выводы. Он понял, что основная задача вновь появившихся бойцов заключается в том, чтобы связать себя с рабочими.

Организация рабочих кружков.

С того момента, когда для Владимира Ильича стало ясно, что единственным освободителем от самодержавия и капитализма всего народа явится рабочий класс, что только рабочий класс сможет поднять и повести за собою крестьянство, с этого самого момента пропаганда среди рабочих, организация рабочих кружков, распространение среди рабочих правильных марксистских идей стало основной задачей В. И.

Никогда мысль не расходилась у тов. Ленина с делом, и с первых же шагов его работы мы видим у него стремление претворить теоретическую мысль в орудие массового движения. Что, поистине, велико было в В. И., что было основной чертой всей его работы?

Это — стремление связать революционное учение с массовым движением. С этой основной задачей, заключавшейся в том, чтобы революционное учение не осталось только книжным учением, не осталось только достоянием небольших кружков революционеров, а стало действительно орудием масс, стало их достоянием, с этой задачей соразмерял Владимир Ильич все свои тактические шаги.

В 1893 году В. И. выезжает в Петроград, который теперь носит с честью имя тов. Ленина. Здесь он немедленно вступает в связь с передовыми рабочими кружками и, не брезгуя никакой, даже самой мелочной, самой черной, самой невидной работой, приступает к делу организации рабочих кружков. Сохранилась первая прокламация, выпущенная кружком тов. Ленина; она написана его рукой. Это—прокламация к рабочим Семянниковского завода в Петербурге. Теперь трудно даже себе представить, что эта прокламация была выпущена в количестве 4 экземпляров и все эти 4 экземпляра написаны были рукой В. И. Не было ни техники, ни распространителей, ни разносчиков. Была только уверенность в правильности занятой позиции, твердая вера в то, что рабочий класс подготовлен к восприятию революционного учения Маркса, и страстное желание связаться с рабочим классом.

Не только эти прокламации, которые раздавались из рук в руки, которые писались и распространялись сначала в единичных экземплярах, потом в десятках экземпляров, потом в сотнях, не только эти пути выбирал тов. Ленин. Он ходил по трактирам, где отдыхали рабочие, там завязывал разговоры и неустанно стремился примкнуть вплотную к мыслям и желаниям, к интересам подлинных пролетариев, подлинных рабочих. И на основе этих бесед, этих встреч, этих разговоров с рабочими он писал новые

прокламации, создавал новые кружки и добился в результате годовой работы того, что на всех крупных заводах Петербурга появились первые ласточки будущей организованной революционной армии пролетариев — первые марксистские рабочие кружки.

Организация первого комитета нашей партии.

Тогда стало ясно, что дело требует расширения, что надо строить работу в более широком масштабе, в масштабе не одного только Петербурга, а нужно ставить ее так, чтобы она получила распространение по всей России. Обманув полицию, В. И. едет за границу, где тогда существовала марксистская группа под названием «Освобождение Труда», которая под руководством Плеханова уже в продолжение десятилетия проповедывала за границей марксизм. Здесь В. И. завязывает связь с Плехановым, изучает рабочее движение во Франции и в Германии, слушает во Франции речи Гэда, в Берлине — Бебеля и, нагрузив свой чемодан нелегальной заграничной литературой, через несколько месяцев, в сентябре 1895 года, возвращается в Россию с широкими планами. С Плехановым он уговаривается о том, чтобы поставить за границей (вдали от русской полиции) постоянный периодический сборник для рабочих, а в России создать первую рабочую газету.

Приехав в Петербург, тов. Ленин кладет основание первому комитету нашей партии, который тогда получил название «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса». Он подготовляет первую рабочую газету, которая должна была выйти под именем «Рабочее Дело», сам пишет для этой популярной газеты, рассчитанной на самого широкого рабочего читателя, ряд статей: о стачках, об экономическом положении рабочего класса. Пишет брошюру о штрафах, в которой понятно для самых отсталых, забитых рабочих объясняет существующее рабочее законодательство и пытается на фактах, близких каждому рабочему, на фактах будничной жизни рабочего класса поднять рабочих до понимания общих политических, классовых, революционных задач пролетариата.

Первый арест и ссылка Владимира Ильича.

Но полиция следила за В. И. уже с того момента, как он выехал за границу, и через 2—3 месяца после возвращения его из-за границы, 9 декабря 1895 года, ночью, В. И. и вся группа его товарищей арестовываются. При этих арестах пропадают и материалы для первого номера рабочей газеты «Рабочее Дело».

В. И. попадает в тюрьму. В тюрьме он остается до февраля 1897 года, значит, более 14 месяцев. Не думайте, однако, что В. И. в тюрьме перестал работать для той цели, которой посвя-

цена была вся его жизнь, не думайте, что для В. И. тюремные решетки и двери представляли такие заграждения, которые бы не преодолели его ум, его воля. Из тюрьмы, пользуясь всеми конспиративными методами, В. И. продолжает ту работу, которую он вел на воле. В тюрьме он составляет и передает на волю первую программу рабочей социал-демократической марксистской партии.

В тюрьме он пишет и передает на волю ряд прокламаций, в тюрьме он неустанно работает над своей большой книгой, вышедшей через два года под названием «Развитие капитализма в России».

В феврале 1897 года полиция выносит свой приговор, подтвержденный царем: «Выслать Вл. Ильича на 3 года в Сибирь». В эпоху, когда Вл. Ильич был в Сибири, и в мировом рабочем движении, и в русском рабочем движении наметились новые моменты, которые получили потом общее название: «ревизия марксизма» пересмотр революционной теории Маркса, приспособление этой теории к мелкобуржуазным настроениям, искажение Маркса с целью лишить его учение революционных элементов.

Владимир Ильич из Сибири ясно видел эти новые, ставшие на пути революционного движения затруднения и немедленно открыл против этих уклонений ожесточенную, бешеную борьбу. Слово «бешеная» — это слово Владимира Ильича. Он неоднократно употреблял это слово, — употреблял его для характеристики тех кампаний, которые он вел против малейших уклонений от правильной революционной теории марксизма и классовой борьбы пролетариата.

Организация «Искры».

К концу ссылки Вл. Ильич поставил перед собой задачу: собрать воедино, под одним знаменем, на одной точной и определенной платформе все отдельные, рассыпанные по стране рабочие кружки, которые существовали в то время. Сделать это можно было бы только создав единый орган, который бы объединил все движение рабочего класса и который дал бы этому начавшемуся движению единую программу и тактику. Уже к концу ссылки Влад. Ильич намечает основу этой будущей газеты, а как только ссылка кончается, он, подготовив для этого все необходимое в России, уезжает за границу и там в сотрудничестве и в соглашении с группой «Освобождение Труда» ставит занимающую огромное место в истории русского рабочего революционного движения газету «Искра».

Быть может, многим молодым товарищам название этой газеты говорит немного, но для всех, кто прожил с партией последние 10-летия, для всех, изучающих историю рабочего дви-

жения и историю марксизма в России, известно, какую громадную роль сыграла эта газета, вдохновителем которой был Вл. Ильич.

Эта газета заложила основы нашей программы; она собрала и создала партию; она наметила основные положения политики рабочего класса, положения, которые остались верны на годы и которые остаются верными еще и посейчас. Эта газета имела своим подзаголовком слова: «Из искры возгорится пламя». Этими словами Владимир Ильич указывал, что эта газета должна зажечь пламя рабочей революции в России.

2-й съезд партии и 1905 г.

Через два с половиной года работы, в 1903 г. организация революционеров, сложившаяся вокруг этой газеты, под руководством Владимира Ильича, при его ближайшем участии, собрала съезд партии. Этот съезд знаменовал громаднейший шаг вперед в деле сплочения партии, в деле выработки партией определенного пути. Этот съезд фактически был первым, учредительным съездом партии. Он утвердил программу партии, которая оставалась неизменной в течение 10-летий. Он явился тем исходным пунктом, от которого ведет фактически свое существование наша партийная организация. Но вместе с тем этот съезд показал, что внутри казалось бы объединенной марксистской рабочей партии существуют различные течения, различные понимания задач рабочего класса. Как и всегда, эти глубочайшие разногласия сказались на первых порах на второстепенных пунктах; разногласия, казалось, были незначительны, и когда Владимир Ильич во время этих, повторяю, «незначительных» разногласий пошел на самую резкую идейную борьбу и не остановился перед тем, чтобы перед всей партией показать наличие этих разногласий, когда Владимир Ильич применил, таким образом, к этим разногласиям тот метод, который он применял и раньше и впоследствии,— очень много членов партии заявили: «Как можно из-за этих мелких разногласий итти на раскол». Однако, прошло только несколько месяцев после съезда, как оказалось, что Владимир Ильич был прав: он зорко заметил, как в сравнительно незначительных разногласиях, на самом деле, сказывается глубочайшее расхождение в вопросе о дальнейшем движении и дальнейшей тактике рабочего класса.

Россия тогда подходила к революционным дням; страна была в возбуждении; в воздухе висела революционная гроза, и было ясно, что дни самодержавия сочтены, что рабочий класс и крестьянство находятся накануне решающих событий. Тогда именно и встал основной вопрос революционной тактики пролетариата:— с кем итти пролетариату в революции? Итти ли ему с той либеральной буржуазией, которая готова была ополчиться против

самодержавия для того, чтобы получить от самодержавия определенные уступки для себя? Этот путь соглашения с буржуазией, как мы впоследствии привыкли называть «коалиции» с буржуазией, проповедывали вожди меньшинства 2-го съезда, получившие впоследствии название «меньшевиков». Или же путь рабочего класса лежит через революционное соглашение с крестьянством против царизма и против буржуазии? На этот путь звал Ленин. Так стал вопрос в начале 1905 года. Этот вопрос определил дальнейший путь развития всех революционных событий и всю политику рабочего класса во всех трех революциях в России. Тогда уже Владимир Ильич в ожесточенной борьбе со всеми другими партиями, начиная от либералов и кончая меньшевиками и социалистами-революционерами, определил подлинно-пролетарский путь. На основной вопрос он ответил: «Решение основного вопроса освобождения трудящихся заключается в том, чтобы рабочий класс стал во главе крестьянских масс, чтобы он повел эти крестьянские массы в решительный бой и против самодержавия и против буржуазии, чтобы рабочий класс сам не поддавался никаким колебаниям и чтобы он защищал крестьянство от проникновения в него либеральных, эс-эровских, оппортунистических и меньшевистских настроений и колебаний». Этот путь выбран был Владимиром Ильичем еще тогда, когда международная обстановка не позволяла предполагать того, что русская революция не будет только демократической революцией, а станет пролетарской социалистической революцией.

Если вы теперь развернете сочинения Владимира Ильича эпохи первой революции, то вы увидите, как, несмотря на то, что всем нам тогда представлялась неизбежной определенная эпоха господства буржуазии, как, несмотря на это, политика рабочего класса в 1917 году была уже предусмотрена Лениным в 1905 году. Уже тогда он провозгласил, что Советы Рабочих Депутатов являются очагами новой власти; уже тогда, когда все разделяли лозунг Учредительного Собрания, Владимир Ильич поставил вопрос: «А кто созовет это Учредительное Собрание?» и ответил на него: Учредительное Собрание должно созвать не старое царское правительство, ни какое-нибудь либеральное учреждение, оно должно быть собрано революционным правительством, которое воплотит в себе диктатуру пролетариата и крестьянства и которое может выйти только из победоносного революционного восстания.

После 1905 года.

Тот путь, который намечал в 1905 г. Владимир Ильич, был прерван царским правительством, которое, вступив в союз с буржуазией и опираясь на помощь мирового капитала, на долгое

время сумело похоронить первую русскую революцию: рабочий класс был разбит, крестьянские восстания со страшной жестокостью подавлены, партийная работа загнана в подполье.

Владимир Ильич два года после этого скитался под Петроградом. Кольцо вокруг него все более и более суживалось, и, наконец, в 1907 г. Владимир Ильич должен был вернуться в эмиграцию за границу. Он говорил тогда, что возвращается в эмиграцию, как в гроб.

В это время в самой революционной среде получают широкое распространение антиреволюционные взгляды. Эти колебания и эта неустойчивость явились результатом подавления и оплевания первой революции и получили самое широкое распространение после 1905 года. Под господством Столыпина, под господством полевых судов не только было задержано рабочее революционное движение, но к этому движению создалось отрицательное, предательское, ренегатское, отношение даже среди партий, которые так или иначе поддерживали движение в 1905 году. Отсюда вырос меньшевистский лозунг: «пора покончить с революцией, рабочий класс в 1905 г. увлекся, наступила пора продолжительного мирного буржуазного развития, надо бросить революционную работу». Владимир Ильич и группа примыкавших к нему товарищей вызывали всеобщую ненависть, потому что только эта группа продолжала неуклонно настаивать на том, что если первая революция подавлена и не удалась, то вторая революция неизбежна, что задачи революции остаются все те же, что истинные вожди революции должны не отходить от своего дела, а оставаться на своих постах и, сжав кулаки и зубы, продолжать работать над тем, чтобы закладывать основание будущей неизбежной и победоносной революции рабочих и крестьян.

Партия Владимира Ильича была лишена средств, была лишена печати, лишена аппарата. В этой тяжелой обстановке, в ожесточенной борьбе за революционные идеи со всеми изменниками прошли 1907, 8-й, 9-й, 10-й и 11-й годы. Но революционное движение хотя и медленно, но нарастало, крепли рабочий класс и крестьянство, вся страна подвигалась и готовилась к новой политической жизни.

Перед мировой войной.

В 1912 году, после расстрела рабочих на Лене, начался новый революционный подъем, и здесь выяснилось, что Ленин прав, что под покровом тяжелой черной ночи реакции росли и крепли новые силы для революционного дела. Этот подъем сделал то, что ленинская революционная организация могла показаться из подполья, мы могли соединить воедино наши подпольные организации и начать в гораздо более широком размере организованную

работу по подготовке революции. Ленин для более широкого распространения революционно-пролетарских лозунгов прибег тогда к использованию всех легальных возможностей под руководством нелегальной партии. Всячески усиливая нашу пролетарскую нелегальную организацию, Ленин в то же время создал и литературные легальные органы, как «Звезда» и «Правда». Затем были созданы партийная фракция в Государственной Думе из депутатов-рабочих, а это уже дало возможность широко вести пропаганду и агитацию среди рабочих масс. Они становились все в большем и большем количестве под знамя Владимира Ильича, и имя Ленина вновь стало подниматься над рабочим классом.

К концу 1912 года создалось такое положение, которое не оставляло никакого сомнения, что кризис революционной борьбы, предсказанный Владимиром Ильичем, уже недалек.

Ленин и мировая война.

Вы знаете, что эта поднимающаяся волна революции опять была оборвана, но на этот раз оборвана мировой войной. И опять революционная организация, во главе которой стоял тов. Ленин, была отброшена назад. Опять на исторической арене оказался впереди не тов. Ленин, а его классовые враги. Взрыв национализма, шовинизма, империализма увлек всех вождей рабочего класса. Лишенный своих революционных вождей, преданный ими, рабочий класс не мог оказать сопротивления империалистической войне. Он оказался на некоторое время орудием в руках империалистов, и, казалось, в мире торжествовало то, что было в корне враждебно всему жизненному делу тов. Ленина. В то время, когда миллионами уст прославлялась война, прославлялось торжество империализма и буржуазии, голос единственного подлинного революционера, единственного оставшегося на своем посту вождя рабочего класса, голос тов. Ленина был не слышен. Его не слышали наверху потому, что были упоены своим торжеством; не слышали его и внизу, не слышали его в рабочих предместьях, в деревнях, в окопах потому, что вся сила буржуазного государства, вся сила капитала была направлена на то, чтобы лишить возможности тов. Ленина быть услышанным миллионами рабочих и крестьян. Вновь и вновь казалось, что дело тов. Ленина проиграно. Нужна была неизмеримая, непреоборимая сила, вера в свое дело, вера в то, что массы пробудятся, что массы, пройдя через горнило этой войны, вновь вернутся к революционной мысли и к революционному делу, чтобы в эти тяжелые годы продолжать неустанно невидную и будничную революционную работу, Владимир Ильич не сдался.

Не только против буржуазии, не только против империалистов, но и против недавних еще своих соратников, против высших

авторитетов международного рабочего движения, Владимир Ильич ни на минуту не складывал своего оружия, проповедуя вопреки им и в борьбе с ними продолжение революционной борьбы, предсказывая неизбежность пролетарских революций и призывая пролетариат готовиться к ним. Он первый выдвинул лозунг превращения империалистской войны в войну гражданскую. Он первый поставил перед рабочими и крестьянами в окопах лозунг: «Поверните оружие против своей буржуазии. Иного спасения нет». Он стал собирать всех оставшихся верными революционному завету Маркса: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Под его ближайшим влиянием и под его руководством созываются первые совещания интернационалистов в Циммервальде и Кинтале, и после двух лет, когда казалось, мир обезумел и голосу Ленина нет места, мир увидел, как начинает нарастать новой волной революционное движение. Опять предсказания, тов. Ленина исполняются. Опять незаметная, но неустанная работа его начинает давать революционные плоды.

Ленин и революция 1917 г.

И когда, как первый результат краха империалистской войны, разразилась первая, мартовская революция 1917 года в России, тов. Ленин сразу увидел в этой революции первый прорыв общего империалистского фронта. Для него эта революция была только прологом мировой революции. Несмотря на все препятствия, преодолевая все затруднения, рискуя всем, Ленин прорывается в Россию, и в момент, когда, казалось бы, все опьянены поклонением Временному Правительству Керенского, он находит в себе все необходимое мужество, всю преданность подлинным интересам рабочих масс, чтобы трезво и громко сказать массам в глаза всю правду.

С первого момента, как только Владимир Ильич вступил на землю революционной России, его слова были: «Вас обманывают, товарищи рабочие и крестьяне, вас обманывают, товарищи солдаты. Присмотритесь внимательно к Временному Правительству, и вы увидите, что это — правительство войны, что это — правительство, которое лишь исполняет приказания английского и французского империализма. Не верьте ему. Ваша задача в том, чтобы свергнуть это правительство и взять власть в свои руки. Советы рабочих и крестьянских депутатов, которые эти соглашатели, — говорил Ленин, — превратили в орудие обмана масс, должны стать орудием революционного движения масс против господства буржуазии, они должны стать орудием новой власти».

Казалось бы, что эти слова, столь несвоевременные, не получат отклика. Так это и было в первые дни. Вспомните то время, когда тов. Ленин все еще оставался одиноким, когда

наша газета «Правда», руководимая тов. Лениным, подверглась разгромам, когда за Лениным охотились ищейки республиканского правительства Керенского, когда юнкеры Керенского готовы были разорвать Ленина, как врага рабочих и крестьян. Не было той клеветы, той сплетни, той грязи, которою тогда так называемая демократическая печать и демократические правители не осыпали Ленина. Но Ленин умел выжидать, он верил в свое дело, верил в классовый инстинкт пролетариата. И тов. Ленин умел дождаться того момента, когда ленинская правда превозмогла обман буржуазии, когда пролетарские миллионы впервые в истории нашей партии стали понимать с ясностью солнечного света, что подлинная правда — у Ленина, что спасение только в ленинском призыве, только в том пути, по которому зовет итти Ленинская партия. Произошла великая, неслыханная в истории спайка миллионной массы с человеком, которого до этого знали только сотни и тысячи, который провел годы своей жизни в тюрьме, в ссылке, в эмиграции, в работе над книгами, в составлении прокламаций. Совершилось великое дело подлинного объединения миллионов рабочих, крестьян и солдат вокруг имени Ленина, вокруг возглавляемой им партии. И только благодаря этому единству, этому доверию, этому слиянию, впервые стал возможен величайший в истории поворот мировой истории — Октябрьский переворот 1917 года.

Ленин — руководитель пролетарского государства.

С этого момента Владимир Ильич становится в дополнение к тому, чем он был до сих пор, в дополнение к агитатору-пропагандисту, ученому, вождю, — становится еще и руководителем первого пролетарского государства в мире. Он должен был не только впервые вызвать к исторической жизни класс рабочих и крестьян, но ему выпало впервые на долю сформировать рабочее правительство, вышедшее из победоносного восстания трудящихся, ему выпало на долю впервые показать, как рабочий класс и крестьянство могут не только ниспровергнуть режим капитализма, но могут и начать строительство пролетарского социалистического общества.

Мы знаем, каким образом, при каких условиях приходилось выполнять Владимиру Ильичу этот величайший опыт, мы знаем, что работа строительства нового государства совершалась не только на фабриках, заводах и на крестьянских полях, но это строительство совершалось и на фронтах. Для того, чтобы расчистить путь новому коммунистическому обществу, надо было уметь не только объявить войну, но и победоносно закончить войну со всем капиталистическим обществом, которое ощетинилось

против нас не только всеми силами своей прессы, всеми силами своего капитала, но и всеми силами своих штыков, своих пулеметов, пушек и танков. Перед нами, у всех перед глазами прошла эта величайшая в мире эпопея, и у всех нас перед глазами стоит фигура тов. Ленина, во главе нашего нового социалистического государства.

Здесь надо напомнить одну черту его государственной деятельности.

Как могло случиться, что при таких величайших трудностях тов. Ленин сумел провести наш корабль мимо всех подводных камней к победе; как могло случиться, что уже на шестой год существования Советской власти, вызвавшей величайшую ненависть капиталистов и являющейся признанным врагом всего капиталистического мира, политика тов. Ленина привела к тому, что это новое государство стоит незыблемо, что у капиталистов потеряна всякая надежда на крушение этого нового пролетарского государства, что самая богатая, самая могущественная капиталистическая страна — Англия, а за ней и все другие капиталистические государства должны были в акте признания склониться перед тем государством, которое построил тов. Ленин?

Мне думается, что ответ на этот вопрос заключается в том величайшем доверии тов. Ленина к массовому творчеству рабочего класса, которое он всегда проявлял.

Я пытался наметить тот путь, по которому шел тов. Ленин; я пытался указать, что этот путь отнюдь не был путем постоянных побед: для того, чтобы прийти к последней победе, надо было пройти через ряд поражений. Так же, как освобождение рабочего класса не может быть куплено единым взмахом, единым напором, так и работа тов. Ленина шла через ряд поражений к победе. Но все эти поражения не сломили ни нашей партии, ни нашего вождя. Это произошло от того, что у Владимира Ильича была вера в силу рабочего класса, что больше всего и превыше всего верил он в классовый инстинкт самих пролетариев. Он знал, что наши шаги могут быть ошибочны, что наши решения, партийные или государственные, могут заключать в себе ту или другую ошибку. Но он верил в одно: что если разорвать путы, которые связывали в продолжение веков рабочий класс, то рабочий класс выведет человеческую историю на правильный и широкий путь. Это доверие к классовому разуму пролетариата, к классовому инстинкту пролетариата, это полное слияние Ильича с рабочим классом, — вот что представляло его подлинную силу; и это, вместе с тем, давало веру всем пролетариям во Владимира Ильича. Мы должны принять этот завет Вл. Ильича, мы должны помнить, что он строил свое дело только на одном: на подлинном творчестве пролетарской массы, что он видел спасение всего человечества в том, чтобы эта масса строила новую жизнь, новое

государство, новое общество собственными руками, собственным разумом.

Если мы отдадимся этим массам, если мы научимся так внимательно прислушиваться и присматриваться к этим массам, как это делал тов. Ленин, если мы будем с таким же доверием относиться к этим массам, как это делал наш вождь, — мы добьемся того единственного, чем мы можем действительно почтить память нашего вождя. Мы не почтим его своими речами, и недостаточным выражением нашего горя будут венки и резолюции; единственный способ почтить память Ильича — это работать над тем, чтобы его идеал свободного творчества трудящихся был как можно скорей воплощен в жизнь. Ленин указал нам путь, по которому мы должны итти и по которому идут пролетарии всего мира. Недалек тот день, когда мы сможем принести к тому мавзолею, который возвышается на Красной площади, единственно радостную весть — весть о том, что рабочий класс победил на всем мире.

ДЕЛО ЛЕНИНА.

Речь на VII всесоюзном съезде железнодорожников.

В. И. родился в скромной семье учителя, который своим трудом, постепенно поднимаясь от должности учителя, стал к моменту рождения Владимира Ильича директором народных училищ Симбирской губернии. Все воспоминания, которые сохранились об отце Владимира Ильича, рисуют нам человека очень скромного, чрезвычайно преданного делу народного образования, всю жизнь свою проведшего в деле расширения сети народных школ и их улучшения.

Ильичу было 17 лет, он был гимназистом последнего класса гимназии, когда, по приказу царя Александра III, был повешен старший брат Владимира Ильича, Александр Ильич. Александр Ильич был студентом Петербургского университета и в тяжелейшую годовщину реакции, в эпоху полного торжества царизма, когда во главе правительства стоял самый ограниченный, самый тупой, самый реакционный из русских царей Александр III, Александр Ильич, собрав небольшую группу товарищей, решил напомнить этому ограниченному по уму, но безграничному по своей власти монарху, что народные массы России поднимаются, что народные массы России не могут спокойно сносить царский гнет.

С небольшой группой товарищей он подготовил покушение на Александра III, и в тот самый день, когда они с бомбами в руках вышли для совершения этого покушения, благодаря предательству провокатора, они были захвачены полицией и через несколько дней повешены. Я сказал, что Владимиру Ильичу было тогда 17 лет. Мысль его, конечно, была потрясена этой трагедией его брата. Мысль его должна была заработать в направлении решения вопроса, правилен ли тот путь, который избрал его брат, действительно ли путь освобождения трудящихся масс лежит на путях уничтожения отдельных представителей насилия, царского гнета и капиталистической эксплуатации. Эта дорога — дорога уничтожения отдельных представителей власти была уже

испробована предшествующими поколениями революционеров. В продолжение десятилетия революционеры-интеллигенты выходили на единоборство с царской властью, гибли, как герои, в громадном количестве, уничтожая иногда ответственных представителей царской власти. Уничтожили и самого царя Александра II. Но этот испробованный путь явно упирался в тупик. Героическая борьба интеллигенции, оторванной от непосредственной рабочей массы, не давала исхода, не показывала перспектив победы. Царизм оказывался сильнее кучки, хотя бы чрезвычайно героически и жертвенно настроенных, отдельных революционеров.

Мысль Владимира Ильича, естественно, должна была обратиться к вопросу: нет ли среди русского народа такого класса, интересы которого толкали бы его на борьбу со всякого рода и всякого вида гнетом и эксплуатацией.

Найти этот класс в России было тогда чрезвычайно трудно. Многомиллионная масса крестьянства, тяжко страдая, была, однако, не организована, рассыпана, не объединена, политически безграмотна, невежественна, и хотя время от времени вспыхивали под гнетом отдельные бунты и восстания крестьян, но единого, объединенного, из центра руководимого движения крестьянства не получилось, и отдельные крестьянские восстания и движения легко подавлялись царскими войсками и царским офицерством.

Рабочий класс в эти годы представлял едва заметную каплю в русском крестьянском море. Города были слабы, промышленность слабо развита, железнодорожная сеть очень невелика, политически и организационно развитого пролетариата очень мало, и нужно было великое проникновение в самую суть механики классовой борьбы, великое доверие к учению революционного социализма и марксизма, чтобы при этих условиях ответить на тот вопрос, который стоял перед всеми, так, как ответил на него Владимир Ильич.

Его ответ уже тогда, в конце 80-х годов, на самой заре его сознательной жизни гласил: «Освобождение трудящихся масс в России будет сделано не рукой героической интеллигенции, не единоборством этой интеллигенции с царизмом: оно не явится и результатом стихийного восстания крестьян; нет, — говорил Владимир Ильич, — это иллюзия, утопия, которая сбивает нас с пути. Нет. Освобождение придет только тогда, когда во главе крестьянских масс станет организованный и проникнутый сознанием своих классовых интересов пролетариат». Этот ответ в то время вызвал насмешки и издевательства. «Как, — говорили тогда Владимиру Ильичу и тем, которые за ним шли, — на какой пролетариат рассчитываете вы в крестьянской стране? Пролетариата у нас почти нет. Вы меняете, — говорили ему тогда, — героическую борьбу революционеров с царизмом на мелкую, невидную, кропотливую, работу по организации рабочих кружков.

Вы откладываете революцию на долгие годы, пока подрастет пролетариат, пока он поймет свои классовые интересы, пока он сорганизуется и выступит на революционную борьбу».

Таково было величайшее неверие в силы пролетариата со стороны даже революционных элементов так называемого образованного общества. Такие люди, как Владимир Ильич (а их было очень немного в те годы), представляли тогда собой совершеннейшее исключение. Сторонники старого, так называемого народнического учения о революции, имели за собой десятилетние традиции, могли похвастаться и указать на своих погибших в борьбе героев, имели в своих руках легальную и нелегальную прессу, и они травили первых марксистов, которые собирались вокруг Владимира Ильича, как людей, которые безумными сказками о несуществующем пролетариате затемняют действительность.

Если бы во главе этих людей в нашей стране стоял не Владимир Ильич, а более слабый человек, он, быть может, под этими насмешками, окруженный этой атмосферой неверия, сдался бы, усомнился бы в своем деле.

Но Владимир Ильич был не таков. Его гигантский ум подверг российскую действительность анализу до конца. Он изучил эту действительность, рассмотрел все стороны экономической и политической жизни страны, взвесил силу революционных возможностей различных классов и сказал себе: «Или в России революционный пролетариат народится и поведет народ на борьбу, или Россия будет гнить под царским и капиталистическим сапогом». И вывод его был сделан немедленно, и это был вывод совершенно практический. Он сказал себе и другим: «Главное революционное дело сейчас не в том, чтобы готовить бомбы и взрывать жел. дорогу, по которой может проехать царь (чем занимались поколения предшествующих революционеров). Нет, не это важно. Важнее этих актов, серьезнее и для истории значительнее будет создание хотя бы маленького рабочего кружка, в котором революционный пролетариат научится понимать свои интересы, который станет завязью для той сети революционного социализма, которая должна впоследствии охватить весь рабочий класс».

Не обращая внимания ни на насмешки, ни на неверие, глубоко убежденный в скрытой силе рабочего класса, Владимир Ильич отдается с этого момента построению этих первоначальных первых рабочих ячеек нынешней пролетарской армии. Не думайте, товарищи, что Владимир Ильич всегда, как в последние годы, стоял перед всем миром на виду, как руководитель и вождь десятков и сотен миллионов людей. Было время, когда единственной трибуной, с которой мог говорить Владимир Ильич, была комнатка чернорабочего, в которой то, что в последние годы он развивал на весь мир, он должен был втолковывать максимум десятку рабочих, собравшихся в эту комнатку. И Владимир Ильич не брезговал

этой работой, не брезговал ею потому, что завоевание головы одного пролетария он ценил больше, чем любое эффектное выступление, якобы, революционеров. Он знал, что, завоевав голову передового рабочего, он завоевывает через эту голову рабочий класс, и что завоевание рабочего класса решает дело. Та работа, которую повел тогда Владимир Ильич, была не заметна и не видна. Она на наш теперешний масштаб кажется иногда прямо-таки смешной. Первый листок, который Владимир Ильич написал к рабочим Семянниковского завода в Петербурге, был распространен в количестве всего 4-х экземпляров. Больше нельзя было сделать. Не говоря уже о том, что у этой первой группы революционеров ленинского толка не было типографии, но и гектографом тогда они еще не обзавелись. Рукописная прокламация в 4-х экземплярах с призывом к стачке — таково было первое литературно-политическое произведение Владимира Ильича, обращенное непосредственно к рабочим. И вот от этой бумажки, от этих нескольких слов обращения Вл. Ильича к рабочим идет непрерывное развитие коммунистических воззваний, которые теперь, за подписью Ленина, рассыпаны по всему лицу земли не только Европы и Америки, но Азии, Африки и Австралии.

Эта работа по созданию рабочих кружков, по смыканию с рабочей массой оказала на Владимира Ильича громадное влияние. Как бы ни менялась потом форма работы Владимира Ильича, всегда оставалась в нем память об этих первых встречах между ним и пролетариатом. Революционную работу среди тогдашнего пролетариата следовало начинать с самых элементарных вещей. На той стадии развития рабочих масс нельзя, немыслимо было еще подойти к ним с прямым призывом или с прямой развернутой программой коммунистической революции. Рабочую массу надо было прежде всего организовать на почве ее будничных, легко и всякому понятных интересов. И изучение будничной пролетарской жизни, изучение вопросов, ежедневно интересующих рабочую массу, было одним из главных методов работы Владимира Ильича.

Я помню, как Владимир Ильич рассказывал мне (да, эти воспоминания теперь повторяются часто), как он, сходясь с пролетариями в те годы, выпытывал у них все правила будничного распорядка в цехе, мастерской, на фабрике, правила о штрафах, о браковке, правила, которые регулируют ежедневную жизнь рабочего. С этого конца, с бытовых вопросов, с интересов, которые задевали каждого рабочего, хотел он подойти к рабочей массе, и это дело ему удалось.

Развивая эту свою работу, Владимир Ильич пришел к тому, что уже через год, в конце 1895 году, под его руководством организовался первый Комитет нашей партии, который носил тогда название «Петербургский Союз борьбы за освобождение

рабочего класса». Это была первая рабочая коммунистическая революционная организация, которая положила основание всему дальнейшему ходу революционно-марксистского движения среди рабочих масс в России. Эта организация, благодаря тому методу работы, который указал Влад. Ильич, уже в следующем 1896 году привела к неслыханной в России по своей громадности и по своему упорству стачке петербургских рабочих. Впервые в столице царя, в отсталой России, о которой говорили, что в ней нет пролетариата, что пролетариат, поскольку в ней он есть, не организован и распылен, впервые пролетарская масса организовала стачку, в которой принимало участие 40.000 рабочих, которая продолжалась несколько недель и которая произвела потрясающее впечатление не только в России, но и за границей. Впервые люди, не верившие в существование пролетариата, должны были сказать: да, пролетариат есть не только, как сумма эксплуатируемых наемных рабочих, но как определенно организованная сила, сознавшая свои интересы и готовая к организованному и упорному выступлению. Европейские рабочие тогда впервые узнали, что не только в странах давнего промышленного и капиталистического развития, как Франция, Англия и Германия, но и в царской России есть рабочий класс, и что этот рабочий класс начинает двигаться по дороге решительной борьбы против царизма и против капитализма.

В самой этой стачке Владимир Ильич не мог уже участвовать: за несколько недель до нее он был арестован (9 декабря 1895 г.). Вместе с ним была арестована верхушка всей организации, но корни ее в рабочей среде были уже настолько глубоки, что даже арест верхушки организации не смог сорвать уже подготовленной и широко организованной забастовки. Владимир Ильич просидел тогда в тюрьме 14 месяцев и затем был выслан в Восточную Сибирь на три года. Эти 4 года, в течение которых он был насильственно оторван от непосредственной работы среди пролетариата, пропали для Владимира Ильича, однако, не даром. Не только в ссылке, но и в тюрьме он продолжал упорнейшую работу по организации нашей партии. Эта работа могла быть только теоретической, только идейной, но, несмотря на крепкие запоры царских тюрем, Владимир Ильич оттуда фактически руководил рабочей организацией. Он употреблял все способы конспирации для того, чтобы передавать на волю прокламации, которые к тому времени ставший на ноги Союз Борьбы писал уж не от руки, а большей частью гектографировал, а иногда даже и печатал в тайных типографиях. Но не только прокламации писал Владимир Ильич в тюрьме, он там обрабатывал первую созданную в России программу нашей партии. Первый набросок программы, которую мы имеем и которая создана была в России, — это проект программы, написанный Владимиром Ильичем в 1896 году в тюрьме и пересланный на волю из-за тюремных стен.

Для того, чтобы не порывать связи с организацией, Владимир Ильич употреблял всевозможные методы. Надежда Константиновна Крупская, которая тогда служила связью между сидевшим в тюрьме Владимиром Ильичем и организацией рабочих на воле, рассказывала, до чего доходил Владимир Ильич в своих настойчивых попытках не оторваться от рабочего движения. Он писал прокламации, писал брошюры, писал проект программы жидким молоком среди строчек в книгах, которые ему приносили с воли, и затем через жандармские лапы эти книги, скрыто начиненные уже революционными мыслями Владимира Ильича, проходили обратно и поступали в организацию. Это писание молоком надо было скрывать от тюремных сторожей, и Владимир Ильич придумал способ. Из черного хлеба, который давали для еды тюремным сидельцам, Владимир Ильич клеил маленькие чашечки, в которые наливал молоко и, мокая перо в эту молочную чернильницу, писал, а когда чувствовал, что сзади в тюремный глазок смотрит надзиратель, опрокидывал эту чернильницу себе в рот. Таким образом, ему, благодаря выдержке, хладнокровию, изобретательности, удалось во все время своего тюремного сидения поддерживать сношения с волей и влиять на первые шаги первой рабочей организации.

После 14 месяцев тюрьмы Ленин был послан в ссылку в Сибирь и попал в Минусинский уезд, в село Шушу. Там он прожил три года. Эти три года были посвящены прежде всего созданию научной работы Владимира Ильича, одному из главнейших его трудов, который называется: «Развитие капитализма в России». Это название легальное, придуманное отчасти для того, чтобы царская цензура допустила эту книгу. На самом деле содержанием этой книги является глубоко научное, основанное на переработке всего статистического материала об экономике России, доказательство того, что Россия неизбежно идет путем, который создает пролетариат, доказательство того, что этот пролетариат в России уже является экономической решающей силой. Но Владимир Ильич никогда не удовлетворялся чисто научным или чисто литературным трудом. Владимир Ильич имел одну основную цель в своей жизни, и этой целью была революционная победа рабочего класса. Все остальное было этому подчинено. Если для того, чтобы обосновать победу рабочего класса, надо было засесть за научный материал, за статистику, рыться и копаться в длинных рядах цифр, Владимир Ильич становился ученым. Если в другой период положение нашей партии требовало, чтобы были выяснены философские предпосылки тактики рабочего класса, Владимир Ильич, который не считал себя философом, садился за изучение философии, углубляясь в это дело, раз это было необходимо для той цели, которой он служит. Владимир Ильич является, несомненно, и в области экономики, и в области

статистики, и в области истории, и в области философии — одним из величайших ученых, но вся его наука носила глубоко практический характер. Не наука для науки, не философия для философии, не литература для литературы, не публицистика для публицистики, — а все это только для революции, постольку, поскольку это нужно рабочему классу и только в том виде, в каком это может стать орудием освобождения в руках рабочего класса.

Этой верховной целью, которая всегда стояла перед Вл. Ильичем и от которой он никогда не отклонялся, объясняется то, что все его произведения от самых первых до самых последних носят характер боевых выступлений. Работая, Вл. Ильич всегда думал, как лучше вооружить рабочий класс, — и, если для этого вооружения нужны были толстые книги, он писал толстые книги, если для этого вооружения нужны были прокламации или листовки, он делал эту работу. И в ссылке, не ограничиваясь созданием той книги, которая на десятки лет явилась оружием для всех сторонников Маркса, он повел самую ожесточенную, бешеную, как он выражался, борьбу с тем неправильным уклоном в рабочем движении, который тогда проявлялся.

Если вы вникнете во всю историю деятельности Вл. Ильича, то вы увидите, что громадная доля энергии, громадная доля ума Вл. Ильича была посвящена именно борьбе со всякого рода уклонами, которые пытались найти себе место в рабочем классе. Почему? Вл. Ильич дал сам это объяснение и неоднократно возвращался к нему. Рабочий класс везде и всюду окружен буржуазной средой, в России рабочий класс окружен мелкобуржуазной средой; везде и всюду буржуазия пытается влиять на рабочий класс, и нет такой каменной или стальной стены, которая отделяла бы рабочий класс от всего, что не есть пролетариат, и поэтому неизбежно проникновение буржуазных тенденций, проникновение мелкобуржуазных иллюзий, ошибок и обманов в те или другие слои рабочего класса, особенно в те слои рабочего класса, которые только начинают подыматься, которые только начинают перевариваться в котле крупной машинной индустрии. Такие влияния постоянно пытаются завоевать рабочий класс, и этим путем буржуазия борется за голову рабочего класса.

Рабочий класс России на тяжелом опыте начала 1917 г. убедился, что иногда буржуазии удается завоевать голову части пролетариата и что это есть самое крупное ее завоевание. Мы видим перед собою английский рабочий класс, американский и германский рабочий класс и видим, что часть этих пролетариев все еще находится под давлением и влиянием мелкобуржуазных, а иногда прямо буржуазных предрассудков, и нам, коммунистам, прежде, чем завоевать власть в том или другом государстве, при-

ходится предварительно завоевывать мозги пролетария. Вл. Ильич с самых первых своих политических шагов знал опасность, которая угрожает рабочему классу с этой стороны, и поэтому он был так непреклонен по отношению ко всякому уклону, который проявлялся в ходе рабочего движения. Он понимал, что буржуазия гораздо богаче нас, что в ее руках тысячи способов влиять на голову рабочего, что в пользу буржуазии действуют традиции, невежество, забитость, все школы, вся религия, все университеты, вся буржуазная наука. А против этого что?.. Классовый инстинкт пролетариата. Тот пролетарский разум, который выковывается в ходе самой борьбы. И вот соскрести эту шелуху старых традиций, прояснить, просветить голову пролетария — это можно было только неустанной, ни перед чем не останавливающейся борьбой за основные принципы революционного коммунизма, иначе говоря марксизма. Вот почему вся жизнь Владимира Ильича была неустанной борьбой за эти принципы против всех возможных форм буржуазного влияния на пролетариат.

Эта борьба, которую так блистательно провел Вл. Ильич, разоблачив перед пролетариями всего мира подлинную буржуазную сущность всех так называемых социалистов, анархистов, меньшевиков, социалистов-революционеров и как бы они там ни назывались, эта борьба еще не закончена. Мы эту борьбу продолжаем и мы должны победить в этой борьбе, где ставкой является мозг пролетария, но для победы мы должны следовать заветам Ильича, который говорил: в области идей, в области принципов революционной борьбы, в области основ революционного марксизма — никаких уступок, борьба до конца.

Первая попытка затушить революционное движение пролетариата, с которой Владимиру Ильичу пришлось столкнуться, — был так называемый экономизм. Когда я говорил о том, что В. И. для того, чтобы подойти к делу организации пролетариев, начинал с самого будничного, с штрафов, с мастеров, с длины рабочего дня, с той или другой обиды рабочему, то мы понимали с вами, что у него была верховная цель, что Ильич видел цель рабочего класса гораздо дальше и гораздо выше, чем борьба с тем или другим злоупотреблением. Не с тем или другим злоупотреблением капитализма звал нас бороться Вл. Ильич, а с самими основами капитализма. Он вел рабочий класс к пониманию основ капиталистического угнетения через понимание этих отдельных злоупотреблений. Но нашлись люди, которые сказали: рабочему классу надлежит вести борьбу за улучшение своего экономического положения. Но дальше ему итти не зачем. В политику мешаться — это не его дело. Пускай рабочий на своей фабрике, на своем заводе, в своем союзе борется за улучшение своего положения. Но когда дело идет об общеполитических задачах, тут нет места рабочему классу как особой поли-

тической силе. Тут и рабочий, и крестьянин, и угнетенный интеллигент, и обездоленный буржуа, которому надоел городовой и его взяточничество — тут они должны выступать единым фронтом. Это — крайнее выражение той теории, которая получила название экономизма. Против этой теории поднял впервые голос Владимир Ильич и повел против нее бешеную атаку. Мы с вами теперь-то, через 25 лет после борьбы с экономистами, понимаем, что это так называемое экономическое течение было не чем иным, как попыткой буржуазии придержать рабочее движение под своим крылышком, не дать рабочему классу развернуться, как самостоятельной политической силе. И эта линия затем идет через всю политическую историю противников Вл. Ильича. Она переходит от экономистов к меньшевикам, от меньшевиков к ликвидаторам, оттуда к эс-эрам. На всем длинном и тернистом пути рабочего движения в России мы видим борьбу двух тенденций: одна — ленинская; другая прикрывается разными названиями, фигурирует под разными масками, но всегда имеет одну цель — поставить рабочий класс под руководство буржуазии. Иногда эта вторая тенденция прикрывается высокими революционными лозунгами, иногда она действует на широкие, даже рабочие, массы, особенно на отсталые слои пролетариата. Получается увлечение то меньшевиками, то эс-эрами. Но на самом деле под этими разными масками кроется всегда одна тенденция, и этой тенденции, сворачивающей рабочий класс под господство буржуазии, противостоит другая тенденция — ленинская тенденция самостоятельного классового революционного движения пролетариата, который должен был уже и в царской России воевать не только против царизма, как звали его меньшевики, но и против царизма, и против буржуазии.

Уже накануне первой российской революции 1905 года произошел в нашей партии тот раскол на большевиков и меньшевиков, который предопределил дальнейшую судьбу революции. Теперь, по письмам Вл. Ильича, по его рассказам, мы знаем, как тяжело переживал В. И. этот раскол. Многим казалось, что Вл. Ильич, по натуре раскольник, или, как его называли, сектант, т.-е. прямолинейный человек, не идущий на соглашение даже со своими ближайшими соседями, жертвующий ради своей линии тем выигрышем, который казался ясным, если соединить Владимира Ильича с его соседями справа и слева. Но на самом деле тут дело шло не о сектантстве В. И., не о его какой-нибудь предвзятости, непримиримости. Тут дело шло о том, что создать революционную партию пролетариата в стране, насыщенной мелкобуржуазными отношениями, мелкобуржуазными и буржуазными влияниями, нельзя было иначе, как путем самой резкой, самой бешеной, самой непримиримой борьбы с малейшими уклонами от пролетарской линии.

Уже в 1903—4 г.г., накануне первой революции, выяснились сразу два пути, которые лежат перед рабочим классом России. Один путь был оформлен меньшевиками, и этот путь они нарисовали такими словами: рабочий класс должен развивать свое движение таким образом, чтобы не напугать буржуазию. Борясь с царизмом, говорили они, рабочий класс должен быть умерен, ограничен в своих требованиях, не должен выставлять таких лозунгов, которые бы отпугивали буржуазию. Это была линия меньшевиков, а меньшевики тогда еще имели влияние среди рабочего класса, и некоторые группы рабочих шли за ними. Линия Владимира Ильича была прямо противоположная. Линия Владимира Ильича заключалась в следующем: перед нами грандиозное революционное движение. Это грандиозное революционное движение может кончиться двояко. Оно может кончиться тем, что соединенные силы всех недовольных сбросят царизм, и на месте царизма создастся обычное буржуазное, хотя бы и демократическое государство, в котором рабочий класс будет находиться под господством буржуазии. Но есть другой путь, это—великая революция трудящихся, которая не ограничится выкидышем демократического строя, а развернется до самого конца, до полного исчерпания революционных возможностей. Кто же,—спрашивал Владимир Ильич, — может развернуть революцию до конца? Только, — гласил его ответ, — рабочий класс, если он увлечет за собой крестьянство, если он докажет крестьянству на деле, что крестьянству выгоднее пойти с рабочим классом в деле социалистического строительства, и таким образом вырвет отсталое, живущее по традициям, привыкшее к известным формам экономического бытия крестьянство из-под влияния буржуазии. Борьба пролетариата с буржуазией за влияние, за захват основной массы населения, которая решает дело борьбы, за крестьянство — вот в чем Владимир Ильич видел основную задачу не только в революции 1917 года, но уже в революции 1905 года.

Надо вспомнить, что все революции XIX и XX веков, до нашей Октябрьской революции, кончались буржуазными выкидышами, потому что буржуазия в решающий момент могла опереться на пассивность крестьянства, а рабочий класс не имел за собой его активной поддержки.

Общая история всех буржуазных революций имеет такую схему: пролетариат идет вперед, дерется на баррикадах, ниспровергает абсолютизм, а на следующий день сам пролетариат погибает под штыками какой-нибудь буржуазной партии, при равнодушии крестьянства, которое считает себя удовлетворенным: революция кончается торжеством буржуазии, новым порабощением и пролетариата и крестьянства.

Вот таких путей и нужно было избегнуть российскому пролетариату, а на этот путь влекли его все партии, за исключе-

нием большевиков. Как же рисовал себе Владимир Ильич механику этой борьбы? Первая задача — завоевать мозг пролетариата. Вторая задача — этот пролетариат, проникнутый революционным духом и революционной теорией, должен увлечь за собой крестьянство. Эту поддержку крестьянством рабочих в революции 1905 года рисовал Владимир Ильич уже тогда, как диктатуру пролетариата и крестьянства, а в первых Советах Рабочих Депутатов, которые просуществовали тогда несколько недель, видел зачаток новой революционной власти.

Не думайте, что идею Советов рабочих депутатов, как новый тип государственной власти, как тип государства, в котором осуществляется диктатура пролетариата, что эту идею Владимир Ильич привез из-за границы в апреле 1917 года, когда из изгнания вернулся к нам сюда. Нет, эта идея родилась у него, когда он наблюдал первый Совет рабочих депутатов в Петрограде в 1905 году. Ложь, будто бы нам, большевикам, под руководством Владимира Ильича, в 1917 году пришлось перестраивать фронт и «перевооружаться». Нет, с 1905 г. основные лозунги, основные методы действия и даже отдельные проблески нового типа Советского государства были уже у большевиков, и значит, прежде всего, были у тов. Ленина. Этому он научился не из книжек, потому что, как он неоднократно говорил, в самых хороших книгах написано, почему пролетарская революция неизбежна, но нет такой книги, где было бы написано, как пролетарскую революцию делать и что делать на следующий день, когда пролетариат возьмет власть. Этих книг Маркс не написал. Маркс написал и показал, как неизбежно капитализм создает пролетариат, как этот пролетариат неизбежно поднимется на восстание против капитализма и как неизбежно превращение капиталистического общества в новое социалистическое. Но как делается социалистическая революция и что делать на следующий день после того, как пролетариат получает власть в свои руки, — эту книгу написал только Ленин. Ленинские ответы на эти вопросы были написаны не столько пером на бумаге; они написаны его делом, начиная с канупа Октябрьской революции и до последнего дня его жизни. Хотя Владимир Ильич Ленин, как на гранитном фундаменте, стоит на учении Маркса, но он продвинул это учение вперед, продвинул именно так, что перевел научный социализм из теории превращения капиталистического общества в социалистическое общество и создания социалистического общества в практику пролетарской революции, показал, как это делается, и этот величайший урок марксизма, который лично принадлежит тов. Ленину, и является его заслугой всемирно-исторического значения. Этим Ленин превратил партию ленинцев в образец для пролетариев всего мира в момент, когда перед ним стали непосредственно-революционные задачи.

Нужно помнить, что основы большевизма, как пролетарского социализма в действии, были созданы уже в 1905 году соединением величайшего ума Владимира Ильича с теми массовыми стихийными действиями, которые тогда разворачивал пролетариат. Политику Ленина в 1905 г. можно сформулировать в таких словах: «Мы боремся не только с царизмом, мы боремся и с буржуазным либерализмом за то, чтобы присоединить к себе крестьянство и чтобы, соединившись с крестьянством, установить диктатуру пролетариата и крестьянства через Советы рабочих и крестьянских депутатов». Вы знаете, что эта политика, выдвинутая Ильичем в борьбе с меньшевиками, с эс-эрами и со всеми колеблющимися даже в нашей среде, в 1905 г. не дала непосредственной победы.

Почему первая попытка рабочего класса, руководимого Владимиром Ильичем, была разбита? Потому, что крестьянство оказалось тогда достаточно отсталым и достаточно подчиненным буржуазным и мелкобуржуазным влияниям для того, чтобы дать царизму такую армию, которая задавила восстание 1905 года. Революция пролетариата, лишь частично поддержавшая стихийным аграрным движением крестьянства, была задавлена руками крестьян-солдат. Наступила полоса реакции. Было разбито революционное движение рабочего класса. Аграрное крестьянское движение погибло в крови. Буржуазия заключила сделку с царизмом. Царизм дал ей подачку. Водворилось внешнее спокойствие, и нашлись бывшие революционеры, те же меньшевики и эс-эры, не говоря о кадетах, которые заявляли: «первая революция разбита, а второй революции в России не бывать. Россия пойдет по мирному пути развития. Не бурными революционными кризисами будет дальше продвигаться ее развитие, а медленным путем уступочек, даваемых рабочему классу. От буржуазии будет зависеть то или другое улучшение его положения».

Вся обывательщина, все так называемое образованное общество, ссылаясь на упадок революционного настроения в рабочем классе и крестьянстве, пело панихиду по революции и революционерам и негодовало на Ленина, который один остался на посту и говорил: как бы вы ни торжествовали, будет на нашей улице праздник. Этого праздника, товарищи, пришлось ждать очень долго и в очень тяжких условиях. Не было эпохи, гнуснее, чем эпоха ренегатства, отчаяния, уныния, оплевания всех революционных традиций 1905 года, наступившая после разгона 1-й и 2-й Думы и тянувшаяся с 1907 вплоть до 1912 года. Темная ночь нависла над нашей партией; лучшие люди были на каторге, в тюрьмах; Ленин с небольшой кучкой эмигрировал за границу, в Женеву, партия, казалось, умерла, и на костях ее торжествовали ликвидаторы, которые говорили, что партия больше не нужна, что дело решено, история взвесила и решила: первая

революция была, а второй не бывать. Против этой громадной волны уныния, ренегатства, отчаяния, отступления и предательства Вл. Ильич один высоко держал красное знамя в полной уверенности, что вторая революция неизбежна, что, несмотря на виселицу Столыпина, несмотря на военные суды Николая II, несмотря на то, что лучшие силы рабочего класса были вырваны из его рядов в первых боях, вторая революция придет. Вл. Ильич говорил тогда: «Не было такой революции, которая победила бы сразу; рабочий класс идет к победе через поражения; тот, кто падает духом после первого поражения, — не революционер». Он занялся изучением действительности, зарылся в книги, в статистику, в экономику и пришел к выводу: «Нет! Революционная задача не разрешена. Крестьянство не удовлетворено, рабочий класс не может успокоиться. Вторая революция неизбежна, и к этой революции должны готовиться те марксисты, которые не хотят продать свое звание революционных коммунистов». По клочкам составлял он вновь партию и крепил ее до того момента, когда для всех стало ясно, что его теория оправдалась, а теория умеренных постепеновцев, которые пели панихиду русской революции, была похоронена.

Через 7 лет после первого поражения вновь начинается волна рабочего подъема. Ленский расстрел прозвучал, как набат, и, конечно, мог так прозвучать, потому что уже в предшествующий период везде и всюду рабочий класс оправился от поражений, и вновь в нем накопилась революционная энергия. Прошло настроение подавленности и разбитости, а ленинская организация оказалась на своем посту и смогла поднять то знамя, которое у рабочего класса было вырвано ударами царских штыков в 1912 году. С 1912 года, пользуясь всеми реальными возможностями, применяя всю гибкость своего тактического гения и соединяя подпольную деятельность с надпольной, с легальной работой по захвату легальной печати, по использованию трибуны в Государственной Думе, Владимир Ильич вновь широко развертывает знамя революционной борьбы. История не только подтвердила правильность той перспективы, которую поставил Владимир Ильич в самые черные годы, но больше того — широким размахом движения 1912 — 13 и начала 14 годов история подтвердила, что Россия шла к новой революции и что эта новая революция не могла совершиться в иных формах, как в форме диктатуры пролетариата, ведущей за собой крестьянство, и борющихся не только против царизма и либерализма, но и против предателей социализма, политика которых заключалась в том, чтобы приучить рабочих к подчинению буржуазному руководству. Их влияние было подорвано.

Империалистическая война застала Ленинград в баррикадах, но эти баррикады исчезли, когда раздался трубный глас импе-

риалистической войны. Мы вступили в самый мрачный период для рабочего движения и для подлинного социализма. В этот момент Вл. Ильич опять оказался один. Все, даже самые заслуженные, те, у которых издавна мы привыкли учиться — Каутский, Гэд — оказались в этот момент в другом стане и заняли позицию, которая на деле превращала их в наемников буржуазии для вербовки солдат для империалистической войны. Буржуазия использовала обстоятельства очень хорошо. Вербовать для своих армий солдат среди пролетариата Пуанкаре, Ллойд-Джордж сами не могли. Им необходимы были передаточные инстанции — люди, которым бы пролетариат верил, за которыми бы пролетариат пошел, обманные речи которых пролетариат выслушал бы. И все эти Каутские, Вандервельды и Шейдеманы сыграли роль дудок, на которых наигрывала буржуазия и за которыми, как это ни горько сказать, но (надо смотреть прямо в глаза действительности) — пошла значительная доля рабочего класса. Понадобились испытания самой империалистической войны, понадобилось, чтобы рабочие сами пережили и испытали окопы и ужасы войны, чтобы они на деле научились понимать, что эта война есть война буржуазии с буржуазией за интересы только буржуазии, война против интересов рабочего класса. И нужны были величайшие усилия, нужна была колоссальная сила воли и величайшая вера в разум рабочего класса для того, чтобы при том всеобщем безумии, в которое был ввергнут мир, остаться на своем посту и сказать: «Да, рабочий класс подтолкнут на неправильную дорогу, но я остаюсь на своем посту, зная, веря, будучи убежден, что рабочий класс через испытания войны вернется на правильную дорогу».

Эту позицию один во всем мире занял Владимир Ильич. Безумцем казался он тогда, безумным казался слабый голос человека, эмигранта, заброшенного на чужбину, не имевшего средств на то, чтобы написать мелкий листок воззвания к пролетариату, который, написав этот листок, не имел возможности даже его напечатать и распространить. И вот он один возвысил голос против войны и один он верил, что пролетариат вернется с этого пути, на который его толкали Каутские и Вандервельды. И он дождался этого момента. Первый прорыв капиталистического фронта был совершен нашей революцией, и первый лозунг, который выбросил Вл. Ильич, когда вернулся из изгнания в Россию, был: «Мы должны развернуть нашу революцию в мировую революцию, чтобы сделать невозможным повторение империалистической войны».

Вся дальнейшая деятельность Вл. Ильича прошла под этим знаменем. Вы знаете, товарищи, что было много колебаний и среди самого рабочего класса и даже среди большевистской партии перед грандиозной задачей которую поставил перед нами

Вл. Ильич, когда он сказал нам: «Товарищи, пришла пора, когда мы должны не только сбросить старую власть, но должны отважиться взять власть в свои руки и руками рабочего класса строить новое государство». Когда раздались эти слова, многих обуяло сомнение, слишком тяжела казалась ноша, которую Вл. Ильич хотел возложить на плечи рабочего класса России. Выдержим ли мы, устоим ли мы, не будет ли наш захват власти только эпизодом, только восстанием Парижской Коммуны, которое через 70 дней было задавлено в крови буржуазией? У Вл. Ильича не было сомнений, он шел вперед в твердой уверенности, что империалистическая война, горечь и негодование, которые скопились в среде трудящихся против того строя, который привел к этой войне, приведут к тому, что власть мы не только захватим, но мы ее и удержим. Вся дальнейшая работа Вл. Ильича была посвящена тому, чтобы, держа в руках власть, отбиться от врагов и заложить первые камни нового социалистического строя.

Я уже говорил, что тут не было у нас никаких примеров, и не было у Вл. Ильича никаких руководств, не было какого-нибудь исторического примера, по которому можно было бы решить тот или другой вопрос, а вопросы, которые вставали перед всеми нами, перед каждым из вас, а особенно перед Вл. Ильичем, как руководителем нового типа государства, были необычайно велики, разнообразны, необъятны и жизненны тем, что задевали каждого человека в громадной стране. Мы имеем в первый раз в истории опыт построения пролетарского государства в условиях наименее выгодных.

Первое пролетарское государство было установлено в стране, которая, по характеру своей экономики, является мелкобуржуазной страной, и в продолжение годов это государство должно было жить, не получая непосредственной прямой поддержки от пролетариата больших капиталистических стран, оставаясь единственной пролетарской республикой в мире. Провести среди этих трудных условий наш корабль с тем, чтобы он не разбился ни о белогвардейские подводные камни, ни об экономическую разруху, ни о голод, ни о недовольство, ни о неорганизованность, построить новый, весь сверху донизу государственный аппарат, создать Коминтерн как международную организацию пролетариата, — такую работу, конечно, может поднять на свои плечи только величайший гений всех веков. И грандиозность этой работы, ее новизна настолько ясны всем, что нет ни одного буржуазного врага нашего, который, изливая потоки клеветы на нашу партию и, в частности, на Вл. Ильича, не должен был бы признать в Ленине величайшего государственного деятеля, которого только видел мир, государственного деятеля, надо добавить, который из нового материала создает новое невиданное государство.

Эту постройку Вл. Ильич не закончил, но он заложил ее основы, он показал нам, как необходимо маневрировать для того, чтобы это новое государство вывести из тех подводных камней, о которые оно может разбиться. Владимир Ильич говорил неоднократно: «Революция в России может быть закончена только революцией пролетариата нескольких передовых стран. Мы сейчас находимся на переломе, мы укрепляем свою революцию, мы добились уже такого положения, когда нам непосредственно не может угрожать ни извне, ни изнутри какой бы то ни было сокрушительный удар, но мы еще не дошли до того момента, когда наша пролетарская республика пополнится и укрепится союзом с другими пролетарскими республиками». В этот переходный момент мы и потеряли своего вождя.

Для того, чтобы не поддаться унынию, для того, чтобы продолжать его дело, мы и должны вспоминать всегда и постоянно его основной урок, то, что придавало ему силы, что делало его величайшим строителем, величайшим вождем и что я пытался показать в этом кратком обзоре его жизни и борьбы. Это была ничем непреоборимая вера в творческие силы рабочего класса. Ильич в самые глухие годы реакции, в моменты поражений, когда, казалось, наши идеи и наше дело затоптаны жандармским сапогом, верил, что рабочий класс свое возьмет, классовый инстинкт пролетариата и классовый разум пролетарского коллектива выведут его на дорогу, укажут ему правильный путь. Когда накануне Октябрьских дней каждого из нас обуревало сомнение, справимся ли мы с великой задачей и устоим ли в неравной борьбе, Владимир Ильич, руководясь этой непреоборимой верой в разум трудящихся, говорил: «Мы поможем рабочему классу разрушить старый строй, а новый строй рабочий класс построит своими руками, ошибаясь, падая и поднимаясь, но рабочий класс единственный, кто этот строй может построить». Были моменты, когда контр-революция подносила нож к нашему горлу, то в виде белогвардейской армии, то в виде голода, то в виде блокады, то в виде полной хозяйственной разрухи, когда, казалось, потеряны пути, а Владимир Ильич непоколебимо стоял на своем посту, зная, что рабочий класс внутри себя имеет такие непреоборимые силы, что, если для него расчистить путь, если опереться на него, если апеллировать к творческим силам рабочего класса, победа неизбежна.

Вот эту веру в разум, волю и силу рабочего класса Владимир Ильич нам завещал. С этой верой победа того дела, которое возглавил Владимир Ильич, несомненна. Объединение величайшего революционного опыта российского пролетариата с той остро отточенной гениальной мыслью и гибкой тактикой, пример которой нам дал Владимир Ильич, — вот залог наших дальнейших побед.

Партия, на которую смерть Владимира Ильича обрушилась громадным горем, инстинктивно в этот тяжкий момент апеллировала к рабочей массе, и рабочая масса откликнулась. Рабочая масса хочет ту рану, которая открылась со смертью Владимира Ильича, залечить собственными телами, они идут в ту брешь, которая открылась в наших рядах, когда погиб наш великий командарм, Владимир Ильич. К нам идут лучшие представители рабочего класса, которые действуют уже на основании опыта длинных, тяжких лет гражданской войны, сознательно веря в нас и испытав нас, но мы знаем, что имя Ленина окружено величайшим почтением и доверием и среди крестьянства, что для крестьянства беспартийного, даже иногда отрицательно относящегося к коммунизму, Ленин есть истинный освободитель. Для крестьян в Ленине воплотилась та громадная роль, которую сыграл рабочий класс в деле его освобождения, ибо не было еще в мире революции, когда освобождение деревни, поднятие деревни к всемирной исторической жизни было проведено так глубоко, до конца, с теми неисчислимыми на годы и десятилетия последствиями, как это сделал Владимир Ильич.

В одной своей статье Владимир Ильич говорит, что, что бы нас ни ожидало, но в нашей стране произошла такая встряска всех остатков капитализма, феодализма и царизма, как это не сделала ни одна самая решительная революция. Это чувствуют крестьяне, и если рабочий класс идет в нашу партию с сознанием своих классовых интересов, чтобы своими телами заделать ту брешь, которая открылась с того момента, когда погиб Владимир Ильич, то под знаменем Ленина идут на поддержку нашему строительству также и широкие массы крестьянства, с которыми вместе мы незыблемо укрепим Советскую республику.

Нет человека, имя которого звучало бы громче в пролетарских сердцах, чем имя Ленина, и недалек тот час, когда к мавзолею на Красной площади мы принесем одну радостную весть, которую можно сказать на этой площади, весть о том, что дело Ленина, дело пролетарского коммунизма, победило во всем мире.

ЛЕНИН И ЕГО ПАРТИЯ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Это — не биография Ильича и не история Ленинской партии. Это лишь попытка рассказать рабочим-ленинцам о Ленине. Пусть старые бойцы, читая этот рассказ, вспомнят те бои, которые они вели под руководством Ильича. Пусть молодежь на этом рассказе учится вести войну за дело рабочего класса «по-ленински». Пусть ленинцы — и старые и молодые — еще раз скажут себе: нам нельзя не победить; нам нельзя проиграть великой войны за коммунизм, начатой под знаменем Ильича. Нам надо биться до конца за победу ленинизма, под знаменем ленинизма, во имя ленинизма, во имя пролетарского коммунизма.

В основу моего рассказа положена речь, сказанная мной в 1918 году, после покушения на Ильича.

I.

Владимир Ильич стоял за все время своей сознательной жизни в центре рабочего движения, сначала в России, а затем и во всем мире. И вместе с тем он неразрывно связан с той историей революционного движения в России, которая предшествовала рабочему движению, предшествовала тому моменту, когда в революционном движении России победила теория научного социализма, теория марксизма. Рассказ о Владимире Ильиче неизбежно превращается в рассказ о всем ходе революционного рабочего движения в России и во всем мире за последние полстолетия.

Владимир Ильич родился 23 апреля 1870 г. Ему было 17 лет, когда царь Александр III приказал повесить его старшего брата Александра Ильича.

Брат В. И. Ульянова, Александр Ильич Ульянов не был марксистом. Он характеризует историю революционного движения в России в тот переломный момент, когда старые революционные партии разочаровались в методах борьбы, прежде проповедывавшихся, и когда стал зарождаться в России марксизм. До нарождения рабочего революционного движения в России знамя революции держала в руках интеллигенция, и эта революционная интеллигенция, выдвинувшая из своей среды мужественных и героических борцов за народную волю, испытала в своем развитии два этапа.

Когда впервые в России народился слой людей, большей частью из так называемых разночинцев, сыновей мелкопоместных дворян, чиновников, мелких купцов, иногда сыновей крестьян, которые прошли через университеты и научились там в дружеской среде свободного, тогда еще революционного студенчества, ненавидеть царизм, научились по книгам западно-европейских социалистов понимать, что такое социализм, они поставили перед собой задачу осуществить свободу и социализм в России. Естественно, что они сразу обратили свое внимание на широкие слои крестьянства. Рабочий класс тогда в России был еще очень малочисленен, промышленность была очень слабо развита. Россия представляла собой тогда земледельческую страну с очень слабо развитыми городами, с очень слабым и малочисленным фабрично-заводским производством, страну, которая только два десятка лет как вышла из крепостного рабства. И вот эти идеалисты, молодые революционеры, построили себе такую теорию, что если бы до сведения крестьян довести, кто мешает им свободно жить и осуществлять социализм, если бы можно было крестьянам рассказать их истинные интересы, то тогда крестьяне, несомненно, немедленно подняли восстание и свергли бы царизм. Эти молодые революционеры отправились тогда в народ и создали целое движение, которое так и называлось «хождением в народ». Они отправлялись с пропагандистскими целями, с целями агитации, иногда с целью непосредственно поднять крестьянские бунты. И очень скоро они убедились, что крестьянство, только что вышедшее из-под ярма крепостничества, только что увидевшее свободу, распыленное, разбросанное, политически-неграмотное, что это крестьянство не откликается на призыв этих революционеров. Эпоха хождения в народ начала 70-х годов кончилась крахом. Крестьянство не оказалось способным, и в тот момент не могло оказаться еще способным поднять всероссийское крестьянское революционное движение против царизма.

Наступил перелом во мнении этой интеллигенции, и она пришла к такому выводу, что если сами народные массы неспособны подняться против царизма, то интеллигенция сама должна

взять на себя задачу ниспровергнуть царизм и расчистить дорогу крестьянским массам, которые тогда по этой дороге прямо и свободно могут направиться по пути к социализму. Но как небольшая группа интеллигентов могла осуществить эту задачу? Как могла бороться с царизмом небольшая группа, оторванная от масс, не находящая в массах боевой поддержки? Совершенно естественно, что тогда возникла теория и практика террористической борьбы, теория и практика такой борьбы, в которой царизм и интеллигенция противостояли друг другу, как бойцы. Интеллигенция стремилась рядом террористических ударов по виднейшим представителям царизма ниспровергнуть самый царистский строй. Был совершен целый ряд террористических актов, которые завершились казнью Александра II. Героическая и великая в истории не только русского, но и всемирного революционного движения партия Народной Воли во главе с теми — Желябовым, Перовской, Халтуриным, — которым теперь мы, восставший революционный пролетариат, ставим памятники, взяла на себя эту мученическую роль расправиться с грабителями и эксплуататорами народа в лице царизма. Они свою задачу выполнили. Они наказали и казнили целый ряд генералов, целый ряд охранников и завершили это казнью Александра II 1-го марта 1881 г.

Но надежды их не оправдались. Оказалось, что когда Александр II пал, как жертва своего собственного жандармского усердия, когда трон очистился, то все-таки не создалось нового широкого массового революционного движения, а трон был занят его сыном, Александром III, и реакция еще более усилилась. Те героические интеллигенты, революционеры и демократы, которые думали, что убийством царя и нескольких генералов можно разбудить широкие крестьянские массы, были разбиты, большинство из них повешено, часть заключена в Шлиссельбург и там погибла, а революционного движения не получилось.

Оказалось, что их теория неправильна. Оказалось, что, несмотря на весь свой героический и революционный пыл, несмотря на самые лучшие свои пожелания, они не нащупали той правильной дороги, идя по которой можно разбудить к политической жизни, пробудить к восстанию широкие массы русского народа.

В этот момент начинается разлад среди революционной интеллигенции. С этого момента она видит крах своей старой теории. Она сунулась в народ, к крестьянам, но крестьяне ее не поняли. Она попыталась сама, один на один, сразиться с царизмом, но из этого не вышло революционного движения. Вся русская революция уперлась в тупик. Надо было найти какие-то новые методы, надо было как-то иначе представить себе ход революционного движения в России, нужно было нащупать среди общественных классов России какой-нибудь новый

рычаг, опираясь на который можно было бы не только свергнуть царизм, но и уничтожить буржуазную эксплуатацию.

В этот момент, на этом переломе, когда старые задачи и теории потерпели крах, а новых еще не народилось, — в этот момент началась сознательная жизнь Владимира Ильича. Вступил он в эту жизнь, сознательную жизнь, под руководством брата своего, Александра Ильича.

Ал. Ил. принадлежал к той группе революционных интеллигентов, которые, несмотря на то, что попытка 1-го марта 1881 г. была задушена в крови и на виселицах, сделали еще одну попытку наказать следующего царя, Александра III, — сделали последнюю героическую попытку еще раз сразиться один на один с царизмом и сбросить его. Он был человеком, подававшим великие надежды в смысле будущего ученого. Профессора (он учился в старом Петербургском университете) предрекали ему громадную научную деятельность. Но в тот момент, когда наиболее видные борцы погибали на виселицах или были замуравлены в Шлиссельбургской крепости и погибли там, когда вся интеллигенция разбилась, когда у нее опустились руки, когда она не знала, как же продолжать революционную борьбу, — Ал. Ил. Ульянов отказался от жизни ученого, он взял на себя задачу вновь собрать рассыпанные ряды, собрать хоть маленькую группу лиц, которые опять подняли бы знамя революционной борьбы. Он образовал в Петрограде группу из студентов и нескольких рабочих и поставил перед собой задачей казнь Александра III, в это время вполне показавшего уже себя, как ярого сторонника реакции, как царя помещиков и буржуазии. В тот же день, когда был казнен Александр II, 1-го марта, но через 6 лет, т.-е. 1-го марта 1887 г., во главе группы террористов брат тов. Ленина вышел на улицу Петербурга с бомбами в руках, бомбами, сделанными в виде книг, чтобы не давать подозрения царским ищейкам, с целью бросить эти бомбы при выезде Александра III. В их группе был провокатор. Когда они вышли на улицу, они были схвачены, и брат Владимира Ильича и еще несколько товарищей через несколько дней были повешены. Попытка покончить с самодержавием усилиями героической группы интеллигентов и передовых рабочих окончилась вновь неудачей, и это был последний удар по той теории, которая предполагала, что можно покончить с царизмом силами небольшой группы революционной интеллигенции. И сам Ал. Ил., брат Влад. Ил., не был уже чужд той великой науке, которая показывала, где же, действительно, искать путей к освобождению рабочего класса. Он первый указал Влад. Ильичу, нашему вождю, ту великую книгу, изучая которую не только русский, но и мировой пролетариат нашел путь к своему освобождению. В руках этого мученика свободы, повешенного брата, Владимир Ильич, тогда еще моло-

дой гимназист, видел книгу Карла Маркса «Капитал». Несколько лет Владимир Ильич отдал на изучение этой книги. В тот момент, когда с казнью его брата окончательно были развенчаны теории, которыми руководилась старая революционная интеллигенция и партия Народной Воли, когда у всех опускались руки, когда казалось, что русский царизм, опираясь на буржуазную реакцию всего мира, снабжавшую его через парижскую биржу деньгами, непобедим, что он вечен, что он захватил всю Россию в свои руки и держит ее, не разжимая своего жандармского кулака, — в этот момент Влад. Ил. начинает изучать теорию научного социализма, теорию восстания пролетариата, теорию освобождения угнетенных, и через несколько лет он приходит к убеждению, что есть, однако, в России сила, способная повести борьбу против царизма и повести ее более успешно, чем партия Народной Воли, попытки которой были разбиты.

II.

За несколько лет до того, как Владимир Ильич здесь, в России, стал изучать теорию революционного марксизма, несколько старых русских революционеров, во главе с Г. В. Плехановым, потеряв надежду на возможность непосредственного широкого, массового революционного движения в России, уезжают за границу и там тоже начинают изучать революционную науку Маркса. В 1883 г., через два года после того, как партией Народной Воли был казнен Александр II, за границей Г. В. Плеханов вместе с В. И. Засулич, П. Б. Аксельродом и Л. Г. Дейчем образовывают группу «Освобождение Труда», которая ставит себе задачей пропаганду научного социализма. Владимир Ильич рассказывал, что, когда он, наконец, в своем захолустьи (учился он в Казани) пришел к убеждению, что марксизм есть единственная теория, действительно освобождающая пролетариат не только от гнета царизма, но и от гнета буржуазии, когда он убедился в том, что дальнейшее развитие революции в России возможно только тогда, если в основу революции положить движение рабочего класса, — он задался вопросом, есть ли еще где-либо в России группа лиц, которые тоже пришли бы к такому убеждению.

Время было самое страшное, самое темное. Крестьянство, задавленное недоимками, урядниками, земскими начальниками, стонало под гнетом царизма, но не было способно ни к какому организованному массовому движению. Пролетариат только что начинал создаваться. Интеллигенция, разочарованная после неудачных попыток террора, после того, как была разбита партия Народной Воли, и считавшая, что рабочий класс слишком мал в Рос-

сии и что возлагать надежду на рабочий класс значит откладывать революцию очень надолго, — эта интеллигенция проникласъ недоверием ко всякому массовому народному движению и вообще к революции. Была полная и глухая пора реакции.

И вот в это время, в начале 90-х годов, в 1893 — 1894 году, Влад. Ильич предпринимает поездку по России с специальной целью разыскать по всему лицу земли русской таких передовых интеллигентов или рабочих, которые, сплотившись, образовали бы первую группу действительных работников марксизма, действительных работников коммунизма. Он объезжает Россию, ее промышленные центры, и повсюжку в разных местах он находит эти передовые группы рабочих и интеллигентов, тоже пришедших к убеждению, что все будущее революции опирается только на рабочий класс и что только та партия действительно ниспровергнет царизм, действительно будет работать в интересах социализма, которая сумеет связаться с рабочим классом.

Теперь нам кажется очень простым, теперь мы высмеяли бы каждого, кто усомнился бы в революционных возможностях и в революционной энергии рабочего класса. Тогда же это казалось не так. Тогда на этих нескольких людей, которые стали проповедывать в России идею борьбы рабочего класса, смотрели, как на фантазеров, как на сказочников, которые выдумали рабочий класс в крестьянской стране, которые надеются, что рабочий класс произведет революцию, — над ними смеялись. Старые революционеры, хранившие традиции народников, народовольчества, говорили: — это безумные люди, они хотят строить на песке, на рабочем классе, которого почти нет в России. Но эти люди, во главе с В. И. Лениным, опираясь на теоретическую работу, произведенную за границей группой «Освобождение Труда», не покладая рук, принялись за новые задачи. Работа в первое время казалась очень будничной, элементарной и простой, и ничего революционного как будто в себе не имела. Когда эти передовые товарищи, рабочие и интеллигенты, во главе с Лениным, задались целью создать массовую организацию рабочего класса, — они встретились с пролетариатом, в котором политическая мысль была очень слабо развита, в котором даже сознание экономических интересов было очень не развито. Пролетариат не чувствовал себя единым, пролетарий не сознавал себя членом одного класса, разбросанного не только по всей России, но и во всем мире. Перед каждым пролетарием в отдельности стояла маленькая как будто задача, — как бы улучшить свое положение на фабрике, как бы прекратить штрафы, как бы повысить свою заработную плату и сократить свой рабочий день. И вот с этого-то и начал В. И. Ленин.

Теперь, когда коммунистическая партия России, созданная Лениным, стоит во главе мирового пролетариата, когда каждый

день несет нам известия о новых революционных потрясениях, когда мы видим, как рабочий класс молотом своим выковывает новую землю, — какими мелочами, какими буднями кажется нам та работа, с которой начал Влад. Ильич. Начал он с того, что обходил фабрики, собирал сведения по заводам, собирал у себя, в студенческой комнатушке, осторожно, конспиративно несколько рабочих, которые рассказывали о притеснениях, штрафах, проделках мастеров, писал листки, которые печатались в тайных типографиях и в которых обсуждались эти вопросы. Тогда это был единственный путь к тому, чтобы пробудить в пролетариате сознание его классовых интересов и объединить отдельные пролетарские единицы в общей борьбе. И тут сказалась одна из величайших черт Влад. Ильича.

В черной работе, связанной с разоблачением фабричных недостатков и злоупотреблений, он уже провидел громаднейшую революционную, мировую роль, которую сыграет пролетариат. Он пошел на эту маленькую работу, потому что он знал, что на этой маленькой работе возрастает та сила, которая некогда перевернет весь мир, и в нем замечательна та черта, что во имя этой великой цели он способен был весь сосредоточиться и всю энергию употребить на писание листков о фабричных злоупотреблениях, которые потом в клозетах читались тайком рабочими. В этом сказалась великая черта доверия к революционной энергии рабочего класса. Он знал, что раз рабочий класс начнет сознавать несправедливость капиталистического мира, хотя бы на такой частности как штраф или какое-нибудь злоупотребление мастера, то эта мелкая экономическая борьба, развиваясь и разворачиваясь, превратится в борьбу не против отдельных злоупотреблений капиталистического строя, а против всей буржуазной эксплуатации в целом. Эта мелкая невидная работа, на которой Влад. Ильич собрал тогда передовых рабочих Петербурга, привела к созданию первой рабочей организации в России.

Вместе с такими передовыми рабочими, как тов. Бабушкин, рабочий, который одним из первых вошел в кружок Ленина и затем в 1905 г. был расстрелян ген. Ренненкампфом в Сибири, где он поднял восстание среди красноярских рабочих, с другим рабочим, Шелгуновым, который сейчас живет среди нас, потеряв в ссылках и казематах царизма глаза, — он слеп теперь, — на конспиративных квартирах, в которых собиралось несколько отдельных рабочих с разных заводов, собрав вокруг себя этих выдающихся рабочих и несколько интеллигентов, Влад. Ильич основал в Петербурге первую рабочую организацию, широкую и массовую, на основах научного социализма, которая назвалась тогда «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Этот «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», как я вам

говорил, ставил своей целью поднять движение пролетариата не только за политическое освобождение от царизма, но и за освобождение его от капитализма, за социализм. Но практическую работу он должен был вести на самых мелких фактах обычной повседневной жизни рабочего класса. В этом сознании великой революционной роли, которая предстояла этим «союзам борьбы за освобождение рабочего класса», начавшим с помощи рабочим в каждой мелкой обиде, в каждой несправедливости по отношению к рабочим и закончившим освобождением рабочего класса в целом, — в этом сознании и была великая революционная сила нашего вождя. В конце 1895, а потом в 1896 г. агитация ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» приобретает такие размеры и такой размах, что впервые в Петербурге разражается громадная стачка текстильных рабочих, стачка, в которую было вовлечено 40 тысяч рабочих. И опять-таки, нам не только теперь, но уже после 1905 г. 40 тыс. бастующих рабочих кажутся сравнительно мелочью. Но не так было тогда, в 1895 г. Тогда эта стачка сыграла громадную революционную роль, потому что, во-первых, она показала всему обществу, что рабочий класс есть могучая сила, способная в каждый данный момент выступить, как организованная, сплоченная энергичная масса. Она доказала затем самому рабочему классу, распыленному, несознававшему своей силы, позволявшему над собой издеваться каждому фабричному мастеру и каждому царскому уряднику, что если рабочий класс сливается вместе, если он выступает организованно, то в такой момент для него суждена только победа, ибо эта стачка увенчалась, действительно, победой. Государственный совет тогдашний принужден был обсуждать требования рабочих, принужден был пойти на уступки. Та самая интеллигенция, которая опустила руки после поражения партии Народной Воли, которая не верила в рабочий класс, которая никогда не думала, что рабочий класс способен на такие организованные массовые выступления, спохватилась и задумалась. Эта стачка доказала, что рабочий класс в России существует, что рабочий класс в России есть тот класс, который легче всего поддается организации, и что это есть единственный класс, действительно сознающий свои революционные задачи и способный их в борьбе с царизмом выполнить.

Во главе этой организации стоял Ленин. Он, как глава этой организации, и должен был понести обычное царское наказание за дело организации рабочего класса. «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» был захвачен, были произведены аресты, затем Ленин был посажен в тюрьму и, просидев там достаточное количество времени, был отправлен в ссылку в Сибирь. Но массовое рабочее движение и организация боевых рабочих ячеек, в виде «союзов борьбы за освобождение рабочего класса»,

не прекратились. Вслед за Петербургом, в Москве, затем в Киеве, Харькове, Екатеринославе, Одессе, на Урале стали возникать такие же точно организации. Вскоре большинство заводских и промышленных пунктов России украсилось этими организациями, и перед этими организациями встала задача: объединить усилия рабочих отдельных заводов, создать какой-нибудь центр, который руководил бы борьбой рабочего класса на территории всей России и поддерживал бы сношения русского рабочего класса с западно-европейским рабочим классом.

Среди вас, вероятно, много людей, товарищи, которые помнят еще полицейские условия, созданные царизмом до революции 1917 г., быть может, меньше тех, которые помнят полицейские условия, существовавшие до 1905 г. Эти условия были ужасны. Все силы полиции, не только в смысле прямого подавления рабочих, но и в смысле обмана рабочих были направлены против зарождающегося рабочего движения. В этих условиях поставить перед собой задачу создать в России партию коммунистов, партию рабочих-марксистов было грандиозным предприятием. Передовые рабочие различных городов перед этой задачей не остановились. Если бы таким рабочим, строившим тогда союзы борьбы за освобождение рабочих, сказать: не пройдет и 20 лет, и в России произойдет социалистическая революция, и подпольные деятели того периода смогут от имени рабочего класса взять весь государственный аппарат в свои руки, если бы им сказали, что одновременно произойдет революция в Германии и в целом ряде других стран, — быть может, эти люди тогда не поверили бы, что перед рабочим классом России, перед этим еще поколением стоит такое великое счастье — видеть осуществление социалистической революции или видеть осуществление первых шагов ко всемирному коммунистическому перевороту. Но они знали, — их научил этому марксизм и его проводник Ленин, — что рабочее движение, однажды вступившее на революционный путь, неизбежно придет к победе. И они несли жертвы, они создавали организации. Часто в борьбе с царизмом они погибали, но они сознавали, что всякая рабочая ячейка, всякий рабочий союз, всякая рабочая организация, всякий отдельный рабочий, ставший марксистом, становится непреодолимым залогом дальнейшего развития революции в России и во всем мире. Эти надежды, эта вера давали им возможность в тех тяжелых условиях нести мелкую кропотливую работу.

В 1898 г., в марте, эти передовые рабочие созвали первый съезд, как тогда называлась наша партия — Российской с.-д. рабочей партии. Собрался этот съезд в Минске, и было на нем всего 12 человек. И эти 12 человек тогда представляли собой все будущее революционное и рабочее движение в России. Они

собрались для того, чтобы составить манифест нашей партии, для того, чтобы создать устав нашей организации, чтобы закрепить связь между отдельными городами, и те забастовки, в которых прежде всего выливалось рабочее движение, ввести в одно русло. Еще одна важная задача стояла перед ними тогда — связать экономическое движение рабочего класса, развивавшееся на почве непосредственных нужд, с политической задачей, ибо тогда уже стало выясняться, что рабочий класс, вдвинутый в движение, начавший забастовки, часто был склонен ограничиваться чисто-экономическими требованиями, и рабочие, которые шли на забастовки, когда знали, что целью забастовки является прибавка к заработанной плате или сокращение рабочего дня, еще не отдавали себе отчета, что вся эта постройка эксплуатации связана с политическим режимом. Тогда нередко можно было встретить малосознательных рабочих, говоривших: да, экономическую борьбу за прибавку заработной платы, против мастера мы готовы вести, и забастовку устроим, но царь-то здесь при чем, царизм здесь при чем? — это мы с хозяином боремся. Связь между эксплуатацией буржуазии и жандармско-полицейской надстройкой царизма и связь этого царизма с мировой буржуазной реакцией не всем еще была ясна в ту пору. И первые марксисты, эти первые «союзы борьбы», должны были поставить рабочее движение, тогда только начавшееся, на рельсы политической борьбы. Они должны были показать рабочим, что они не могут добиться улучшения своего экономического положения, если они не свергнут царизм.

Владимира Ильича на съезде не могло быть — он был тогда в ссылке в Сибири, — но влияние его среди передовых рабочих тогда было уже настолько велико, что, когда они задумали издавать подпольный центральный орган рабочего союза, названный тогда «Рабочей Газетой» — они пригласили в его редакторы Владимира Ильича. Попытка этого объединения была очень быстро разбита. Не успели товарищи разъехаться со своего съезда, как они были арестованы. Наметившаяся связь между различными организациями различных городов была разбита и разбита на несколько лет. Рабочий класс опять остался без общего, без центрального руководства.

Но товарищи, сосланные в Сибирь, знали, что перед ними стоят две задачи. Первая задача — наметить путь дальнейшего развития России, доказать, что все старые народнические теории насчет того, что Россия не будет развиваться через капитализм, что в России не будет пролетариата, который мог бы развернуть действительное революционное движение, ошибочны, разбить эту теорию на фактах, научным образом, пользуясь орудием марксизма; и другая задача — на почве этого научного доказательства о неизбежном росте пролетариата, и того, что про-

летариат неизбежно в России пойдет к социализму, доказать, что путь к этому социализму лежит через низвержение самодержавия, что в этом низвержении самодержавия рабочий класс должен отстаивать свои особые классовые социалистические интересы и что для этого надо создать боевую самостоятельную организацию рабочего класса.

Владимир Ильич отдался тогда обеим этим задачам. В Сибири он писал книгу, в которой подводил научное обоснование под то марксистское представление о всем развитии русского хозяйства и русских классов, которое легло после в основу его политической борьбы. Он написал книгу, которая называется «Развитие капитализма в России». И в то же время он носился с планами и обдумывал, как создать центральный орган боевой рабочей организации. Он убедился на опыте первого съезда, что эта организация, поскольку она создается здесь в России, под крылом царизма, необходимо осуждена быть разбитой. Он видел, с другой стороны, что рабочему классу России нужно пройти долгую школу для того, чтобы из области экономической борьбы подняться до политической борьбы. Он видел вместе с тем, что целые группы интеллигенции и в России, и в Западной Европе употребляют все усилия для того, чтобы подменить революционное учение марксизма таким учением, которое признавало бы права рабочих на экономическую борьбу и на улучшение своего положения, но вместе с тем устраняло бы из марксизма все его революционные стороны.

В России к тому времени сложилась даже целая группа, состоявшая, главным образом, из интеллигенции, которая говорила: «Пусть рабочий класс ведет борьбу на экономической почве; пусть рабочий класс ведет борьбу за улучшение своего экономического положения; конечно, рабочий класс живет плохо, смертность большая, недоедание постоянное, квартиры скверные, жалованье получают малое, обид много, — пускай ведет экономическую борьбу и забастовки экономические, но пускай не суется он в борьбу политическую». «Борьба политическая, — говорили эти люди, — принадлежит буржуазии, буржуазия должна ее вести». Тогда в России буржуазия была, как и дворянское земство, настроена отчасти против царизма. Вот какая теория создалась тогда: рабочие пусть занимаются экономической борьбой, они тем самым будут расшатывать фундамент под царизмом, они будут создавать постоянное недовольство в среде широких народных масс, они будут воздействовать и на крестьян, — но руководство политической борьбой должно принадлежать более «интеллигентному» классу, оно должно принадлежать буржуазии. Задача, которая встала тогда перед истинными коммунистами, включала в себя самую решительную борьбу с этими элементами, которые удерживали рабочий класс, выдвигая вперед в политической борьбе

роль буржуазии. Как было осуществить эти три задачи: дать научное обоснование рабочему движению в России, создать боевую сплоченную организацию передовых рабочих и вести самую яростную борьбу, идейную и организационную, со всеми теми партиями, которые сворачивали рабочее движение с истинного пути и, таким образом, очищали дорогу буржуазии?

Влад. Ильич выдвинул тогда план, заключавшийся в том, чтобы создать единый руководящий идейный центр не в России, а за границей. За границей поставить такую центральную организацию, которая, находясь в постоянной связи с рабочими массами России, вместе с тем была бы в безопасности от постоянных ударов царизма и могла бы постоянно руководить пропагандой, агитацией и организацией среди русских рабочих масс. Как только кончилась его 3-х годичная ссылка, он опять предпринимает объезд России, собирает группу наиболее преданных революции рабочих и интеллигентов и основывает газету, которая в истории международного движения имеет громаднейшее значение. Газета эта называлась «Искра», и эпиграфом у нее стояли следующие слова: «Из искры возгорится пламя». Эти слова, это — те слова, которыми декабристы ответили на послание величайшего русского поэта Пушкина. Тут, в этих словах была надежда, что из слабого и малого тогда еще рабочего движения возгорится, действительно, пламя революционного пожара. И, вместе с тем, этой фразой, взятой из переписки дворянских революционеров-декабристов с Пушкиным, отмечалась и другая сторона — то, что она поддерживает и хочет перенести в российский пролетариат те героические традиции революционной борьбы, которых не допускали тогда оппортунистские экономисты, создать вокруг этой газеты профессиональную организацию революционеров или, как тогда выражался Вл. Ил., — «организацию профессиональных революционеров». Над этой идеей, которую проповедывала эта газета, очень много тогда смеялись. Оппортунисты говорили: «Какая такая организация профессиональных революционеров?» Идея же Ленина заключалась тогда в том, что все то, что есть в рабочем классе и среди той незначительной части интеллигенции, которая перешла на точку зрения революционного пролетариата, действительно коммунистического, что все это должно сплотиться в боевую организацию, зная, что против них такой свирепый враг, как царизм, и должны представлять из себя людей, которые никакой другой работы не знают, кроме работы по революционной организации и революционному просвещению масс.

Профессиональный революционер, по мысли Ленина, это был тот человек, который отдался весь и всецело революции. Он отнимал его от станка, от письменного стола, отнимал его от его обычной будничной работы и говорил: русскому рабочему классу,

раскинутому на громаднейшей территории, которому приходится вести борьбу не только с царизмом, не только с буржуазией, но и с элементами, оттягивающими его от правильного пути, нужен железный костяк, вокруг которого можно было бы сложить революционную организацию пролетариев. Этот костяк должен создаться из людей, готовых всецело отдаться революционной работе, для которых революция будет не развлечением, не отдыхом от постоянных занятий, а профессией, такой же профессией, как всякая другая профессия, отличающаяся от других только тем, что здесь человек идет на гибель ради интересов целого класса.

Влад. Ильич создал эту организацию. Под его руководством целая группа товарищей, сплотившихся вокруг него, работали над тем, чтобы создать железный костяк пролетарской партии. Этот костяк при помощи газеты, о которой я говорил, и был создан. Вся Россия очень скоро после того, как вышла эта газета, — а вышла она в 1900 г., — покрылась сетью профессиональных революционных ячеек, которые были связаны с заграничным центром и в то же время вели работу среди широких народных, рабочих и крестьянских масс. За границей на деньги, собираемые рабочими массами, печаталась партийная литература: переводился Маркс, писались брошюры и воззвания. Тайным путем, при помощи ухищрений, о которых помнят, вероятно, и знают только старые революционеры, перевозилась эта литература через границу, кордоны и царские заставы и охраны, ввозилась в рабочие города и распределялась по рабочим кварталам. И каждую неделю и каждый день из этих рабочих кварталов отправлялись в центры выдающиеся люди, на борьбе доказавшие свою преданность интересам рабочего класса, чтобы урегулировать и объединять это рабочее движение.

На поверхности ничего этого не было видно. Буржуазия создавала свои газеты, печатала статьи, ученые издавали книги, наверху все казалось спокойно и мирно, даже демонстрации еще не происходили. А внизу эта организация «Искры», — эта первая ячейка нашей партии, вела кротовью подпольную работу, и в каждом рабочем городе, на каждом заводе начинали узнавать, что есть какая-то партия марксистов, партия рабочей революции, которая стоит за рабочий класс и учит рабочий класс, как ему бороться.

И скоро эта самая борьба привела к тому, что можно было собрать представительство от более широких слоев рабочего класса для обсуждения общего вопроса об общих целях борьбы. После нескольких лет работы этой организации, этой идейной борьбы с экономистами, этой идейной проповеди революционных целей пролетариата созван был второй съезд с.-д. партии в августе 1903 г.

III.

Первый съезд, как я уже сказал, не увенчался успехом. Организация, созданная им, была разбита, и не решились наши товарищи созвать съезд в России. Они созвали его за границей. Но если на первом съезде присутствовали представители только от нескольких «союзов борьбы», то здесь, на этом съезде были представители уже более, чем от 50 организаций рабочих, имевших уже за собой целый ряд удачных забастовок, научившихся уже координировать, связывать свои действия, так что в Одессе начинали забастовку тогда, когда предварительно справились, поддержат ли екатеринославцы и киевцы и как отнесутся к этому питерцы. Вот эти организации, действительно, положили основу нашей партии. На этом съезде, в августе 1903 г., была выработана, впервые, программа российской с.-д. рабочей партии, полностью и целиком охватывавшая те требования, которые рабочий класс тогда предъявлял, и тот путь, по которому он собирался итти. И на этом же съезде произошел тот раскол на большевиков и меньшевиков, который очень долго разделял ряды партии и названия от которого сохранились до сих пор.

В нескольких словах я сейчас остановлюсь на причинах этого раскола и на том, почему и как сложились эти слова: большевики и меньшевики.

Слова эти произошли оттого, что на этом съезде Ленин, стоявший во главе тех, которых потом назвали большевиками, получил несколькими голосами больше, чем другая группа, во главе которой стоял Мартов, а впоследствии Плеханов. Когда на съезде собрались товарищи со всей России и стали обсуждать задачи рабочего класса в России и характер пропаганды, то оказалось, что они сошлись на всем: они единогласно приняли программу, почти единогласно принимали целый ряд резолюций тактических и разошлись только по поводу некоторых, чисто организационных вопросов, и, казалось, что это пустяковые вопросы, что это так, спор фракций, и многие не очень умные люди говорили тогда, что это склока, — перессорились люди неведомо из-за чего. И многие говорили: надо объединиться. Влад. Ильич, стоявший во главе фракции большевиков, не шел ни на какие уступки и не соглашался ни на какое примирение. После того его часто стали ругать и продолжают бранить и до сих пор сектантом, человеком непримиримым, ведущим свою линию прямолинейно.

И в этих упреках, повторяющихся с тех пор на страницах всей буржуазной прессы, во всей полемике, которую когда-либо вела какая-либо партия с Лениным, — а нет такой партии в России, писаки которой не попытались бы сломить свое перо о ленин-

ские писания, — в этих упреках есть правда. Когда представители буржуазного мира или мелкой буржуазной демократии постоянно клеймят и бранят представителя рабочего класса, обвиняя его в непримиримости, сектантстве и прямолинейности, — они говорят правду, ибо рабочий класс, объявивший борьбу всему буржуазному миру, вступивший в эпоху мировых катастрофических революционных переворотов, если он желает, действительно, итти по правильному пути к своей победе, не может быть иным, как непримиримым.

В этой брани и упреках по поводу непримиримости сказывалось только то, что буржуазный мир, мир эксплуатации, мир мелкобуржуазной демократии все время пытался свести рабочий класс с того пути непримиримой борьбы, на который выводил его Ленин и группа, вместе с Лениным отстаивавшая революционный научный марксизм.

Противникам Ленина казалось недопустимым, что рабочий класс отстаивает свои интересы, не идя ни на какое примирение с буржуазным миром, не сворачивая со своей дороги. И они говорили: «Вы сектанты, вы создаете какую-то секту людей, которые верят в будущую социальную революцию и не хотят обращать внимания на то, что делается вокруг них».

Ленин же говорил: «Верно то, что мы подбираем людей, действительно верящих в правильность революционного пути развития пролетариата; верно то, что мы хотим сплотить авангард из рабочих, знающих свою дорогу; верно то, что с этой дороги мы не хотим отступать, и ни на какие соглашения с буржуазными элементами мы не пойдем, но неверно, что мы отрываемся от жизни. Да, мы отрываемся от жизни мелкобуржуазной, колеблющейся демократии, но мы тем самым связываемся с жизнью самых широких рабочих масс. И когда нам говорили, что мы отошли от жизни, что мы ее не знаем, что рабочие массы с нами не пойдут, — мы отвечали: «Мы посмотрим и увидим это, когда рабочий класс сам будет вовлечен в широкое массовое движение. Только массы самих рабочих могут рассудить этот спор».

И действительно. То, что казалось вначале пустым организационным вопросом, то, из-за чего как будто не стоило спорить и ссориться, то после, в развитии революционного движения, очень быстро наполнилось самым определенным классовым содержанием. Оказалось, что те споры, которые вели на втором съезде с.-д. партии в 1903 г., предвосхищали всю ту классовую борьбу, которая впоследствии развернулась на пространстве всей России. А борьба была чрезвычайно тяжелая. На сторону противников Ленина встала тогда вся интеллигенция, на сторону его противников встали все старые вожди с.-д.: Плеханов и другие члены той группы «Освобождение Труда»,

которые впервые положили теоретические основы марксизма в России. Ленин, как теоретик и вождь, остался, казалось, один.

И вот тогда, в 1904 г. он переживал трудные моменты. Он ходил тогда по горам Швейцарии (он был тогда эмигрантом) и думал: «Не ошибаюсь ли я; быть может, авторитеты, десятки лет работающие в рабочем движении, Плеханов, Засулич, Дейч, мои же товарищи по редакции «Искры» Мартов, Аскельрод, быть может, они правы и ошибаюсь я, проповедуя непримиримость в революционном движении рабочего класса? Быть может, я действительно оторвался от рабочего класса и останусь в одиночестве?»

В одиночестве должен был он решить этот вопрос, и он тогда принял решение, впоследствии всегда руководившее его поступками. Это было решение: «Хотя бы и один, я останусь верен интересам революционного пролетариата; хотя бы и один, я буду проводить линию революционного марксизма. Я уверен, что, когда революционный пролетариат сам возьмет движение в свои руки, сам выступит на историческую арену как массовая сила, — он пойдет по тому же самому пути, который я предвижу, выводя его из приложения к России начал научного социализма Маркса». И не только в тот момент сказалась эта черта Влад. Ильича, — решимость остаться хотя бы одному, будучи уверенным в правильности выбранной линии поведения, — эта черта Владимира Ильича сказывалась в каждый критический момент русского рабочего движения и в поворотные моменты жизни всего международного рабочего класса.

Эта же черта сказалась и после крушения революции 1905 года, и после объявления войны и краха II Интернационала в 1914 г.

Во все эти критические, решающие, поворотные моменты русского и международного рабочего движения, в 1903, в 1905—06, в 1914, в 1917 гг. нашу партию спасала ее строгая идейность, безусловная — сектантская,—как смеялись враги и маловеры, — преданность идеям научного социализма, идеям коммунизма, отказ итти на какие бы то ни было соглашения с идеями буржуазного общества, с критиками Маркса, с людьми, подделывавшими учение Маркса под вкусы буржуазии.

Борьба с этими буржуазными, оппортунистическими соглашательскими идеями, с идеями партии социалистов-революционеров, экономистов, критиков Маркса, меньшевиков проходит красной чертой во всей работе нашей партии и, прежде всего, в работе Ленина. В этой идейной борьбе за идеи марксовского коммунизма он всегда был беспощаден. Он преследовал всякое искажение идей Маркса не только в области политики, в области тактики, в области экономических учений, но и в области философии. Ни малейшее уклонение от учения Маркса ни в одной области не укрывалось от внимания Ленина, и он со страстью истинного борца идеи готов был всегда принять бой на этой почве. Почему?

Потому что учение Маркса для Ленина и для нас, его учеников, не просто теория развития классовой борьбы, не учебник политической экономии и социологии, а боевое учение революционного пролетариата, все — сверху донизу — проникнутое одной основной мыслью о завоевании социализма. Всякое отступление от этого учения в теории ведет к величайшим ошибкам в практической борьбе. Всякое уклонение от этого учения ведет к пленению буржуазной мыслью. Это доказала судьба интеллигентского, так называемого легального марксизма, это доказала судьба эс-эров и меньшевиков, которые, начав с тех или других «поправок» к учению Маркса, с критики Маркса, прямым путем докатились до того, что ушли от пролетариата и стали вождями: одни — буржуазии, другие — мелкобуржуазных групп и слоев. Вот почему идейная борьба за марксизм была неотъемлемой частью работы Ленина, почему в этой борьбе он был беспощаден, почему он был непримирим ко всякой группке, отступавшей от революционного смысла Марксова учения, никогда не задумываясь итти на самый резкий раскол с подобными группами и группками. В каждом таком отступлении наша партия видела зародыш ч у ж о й, не пролетарской, а следовательно, в р а ж д е б н о й нашему делу идеологии, мысли и практики. В эпоху ожесточенной классовой борьбы, в которую вступил весь мир с начала XX столетия и которая теперь развернулась в открытую гражданскую войну, ч у ж а я нам теория развития общества становится немедленно же орудием борьбы с пролетариатом со стороны в р а ж д е б н ы х ему классов. Вот где корень идейной непримиримости и раскольничества Ленина и большевиков. Отбивая все попытки использовать Маркса для целей буржуазии, большевики не застыли на Марксе. Нет. Ленин сделал больше, чем кто бы ни был, для р а з в и т и я учения коммунизма, ибо, пользуясь учением Маркса и Энгельса, он внес в него весь тот громадный опыт революционной борьбы, который приобрел пролетариат за последние годы.

В начале XX столетия, накануне революции 1905 года, нужно еще было расчищать дорогу для революционного понимания коммунизма, надо было охранять рабочее движение от засорения его всякими ложными теориями, надо было воспитывать в рабочем классе недоверие к тем волкам в овечьей шкуре, которые хотели использовать рабочее движение для своих либеральных или мелкобуржуазных интересов. Приходилось вести борьбу на несколько фронтов.

Громадная вера в рабочий класс, непреодолимая уверенность в неизбежности социальной революции и решительное недоверие ко всем непролетарским течениям составляет фундамент всей политической деятельности В. И. Ленина и фундамент деятельности всей нашей коммунистической партии в целом.

Я возвращаюсь к тому моменту, на котором остановился,— к 1903 году и к расколу на съезде. Повторяю, что спор этот возник сначала как будто по пустякам, по вопросу о составе редакции центрального органа партии и о составе центрального комитета, куда Владимиру Ильичу хотелось ввести одних людей, а Мартову и Плеханову — других. Казалось, что за этим не скрывается никакого более глубокого и важного содержания, и, как я сказал, очень многие неумные люди думали, что здесь никакого содержания, кроме заграничной склоки, нет. Но достаточно было нескольких месяцев для того, чтобы действительное содержание, классовое содержание этого конфликта вскрылось целиком. Нужно дать себе отчет, что в рабочем движении есть различные тенденции, различные стихии, различные стремления, и ничего в рабочем движении не решается борьбой одного или другого человека, ничего в рабочем движении не решается группами и кружками, — все решается историческим ходом революционного развития самих рабочих. И если в 1903 г. произошел раскол, то это не было выдумкой того или другого человека,—это было отражением того, что в революционном движении рабочего класса есть две тенденции и что перед революционным движением рабочего класса в России стоят, действительно, два пути.

И как только через год после этого съезда начали развиваться революционные события, сразу оказалось, что эти две линии развития и есть в наличности, в жизни.

Вы знаете, в 1904 г. разразилась война с Японией. Вместе с тем сразу революционное движение в России приняло широчайший размах. Это нарастание революционного движения заставило встать в оппозиционную позу также и верхи русской буржуазии. И тут рабочему классу надо было выбирать свой путь. Все старые проблемы и задачи, кратко указанные мною, когда я говорил о споре между Лениным и экономистами, споре о том, кому должна принадлежать руководящая роль в русской революции — буржуазии или пролетариату, — эти задачи немедленно развернулись, но уже не только в книгах, а в жизни, в массовом рабочем движении и в противопоставлении его движению буржуазии.

9-го января 1905 г. рабочие пошли к Зимнему дворцу и были расстреляны. В ответ на это — громаднейшая полоса массовых забастовок, неслыханных до сих пор не только в России, но и во всем мире, стала расшатывать основы самодержавия. В феврале, марте, апреле происходили 100-тысячные забастовки, переставшие уже быть экономическими и принявшие политический характер. Нашей партии в этот момент в России нужно было определить свое положение. И тут-то и сказалось все различие в понимании задач рабочего класса и революции

у Ленина и у его противников. Влад. Ильич в этот момент выдвинул на первый план идею, мысль о диктатуре пролетариата и крестьянства. Многим из вас, быть может, покажется странным, что эти слова о диктатуре пролетариата и крестьянства, которые теперь у всех на устах и о которых кажется, что только недавно они вышли из среды большевиков и их большевики выдумали, что это совсем на самом деле не так, что теория о диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства создана не в Октябрьскую революцию, не тогда, когда большевики захватили власть, а тогда, когда большевики были очень далеки от власти, когда они могли только подготовлять дальнейшее развитие русской революции и тайно пропагандировать среди рабочих.

Как только на сцене появились широкие народные революционные массы, в начале 1905 года, нужно было решить задачу, куда направлять эти массы, и еще больше — где лежит действительный путь этих масс. И меньшевики тогда ответили на этот вопрос: рабочее движение в России должно развиваться так, чтобы оно не запугивало буржуазию. Это — классический, т.-е. точно сформулированный, ясный и определенный ответ, данный не теперь, не несколько месяцев тому назад, а за 10 — 12 лет до революции 1917 г., в начале революции 1905 г., в котором вся политическая сущность меньшевизма и сконцентрировалась: рабочее движение в России должно развиваться так, чтобы не запугивать буржуазию. Таков был ответ меньшевиков.

В ответ на эту постановку вопроса другая постановка была сформулирована Лениным. Он говорил: рабочее движение в России должно привести к такой организации государственной власти, которая будет диктатурой пролетариата и беднейшего крестьянства. Что сказалось в этом? Частность ли это была, что два вождя иначе сформулировали свою мысль или на самом деле это — отражение двух классовых взглядов, которые во всю русскую революцию боролись? Несомненно, это так. Россия вступила в революцию 1905 года с двумя возможностями. Она могла развернуться в такую революцию, которая привела бы к господству буржуазии; она могла развернуться и в такую революцию, которая привела бы к господству пролетариата и беднейшего крестьянства.

Наша партия стала перед этими двумя возможностями. Перед ней встал вопрос, что проповедывать в рабочих массах, на какой платформе их организовать, к чему их вести,—к тому, чтобы власть во время революции и после революции осталась в руках буржуазии или с самых первых шагов массового движения направлять это революционное движение к борьбе за власть не только с царизмом, но и с либеральной буржуазией, к одной цели — к диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства? И вот тут-то, когда стали говорить не о частностях, не о мело-

чах, не о пустяках, не об организационных спорах, а о сущности дела, о том, в какую сторону должно направляться революционное движение, тут сразу и выяснилось, какая классовая подоплека лежит между этим разделением на большевиков и меньшевиков. Все забыли уже о 2-м съезде, когда у большевиков было на 1 голос больше, и потому их назвали большевиками, все забыли, что меньшевики называются меньшевиками потому, что в 1903 г. на съезде они получили на 1 голос меньше по вопросу о том, как организовать редакцию «Искры». А слово осталось потому, что оно характеризует не то, что происходило в 1903 году, а смысл двух основных направлений в российской революции.

IV.

Эта великая русская революция разразилась в 1905 г., при входе в XX век, она разразилась в обстановке, в которой не совершилась ни одна буржуазная революция. И надо было решить вопрос, повторит ли русская революция все революции XIX века, которые делались рабочими, а приводили к господству буржуазии, или это будет первая революция в ряду революций XX века, которая будет делаться рабочими, чтобы утвердить власть тех же рабочих, трудящихся? Вот тот основной вопрос, в котором тогда не все рабочие и не всегда отдавали себе отчет, о котором спорили и не всегда, не вполне отдавали себе отчет тогда и сами большевики и меньшевики. Вы знаете, как развертывались события дальше.

1905-й год создал впервые в истории советы рабочих и солдатских депутатов. Иногда говорят, что советы рабочих и солдатских депутатов чуть ли не большевики выдумали, что слова «вся власть советам» Ленин в 1917 году привез, что ему так понравилось устроить. Это — неправда, потому что история революции, история рабочего движения в России имеет собственную логику, собственное развитие и ничего не создано тут умом отдельного человека, а только тот был, действительно, великим вождем в рабочем движении, кто умел подметить те формы организации, которые создавались самим рабочим движением, и мог уяснить самому рабочему классу то, что он делает, сформулировать то, что рабочий класс в массовой борьбе создавал сам.

Советы рабочих депутатов были созданы в 1905 году самими рабочими, и некоторые большевики сначала даже отнеслись к ним с недоверием, но очень быстро убедились, что это движение действительно представляет собой массовую организацию, — организацию боевую. Тогда, в 1905 г., большевики заявили: советы есть ячейки, зачаток революционной власти. Мы говорили, что это ячейка революционной власти потому, что тогда революция

не приобрела того размаха, при котором эти ячейки, эти зачатки новой власти могли бы развернуться целиком и превратиться из зачатков власти в действительную власть. Но тогда же большевики оценили эти советы. И 13 лет тому назад лозунг: «вся власть советам» был включен большевиками в ту оценку советов 1905 г., которая была дана на их конференциях, съездах, совещаниях и т. д.

Ленинская теория, заключающаяся в диктатуре пролетариата, в теории государства, как власти советов, создана массовым движением самого рабочего класса, и его заслуга только в том, что он объяснил словами то, что рабочие массы создавали, создали и создают своим героизмом, своим классовым разумом, своим революционным героизмом. В 1905 году в этой теории диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства и в этой теории советов, как ячеек революционной власти, был уже заложен весь большевизм, тот, который осуществляется теперь, и мы предлагаем всякому нашему буржуазному критику, прежде чем он осмелится критиковать наши лозунги, справиться с теми теоретическими и тактическими работами Ленина, которые в 1905 г. гениально указали весь ход дальнейшего развития революции.

В 1905 г. рабочие массы вышли на улицу и направили свой удар против самодержавия. Ясно было, что ниспровержение самодержавия в этот момент грозило буржуазии тем, что власть перейдет в руки тогдашних советов рабочих и солдатских депутатов. Тогда уже выяснилось, что буржуазия не может удержаться между пролетариатом и реакционерами и что, как только пролетариат поднимает свою голову и выступает на революционный путь, буржуазия бросается в сторону царизма и реакции. Положение было ясно и определенно. Но это движение было задавлено тем, что рабочий класс в этот момент не увлек за собой крестьянства в такой степени, которая обезопасила бы пролетариат от удара в тыл из среды солдатских масс, из среды крестьянских сыновей в солдатских мундирах. Революция 1905 г. была разбита, потому что деревня не была достаточно революционна, и вышедшие из деревни солдаты раздавили московское восстание, железнодорожные забастовки, восстание в Прибалтийском крае и по всей России. Судьба первой революции зависела от того, кто увлечет за собой эти крестьянские и солдатские массы, — пролетариат или буржуазия с царизмом. Когда казалось, что революционным движением вперед мы сможем сразу разъяснить положение этим крестьянским массам, тогда лозунгом нашим было: мы не идем ни на какие компромиссы, соглашения ни с либеральничающей монархией, ни с монархической буржуазией, — мы идем, чтобы взять землю и чтобы ниспровергнуть царизм, и во имя этого мы идем на вооруженное восстание. И так же, как в 1900, 1901 и 1902 гг. Ленин издевался над

теми пустобрехами, которые звали тогда на вооруженное восстание, и говорил: вооруженное восстание — вещь серьезная, тот болтун, который зовет на вооруженное восстание, не имея за собою масс, — тот же самый Ленин в 1905 г. говорил: восстание есть первый шаг победоносной революции, советы могут держаться только на победоносном восстании, диктатура пролетариата и крестьянства требует, как предварительного условия, победоносного восстания рабочих и крестьян.

И партия под руководством Ленина вся отдалась подготовке вооруженного восстания, закупке оружия и боевых припасов, боевой подготовке рабочих, твердо зная, что вопрос о вооружении пролетариата в тот момент решает вопрос о русской революции. Партия говорила тогда: мы не пойдем в Государственную Думу, которую тогда царизм по соглашению с либерально-монархической буржуазией выдвинул, как отдушину против революционной борьбы масс. Спор между царизмом, буржуазией и рабочими массами решится, — говорил Ленин, а за ним и вся наша партия — не в стенах царского парламента, а на улице. Если на улице в столкновении масс победят рабочие и крестьяне, они низвергнут самодержавие вместе с созванной царем Думой и создадут собственную власть, диктатуру союза рабочих и крестьян. Если победит царизм при помощи обманутых им войск, его не остановит никакая Дума, никакой парламент. Расправившись с рабочими и крестьянскими восстаниями, царизм прогонит вон всякую либеральную оппозицию. Ленинское предсказание оправдалось. Когда восстание рабочих и крестьян было подавлено, царизм разогнал сначала первую, а потом и вторую Думу и установил диктатуру палача рабочих и крестьян — Столыпина, диктатуру дворянства и крупнейшей буржуазии. Вместо диктатуры пролетариата и крестьянства установилась неограниченная власть столыпинцев и гучковцев, дворянства и купечества с фабрикантами. Государственная Дума — третья и четвертая — были только канцеляриями, которые ставили штемпель на царских расходах и в которых помещики, чиновники, заводчики, фабриканты, купцы обделывали свои грязные делишки, деля между собой власть и доходы.

Вот почему, покуда еще революция в 1905 — 1906 гг. не была раздавлена царизмом, наша партия стояла за то, чтобы в Думу не итти, а поднимать народ на восстание против царя и против монархической буржуазии.

Уже во время этой первой революции для коммунистов-большевиков было ясно, что победит та партия, которая построит свою политику таким образом, что убедит крестьян, что их интересы заключаются в том, чтобы целиком стать на сторону революционного пролетариата против помещиков. И Ленин, и вся наша партия понимали совершенно ясно, что в тот момент

судьбу революции решает крестьянство, что судьба революции решается на улице, открытой борьбой, восстанием, что это восстание будет успешно для того, на чью сторону станет крестьянство. И он говорил: крестьяне по существу дела должны сейчас быть с пролетариатом, потому что хотят отобрать землю у помещиков; они только не понимают, что нельзя отобрать землю у помещиков тем мирным путем соглашения, который проповедует партия Милюкова, буржуазия, к которой склонилась и партия меньшевиков. Крестьянство должно понять, что оно может вырвать землю у помещиков только в том случае, если оно поможет пролетариату ниспровергнуть власть царизма и буржуазии.

Крестьяне в 1905 г. всей своей массой не поддержали революционного движения пролетариата и потому не получили тогда земли, рабочий класс на 10 лет был загнан опять в подполье. И тем, что в 1905 г. не осуществилась задача, поставленная тогда Лениным, не осуществилась диктатура пролетариата и крестьянства, только этим объясняется, что через 10 лет народы России были брошены царем и буржуазией в ту бойню, в которой погибло гораздо больше пролетариев и крестьян, чем то количество, которое нужно было в 1905 г., чтобы свергнуть царизм и избегнуть этой империалистической войны. История мстит за себя, — и народ, во-время не совершивший революции, расплачивается за это жертвами, которые он приносит буржуазии.

Я не могу останавливаться на международных отношениях, вызвавших эту империалистическую войну, но самого краткого обзора было бы достаточно, чтобы показать, что царизм был принужден вести эту войну для спасения своего внутреннего положения, для укрепления себя в России против воскресшего революционного движения, что эта война вызвана политикой царизма и что, если бы в 1905 г. программа Ленина и коммунистической партии была осуществлена и крестьяне встали бы на сторону пролетариата, а не буржуазии, а меньшевики и эс-эры не обманывали бы в этот момент крестьянства, если бы все сложилось так, как предписывали интересы пролетариата, тогда не было бы этой войны, и рабочим и крестьянам не пришлось бы так дорого расплачиваться за то, что русский народ не был в 1905 — 1906 гг. достаточно революционен.

V.

Но теория марксизма и практика нашей коммунистической партии не строит фантастических замков, а следит за ходом событий и применяет тактику, вытекающую из хода самой классовой борьбы. Поэтому, когда Ленин убедился, что крестьянство еще не с нами, что армия не с нами, что революция рабочих

раздавлена, он должен был переменить тактику. И он ее переменил. Владимир Ильич не растерялся от первого поражения, не впал в уныние, не потерял веры в победу. Он сказал себе и партии: «Рабочий класс боролся до последнего, но он побит, а в мире не было еще и не может быть такой революции, в которой угнетенный и эксплуатируемый сразу и легко добился бы победы. Нет, буржуазия умеет отстаивать свои интересы, и рабочий класс может потерпеть поражение. Окончательная победа ему гарантирована неизбежно, но на том или другом повороте исторического пути буржуазия может оказаться сильнее, схватить пролетариат за горло. Это не исключено. В такие моменты надо уметь, сжав зубы и кулаки, терпеливо работать над подготовкой нового подъема рабочего движения, искать новых связей с массой, воспитывать к борьбе новых бойцов. Надо уметь найти для этого новые пути».

Тут нужно отметить одну черту и во Владимире Ильиче, и в самом рабочем движении, наиболее правильным отражением которого он является. Одно дело выставить лозунг, другое дело найти дорогу для его осуществления. Раньше чем выступили массы, — а выступление масс в России, как революционных масс, относится к 1901 — 1903 гг., — Владимиру Ильичу, когда он создавал первые рабочие организации, будущие эс-эры и наследники Народной Воли, насмехаясь, говорили: «Вы пишете какие-то бумажечки насчет того, что неправильно на рабочих наложен штраф, — какие вы революционеры! Революционер тот, кто с револьвером идет царя убивать! Кто поднимает восстание!» — А Ленин говорил: «Вот эта самая бумажка насчет штрафов, когда пойдет в массу, когда организует и соберет массы, будет более благодарное орудие для окончательного подавления царизма, чем какой угодно револьверный выстрел». Этим Владимир Ильич указывал, что рабочий класс не верит пустым фразам и эффектным жестам и делает свое дело, крепко закладывая фундамент социальной революции, камень за камнем, зная, что в известную эпоху какая-нибудь прокламация, объединяющая рабочих, гораздо важнее, чем револьверный выстрел, ведущий к гибели очень героических, мужественных и честных революционеров, но не пробуждающий масс.

Но рабочий класс, а вместе с ним и наша партия, знает, что в другую эпоху рабочий класс должен схватиться за винтовку и всю свою энергию, все свое сознание вложить в дело вооруженной борьбы со своими эксплуататорами.

Рабочий класс России одну за другой вырабатывал, создавал свои формы борьбы, переходя от разрозненных чисто экономических забастовок к широким экономическим стачкам с политическими лозунгами, от них к демонстрациям (начало XX века), от демонстраций к массовым политическим стачкам (1905 — 06 гг.

и вновь в 1913 — 14 гг.), от массовых политических стачек к восстаниям и к Советам Депутатов, от Советов Депутатов к захвату власти. Заслуга истинной пролетарской партии в том, что она подмечает новые формы борьбы, вырастающие из рабочего движения, из боевого опыта масс, выясняет их, поддерживает и развивает их.

Это и делала наша партия в постоянной борьбе с оппортунистами, с меньшевиками, которые всегда цеплялись за отсталые, изжитые формы движения рабочего класса.

В этом смысле Владимира Ильича следует назвать глубочайшим реалистом, почвенником, т.-е. таким человеком, который всегда умеет считаться с действительной жизнью, умеет сочетать теорию с практикой, лозунг со способом его проведения в жизнь, который величайшую революционную страсть сочетает с величайшей трезвостью в учете силы борющихся партий и классов.

История нашей партии знает не только постоянную борьбу с Лениным со стороны правых, оппортунистов, меньшевиков и эс-эров, но и случаи нападок на Ленина якобы «слева», со стороны товарищей, которым казалось, что Ленин вдруг становится недостаточно революционным. Это происходило в те моменты, когда движение вступало в новую полосу, когда требовалось быстро и решительно нащупать новый путь, выяснить новые задачи, стоящие перед рабочим классом.

В такой момент старые лозунги часто оказываются уже негодными, одеревеневшими, вредными для нового этапа движения, а иным товарищам кажется, что отступление от этих лозунгов есть смертный грех, чуть не измена вчерашнему дню. Так было и после революции 1905 — 06 гг., когда Ленин, горячее других отстаивавший невхождение, бойкот относительно 1-й Думы, стал отстаивать вхождение, участие во 2-й Думе, и в 3-й и в 4-й. Так было во время подписания Брестского мира, когда некоторые коммунисты нападали на Ленина и требовали, чтобы он не мир подписывал, а объявил партизанскую войну Германии.

Так было и тогда, когда товарищи недоуменно покачивали головами и разводили руками по поводу того, что Ленин, беспощаднее всех громивший саботаж в октябре-июле 1917—1918 годов, затем стал отстаивать привлечение к работе интеллигенции, специалистов, отстаивал кооперативы, проповедывал «дружелюбное отношение» ко всем, кто — не будучи коммунистом — хочет вместе с нами или рядом с нами бороться с англо-американским империализмом, когда он призывал партию изменить отношение к среднему крестьянству.

Всегда в этих случаях история оправдывала Ленина. Она показывала, что здесь дело идет о трезвом учете исторической обстановки, что каждый лозунг Ленина, вызывавший сомнения с точки зрения товарищей, увлеченных революционной фразой,

*

диктовался изменением в ходе борьбы и всегда стремился сократить путь к победе и увеличить силы рабочего движения.

История мирового рабочего движения и история рабочей революции в России, победы и поражения пролетариата — все это научило Владимира Ильича и всех нас, его учеников, ценить в революционной борьбе не эффектные жесты и красивые позы, а только такое движение, которое опирается на массы, которое втягивает сотни, тысячи и миллионы, которое превращает лозунги из призывов группы и лиц в лозунги, осуществляемые миллионными массами. Мы знаем, что только такое движение прочно, в которое вовлечены миллионные массы. Ленин научил партию внимательно присматриваться к жизни масс и во-время заменять методы борьбы, грозящие оторвать партию от масс или грозящие оставить массы невовлеченными в борьбу, новыми методами.

И поэтому, когда революционное движение 1905 года было разбито, когда массы сошли со сцены и надо было переменить лозунги, Владимир Ильич не остановился перед тем, чтобы эти лозунги переменить.

После 1905 года революция была разбита, рабочий класс взят за горло и побежден на время, но мы были уверены только в одном, что России революции не миновать и что для того, чтобы готовиться для этой революции, рабочий класс должен сохранить свою организацию. В это верили мы, в это не верили другие. Во всех революционных партиях тогда начался полный развал. Все решили — революция в России разбита, партия пролетариата провалилась, коммунистическая партия понесла сильнейшее поражение, нам не надо более нелегальных подпольных партий, которые бы строились по тому же принципу профессиональных революционеров, как та боевая организация, которая создалась для подготовки 1905 года.

Положения после 1905 г. я не стану здесь характеризовать. Вы знаете столыпинские виселицы, карательные экспедиции, уничтожение всей рабочей прессы, неизбежность того, что непонявшие на виселицы и на каторгу должны были скрыться в подполье.

Сам Ленин, в 1905 г., с первыми проблесками революции приехавший в Петроград, для того, чтобы поставить там первую открытую с.-д. газету, живший в Петербурге до того момента, пока это позволяли полицейские условия, в конце 1907 г., после 2 лет самой широкой агитации среди рабочего класса Петербурга, должен был уехать и поселиться в Финляндии. Скоро оказалось, что финская буржуазия так же плохо может защитить вождя и руководителя рабочих от царизма, как и русская буржуазия. Он должен был уехать из Финляндии и уехал в тот момент, когда карательная экспедиция, наряженная специально в Куоккала, чтобы захватить Ленина, уже стала окружать его дом. Он переехал границу.

Здесь, в эмиграции, на развалинах первого этапа развития революционного движения пролетариата, Ленин принялся за подготовку нового восстания пролетариата, вновь и вплотную отдался тяжелой работе создания боевой пролетарской организации. Мы знаем теперь, что революция 1905 г. была предварительным боем. Теперь мы знаем твердо, что в этом бою мы фактически одержали победу, потому что этот бой создал и второй бой — 1917 года. Но тогда перед нами лежали развалины, рабочий класс чувствовал себя разбитым, мы не могли собрать членов нашей партии, они были все в тюрьмах, на каторге или в Сибири. Старая организация развалилась, собраний устраивать нельзя было, газеты позакрывались, царизм и буржуазия торжествовали, меньшевики злорадствовали, и вот маленькой кучкой из-за границы под руководством Владимира Ильича стали мы вновь собирать эти разбитые, расстроенные ряды.

У Владимира Ильича были тогда две главенствующие идеи. Одна — та, что Россия неизбежно должна пережить новую революцию, что поражение первой революции не решает еще ничего, что через несколько лет встанет вторая революция. А вторая идея — что для этой революционной работы рабочий класс нужно сохранить крепко организованным, а также, что не может быть другой организации революционного пролетариата в столыпинской царской России, кроме подпольной. Мы использовали все легальные возможности, влезая в каждую щелку, которую давал царизм, будь то профессиональные союзы, кооперативы или Государственная Дума, — несмотря на то, что всюду в этих организациях нам затыкали рот и тащили оттуда прямо в кутузку, — мы старались проникать туда, ценя трибуну и возможность хоть в полголоса шептать свои идеи рабочим массам. Но центр тяжести Владимир Ильич видел в организации подполья, в постройке нелегальной рабочей революционной партии, в революционном просвещении рабочих масс и крестьянства. Долгие годы надо было дожидаться плодов этой работы, и только к 1914 г. мы могли пожать плоды.

Мы, те кто жили за границей с Владимиром Ильичем, видели, как от общих заданий, отстаиваемых им в 1905 г., — когда в некоторые моменты казалось, что мы накануне осуществления диктатуры пролетариата и крестьянства, — он перешел к мелкой кропотливой работе, к писанию нелегальных статей и писем. Эта литература запаковывалась в чемоданы, и эти жалкие, казалось, листки рассылались по всем русским городам. Мы видели, как он в эту работу вкладывал весь свой революционный пыл, так же точно, как он впоследствии вкладывал его в создание декретов и воззваний, о которых говорит весь мир. И вы знаете теперь, что эти декреты, звучащие на весь мир, и те прокламации, которые просвещали маленькие группы рабочих,

что все это — одно и то же, потому что и то и другое есть бомба, долженствующая взорвать весь буржуазный мир.

Вот эту невидную, неэффектную, на поверхностный взгляд, маленькую, будничную задачу выполнял за границей Ленин изо дня в день. Наконец, он перебрался поближе к российской границе, в Краков, в тот момент, когда развившееся революционное движение, наконец, расшатало царизм настолько, что он принужден был допустить открытие рабочих легальных газет. Хотя можно было говорить в них только в четверть голоса, но Ленин пользовался и этим.

Мы сидели на самой границе России, ежедневно посылали телеграммы, сообщали о революционном движении за границей, подготовляли рабочий класс в России к неизбежности революции и вели самую ожесточенную борьбу с меньшевиками и со всеми остальными партиями, которые поставили крест над революцией и которых мы называли тогда ликвидаторами, потому что их стремления фактически сводились к ликвидации революционных перспектив, и в связи с этим — к уничтожению революционного духа в рабочем классе. Любой, кто развернет страницы революционных газет, которые издавал тогда Ленин и которые издавали тогда меньшевики, скажет: на большевистских газетах лежит отблеск пламени грядущего пожара. Здесь работают люди, которые, несмотря на то, что как будто налицо нет революции, знают, что революция эта будет, и готовят рабочий класс к тому, чтобы он революцию использовал для себя, не дав использовать самого себя для буржуазии, а на той стороне сидят люди, которые в революцию не верят и думают, что Россия вступила на путь мирного развития, что постепенно царизм будет уступать, как он уступил, создав Г. Думу, как он уступил, разрешив профессиональные союзы и разрешив с.-д. фракции в Г. Думе выступать иногда со своими речами и что вот мало-по-малу, уступками буржуазии, а не рабочему классу, создастся такой строй, который будет похож на западно-европейский в том смысле, что буржуазии будет предоставлена известная политическая свобода, а рабочему классу будет предоставлено иногда жаловаться на злоупотребления капитализма, поддерживая этот капитализм своим рабским трудом. С одной стороны, — перспективы неизбежной революции и заботы о том, чтобы революция не пришла, как тать в нощи, чтобы рабочий класс подготовился взять узду этой революции в свои руки и направить ее бег в сторону, нужную для рабочего класса, а, с другой стороны, — полное разочарование в революции, полное пренебрежение революционными возможностями, уверенность, что все будет итти путем компромиссов и соглашений, и поэтому, как вывод, полное пренебрежение партийной подпольной работой и направление всего внимания на те отрасли работы, где могло происходить соглашение с буржуазией.

Среди всеобщего политического разврата и разложения, постоянных и ежедневных измен, среди торжествующего хора буржуазных писак, оплевывавших и осмеивавших побитых революционеров, наша партия, которая царскими палачами сведена была к небольшой группе пролетариев и интеллигентов под руководством Ленина, напрягала все силы, чтобы не дать окончательно упасть красному знамени рабоче-крестьянской революции, чтобы отстаивать память и традиции великой борьбы 1905 — 6 гг.

Только ленивый не ругал тогда коммунистов-большевиков, которые, казалось, раз навсегда погребены под развалинами революции. А меньшевики, сидя над этими развалинами, приговаривали: все от того, что рабочий класс зарвался, что он слишком сильно ударил по буржуазии, — не бывать революции в России, России предстоит развиваться «по-прусски».

Развитие «по-прусски», по образцу Пруссии, обозначает такое развитие, когда страна переходит к буржуазным порядкам без коренных революционных потрясений, сохраняя власть, земли и доходы помещиков, когда буржуазия договаривается с помещиками насчет полюбовного раздела добычи, собираемой с народа. Такой путь предрекали меньшевики России. А большевики упорно стояли на своем: на том, что России предстоит пережить еще революцию, что ее развитие пойдет не «по-прусски», а «по-французски», т.-е. через великую революцию крестьян и пролетариев, уничтожающих власть и землевладение помещиков, через господство народных низов, трудящихся масс. Этот путь мы должны отстаивать, говорила наша партия: к нему готовить пролетариат. Меньшевики, опираясь на свое представление о русской революции, или, вернее, о ее конце, говорили тогда: на очереди стоят «частичные реформы», борьба за частичные улучшения в положении широких народных масс. Главная роль в деле обновления России будет принадлежать буржуазии, надо ее поддержать против помещиков. Большевики говорили: дело идет не об обновлении России, а о низвержении буржуазно-помещичьего строя. Это можно сделать только революцией. В этом деле главную роль должен будет играть пролетариат, увлекающий за собой крестьянство. Пролетариату, раз он ставит своей задачей победоносную революцию, придется не поддерживать буржуазию, а бороться с ней, как с союзником царизма. Никаких частичных улучшений ждать от помещиков и буржуазии нельзя. Это — обманчивые надежды, которые гасят дух революции. Надо ставить вопрос не о частичных реформах, а о революции, не о поддержке буржуазии против помещиков, а о борьбе и против помещиков и против буржуазии. Надо развивать массовые революционные способы борьбы: стачки, демонстрации, массовую революционную агитацию, переход от соединения экономических и политических стачек к открытой революции.

Эти два направления — большевиков и меньшевиков-ликвидаторов — могли подвести итог своей работы уже к началу 1914 г. и даже раньше, когда стало ясно, что рабочий класс России оправился от удара, нанесенного ему в 1905 г. Стачка, начавшаяся после расстрела ленских рабочих в 1912 г., бывшая откликом на это, сразу показала, что в рабочем классе опять накопилась революционная энергия и то сознание своих сил, которое служит отправной точкой для революционного развития.

С 1912 г. начинается эпоха экономических и политических стачек. Меньшевики говорили тогда, что рабочие предаются стачечному азарту, что как зарвавшийся игрок, они играют стачками. Мы же говорили: эти стачки, — симптомы нарастания революции, и задача всякого революционера развивать эти стачки, поднимать их до уровня политических стачек, рисуя перед рабочими ту же самую, казалось бы, в ходе реакции забытую, перспективу завоевания власти рабочим классом, пролетариатом города и полупролетариатом деревни.

Вы знаете, что накануне объявления войны в Питере были баррикады и происходила общая забастовка. Представители большевиков в Г. Думе были глашатаями той нарастающей революционной борьбы, которая подготовлялась по всей России. Вы знаете, что в этот момент, если бы не объявленная мобилизация, — мы все равно получили бы развитие революционных событий и повторение 1905 г. И в эти дни мы могли подвести итоги и сказать, кто прав, — те ли, кто непримиримо и в годы реакции отстаивали революционную линию пролетариата, не обращая внимания на частичные поражения и веря в непреодолимость пролетарского движения, или те, которые, исходя из буржуазных предрассудков и не смея стать прямо на линию пролетарского движения, блуждали по разным дорогам и искали спасение в соглашении с буржуазией? И здесь раньше чем на рабочие массы обрушилась война, они произнесли уже свой суд над меньшевиками. Тогда уже накануне войны 1914 г., над рабочими массами веял дух большевизма, они были охвачены, как тогда и признавались меньшевики, «большевистским поветрием». Скоро это большевистское поветрие превратилось в большевистскую грозу. Это «большевистское поветрие» среди рабочих было ленинским поветрием, эта «большевистская гроза» была ленинской грозой! Среди рабочих масс Ленин уже тогда был признанным вождем.

VI.

Мы вступили в эпоху войны, и я вам нарисовал то положение, в котором была наша партия в момент, когда война разразилась. Наша фракция в Г. Думе, выступавшая против

войны с лозунгом: «война войне», была немедленно арестована и сослана в Сибирь. Все сторонники наши были рассажены по тюрьмам, газета наша была немедленно закрыта. Ленин за границей вместе с кучкой товарищей остался один, оторванный от России, почти в безнадежном положении, видя, что русский рабочий класс и русское крестьянство, малограмотное, обманутое буржуазной прессой, обманутое генералами и офицерами, не знавшее ни одного слова истины, обречено на роль пушечного мяса в этой войне. Я сказал уже вам, что в этот момент проявилась та самая черта, которой всегда отличался Ленин: коммунистическая непримиримость и уверенность в победе пролетариата, — черта, позволившая ему в тот черный час начала войны сказать: «Я знаю, что пролетариат может ошибаться, но я знаю также, что все же пролетариат с этой ошибочной дороги вернется на единственно правильный и соответствующий ему путь пролетарской социалистической революции».

Он остался один.

Когда все заведомые вожди II Интернационала, все ученые и теоретики социал-демократии склонились в сторону буржуазии, когда даже — больше и страшнее того, — сам рабочий класс стал уклоняться в сторону империализма и когда в нем не хватило достаточно силы, чтобы сейчас же дать отпор империализму, и благодаря этому он превратился на некоторое время в орудие империалистского разбоя, — когда рабочих одели в солдатские шинели и послали на фронт воевать за чуждые им интересы, воевать против социализма за империализм и они пошли без протеста, — в этот момент, когда Каутский, Гаазе, Вандервельде, все люди, стоящие во главе II Интернационала, Гэд и Вальян, люди, связанные с первой пролетарской революцией в мире, с Парижской Коммуной 1871 г., когда они не решились пойти против этого потока империализма, когда они стали на сторону буржуазии, когда они вотировали деньги этой буржуазии, — только один Владимир Ильич сказал: «Пускай все вожди перейдут на ту сторону, пускай рабочий класс сам ошибается и отдает себя на съедение империализма, — я знаю, что путь революционного развития заключается в том, чтобы провозгласить войну войне, и, хотя бы я остался один, я это знамя буду держать, зная, что рабочий класс не может долго ошибаться, что он может быть затянут на неправильную дорогу, но что он с этой дороги неизбежно свернет на путь революции».

И как смеялись тогда над Владимиром Ильичем, какими чудаками казалась та группа русских эмигрантов, которые там, в Швейцарии, оторванные от России, отгороженные от русского рабочего класса царскими кордонами, в маленьких несчастных листках, которых нельзя было много печатать, потому, что не было денег на это, провозгласили войну войне, изменником

провозгласили всякого, кто хотя бы один палец подал империализму! Буржуа и их лакеи, так называемые социал-демократы, которые очень хорошо устроились в буржуазном обществе, говорили: «Это — чудак, фантазер, оторванный от жизни, он мечтает в тот момент, когда все силы в руках буржуазии, что эта буржуазия будет побеждена и будет создан социалистический мир! Это —опасный фантазер», — говорили они.

Но прошло всего несколько лет, и тот, кто в тот момент казался чудаком, оказался на самом деле единственным, понявшим истинный смысл истории, единственным, понявшим действительное направление исторических событий, угадавшим, чего хочет и к чему стремится рабочий класс всего мира.

Как в 1903 году, после разрыва на съезде с.-д. партии со всеми старыми друзьями, Владимир Ильич провозгласил известную теорию развития русской революции и не побоялся остаться с нею один, так и в 1914 г. в решительный момент, в момент поворота для всей мировой истории, он опять остался один на своей дороге. Откуда было взять Владимиру Ильичу уверенность, силу и смелость остаться одному на своем посту, когда даже рабочий класс ушел в сторону? Откуда взялась смелость отстаивать свои теоретические положения, когда, казалось, кругом нет к этому ни малейшего сочувствия? — Они основывались на уверенности в том, что рабочий класс есть действительно революционная сила, действующая по-революционному не потому, что этого хочется тому или другому рабочему, но потому, что весь рабочий класс поставлен в такие условия, что он неизбежно толкается на путь социальной революции.

Вооруженный этим глубочайшим доверием к разуму рабочего класса, Ленин становится во главе всех тех в среде интернационального движения, которые не пошли в хвосте буржуазии и не поддались примерам Вандервельде, Гэда, Каутского. С небольшой кучкой представителей всех стран он созывает Циммервальдскую конференцию, на которой объявляет изменником делу пролетариата всякого, кто не идет против войны, кто не зовет к восстанию против империализма, кто не зовет к социалистической революции; объявляет изменниками всех тех, кто даст хоть копейку на эту войну, кто отдает жизнь сынов народа в руки империалистов. На этой конференции Ленин кликнул клич по всему миру, чтобы собрать остатки старых рабочих армий и перестроить их на новых основаниях, ибо стало ясно, что империализм, охвативший весь мир, зачеркивает сразу все старые программы, в том смысле, что он зачеркивает программу реформ, осуществимых в буржуазном строе, и ставит на очередь дня вопросы о борьбе за социализм целиком, за уничтожение частной собственности, за власть рабочих и крестьян.

Кто поднял на себя тяжесть оценить этот новый мировой уклон, новый поворот мировой истории и создать в соответствии с этим поворотом истории новую программу всего рабочего класса, кто, исходя из оценки новой фазы мирового империализма, сказал, что на очереди дня стоит не борьба за отдельные реформы, вырванные, как подачка, из рук буржуазии, а стоит задача уничтожения буржуазии, кто сказал, что эта буржуазия должна быть сметена с лица земли для того, чтобы не повторилась вновь эта кровавая война, что эта война не может закончиться миром между империалистами, и если мы не хотим, чтобы она закончилась за счет крови и пота рабочих, то она должна кончиться новой борьбой, по борьбой всех рабочих против мирового союзного империализма? Изгнанный царем и буржуазией из России, Ленин, оторванный от своих непосредственных товарищей по борьбе, перед лицом представителей пролетариата всех стран ставит эти лозунги.

Все предатели рабочего класса, все наймиты буржуазии обрушились на Ленина. И повторился тот же самый старый спор, между непримиримой революционной тактикой пролетариата и людьми, находящимися на услужении у буржуазии. И этот спор, как все предшествовавшие, в которых Ленин, во главе коммунистической партии, выступал против оппортунизма, был решен самими рабочими массами, которые нашли свой путь, — путь социалистической революции, путь восстания против эксплуататоров, тот путь, на который с самого начала войны звала их партия Ленина.

VII.

Развитие революции в России, а затем развитие революции в других странах оправдало то, что казалось смешным и безумным бредом предателям, мещанам и трусам. Оно доказало, что был прав лишь один Ленин, поставивший на своем знамени превращение войны империалистов в войну угнетаемых против угнетателей, поставивший на своем знамени: «Власть Советам! диктатура пролетариата!» И этот лозунг, ставший лозунгом Владимира Ильича Ленина с первого момента, когда на арене русской истории появились рабочие массы, теперь подтвержден не только в русском, но и в интернациональном масштабе.

И не потому зовем мы Владимира Ильича вождем мирового пролетариата, что мы хотим этим дать ему какой-то чин или звание, а потому, что лозунги, выведенные им из опыта всего мирового движения и приложенные на практике к рабочему революционному движению в России, суммируют, подводят итоги всему мировому революционному рабочему движению в целом.

Маркс, писавший по-немецки и опиравшийся при создании своей теории на английские данные, на самом деле предуказывал ход мировой истории не только в Англии и Германии, но и в России, Франции, Италии и Австрии, ход м и р о в о й истории, а не только национальной. Так же и лозунги, созданные на территории России и выношенные человеком, пишущим по-русски, написаны не только для России, но и для всего мира. Эти лозунги — диктатура пролетариата и создание республики Советов — и теперь вызывают насмешки и сомнения, даже со стороны людей, называющих себя социалистами, не говоря уже о бешеной злобе, которую эти лозунги вызывают со стороны мировой буржуазии, но каждый день мировой истории, каждый час развития мировой революции предуказывает и предсказывает, что этот лозунг диктатуры пролетариата есть единственно правильный лозунг, отражающий не наши желания и не выдумку Ленина, а действительные желания, интересы массы рабочих и крестьян всего мира.

Когда Ленин при первом революционном клике вернулся в Россию и когда он вступил на почву Петрограда, — а петроградские мостовые неоднократно поливались рабочей кровью, — он провозгласил: «Да здравствует социалистическая мировая революция!». И все тогдашнее буржуазное правительство, все буржуазное общество почувствовало: вот приехал враг.

Да, это были слова непримиримого врага буржуазии: вся буржуазия — русская и международная — почувствовала это. С того момента, как Ленин на площади Петрограда сказал перед десятками тысяч рабочих и солдат эти слова: призыв к рабочей революции — началась неслыханная травля Ленина во всем мире.

После того, как Маркс в 1871 году выступил — единственный — с защитой только что задавленной революции парижских рабочих, он писал в письме своему другу: «Я теперь самый оклеветанный и ненавидимый человек в мире», — в буржуазном мире, конечно. Уже через несколько дней после своего прибытия в революционную Россию Ленин мог повторить о себе эти слова Маркса.

Все свойственные буржуазии способы борьбы с врагами своего класса были употреблены против Ленина, начиная от газетной травли наемных писак, подложных документов, гнусных обвинений подкупленных шпионов, натравливания бессознательной толпы — до тюрьмы и пули из-за угла. Почему? Верил ли кто-либо из тех, кто руководил травлей Ленина, в то, что измышляла буржуазная пресса? Конечно, нет! Тут травили и стремились уничтожить не Ленина, а классового врага, человека, в котором весь буржуазный мир почувствовал своего сильнейшего противника, провидел своего могильщика. Тут дело не в имени, а в том, что буржуазия, над которой занесен меч пролетариата,

старается отвести от себя удар хотя бы злобным укусом передового бойца.

Но даже в своей глубочайшей ненависти к Ленину буржуазия не смогла создать ничего оригинального. Против Ленина русская буржуазия не сказала ни одного оригинального слова: все, чем она пыталась уничтожить влияние Ленина на массы, подорвать к нему доверие среди рабочих, — все это буквально повторяется буржуазией каждой страны против вождей восставших пролетариев, вся ненависть, вся злоба, весь страх, которые охватывают буржуазию перед лицом коммунистической революции, сосредоточились на Ленине. Она почуяла в нем того, кто поведет за собой массы трудящегося народа на последний решающий бой с эксплуататорами, и нет ничего страшного, что она попыталась утопить его в грязи и клевете. Но и из этой жесточайшей борьбы Ленин вышел победителем: своей личностью, своим величием, своей преданностью делу Ильич победил даже умы своих классовых врагов: у его могилы они должны были признать в нем величайшего человека в человеческой истории, гиганта мысли и воли, наложившего несмываемый отпечаток на весь ход мировой истории.

Ленин, как только получил возможность говорить с рабочими и солдатами, заявил: на основании опыта мирового революционного движения, на основании учета того переворота в мировой истории капитализма, который произведен лучшими научными силами марксизма, я говорю: в России, как и во всем мире, на очереди стоит социалистическая рабочая революция. Что это значило? Это обозначало не только теоретическое рассуждение, — это значило открыть немедленно кампанию по мобилизации рабочих масс против того правительства России, которое, выдвинутое революцией, на самом деле служило орудием в руках западноевропейского империализма. Это значило сдернуть всю ту розовую занавеску, через которую рабочие, крестьяне и солдаты смотрели на фигуру меньшевиков и эс-еров и на их империалистское правительство. Надо было иметь не только идейное мужество, не только суровое сердце, — надо было, как истинному пролетарию, не поддаваться никаким соблазнам буржуазного мира, чтобы через несколько недель после приезда в страну, которая была охвачена революционным восторгом, у которой закрылись от этого восторга глаза, сорвать эту занавеску и сказать: «Вы обманываете солдат, которых вели в наступление, крестьян, которым, говоря революционные фразы, не даете земли, рабочих, уговаривая которых, сажаете им в министры капиталистов и не даете власть над производством». Когда раздались эти слова Ленина, — они всех напугали, всех привели в смущение. Вся буржуазная пресса начала травить его, зная, что здесь дело идет не о Ленине. Они поняли, что здесь дело не в нем одном, что оно формули-

рует то, что бродит в массах, что если дать ему свободу, то массы скоро поймут, где правда, на стороне ли сладкоречивых «демократов», меньшевиков, эс-эров, которые обманом вели народ на службу империализма, или на стороне вождя коммунистической партии, Ленина, который говорит: «Хорошо, что мы завоевали свободу, но, чорт возьми, мы эту свободу завоевали не для того, чтобы продолжать войну, кормить капиталистов и работать на помещиков! Мы завоевали эту свободу, чтобы свергнуть помещиков, прекратить войну, отобрать фабрики у капиталистов».

Это была простая правда, без всяких прикрас, формулировавшая то, что было в самих рабочих массах. Поэтому она и казалась такой страшной. То самое правительство Керенского, которое после речи Ленина на 1-м съезде Советов, когда он сказал: «Вы здесь разводите красивые фразы, а не умеете наладить производство, и я бы вам рекомендовал немножко пощупать капиталистов», — заявило: «Ленин проповедует здесь тактику полицейского насилия», — это самое правительство Керенского через несколько недель эту тактику насилия применило, но только не к капиталистам, как это рекомендовал Ленин, а к представителям коммунистической партии, к солдатам и крестьянам и к самому Ленину, в первую голову.

Был отдан приказ об аресте Ленина и других представителей коммунистической партии. На них натравливали белогвардейцев, юнкеров, буржуазные подонки. В канцеляриях буржуазных министров, в глубинах охранки и на задворках продажной прессы изготовлялись гнусные обвинения против всех нас, во главе с Лениным. Троцкий, Луначарский, Раскольников, я были брошены в тюрьмы. Ленин и Зиновьев должны были скрываться. Ленин перебрался на Выборгскую сторону, — эту крепость революционного пролетариата Петрограда — затем в Финляндию, — и скрывался в рабочих квартирах, продолжая усиленную работу революционной пропаганды. Рабочие скрывали и охраняли его от ищеек буржуазии, — он отвечал им неустанной проповедью восстания. В парике, побрившись, он приходил к нам на тайные собрания, где обсуждались планы дальнейшей работы. На этих собраниях под руководством Ленина обсуждался и был принят весь план октябрьского переворота. Почти на 4 месяца — с июня по 25 октября — Ленин опять превратился в нелегального революционера, и только октябрьский переворот дал ему возможность вновь выступить перед широкими массами, но уже в качестве главы рабоче-крестьянской власти.

Ход истории не мог остановиться, вопрос был поставлен резко и решительно: или русская революция станет орудием в руках союзнического империализма, или она выполнит то, что она в себе хранила, т.-е. освобождение пролетариата и беднейшего крестьянства. А это она могла выполнить, — только низ-

вергнув империалистское правительство, какими бы названиями оно ни прикрывалось, и передав власть в руки пролетариата и крестьянства. Далее: пролетариат и крестьянство, взявшие власть в свои руки, не могли ее осуществить иначе, как в борьбе с буржуазией, а власть пролетариата, ведущего борьбу с мировой буржуазией, не могла быть иной, как диктаторской властью. Ход истории на каждом повороте подтверждал ту теорию, которая была создана Лениным путем соединения революционного учения К. Маркса с правильно понятым ходом развития революционного движения во всем мире.

Вы знаете дальнейшую историю нашей партии и дальнейшую роль Владимира Ильича в те дни, когда то, что он проповедывал, — осуществилось. Когда российскому рабочему классу нужно было найти, кому же вверить общее руководство политикой рабоче-крестьянского правительства, конечно, он должен был поручить ее Ленину, как человеку, который предуказал этот путь развития революции, который единственный в мире, — мы можем смело это сказать, — показывает нам гениальное соединение учения Маркса с революционным движением мирового пролетариата в новой обстановке, после краха империалистской войны в эпоху начавшихся пролетарских революций.

Откуда же взялась эта сила у Владимира Ильича, откуда взялась эта способность, не останавливаясь ни перед каким препятствием, итти вперед к пролетарской победе? — Я думаю, что два элемента соединились для того, чтобы создать фигуру нашего вождя. Наука знает, что каждый класс в каждый данный момент выдвигает людей, наиболее соответствующих общественному состоянию данного класса. Мы видели среди вождей рабочего класса Западной Европы всяких людей, мы видели разного типа пролетариев и интеллигентов, отражавших настроения рабочего класса. В те 10-летия, когда буржуазный мир заканчивал постройку национальных государств, когда после ряда революций буржуазное общество предалось нормальному строительству, — «нормальное» здесь обозначает нормальное выжимание нормальной доли крови рабочего класса, — тогда среди рабочих масс создалось более или менее успокоенное настроение. Тогда казалось, что ход борьбы должен итти через парламентские трибуны, через агитацию, через книги, и один элемент был вычеркнут из тех методов борьбы, которыми рабочему классу приходится пользоваться, — этот элемент — революционное восстание вооруженного пролетариата. Правда, Маркс и Энгельс, который сам был в 1848-ом году в штабе повстанческих войск, написали немало книг и статей о роли военного искусства в деле освобождения пролетариата, но это забылось на практике и было затерто в теории, в пропаганде. 80, 90-е и 1900-е годы в Западной Европе представляют собою образец мирного органического раз-

вития. Правда, кровь текла и в эти годы, на фабриках, где падали рабочие, и в дальних колониях, где войска избивали отсталые народы, чтобы доставлять прибыль капиталистам. Но в Европе все казалось спокойно, казалось, что медленно и постепенно будет расти пропаганда социализма, с каждым годом будут увеличиваться количества голосов, будут расти рабочие союзы и понемножку буржуазный мир превратится в мир социалистический. Создалась целая теория такого постепенного внедрения социализма в капитализм, — теория оппортунизма. Но в тайниках этого мирного строя был заложен пороховой погреб и подготовлялся момент, когда все это внешнее благополучие распадется, как карточный домик, когда земля потрясется гулом орудий, покроется мертвыми телами, когда запылают города, разрушатся целые государства. Никому еще не рисовалась точно эта картина, которую несла с собой империалистская война, но история знала, что это идет, и она должна была подготовлять людей, готовых стать во главе народных масс, пробужденных к жизни этим катастрофическим поворотом истории.

Мирный период кончился, и не в тот момент, когда загремела первая пушка, не 4-го августа 1914 года — бой начался раньше, но никто не видел еще, какие размеры примет разгоравшийся бой. И больше того. Те, которые начали империалистскую войну, думали, что им удастся благополучно ее кончить, и что они останутся в барышах. Но история сулила не так. Первый пушечный выстрел этой войны знаменовал не только империалистскую войну, но и крушение всего буржуазного мира, новый поворот истории, наступление мировой катастрофы. Никто не мог предсказывать, как пойдут события, никто не взял бы на себя сказать, что первая революция произойдет в России, вторая — в Австрии, третья — в Германии. Но Ленин знал, что новый период наступил в истории, что массы не вынесут этой войны, что наступила эпоха восстания пролетариата, подготовленная не пропагандой и не книгами, а заложенная в самой сути буржуазного строя, и что теперь нужно поставить на знаменах те лозунги мирового восстания наемных рабов и окончательного торжества труда, которые выставил еще Маркс и которые были выхолощены и опошлены в мирный период.

История подготовила вождя, и таким вождем новой мировой эпохи, человеком, отразившим в себе вулканическое состояние мировой истории, и явился Владимир Ильич Ленин. Он явился воплощением пролетариата, который буржуазия вырвала из обычного существования, бросила в кипящий котел мировой истории и который хочет выйти из этого котла победителем, а не рабом буржуазии. Он воплотил в себе надежду всего пролетариата, потому что пролетариат верит в самого себя и верит, что еще один удар заступом, еще боевой напор, еще одно усилие, и идеи

коммунистической партии станут идеями всего мирового пролетариата и осуществят на развалинах старого мира тот новый мир, в котором не будет войны, не будет эксплуататоров, в котором тысячелетние мечты о господстве самих трудящихся, наконец-то, найдут свое воплощение.

Вулканические, поворотные моменты мировой истории требуют людей стальных, решительных, не боящихся остаться в одиночестве, не колеблющихся, знающих, что раз решение принято, то оно с железной дисциплиной должно быть осуществлено. Таким и был наш вождь. Но если во Владимире Ильиче Ленине воплощена стальная воля, разящий меч пролетариата, то в нем есть и другая черта, воплощенная в том слове, которое все теперь повторяют, быть может, не отдавая себе отчета в его великом значении. Это слово — «товарищ», оно стерлось, как монета, от повторения, но это великое слово, воплощающее в себе тот будущий строй, при котором люди друг другу будут не волки, а товарищи, будут работать и жить дружной семьей. И вот в маленьких ячейках коммунистической партии, которая, как капля воды, долбила гранитный фундамент буржуазного господства и которая вместе с Владимиром Ильичем Лениным десятки лет переживала победы, радости и разочарования, вот в этих маленьких ячейках мы учились в годы побед и в годы поражений ценить это слово «товарищ», и научились в этом стальном человеке, в вожде мирового пролетариата, ценить воплощение всех черт, составляющих содержание этого великого слова. Я не знаю другого человека, в котором чувство подлинной и действенной любви ко всем трудящимся и ко всякому трудящемуся человеку были бы заложены так глубоко и были так сильны, как в Владимире Ильиче Ленине. Разящий меч пролетариата и друг всех трудящихся, — вот тот человек, который призвал всех трудящихся к восстанию против гнета капитала и создал первое в мире и в истории государство победившего рабочего класса.

ВЕЛИКИЙ МЯТЕЖНИК.

Ленин создан был для того, чтобы в самую катастрофическую, самую мятежную, самую революционную эпоху мировой истории стать во главе миллионов и вести их в бой.

Он родился на берегах Волги, на стыке между Европой и Азией. Как бы в предвидении эпохи величайших потрясений, десятилетней войн и революций, история создала вождя, воплотившего в себе всю бурную революционную страстность и всю неоглядывающуюся назад решимость класса, которому «нечего терять, кроме своих цепей» и которому суждено «завоевать весь мир».

История вооружила его высшим достижением мировой культуры, оружием, которое столетиями вырабатывалось и ковалось величайшими умами человечества,—оружием научного социализма, марксизмом.

И она же напитала его великим чувством мятежа, бунта, восстания. Страстное чувство возмущения и негодования, веками накопленное в «низах» человечества, в фабричных пригородах, в задавленных деревнях, среди колониальных рабов, жило в его груди и направляло его железную волю.

Из глубин истории идут эти волны мятежей и восстаний, потрясающих мир. Ими давала знать о себе своим господам задавленная масса рабов, тех, для которых до сих пор история была лишь сменой форм рабства.

Длинная цепь этих вулканических извержений, как красное зарево освещает пути человечества, это — красная нить его развития. Для Ленина она никогда не была лишь предметом исторического изучения — как для Каутского или Плеханова. Нет! После Парижской Коммуны именно Ленин и только он— как бы по молчаливому доверию миллионов угнетенных—поднял и продолжил — в теории и на практике — эту красную нить всемирной истории.

Не пренебрегая никакой деталью, не отстраняясь ни от какой будничной работы, умея выжидать, когда это целесообразно, и рисковать, когда этого требует дело, Ленин систематически,

упорно, неустанно готовил восстание миллионов против мира насилия и гнета.

Но он не только продолжал дело великих мятежников.

Вместе с пролетариатом Ленин готовил восстание для того, чтобы восставший пролетариат взял власть.

Восстать, чтобы победить; победить, чтобы взять власть; взять власть, чтобы властной, железной, пролетарской рукой в союзе со всеми угнетенными начать перестройку мира. Так рассуждает каждый рабочий. Так рассуждал, для этого жил, для этого работал, над этой работой умер Ленин.

Диктатура должна закрепить восстание; не закрепленное диктатурой самой массы восстание, даже успешное,—это еще не победа, это, в лучшем случае, только шаг к победе,—эту мысль выковала в Ленине вся предшествующая история бесплодных попыток трудящегося человечества освободиться от своих господ.

Против диктатуры меньшинства — диктатура большинства; против диктатуры «господ» — диктатура «низов»; все остальное обман народа, предательство, слабость мысли или слабость воли, «поповство» и «толстовство»: так учил Ленин, и это учение было только формулировкой тяжкого, неслыханно дорогой ценой купленного исторического опыта миллионов и миллионов людей.

Не случайно великого вождя борющемуся человечеству дала Россия.

Именно в России, на великом историческом стыке между Западом и Востоком, в бурлящем котле глубочайших противоречий, на почве мучительных и героических усилий сотен миллионов рабочих и крестьян освободиться и от азиатского царизма, и от европейского капитализма, мог вырасти и закалиться вождь, под руководством которого рабочий класс перешагнул через порог новой эпохи.

Здесь выковалась и получила впервые политическое воплощение идея пролетариата, собирающего вокруг себя крестьянство для окончательного удара капиталу, идея союза рабочих и крестьян. Ленин сделал эту формулу — формулой мирового освобождения, превратив ее в динамитный патрон, подрывающий все здание мирового империализма.

Она — эта идея — сливает в единый, могучий, непреоборимый поток классовое пролетарское движение городов-спрутов Запада с революционным движением индусских деревень и китайских крестьян; она превращает коммунизм в небывалую по своей глубине и захвату силу, которой обеспечена мировая победа.

С факелом ленинизма в руках трудящиеся всего мира из эпохи стихийных, разрозненных попыток освобождения входят в эпоху победоносных восстаний, закрепленных диктаторской властью рабочего класса.

ЗАДАЧИ МАРКСА — ДЕЛО ЛЕНИНА.

Три черты характерны для I Интернационала.

Он был первой после революций 48 — 49 гг. попыткой «объединения в одно большое войско всех могущих итти в бой сил рабочего класса Европы и Америки» (слова Энгельса).

Он поставил своей целью превращение государства из орудия власти помещиков и капиталистов в орудие освобождения пролетариата путем завоевания им политической власти. «На рабочем классе лежит великая обязанность — завоевать себе политическую власть», — провозгласил написанный Марксом Манифест I Интернационала.

Он был ареной ожесточенной борьбы Маркса и марксистов за коммунистическую идеологию пролетариата против всех форм отсталости рабочего движения, против английского тред-юнионизма, французского прудонизма, германского лассальянства, бакунинского анархизма. Считаясь с уровнем рабочего движения середины прошлого столетия и отнюдь «не закрывая дверей» Интернационала перед представителями этих «сект», поскольку они были связаны с рабочими, Маркс превратил «Международное общество рабочих» в орудие высвобождения передовых элементов рабочего класса из-под власти этих пережитков буржуазных и мелкобуржуазных влияний на пролетариат.

«История Интернационала, — писал Маркс в 1871 г., — была непрерывной борьбой генерального совета (т.-е. Маркса и его единомышленников. *Л. К.*) против сект и социалистических прожектеров (т.-е. всех немарксистских, некоммунистических течений в рабочем движении. *Л. К.*), пытавшихся утвердиться в Интернационале вопреки действительному движению рабочего класса».

Историческим результатом деятельности вдохновляемого Марксом I Интернационала были два явления, имевшие всемирно-историческое значение, предопределившие дальнейший ход мирового движения пролетариата.

Во-первых, Парижская Коммуна. «Коммуна, — писал Энгельс в 1874 г., — явилась непроизвольным духовным детищем Интерна-

ционала... Интернационал вполне справедливо считается виновником Коммуны». Во-вторых, создание во всех странах с фабрично-заводским пролетариатом очагов марксизма и превращение учения Маркса в единую мировую теорию и программу пролетарского движения, сплотившую вокруг себя активные революционные элементы рабочего движения во всех странах.

Таким образом руководимое Марксом первое международное общество рабочих дало мировому рабочему движению *и* первую попытку пролетарской революции *и* единую, охватывающую все мировое движение, теорию преодоления капитализма путем завоевания власти рабочим классом (кстати, в эпоху I Интернационала Маркс и Энгельс не иначе называли свою программу — в отличие от программы своих «социалистических» противников — как коммунистической программой и свою тактику — коммунистической тактикой).

Что сделал с этим великим наследством II Интернационал (1889 — 1914 гг.)? Этот вопрос впервые поставил Ленин и, ответив на него, призвал рабочие массы всего мира во имя подлинного наследия Маркса порвать со II Интернационалом, чтобы создать Интернационал III — Коммунистический.

«Опыт Коммуны был не только забыт, но извращен, — писал Владимир Ильич, оценивая эпоху II Интернационала; — рабочим массам не только не внушалось, что близится время, когда они должны будут выступить и разбить старую государственную машину, заменяя ее новой и превращая, таким образом, свое политическое господство в базу социалистического переустройства общества, — массам внушалось обратное... Эти господа прямо отрицают диктатуру пролетариата. Они, в сущности, ничем серьезно не отличаются от мелкобуржуазных демократов».

Вскрытое с беспощадной ясностью Лениным превращение вождей II Интернационала в теоретических и практических слуг капиталистического господства обозначало бы крушение дела, начатого шестьдесят лет назад на рабочем митинге в Лондоне, если бы брошенное в грязь знамя Маркса и I Интернационала не подняла вновь над всем миром Октябрьская революция.

Ленин не только стал во главе ее. Своей теорией и практикой он **воскресил** перед международным пролетариатом заветы I Интернационала так, как их понимали Маркс и Энгельс.

Он вновь поставил марксовскую задачу: «**объединение в одно большое войско всех могущих итти в бой сил рабочего класса Европы и Америки**», призвав в то же время к бою резервы пробужденного Востока.

Он вновь выдвинул как очередную задачу, как задачу исторического дня «**великую обязанность рабочего класса — завоевать себе политическую власть**», показав, что

только лакеи капитала из II Интернационала могут отрицать мысль Маркса о том, что завоевание политической власти рабочего класса есть диктатура пролетариата.

Он, наконец, показал, что как в эпоху I Интернационала, так и ныне осуществление задач рабочего класса невозможно без «непрерывной борьбы» за коммунизм против всех форм буржуазных влияний на пролетариат, без систематического, по-марксовски убийственного разоблачения «мелкобуржуазных болтунов», «продажных душ» и «пустопорожних голов», отравляющих рабочее движение во славу диктатуры капитала.

В год распада I Интернационала Фридрих Энгельс писал: «Я верю, что возрожденный Интернационал будет — после того как учение Маркса будет все более и более усваиваться — прямо коммунистическим, и на его знамени будут провозглашены именно наши принципы».

Это сделано. Интернационал возрожден. Он возрожден как прямо коммунистический. На его знамени провозглашены принципы Маркса. Это сделано революционными пролетариями всего мира под руководством Ленина.

ЛЕНИН И МОЛОДЕЖЬ.

Владимир Ильич никогда не занимался специально движением молодежи. Однако, ни в своих публицистических работах, ни в политических расчетах он не мог, конечно, обойти такого важного фактора современной политики, как революционная организация молодежи.

В старой России, России до империалистической войны, движение пролетарской молодежи непосредственно сливалось с общепролетарским движением также и в том смысле, что оно не имело ни собственной организации, ни собственных проблем. Зато в качестве своеобразной политической силы выступала тогда, — в частности и в особенности до 1905 года, — молодежь интеллигентская, говоря точнее — студенчество.

Роль разночинного студенчества в конце XIX и начале XX веков в России служила, конечно, одним из ярких показателей отсталости страны, примитивности ее общественных отношений, относительной слабости классовой борьбы. Вместе с тем студенчество того времени великолепно играло роль застрельщика в борьбе против царизма, роль легких кавалерийских отрядов, постоянно тревоживших общего врага, и, одновременно служило тем резервуаром, откуда складывавшиеся политические партии черпали необходимые им подсобные силы «специального вооружения» (пропагандистов, газетчиков и т. п.).

Плоть от плоти и кровь от крови русской интеллигенции, старое студенчество вместе с ней пережило приливы и отливы политических настроений, переходя от повального «увлечения» пролетариатом к успокоению в лоне идейной беспринципности, сладенького народолюбия и антипролетарского эс-эрства.

Вместе с появлением на исторической сцене широких масс пролетариата и по мере того, как политическая борьба принимала все более резкие и жесткие очертания открытой классовой войны, интеллигентская молодежь все дальше отходила от политики и, наконец, после первой революции, совсем сошла с поли-

тической арены. Вместе с тем прекратилась и та «борьба за молодежь», отголоски которой имеются в первых статьях Ленина, посвященных студенчеству. История русской интеллигентской молодежи, история того «студента», который одно время был синонимом революционного оратора и пропагандиста, кончилась. Началась история пролетарской молодежи.

Роль и значение пролетарской молодежи определены Владимиром Ильичем таким образом, что они не только исчерпывающе характеризуют самое рабочую молодежь, но великолепно характеризуют и самого Владимира Ильича, одновременно как борца против капитализма и как строителя социализма.

Революционер-студент, с которым Владимиру Ильичу приходилось иметь дело на первых этапах революционного движения, был для него выходцем из чуждого класса, временным возможным союзником, отголоском прошлого, уходящим в историю. Пролетарская молодежь — это истинный творец истории, подлинный работник той «действительной истории человечества», которая, по слову Энгельса, начнется лишь «после скачка из царства необходимости в царство свободы». По словам, обращенным к коммунистической молодежи Лениным в последние годы, легко видеть, что, когда Ленин, отрываясь от работы текущего дня, задумывается над вопросами строительства будущего коммунистического общества, главенствующую роль в его мыслях играет — рядом с новой техникой — и новый человек, новое, молодое поколение, не отравленное миазмами капиталистического общества, освобожденное от наследственных ядов рабства и унижения и готовое к строительству.

Владимир Ильич не мечтатель, но если он мечтает о чем-либо, то именно об этом новом поколении, о рабочей молодежи, которая будет строить то, ради чего старикам пришлось разрушать. Вот почему так настойчиво зовет Владимир Ильич рабочую молодежь к учению, к знанию. Земля завалена навозом и хламом, пролетариат в тяжких условиях очищает ее. Рабочей молодежи на этой очищенной земле придется строить новое здание, достойное свободного человека. Она должна запасаться знанием, должна вырабатывать в себе волю и характер для этого великого строительства. Вот приблизительно мысль, лежащая в основе отношения старого вождя к молодым поколениям пролетариев.

Но Ленин менее всего моралист, менее всего верит в силу поучений. Больше всего он верит в силу фактов, в ту науку, которая входит в голову под аккомпанемент молота и винтовки. Раньше, чем молодое поколение рабочих начнет строить, оно должно будет пройти через практическую школу гражданских битв. Энгельсовский «скачок из царства необходимости в царство свободы» — это годы напряженной, жестокой, беспощадной клас-

совой борьбы, годы войн и революций, неизбежных поражений и предрешенных побед.

Чтобы молодое поколение получило возможность строить, чтобы оно, преображая мир, преобразило и себя,— оно должно уже сегодня влиться в ряды сражающихся.

Так в ленинских словах, обращенных к пролетарской молодежи, сливаются ее сегодняшние обязанности с ее завтрашними задачами.

ГОД БЕЗ ИЛЬИЧА.

1. Учение Ленина.

О коммунистическом обществе.

Мы приближаемся к годовщине того дня, когда мировой пролетариат и наша партия потеряли своего вождя. В эти дни мне трудно было бы говорить только о том, как мы жили без Ильича, что мы делали без него. И у меня, и у вас, вероятно, одинаковая потребность вспомнить то, чему учил Владимир Ильич, вспомнить, что он заповедал нам в те дни, когда он уходил от нас, и проверить нашу работу, сверяя ее и с общим учением Владимира Ильича и с последними его указаниями. Поэтому позвольте мне начать с изложения самых важных пунктов того, что мы зовем ленинизмом.

Владимир Ильич на грани новой всемирно-исторической эпохи возглавил трудящееся человечество в его борьбе за лучшее будущее. Это лучшее будущее человечества представлялось Владимиру Ильичу, как коммунизм. Что это такое, что собственно имел в виду Владимир Ильич, когда звал нас вести мировой пролетариат и все угнетенное человечество к борьбе за коммунизм? Если вы развернете сочинения Владимира Ильича и будете искать в них детального описания того общества, того строя, за который он боролся,— вы этой детальной картины там не найдете. Так же, как и все подлинные революционеры, Владимир Ильич не любил рисовать картин будущего строя; он знал, что этот будущий строй сложится в результате усилий десятков и сотен миллионов людей и что предугадать детали этого общества невозможно. В одной из основных своих работ «Государство и революция», Владимир Ильич сказал прямо, что нет еще фактов для того, чтобы точно представить себе детали общественного устройства коммунистического общества.

Но основные черты этого будущего, единственного будущего, которое может освободить человечество от ярма всяческого

рабства, были ясны Владимиру Ильичу, и они ясны нам, — и это именно те черты, которые способны вдохновить миллионы на борьбу, и ради которых миллионы действительно борются. Это — общество, в котором должны быть уничтожены классы, это — общество, в котором, благодаря уничтожению классов, будет уничтожено всякое насилие человека над человеком; это, наконец, — общество, которое целиком овладеет всеми богатствами, создаваемыми трудом человека, всеми достижениями техники и науки и поставит все эти материальные богатства, все эти достижения на службу всего человечества. Это значит, что это будет такое общество, в котором впервые будут осуществлены подлинное равенство, действительная свобода и истинное сотрудничество людей. Вот те основные черты коммунистического общества, которые могут и должны сделать из него такую общину, в которой осуществится лозунг великих социалистов: каждый дает по способностям и получает по потребностям! Это — высшая фаза коммунистического общества.

Мы знаем, что мечта об обществе, в котором были бы осуществлены подлинное равенство, действительная свобода, истинное сотрудничество людей, что эта мечта не раз возникала в истории человечества. Чем глубже было угнетение, чем сильнее было неравенство, чем меньше было свободы, чем больше было насилия, — тем выше вздымались мечты об этом обществе. История показывает нам, как исходившие из глубины подавленных, угнетенных человеческих масс мечтания об этом обществе затвердевали в религиозных системах и затем, благодаря диалектике истории, превращались сами в своем затвердевшем религиозном виде в орудие порабощения. Ильич не был мечтателем. Он хотел этой действительной свободы, этого истинного равенства не для бесплотных духов, а для материальных, живых, подлинных людей. Он был материалист.

На вопрос: возможно ли это общество, не есть ли это неосуществимая мечта, сказка, фантазия, призрак, за которым гонится угнетенное и порабощенное человечество? — на этот вопрос он отвечал как материалист: «Да, возможно, если мы в борьбе за это будущее будем опираться на самые реальные вещи, — на развитие производительных сил, т.-е. на наличные силы природы и уменье человечества ими коллективно овладеть».

Но этого мало. Ильич не только был материалистом в понимании развития современного общества, — он знал сам и нас учил понимать, что только тогда это будущее будет осуществлено, если порабощенные массы познают и овладеют основным законом всей человеческой истории — законом классовой борьбы, если, познав этот закон, овладев им, научившись руководствоваться этим законом, угнетенное сейчас человечество, с пролетариатом

во главе, сделает закон классовой борьбы орудием достижения коммунистического общества.

Ильич был не только провозвестником будущего коммунистического общества, не только материалистом в понимании этого общества, не только марксистом, сторонником классовой борьбы в понимании путей к этому обществу, — он был подлинным революционером в понимании тех методов борьбы, которые должен применить пролетариат для того, чтобы осуществить это общество.

Маркс и Ленин.

Здесь необходимо отметить то новое, что внес в учение коммунизма Ленин сравнительно с Марксом. Маркс создал учение о неизбежности, о непреложности прихода коммунистического общества, и он же доказал, исходя из анализа капиталистического общества, что коммунистическое общество придет через классовую борьбу пролетариата и его победу, т.-е. через неизбежную пролетарскую революцию. Маркс поэтому является величайшим учителем пролетариата. Но мало того: Маркс в первых массовых выступлениях рабочих сумел выделить, подчеркнуть, выдвинуть то, что делало эти выступления провозвестниками будущей борьбы пролетариата за социалистический и коммунистический строй. Он изучил и вывел все необходимые уроки из анализа первых проблесков дела социалистической борьбы пролетариата, из борьбы пролетариата в революциях 48-го года и революции 71-го года. Но дальше в деле изучения самого механизма пролетарской революции Маркс пойти не мог по той простой причине, что эра пролетарских революций, эпоха, центром характеристики которой являются пролетарские революции, в его дни еще не наступила.

Ленин пришел и начал свою работу как раз в тот момент, когда человечество, весь мир переходил из периода мирного, на внешний взгляд, органического развития капитализма к новой всемирно-исторической эпохе, к эре пролетарских революций. Именно поэтому Ильичу выпало на долю пойти дальше Маркса: не только подтвердить учение Маркса о неизбежности пролетарской революции, не только двинуть вперед изучение первых шагов пролетарской революции, но и создать учение о механике пролетарской революции в действии.

Ленин руководил первой в мире пролетарской революцией, он изучал на живых исторических фактах, на движениях масс (например, массовые политические стачки и их сочетание со стачками экономическими), на анализе тех новых форм организации, которые созданы подлинным массовым движением (например, Советы Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов),

такие явления пролетарской революции в действии, которые неведомы были Марксу, не могли быть Марксу ведомы.

Для этого должны были сойтись специальные условия. Первое и основное условие заключалось в том, что человечество вместе с Лениным вступило в новую империалистическую эпоху, т.-е. в эпоху назревания и перезревания капитализма, а вместе с тем и в эпоху острейших столкновений противоречивых сил, развившихся внутри капитализма, т.-е. буржуазии и пролетариата. Это первое, основное условие, которое позволило Ленину двинуться дальше Маркса и прибавить к учению Маркса о неизбежности пролетарской революции учение о самом ходе и внутренних законах пролетарской революции.

Второе условие — это то, что Ленин, как политик, вырос среди пролетариата России, который, благодаря специальным условиям, благодаря задержке буржуазной революции и страшному застарелому, задержавшемуся гнету царизма и феодализма, отличался особенной революционностью. Пролетариат России не мог быть и не был еще захвачен тем мещанским благополучием, которое в известные моменты развития капитализма давало возможность буржуазии обманывать или запутывать верхушки пролетариата в те или иные иллюзии. А вместе с тем Ленин мог наблюдать и должен был изучать подлинное массовое революционное движение крестьянства, которое именно в России «дополнило» революционное движение пролетариата. Маркс только гениально наметил этот тип революций, где революция пролетариата «дополняется» крестьянским восстанием. Ленин жил в период именно подобной революции, и это не могло не дать ему материала для сильнейшего обогащения учения Маркса о революции.

Революционная ситуация и революционное настроение в России на рубеже XIX и XX столетий, подлинный революционный инстинкт пролетарских масс, сочетание рабочей и крестьянской революций — вот второе условие, которое создало возможность для Ильича двинуться вперед и не только применить марксизм к новым условиям, но дополнить марксизм теми новыми чертами, которые превращают марксизм из учения о неизбежности пролетарской революции в подлинное руководство пролетарской боевой организации в самом ходе пролетарской революции. А это и делает из марксизма ленинизм.

Если вы с этой точки зрения посмотрите на работы Ильича о самом Марксе, то вы увидите, как внимательно изучал Ленин у Маркса именно те черты, — не очень многочисленные, нужно сказать, по условиям, о которых я выше говорил, — те черты, в которых Маркс сам приближался к вопросам механики пролетарской революции. Никто больше, чем Ильич, из всех марксистов не изучал так подробно, так внимательно и, так сказать, актуально, — не с целью академических исследований, а с целью

непосредственного применения к жизни, — тех сторон работ Маркса, которые связаны с революционной непосредственной массовой борьбой пролетариата в революциях 1848 года. Вопросы о восстании, которые Маркс изучал на основе первых европейских революций 1789 и 1848 гг., и которые среди европейских социал-демократов считались чем-то более или менее случайным в общей системе марксизма, — эти черточки Ильич особенно внимательно выбирал у Маркса, понимая, что именно в настоящую эпоху пролетарских революций эти гениальные зародыши мысли Маркса о механизме пролетарской революции будут особенно ценны. Поэтому же у Маркса Ленин изучал с особенным вниманием то, что Маркс сказал о Парижской Коммуне. Больше опять-таки, чем какой-либо из учеников Маркса, Ленин подверг особому изучению эту гениальную попытку Маркса проанализировать первый опыт пролетарской коммуны, пролетарского государства, — опыт, продолжавшийся только 3 месяца, кончившийся неудачей, но который предвосхищал весь дальнейший путь пролетариата в борьбе за власть. Наконец, с особенным вниманием, которое опять-таки напрасно было бы искать у какого-либо другого ученика Маркса и можно найти только у Ленина, изучал Ленин у Маркса все малейшие намеки, мысли, указания на диктатуру пролетариата и на характер той государственной власти, которая должна быть создана победившим пролетариатом.

Особое и давнее внимание Ленина к этим сторонам учения марксизма сразу выделяет его из всех тех учеников Маркса, которые больше всего занимались опошлением марксизма, больше всего занимались притуплением именно революционных боевых сторон марксизма, как учения о пролетарской революции. Это внимание Владимира Ильича к этим сторонам марксизма — это первый из показателей того, что центр тяжести своего учения Владимир Ильич видел — и видел справедливо — в учении о механике пролетарской революции в действии.

Учение пролетарской революции.

Другой — и важнейший — показатель — это то, что, первый после Маркса и гораздо более широко и действенно, чем Маркс, Ильич в своем учении поставил проблему власти и государства. Эта проблема государственной власти была совершенно снята с порядка дня европейских марксистов и европейской социал-демократии в последние десятилетия XIX века. После франко-прусской войны и неудачи Коммуны, после 71-го года, мы видели, как я уже выразился, эпоху, которую можно было бы характеризовать как эпоху мирного, органического развития. (Слова «мирного» и «органического» надо, конечно, взять

в кавычки, потому что «мирное» развитие капитализма зиждилось само по себе на крови миллионов рабочих, на насилии над миллионами колониальных рабов, по по внешности оно носило именно характер мирного, органического развития, не прерываемого каким-нибудь вулканическим, революционным извержением снизу.) В этот период марксисты, европейская социал-демократия сняли совершенно с порядка дня вопрос о государственной власти. Речь шла о том, чтобы улучшить положение рабочего класса в данных условиях, на почве данных капиталистических отношений. Ни в пропаганде, ни в агитации, ни в организации вопросы не ставились таким образом, что дело идет о подготовке к переходу власти из рук одного класса в руки другого класса.

Первое событие, которое прервало эту полосу и которое выдвинуло вперед вопрос о власти, — это была революция 1905 года, а первый революционный мыслитель, который оформил этот вопрос, который поставил его вновь в упор и перед идеологами рабочего класса, и перед самой рабочей массой, — это был Владимир Ильич, и эта острая постановка основного вопроса всякой революции, — вопроса о власти, — и есть одна из самых характерных, из самых важных черт учения Владимира Ильича. Перед Владимиром Ильичем стояла новая задача — определить, что такое власть в руках нового класса. Будет ли государственная власть в руках пролетариата тем же самым, что государственная власть в руках буржуазии? Каковы условия перехода власти от буржуазии к пролетариату, — те же самые это условия, которые были налицо при переходе власти от помещиков к буржуазии, или переход власти от буржуазии к пролетариату представляет нечто принципиально новое, что изменяет самый облик власти и, следовательно, самое содержание государства? Наконец, какова форма государственной власти в руках пролетариата? Это — все вопросы пролетарской революции в действии, которые не были поставлены, не могли быть практически поставлены учителями Ленина, Марксом и Энгельсом, из которых он исходил, на которых он целиком упирался, учение которых он целиком принял, но которое он двинул вперед, сообразно новым условиям эпохи пролетарской революции.

Надо понять, что все эти вопросы, намеченные мною, не могли ставиться Ильичем в каких-либо национально ограниченных рамках. Горький как-то сказал, что учение Владимира Ильича и самое явление Владимира Ильича есть явление планетарное, т.-е. такое, которое охватывает всю нашу планету. Слово это, может быть, звучит слишком торжественно, — Ильич не любил торжественности ни в чем, — но по существу оно правильно, ибо те вопросы, которые поставил Владимир Ильич, как и то движение, которое он возглавлял, носят характер полной

международности, охватывают человечество все целиком. Они, эти вопросы и ответы, ставят и решают не национальную проблему пролетариата России, Франции, Германии, или Англии, или Америки, — они ставят вопросы в общем, интернациональном масштабе.

То, чему учил Владимир Ильич, отнюдь не сводится к учению о том, как в той или другой стране может победить социализм. Правда, Владимир Ильич часто говорил о том, что коммунисты каждой данной страны обязаны н а ч и н а т ь пролетарскую революцию именно со своей страны. Он часто указывал на то, что всякая попытка отговориться от того, чтобы начать революцию в той или другой стране, отговориться тем, что данная страна отсталая, страна с недостаточно развитым капитализмом,— что это есть лицемерная попытка оттянуть пролетарскую революцию или снять с себя ответственность, сваливши на пролетариат другой страны честь почина. Особенно во время империалистской войны он беспощадно бичевал подобные попытки отговориться отсталостью данной страны, он настаивал на том, что социалисты, коммунисты, революционный пролетариат каждой данной страны должны стремиться начать революцию сами у себя, не дожидаясь, покуда начнет пролетариат другой страны. Но начало и победа пролетарской революции в данной стране была для Ленина способом вызвать дальнейшее движение мировой революции. Особенно это относится к победе пролетарской революции в отсталой стране. Мы должны начать, — говорил Ленин, — но продолжить и закончить можем только мы все вместе, или, по крайней мере, несколько передовых промышленных стран совместно. Мы должны начать, но окончательно победить социализм может только на пространстве ряда капиталистических и промышленных стран. Поэтому верно, когда говорят о том, что учение Ильича не есть учение, не есть теория о победе социализма в отдельной стране, а есть теория о том, что, где бы ни началась пролетарская революция, она только тогда придет к окончательной победе, когда сумеет в свой водоворот захватить целый ряд стран.

Таким образом, не только революционная постановка всех вопросов марксизма, но и интернационализация пролетарского движения, интернационализация вопросов и подготовки пролетарской революции являются основными чертами Владимира Ильича и делают его вождем международного пролетариата. Ленин стал интернациональным вождем не только потому, что международный пролетариат увидел в движении, возглавленном Лениным, у нас в России первое осуществление своей мечты, цели своей борьбы, а потому, что по самому характеру учения Ленина оно интернационально.

Механика пролетарской революции.

Позвольте мне теперь уже не своими словами, а словами Владимира Ильича проследить в самых кратких чертах, как Владимир Ильич переходил от одного вопроса к другому в проблеме механики пролетарской революции. Когда я просматривал сочинения Владимира Ильича для сегодняшнего доклада, я имел в виду рассказать учение Владимира Ильича в тех частях, к которым я сейчас перехожу, своими словами. Но и на этот раз, как и раньше, случилось то, что случается, вероятно, с каждым, кто читал Владимира Ильича: почти невозможно передать своими словами те четкие, точные и ясные формулировки, которые дал своим мыслям Владимир Ильич. Всякая попытка изложить эти формулировки своими словами является не облегчением, а затруднением для читателя или слушателя. Поэтому я решил посвятить часть своего доклада прочтению некоторых цитат из Владимира Ильича. Я только выбрал и расположил их в том порядке, который, как мне кажется, правильно и точно излагает, как Владимир Ильич переходил с одной ступеньки на все более высокую и высокую в разрешении вопросов пролетарской революции.

Первое. Как рисуется Владимиру Ильичу его враг? И почему перед лицом этого врага он не остался пропагандистом, агитатором, теоретиком? Откуда та революционная страсть, которая сделала его полководцем сражающейся пролетарской армии? Мне кажется, ответ на это в тех словах Владимира Ильича, которые он написал в 1919 году в ответ на вопросы американского журналиста. Вот что пишет Владимир Ильич: «По сравнению с феодализмом капитализм был всемирно-историческим шагом вперед по пути «свободы», «равенства», «демократии», «цивилизации». Но, тем не менее, капитализм был и остается системой наемного рабства, порабощения миллионов трудящихся, рабочих и крестьян, ничтожному меньшинству современных рабовладельцев, помещиков и капиталистов. Буржуазная демократия изменила форму этого экономического рабства по сравнению с феодализмом, создала особенно блестящее прикрытие для него, но не изменила и не могла изменить его сущности. Капитализм и буржуазная демократия есть наемное рабство.

Гигантский прогресс техники вообще, путей сообщения особенно, колоссальный рост капитала и банков сделали то, что капитализм дозрел и перезрел. Он пережил себя, он стал реакционнейшей задержкой человеческого развития. Он свелся к всевластию горстки миллиардеров и миллионеров, толкающих народы на бойню...

Во время войны 1914 — 1918 гг. десятки миллионов людей убиты и искалечены именно из-за этого, только из-за этого.

Сознание этой истины с неудержимой силой и быстротой распространяется среди массы трудящихся во всех странах...

Крах капитализма неизбежен. Революционное сознание масс растет везде. Об этом говорят тысячи признаков.

Капиталисты, буржуазия могут в «лучшем» для них случае оттянуть победу социализма в той или другой отдельной стране ценой истребления еще сотен тысяч рабочих и крестьян. Но спасти капитализм они не могут. Не могут спасти частную собственность на землю, фабрики и прочие средства производства, ибо эта частная собственность есть источник эксплуатации немногими многих, источник нищеты масс, источник грабительских войн между народами, обогащающих только капиталистов».

Казалось бы, слова обычные. Мало ли сказано сильных слов против капитализма, против войны? Я привел эту выдержку потому, что, мне кажется, здесь с особенной наглядностью сконцентрирована вся та ненависть к капитализму, как к тормозу дальнейшего развития всего человечества, которая, несомненно, пронизывала Владимира Ильича, которая диктовала ему выступления, которая определила его поведение. Именно эта полная уверенность, это приобретенное на основе марксизма твердое знание, что капитализм, который был некогда прогрессивным явлением, пережил и изжил себя, стал реакционнейшей задержкой человеческого развития, тормозом для всякого развития человеческого рода, — это было исходной точкой той железной цепи умозаключений, которая заканчивалась лозунгом организации восстания большинства человечества против губящего человечество тормоза его дальнейшего развития. Но мало знать, что капитализм, который был некогда прогрессивным, сейчас стал тормозом общего развития. А выход где? Кто выведет из этого тупика, на котором запнулось человечество? Этот ответ Владимир Ильич тоже дал. Мы все знаем этот ответ. Но мне хотелось бы, чтобы вы вновь услышали слова Ильича, его собственные слова. Вот его ответ на вопрос, кто выведет человечество из тупика, куда привел его капитализм:

«Маркс видел прогрессивную, революционную работу капитализма в том, что он, обобществляя труд, в то же самое время механизмом самого процесса «обучает, объединяет и организует рабочий класс», объединяет для «экспроприации экспроприаторов», для захвата политической власти и отнятия средств производства из рук «немногих узурпаторов» для передачи их в руки всего общества».

В этих словах самое характерное — это то, когда они написаны, когда была провозглашена эта программа, которая есть программа и нашей Октябрьской революции, и всех будущих пролетарских революций, ибо все будущее пролетариата целиком и полностью заключено в этих словах. Эти слова написаны

в 1894 году — 30 лет назад, за 23 года до Октябрьской революции, в царском подполье, когда самих марксистов можно было пересчитать по пальцам, а рабочий класс не имел еще даже зачатков сколько-нибудь массовидной организации, когда самой партии еще не существовало.

Мы знаем теперь со слов Ильича врага, который стоит поперек развития всего человечества, и бойца, который сломит этого врага; но как, каким путем пролетариат сломит своего врага? Владимир Ильич отвечал совершенно беспощадными словами. Он говорил: путь освобождения — война.

«Революция есть война. Это — единственная законная, правомерная, справедливая, действительно великая война из всех войн, какие знает история. Эта война ведется не в корыстных целях кучки правителей и эксплуататоров, как и все и всякие войны, а в интересах массы народа против тирана, в интересах миллионов и десятков миллионов эксплуатируемых и трудящихся против произвола и насилия»...

Это написал Ильич в 1905 году, а в 1917 году повторил:

«Революция настоящая, глубокая, «народная», по выражению Маркса, революция есть невероятно сложный и мучительный процесс умирания старого и порождения нового общественного строя, уклада жизни десятков миллионов людей. Революция есть самая острая, бешеная, отчаянная классовая война и гражданская война».

В чем величие и сила «настоящих, глубоких, народных» революций? И сила, и величие их в том, что в революции д е й с т в у ю т, р е ш а ю т, воспитываются к активной исторической деятельности массы, обычно, в исторические будни, стоящие в тени.

«В истории революции, — писал Ленин уже в 1905 г., — всплывают наружу десятилетиями и веками зреющие противоречия. Жизнь становится необыкновенно богата. На политическую сцену активным борцом выступает масса, всегда стоящая в тени и часто поэтому игнорируемая или даже презираемая поверхностными наблюдателями. Эта масса учится на практике, у всех перед глазами, делая пробные шаги, ощупывая путь, намечая задачи, проверяя себя и теории всех своих идеологов. Эта масса делает героические усилия подняться на высоту навязанных ей историей гигантских мировых задач, и, как бы велики ни были отдельные поражения, как бы ни ошеломляли нас потоки крови и тысячи жертв, ничто и никогда не сравнится по своему значению с этим непосредственным воспитанием масс и классов в ходе самой революционной борьбы».

И Ильич тут же дает чрезвычайно важное указание, которое в очень значительной степени определяет тактику революционной партии в ходе революции, и которого сам Ильич никогда

*

не забывал. «Революционная война,—писал Ильич,—отличается от других войн тем, что она черпает свой главный резерв из лагеря вчерашних союзников своего врага». С выводами из этого замечательного положения мы еще встретимся, когда подойдем к вопросу о резервах пролетарской революции, к вопросу об отношении пролетариата к крестьянству.

Диктатура пролетариата.

Итак, мы знаем со слов Ильича врага, знаем, кто главный боец, знаем, что спор сможет быть решен войной, которая называется революцией. Знаем, что эта война будет тем плодотворнее, победоноснее, но и острее, чем большие массы втянуты в нее.

Каковы же условия победы в этой войне? Если в этой войне пролетариат победит, что будет знамением его победы, во что выльется его победа? У Ильича ясный ответ на этот вопрос. Победа в этой войне есть диктатура. Вот ответ Ильича. Почему,—спрашивает Ильич,—нельзя достигнуть той цели, к которой мы стремимся, без диктатуры одного класса, почему нельзя прямо перейти к чистой демократии, т.-е. к действительному равенству, к действительной свободе? «Мы отвечаем, — говорит Ильич, — потому, что в капиталистическом обществе решающее значение может иметь либо буржуазия, либо пролетариат. Потому, что из общества, в котором один класс угнетает другой, нельзя выйти иначе, как диктатурой угнетенного класса. Потому, что победить буржуазию, свергнуть ее в состоянии только пролетариат, ибо это единственный класс, который объединен и вышколен капитализмом и который в состоянии увлечь за собой колеблющиеся массы трудящихся, живущих по-мелкобуржуазному. Потому, что только сладенькие мещане и филистеры могут мечтать, обманывая этими мечтами и себя, и рабочих, о свержении ига капитала без долгого и трудного подавления сопротивления эксплуататоров».

Указывая на то, что именно диктатура и только диктатура может явиться формой победы в гражданской войне между пролетариатом и буржуазией, Ильич отдавал себе совершенно ясный, совершенно точный отчет в беспощадно-жестоком смысле этого ответа. Я процитирую ниже его слова о «тяжелом, жестоком, мучительном» смысле этого ответа. Поэтому Владимир Ильич неоднократно возвращался еще раз и еще раз к обманным сладеньким словам о возможности обойтись без диктатуры.

Вы понимаете хорошо, что сейчас наше отличие коммунистов от всяких других политических партий, групп и фракций, стремящихся оказать воздействие на рабочий класс, заключается

именно в вопросе о диктатуре. Вы знаете, что опасения перед жестокими формами диктатуры заставляют еще часть отсталых слоев пролетариата и отсталые массы крестьянства отдавать свое доверие тем обманщикам, тем лицемерам, которые обещают им дать равенство и свободу без диктатуры. Поэтому-то Владимир Ильич внимательнейшим образом исследовал этот вопрос: можно ли действительно перейти к новому строю без диктатуры? И один из ответов его, — ответ чрезвычайно важный, потому что он характеризует все представление Владимира Ильича о будущем государстве, о государстве без гнета капитала,—я приведу сейчас: «От капиталистической демократии, — неизбежно узкой, тайком отталкивающей бедноту, а потому насквозь лицемерной и лживой,— развитие вперед не идет просто, прямо и гладко ко все большей и большей демократии, как представляют дело либеральные профессора и мелкобуржуазные оппортунисты», очень часто называющие себя социалистами, — добавляю я. «Нет, — продолжает Ильич, — развитие вперед, т.-е. к коммунизму, идет через диктатуру пролетариата и иначе итти не может, ибо сломить сопротивление эксплуататоров больше некому и иным путем нельзя. А диктатура пролетариата, т.-е. организация авангарда угнетенных в господствующий класс для подавления угнетателей, не может дать просто только расширения демократии. Вместе с громадным расширением демократизма, впервые становящегося демократизмом для бедных, демократизмом для народа, а не демократизмом для богатеньких, диктатура пролетариата дает ряд изъятий из свободы по отношению к угнетателям, эксплуататорам, капиталистам. Энгельс, — продолжает Ленин, — прекрасно выразил это, сказав, что «пролетариат нуждается в государстве не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда можно будет говорить о свободе,— не будет государства».

Эти слова дают нам ключ не только к пониманию того, как Ленин представлял себе диктатуру и то, почему диктатура является неизбежным этапом между капитализмом и коммунизмом, но дают точную картину его представления о государстве. Мы все живем восемь лет в государстве уже своем, понемножку привыкли к этому, и поэтому в такие дни, когда мы хотим охватить общим взглядом все учение Ленина, полезно вспомнить, чему нас учил Ленин о государстве. Да и наше пролетарское государство есть только преходящее, оно не есть воплощение свободы, оно, как говорит Ленин, нужно пролетариату прежде всего в интересах подавления своих противников. А когда эти противники будут подавлены, когда, пройдя через школу собственного государства, массы сами научатся управлять государством, когда пролетарские массы, привлекая крестьян, организуют производство на началах действительно коммунистических, тогда,—гово-

рит Ленин, подчеркивая учение Маркса, — тогда государство будет не нужно, оно отомрет, и только тогда можно будет говорить о свободе, а покуда надо говорить не о свободе, а о борьбе.

Да, свобода, равенство, демократия впервые в пролетарском государстве становятся, как говорит здесь Ленин, демократией, т.-е. равенством, свободой, участием в государственных делах не для богатых, а для бедных, не для кучки эксплуататоров, а для всей массы угнетенных. Но это еще не то, к чему мы идем, это еще не коммунизм, это — боевая дубинка в руках пролетариата для завоевания коммунизма против всех остатков старого буржуазного режима. Вот зачем нужна диктатура, вот зачем нужно государство пролетариату, победившему буржуазию.

Тут встает следующий вопрос: а почему же эта диктатура должна быть диктатурой п р о л е т а р и а т а? Почему она не может быть диктатурой вообще угнетенных, вообще трудящихся?

Вы видите цепь мыслей, которую разворачивает перед нами Владимир Ильич. Капитализм, ставший тормозом дальнейшего развития всего человечества, должен быть превзойден. Гражданская война — это единственный метод решения этого вопроса между пролетариатом и буржуазией. Диктатура пролетариата — это единственная форма действительной победы: не соглашение, не взаимные уступки, не мирный договор между буржуазией и пролетариатом, а диктатура. Но почему же диктатура пролетариата, а не всех угнетенных?

Владимир Ильич отвечает на этот вопрос: «Только тот из угнетенных классов способен своей диктатурой уничтожить классы, который обучен, объединен, воспитан, закален десятилетиями стачечной и политической борьбы с капиталом, — только тот класс, который усвоил себе всю городскую, промышленную крупно-капиталистическую культуру, имеет решимость и способность отстоять ее, сохранить и развить дальше все ее завоевания, сделать их доступными всему народу, всем трудящимся,—только тот класс, который сумеет вынести все тяжести, испытания, невзгоды, великие жертвы, неизбежно возлагаемые историей на того, кто рвет с прошлым и смело пробивает себе дорогу к новому будущему, — только тот класс, в котором лучшие люди полны ненависти и презрения ко всему мещанскому и филистерскому, к этим качествам, которые так процветают в мелкой буржуазии, у мелких служащих, у интеллигенции,— только тот класс, который «проделал закаляющую школу труда» и умеет внушать уважение к своей трудоспособности всякому трудящемуся, всякому честному человеку»...

В другом месте Ильич пишет: «Свержение господства буржуазии возможно только со стороны пролетариата, как особого класса, экономические условия существования которого подгото-

вляют его к такому свержению, дают ему возможность и силу совершить его. В то время как буржуазия раздробляет, распыляет крестьян и все мелкобуржуазные слои, она сплачивает, объединяет, организует пролетариат. Только пролетариат, — в силу экономической роли его в крупном производстве,—способен быть вождем всех трудящихся и эксплуатируемых масс, которые буржуазия эксплуатирует, гнетет, давит часто не меньше, а сильнее, чем пролетариев, но которые неспособны к самостоятельной борьбе за свое освобождение».

Вы видите, что этот ответ Ильича возлагает именно на пролетариат особую историческую миссию, передает именно в его руки диктатуру, т.-е. всю железную власть в деле реорганизации всего человечества. Вы видите, что Владимир Ильич исходит при этом из точного, научного, чисто-материалистического анализа роли пролетариата в производстве. Не потому пролетариату принадлежит диктатура, что он больше угнетен (может быть, некоторые слои крестьянства угнетены больше); не потому, что пролетариат обладает какими-то особыми качествами характера или ума,—нет, а потому, что он своею ролью в производстве, своею выучкой, школой труда, объединением в капиталистическом рабстве больше всех остальных классов организован и подготовлен для того, чтобы до конца провести и победоносно закончить решительную борьбу с капиталом.

Но что такое диктатура пролетариата? Позвольте опять-таки говорить словами Ильича. «Научное понятие диктатуры,—учил Ильич, — обозначает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть». «Диктатура есть железная власть, революционно-смелая и быстрая, беспощадная в подавлении».

Но у нас часто теперь, когда мы восемь лет живем в режиме пролетарской диктатуры, эту диктатуру тоже понимают статически, не по-марксистски, не по-ленински, не диалектически, не в ее развитии. Поэтому полезно вспомнить, что Ильич говорил еще в 1921 г.: «Диктатура пролетариата обозначает не прекращение классовой борьбы, а продолжение ее в иной форме и новыми оружиями. Диктатура есть ожесточенная война»,... но война эта еще не кончена в тот момент, когда пролетариат берет власть в свои руки.

Итак, диктатура есть прежде всего власть. Диктатура не есть союз одного класса с другим. Диктатура есть власть пролетариата, это есть власть, которая взята им не для того, чтобы прекратить борьбу, а для того, чтобы продолжать свою классовую борьбу, но в иной форме и новым оружием,— оружием государственной власти, т.-е. оружием, которого не было у пролетариата, когда власть принадлежала другому классу. Диктатура пролета-

риата есть продолжение борьбы. Но мало того: Ильич прямо говорит:

«Мы идем в бой: это есть содержание диктатуры пролетариата. Прошли те времена наивного, утопического, фантастического, механического, идеалистического, интеллигентского социализма, когда дело представлялось так, что убедит большинство людей, нарисует красивую картинку социалистического общества, и станет большинство на точку зрения социализма. Миновали те времена, когда этими детскими побасенками забавляли себя и других. Марксизм, который признавал необходимость классовой борьбы, говорил: к социализму человечество не придет иначе, как через диктатуру пролетариата. «Диктатура»— слово тяжелое, жесткое, кровавое, мучительное, и такие слова на ветер не бросают. Если с таким лозунгом выступили социалисты, то это потому, что они знают, что иначе, как в отчаянной, беспощадной борьбе, класс эксплуататоров не сдастся и что он будет всякими хорошими словами прикрывать свое господство». Итак, диктатура есть власть, взятая для того, чтобы продолжать борьбу. Диктатура — это означает: «мы идем в бой».

Власть политическая, власть, основанная на насилии, направленная против всех врагов, нужна для того, чтобы продолжать борьбу, но как ее продолжать? Вот коренной вопрос пролетарской революции, которая хочет победить. Мало взять власть,— надо ее удержать. Плох тот полководец, который привел бы пролетариат к победе, но не указал бы ему условий удержания и расширения этой победы. Ильич говорит: мало взять диктатуру и сказать: «мы идем в бой». Надо этот бой выиграть, как мы выиграли диктатуру пролетариата. И на этот последний отдел учения Ленина я хотел бы обратить ваше усиленное внимание.

Пролетариат и крестьянство.

Вопрос о том, как удержать диктатуру пролетариата, есть для Ильича вопрос о союзе пролетариата и крестьянства. И поэтому учение Ленина, дойдя до учения о диктатуре пролетариата, дальше немедленно переходит к учению о том, каким образом, при помощи союза пролетариата с другими угнетенными классами (значит, с крестьянством) удержать эту диктатуру. Этот вопрос уже есть вопрос нашей практики. Это — вопрос, который непосредственно подводит нас к заветам Ильича, данным на нынешний исторический отрезок времени. Поэтому я буду здесь немного подробнее.

Ильич писал еще в 1907 г., за десять лет до нашей революции:

«Привлечь к себе силой самостоятельности, своей выдержанности, своей твердости массу угнетенного, забитого крестьянства,

массы колеблющейся, шаткой, неустойчивой мелкобуржуазной демократии, оторвать ее от предательской либеральной буржуазии, контролировать таким образом эту буржуазию и во главе народного массового движения раздавить проклятое самодержавие,— такова задача социалистического пролетариата в буржуазной революции».

Вы видите, что уже за десять лет до социалистической революции 1917 года задача привлечь при помощи своей выдержки и своей революционности колеблющиеся между пролетариатом и буржуазией массы крестьянства и буржуазией массы крестьянства является основной задачей Ильича. Дальше он говорил это еще яснее, еще точнее:

«Исход нашей революции действительно зависит больше всего от устойчивости в борьбе многомиллионной массы крестьянства. Буржуазия крупная у нас боится больше революции, чем реакции. Пролетариат один победить не в силах. Городская беднота не представляет ни самостоятельных интересов, ни самостоятельного фактора силы по сравнению с пролетариатом и крестьянством. Решающая роль за деревней, не в смысле руководства борьбой (об этом не может быть и речи), а в смысле обеспечения победы...

Действительная и коренная опасность для русской революции — это неразвитость массы крестьянства, нестойкость его в борьбе, непонимание им всей пустоты и всего предательства буржуазного либерализма».

Вот предпосылки, сделанные за 10 лет до того, как революция, споткнувшаяся в первый раз в 1905 г. именно об эту неразвитость крестьянства и погибшая от этого, в 1917 г., найдя дорогу к крестьянству, найдя смычку с крестьянством, победила и дала возможность нам удержать в руках эту победу в продолжение вот уже 8-ми лет.

Посмотрим теперь, как Ильич переходит от этого общего положения к вопросу о пролетариате и крестьянстве в социалистической революции.

Вот важнейшие строки Ильича по этому вопросу: «Победа социализма (как первой ступени коммунизма) над капитализмом требует осуществления пролетариатом, как единственным действительно революционным классом, трех следующих задач. Первая — свергнуть эксплуататоров и в первую голову буржуазию... Вторая — увлечь и повести за революционным авангардом пролетариата, его коммунистической партией, не только весь пролетариат или подавляющее, огромное большинство его, но и всю массу трудящихся и эксплуатируемых капиталом; просветить, организовать, воспитать, дисциплинировать их в самом ходе беззаветно смелой и беспощадно твердой борьбы против эксплуататоров; вырвать это подавляющее большинство населения во всех капиталистических странах из зависимости от буржуазии, внушить ему на практическом опыте доверие к руководящей роли про-

летариата и его революционного авангарда. Третья — нейтрализовать или обезвредить неизбежные колебания между буржуазией и пролетариатом, между буржуазной демократией и Советской властью со стороны довольно еще многочисленного почти во всех передовых странах, хотя и составляющего меньшинство населения, класса мелких хозяев в земледелии, промышленности, торговле и соответствующего этому классу слоя интеллигенции, служащих и т. п.»...

Вы видите, как Ильич, подобно полководцу, который на поле сражения передвигает и соображает перестановку различных армейских корпусов, как Ильич подробно ставит перед собой вопрос об условиях победоносной диктатуры. Диктатура есть самое сильное оружие в руках пролетариата, но на что оно должно быть направлено? Во-первых, диктатура должна быть направлена на то, чтобы уничтожить сопротивление эксплуататоров, а во-вторых, диктатура, т.-е. власть, государственная организация, находящаяся в руках пролетариата, должна быть направлена на то, чтобы привлечь к себе, к пролетариату, к коммунистической партии, как пишет здесь Ильич, громадное большинство крестьянства, не находящегося еще в условиях пролетарского положения. И, наконец, третья задача — нейтрализовать те более зажиточные элементы крестьянства, которые колеблются между буржуазией и пролетариатом. На этом распределении ролей, на том, чтобы пролетариат свою диктатуру, свою государственную организацию использовал именно в этом направлении, Ильич не уставал настаивать.

Вот следующая цитата, чрезвычайно важная и чрезвычайно характерная именно для того основного вопроса: «Диктатура пролетариата есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.) или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма. Это — особого вида союз, складывающийся в особой обстановке, именно в обстановке бешеной гражданской войны, это союз твердых сторонников социализма с колеблющимися его союзниками, иногда с «нейтральными» (тогда из соглашения о борьбе союз становится соглашением о нейтралитете), союз между неодинаковыми экономически, политически, социально, духовно классами».

Не подумайте, что это писано после нэпа, не думайте, что это стало ясно Ильичу лишь после Кронштадта. Нет, это написано в 1919 году, написано не как итог сознания того, что податься стало некуда. Союз с одними слоями кре-

стьянства, нейтрализация других его слоев выдвинуты Ильичом совсем не в результате каких-либо неудач диктатуры пролетариата, не как рецепт против слабости и т. п. Нет. Ильич не ждал Кронштадта для того, чтобы в свое учение о механике разворачивания диктатуры пролетариата ввести это учение о крестьянстве. Владимир Ильич пришел к этим выводам, изучая общую механику пролетарских революций в XX столетии, когда налицо во многих странах громадные слои крестьянства, когда весь отсталый Восток является вопросом о движении крестьянства, когда весь национальный вопрос, поскольку он выдвигается против империализма, есть вопрос о крестьянстве. Поэтому-то учение о крестьянстве Ильича имеет интернациональный характер и значение. Да, диктатура есть великое завоевание и громадная власть. Но если ты хочешь, чтобы эта власть удержалась и победила, ты должен употребить эту власть, с одной стороны, на свержение эксплуататоров, а с другой стороны, на завоевание доверия к себе громаднейших слоев крестьянства, которое, как добавлял Владимир Ильич, и поверит тебе, и проверит тебя окончательно только тогда, когда ты у власти станешь. Так говорил пролетариату Ленин. Вы видите, что этот вопрос об осуществлении власти рабочего класса через и при помощи союза его с крестьянством подводит нас целиком к тем практическим задачам, которые Владимир Ильич перед нами поставил.

Дальше Ильич говорит это в совершенно точных выражениях. «Государственная власть в руках одного класса, пролетариата, может и должна стать орудием привлечения на сторону пролетариата непролетарских трудящихся масс, орудием отвоевания этих масс у буржуазии и у мелкобуржуазных партий». Итак, государственный аппарат, государственная организация в руках пролетариата должна стать орудием привлечения к себе непролетарских слоев.

И, наконец, еще более ясное, еще более точное определение того же. «Диктатура пролетариата есть классовая борьба пролетариата при помощи такого орудия, как государственная власть, классовая борьба, одной из задач которой является демонстрирование на долгом опыте, на долгом ряде практических примеров, демонстрирование непролетарским трудящимся слоям, что им выгоднее быть за диктатуру пролетариата, чем за диктатуру буржуазии».

Вот чему учил Ленин. Диктатура может находиться лишь в руках самого революционного и подготовленного к этому класса, может находиться лишь в руках пролетариата. Диктатура есть форма организации государственной власти, и эта форма организации государственной власти должна быть пролетариатом направлена на то, чтобы на долгом ряде примеров демонстрировать

на деле отсталому крестьянству, не подготовленному всем предшествующим развитием к пониманию социализма, что оно должно быть за социализм и должно итти за пролетариатом, а не за буржуазией.

Разве в эту общую форму не укладывается вся наша политика? Когда первоначальная, самая простая форма союза рабочих и крестьян, в виде прямого, согласованного отпора помещикам, генералам и т. д., когда эта форма союза свою задачу выполнила и была изжита, пришла новая форма этого союза. Нам необходимо именно демонстрировать, как говорит Ильич, на практике хозяйственного строительства выгодность для крестьянства и для все более и более широких слоев крестьянства диктатуры пролетариата. Вся наша политика, во всех ее вариациях, сменах, исправлениях, опытах, укладывается в эту ленинскую формулировку диктатуры пролетариата, как орудия привлечения к себе самых широких крестьянских слоев, которые принципиально не против социализма, но которым надо доказать, что социализм, а следовательно, и пролетарское государство им выгодны.

Мы подошли, мне кажется, к тем практическим задачам, которые дал Владимир Ильич в последние дни, когда он мог еще руководить нами и международным пролетариатом. Вы все помните его последние статьи: «Лучше меньше, да лучше», «О кооперации» и т. д., которые мы все изучали самым внимательнейшим образом, но которые не всегда воспринимались в их тесной связи с общей цепью учения Ленина, которые иногда, быть-может, могли показаться результатом того, что положение тяжелое, что международная революция задержалась, что вышла длинная заминка. Если взять учение Ленина не как учение о нашей революции, т.-е. революции, развивавшейся в рамках бывшей Российской империи, а как учение об общей мировой пролетарской революции и пролетарской диктатуре, — это выходит совсем не так. Не потому заговорил Ленин о крестьянстве, что тяжело стало пролетариату единственной Советской Республики, но потому, что учение Ленина о крестьянстве и о союзе пролетариата с крестьянством до диктатуры, в момент диктатуры и после диктатуры входит составной частью в самое представление Ленина об условиях победы пролетарской революции. Чтобы окончательно подтвердить эту мысль и закончить изложение общих взглядов Ильича на взаимоотношения двух важнейших классов в ходе пролетарской революции, я должен обратить ваше внимание на одно произведение Владимира Ильича, которое, к сожалению, мало известно (я немножко повинен в том, что оно мало известно, ибо я не доглядел, и оно не включено в собрание сочинений Владимира Ильича), но которое является самым концентрированным, глубоким и точным выражением взглядов

Владимира Ильича на вопросы смычки между пролетариатом и крестьянством, в свете не нашей территориально ограниченной революции, а в свете мировой пролетарской революции. Это — написанная Владимиром Ильичем резолюция по аграрному вопросу, предложенная им и принятая на II конгрессе Коминтерна в 1920 году.

В этой резолюции Ильич оперирует против «непонимания той истины, которая вполне доказана теоретическим марксизмом и подтверждена опытом пролетарской революции в России, именно: что, за исключением сельских рабочих, которые уже теперь стоят на стороне революции, разрозненное, забитое, придавленное осужденное во всех, даже наиболее передовых, странах на полуварварские условия жизни сельское население вышеназванных трех категорий, будучи экономически, социально, культурно заинтересовано в победе социализма, только тогда сможет решительно поддержать революционный пролетариат, когда политическая власть будет последним завоевана, лишь п о с л е того, как осуществится окончательная его расправа с крупными землевладельцами и капиталистами, лишь п о с л е того, как эти задавленные слои сельского пролетариата увидят на п р а к т и к е, что у них имеется организованный вождь и защитник, достаточно могучий и твердый для помощи и руководства их, для указания им верного пути».

Я не знаю другого места в сочинениях Владимира Ильича, где с такой категоричностью было бы подчеркнуто, что именно п о с л е завоевания власти пролетариатом, п о с л е первых шагов по осуществлению им власти и встает во весь свой гигантский рост задача завоевания пролетариатом поддержки со стороны широких масс крестьянства.

Надо сопоставить это место со следующими словами той же резолюции: «Обеспеченность пролетарской победы и ее устойчивость — вот первая и основная задача пролетариата при каких бы то ни было условиях... А устойчивою пролетарская победа быть не может без нейтрализации среднего крестьянства и обеспечения себе поддержки весьма значительной доли, если не всего мелкого крестьянства».

Это написано не для специально русских условий, это — резолюция мирового конгресса, рисующая условия победы пролетарской диктатуры во всем мире, рассчитанная отнюдь не только на нас, но и на Францию, и Англию и Германию и т. д., и на колониальные страны. Ильич, которому принадлежит все в этой резолюции, говорит в ней, что пролетариат именно после завоевания власти должен создать такие условия, когда крестьянство сможет в широкой форме оказать ему доверие, сможет убедиться, что именно рабочая власть осуществляет его истинные интересы, и что, с другой стороны, только тогда, когда завоевано

доверие низших слоев крестьянства, когда нейтрализовано среднее крестьянство, только тогда пролетарская диктатура может считаться окончательной, устойчивой и может пойти дальше в осуществлении своих задач.

Так учение о союзе с крестьянством входит необходимой и важнейшей частью в общее учение Ленина об условиях победы пролетарских революций.

---

2. Работа по Ильичу.

Позвольте напомнить, что же нам в первые дни 1923 г. указывал Ильич, как ближайшие практические задачи. Владимир Ильич писал в своих последних статьях: «Для того, чтобы обеспечить наше существование до следующего военного столкновения между контр-революционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком, между цивилизованнейшими государствами и государствами по-восточному отсталыми, которые, однако, составляют большинство, — этому большинству нужно успеть цивилизоваться...

«Мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян по отношению к себе, и с величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств...

«Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, мы получим возможность ценой величайшей экономии в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации и пр. В этом и только в этом будет наша надежда. Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономии, рассчитанной на разоренную крестьянскую страну, — на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. п.» ... Тогда ... «мы в состоянии будем удержаться наверняка. И притом мы будем в состоянии удержаться не на уровне мелкокрестьянской страны, не на уровне этой всеобщей ограниченности, а на уровне, поднимающемся неуклонно вперед и вперед, крупной машинной индустрии».

Если свести указания, данные в этих статьях Вл. Ил. в виде последних его заветов, и попытаться эти заветы сделать критерием нашей будничной работы изо дня в день, их можно сфор-

мулировать так. Ильич завещал, исходя из общих, указанных выше начал своего учения о ходе и условиях победы пролетарской революции, крепко блюсти экономическую политику союза пролетариата с крестьянством, внимательнейшим образом изучать и подготовлять условия пересадки с обшарпалой лошадки мужицкого хозяйства на кровного рысака крупной машинной индустрии, усиленно работать над тем, что им названо недостатком «цивилизации», использовать передышку для поднятия культуры страны.

С этой точки зрения Вл. Ил. обращал наше внимание особенно на кооперацию, на состояние государственного аппарата и, наконец, на то, что венчает все дело, без чего вся эта постройка распадается, как пыль, без чего она останется бессмысленной, — это партия, ее состав, ее идеология.

Вот заветы. Вот то, что неизбежно вытекало из всего учения ленинизма. Вот условия, при которых Вл. Ил. говорил: «Иначе мы не удержимся».

Чтобы осуществить эти заветы или, вернее, чтобы подойти к осуществлению этих заветов Ильича, партия должна была усвоить себе следующее: необходимо на почве всяческого содействия трудовому крестьянству в деле поднятия его хозяйства, в деле расширения его потребления городских продуктов, в деле создания благоприятных условий для разворачивания сельскохозяйственной продукции, создать базу для дальнейшего расширения основной силы пролетарской диктатуры — промышленности. Только на почве расширения крестьянского рынка, на почве возрастающего политического и экономического доверия широких масс крестьянства к хозяйственным способностям пролетариата, только на этой базе мог возникнуть и упрочиться процесс роста, укрепления и концентрации пролетариата в городах, а следовательно и увеличения его социальной мощи. Эту политику, которая базирует рост пролетарского хозяйства на расширении крестьянского хозяйства, можно проводить только при сохранении и укреплении руководящей роли партии во всех экономических и политических организациях. Соблюдение, следовательно, правильного взаимоотношения между партией, рабочим классом и крестьянством, — вот что необходимо положить в основу нашей практической, будничной, строительской политики в духе Ленина.

Как же мы осуществили это в истекшем году? Создала ли пролетарская диктатура за последний год более благоприятные условия для разворачивания крестьянского хозяйства, для того, чтобы вызвать все большее и большее экономическое и политическое доверие крестьянства к пролетариату?

Много еще осталось сделать, немало сделано и ошибок, но в общем достижения в этой области несомненные.

Нас посетил в этом году неурожай. Все больше и больше выясняется, что вместо тех избытков хлеба, которые мы в про-

шлом году вывозили за границу, нам теперь придется в той или другой мере пополнять наши хлебные запасы для удержания цены на известном уровне, и, несмотря на это, мы можем сказать: в деле укрепления крестьянской лошадки сделано порядочно.

Так же, как и в первой части своего доклада я опирался на цитаты из Ильича, здесь, в деловой части, я должен буду иллюстрировать свои положения цифрами. Если мы взглянем, что сделалось с посевной площадью в этом году сравнительно с прошлым годом, то картина будет такая: в 1916 г. в пределах Союза вся посевная площадь была $86^1/_2$ миллионов десятин; в 1922 г. после великого неурожая она упала до 58,7 миллионов десятин; в 1923 г. она поднялась до 70 миллионов десятин, и за этот год без Ильича она поднялась до 76 миллионов десятин. Следовательно, мы за один год увеличили посевную площадь на 6 миллионов десятин, а, например, на Украине достигли уже уровня 1916 года. Если мы взглянем по отдельным культурам, чрезвычайно важным именно для нашей промышленности, взглянем, как обстоит дело со свеклой, с хлопком, со льном, с коноплей, то мы всюду увидим неслыханный за эти 8 лет рост площадей. Например, площадь сахарной свеклы за этот последний год — за один год без Ильича — увеличилась на 42%; посевы льна — на 25%; конопли — на 21% и — что особенно важно для нашей промышленности и для смычки с крестьянством — площадь посева хлопка увеличилась на 134%; она достигла уже 454 тысяч десятин. Если мы обратимся к скотоводству, то и здесь мы замечаем несомненное улучшение. Количество лошадей, например, было в 1922 г. — 20,2 миллиона, в 1923 г. — 20,3 миллиона, в 1924 г. — 22,2 миллиона. Крупного рогатого скота в 1923 г. — 39,2 миллиона, в 1924 г. — 46,3 миллиона. Чрезвычайно важное для крестьянского хозяйства, крестьянская копилка, свиноводство увеличилось таким образом: в 1922 г. — 8,6 миллиона, в 1923 г. — 9,1 миллиона, в 1924 г. — 16,8 миллиона штук.

Я привожу эти цифры для того, чтобы показать несомненное улучшение за этот год условий для дальнейшего подъема нашего сельского хозяйства. Но этого мало.

Мы добились за этот год не только создания таких условий, когда сельскохозяйственная продукция растет, мы добились и того, что гораздо лучше поставлено снабжение крестьян продуктами городской промышленности. Мы далеко еще не удовлетворяем потребностей крестьянства в продуктах городской промышленности, и поэтому мы ни в коем случае не смеем успокоиться на каком-нибудь оптимизме и сказать, что мы уже завоевали крестьянство в экономическом смысле, т.-е. что мы уже доказали крестьянству, что мы можем его снабжать с наших национализированных фабрик и заводов так же дешево и так же

широко, как снабжал его капитализм. Нам, коммунистам, не приличествует, особенно в дни, когда мы вспоминаем Ильича, закрывать глаза на правду. Мы должны сказать: мы снабжаем крестьянство еще дорого и снабжаем его еще недостаточно, и потому крестьянство право, когда оно нам говорит: ну, вы начинаете, господа коммунисты, поправляться, видим, что вы стараетесь, а вот, дойдете ли до того, что нам нужно, — мы еще не вполне уверены. На этой почве и происходит то колебательное настроение среди крестьянства, которое необходимо отметить. Мы видим несомненный рост политического доверия к нам, — рост, основанный на том, что крестьянство оценивает несомненное стремление пролетариата, господствующего класса, пойти ему навстречу, и главное, в чем крестьянство видит это стремление, — это в нашей политике снижения цен. Политика снижения цен, проведенная за этот год в борьбе с некоторыми тенденциями внутри нашей партии, отнюдь не была чисто-экономической мерой, она была по сути дела крупнейшей политической мерой. Только с того момента, когда крестьяне убедятся, что хозяин городской промышленности и руководитель государства — пролетариат действительно напрягает усилия и изыскивает пути для того, чтобы дать крестьянину ситец, керосин, гвоздь дешевле, чем он давал ему в прошлом году, — только с этого момента можно сказать: крестьянин оказывает нам доверие, он не отказывает нам даже и в кредите. Этим кредитом мы должны воспользоваться, как отсрочкой, для того, чтобы еще более нажать с нашей стороны в сторону улучшения и удешевления производства, в сторону улучшения снабжения крестьянства. Политика снижения цен, уже проведенная нами и которая будет проводиться дальше, есть один из важнейших политических, а не только экономических моментов смычки. Это — первое. Второе, что здесь, несомненно, играет громаднейшую роль, — это произведенная нами денежная реформа, — одно из важнейших завоеваний этого года, года без Владимира Ильича, относительно которой Ильич сам писал еще раньше: «Удастся нам на продолжительный срок, а впоследствии навсегда стабилизировать рубль, — значит, мы выиграли». Этот завет Владимира Ильича выполнен. Да, денежная реформа в условиях совершенно исключительной трудности, в условиях без получения заграничного займа, без поддержки мирового денежного рынка, а при противодействии мирового капитала, денежная реформа проведена. Во имя этой денежной реформы принесены большие жертвы. Вы помните февраль, март, апрель, когда мы, кажется, в этом же зале обсуждали вопрос о том, как скажется денежная реформа на уровне заработной платы, и как мы переносили из этого зала на фабрики и заводы наш призыв к тому, что рабочие должны пойти на некоторые временные жертвы в области зарплаты в данный

момент для того, чтобы получить твердую валюту и этим стабилизировать свой собственный рабочий бюджет, укрепить заработную плату, стабилизировать бюджет крестьянина и создать твердую основу для товарооборота между городом и деревней, а следовательно, для экономической смычки между городом и деревней. Денежная реформа проведена. Непосредственно для крестьянства она обозначает, что мы в этом году сняли с крестьянства тяжесть эмиссионного налога не менее чем в 200—300 миллионов рублей. Таким образом, эта вторая мера после снижения цен, денежная реформа, несомненно, тоже идет по линии, намеченной Ильичем, и создает условия для теснейшего союза рабочих и крестьян. Наконец, мы, благодаря снижению цен, с одной стороны, и борьбе с «ножницами» на почве твердой валюты, с другой стороны, сжали то расхождение цен, которое в прошлом году, несомненно, стало уже порождать известное колебание в крестьянской массе. Эти меры — денежная реформа, политика снижения цен и сжатие «ножниц» — есть важнейшие завоевания в области предпосылок смычки, проделанных за этот год, и нет никакого сомнения, что эти три меры проведены в духе Ильича, по линии его политики, для осуществления его целей.

Но, повторяю, мы ни в коем случае не должны предаваться здесь какому бы то ни было оптимизму. Оптимизм в этом деле был бы изменой духу Владимира Ильича. Работая в области укрепления отношений крестьянства с пролетариатом, нам придется еще многое и многое проделать, и то, что проделано, недостаточно. Сейчас увеличение снабжения крестьянского рынка недостаточно, снижение цен — недостаточно, и на почве этого недостаточного снижения мы уже имеем ряд сведений о том, что крестьянская мысль начинает продвигаться за наши пределы в поисках за дешевым ситцем, галантереей, гвоздем и т. д. Это есть реальная опасность. Для того, чтобы это не приняло какого-нибудь более общего политического оттенка, мы имеем в руках только одно средство борьбы, а именно, увеличивать и увеличивать нашу промышленность, снижать цены, увеличивать производительность труда с тем, чтобы показать крестьянству, что мы можем дешево и в полной мере снабдить его необходимыми предметами промышленности.

Мы не должны успокаиваться также и потому, что в области политического обслуживания деревни мы далеко еще не сделали того, что можно и должно сделать. А между тем, за этот год мы имеем целый ряд фактов, на которые закрывать глаза нельзя и которые в общей сложности дают картину того, что административное обслуживание деревни нашей партией и нашим государством далеко не поставлено на достаточную высоту. Надо решить в духе тов. Ленина те вопросы, которые поставлены

Ц. К. перед всей партией, в виде введения большей законности в деревне, в виде оживления деятельности советов на местах, в виде очистки и улучшения советского аппарата в деревне, в виде искоренения произвола и взяточничества, которые на низших ступенях советского аппарата, именно там, где он соприкасается с деревней, свили себе очень глубокое гнездо, которое надо как можно скорее и как можно решительнее очистить. Работы в деревне перед нами чрезвычайно много.

Но если мы не будем забывать того основного положения Владимира Ильича, что именно после завоевания политической власти пролетариат и должен сделать государственную и экономическую организацию способом демонстрирования на практике преимуществ пролетарского строя перед буржуазным, перед широкими массами, — если мы этого забывать не будем и будем это проделывать, то со всеми трудностями мы справимся. Надо итти дальше по уже намеченному пути. Первые результаты мы имеем в оглашенных мною цифрах. Много еще остается недоделанного, многое нужно доделать, но путь, выбранный нами, совершенно правилен. Мы должны отдать себе отчет, что крестьянство есть базис пролетарской диктатуры в том смысле, что только на почве этого крестьянского многомиллионного хозяйства мы можем восстановить и расширить нашу крупную промышленность.

Развитие крупной промышленности.

Конечно, производство хлеба, производство конопли, производство льна, производство тех свиней, о которых я упоминал, — конечно, это очень важно. Но вопрос о самостоятельности и независимости первой пролетарской республики решается не конопляей, решается не свиньей, он решается обработкой стали, выработкой машин, угля, нефти, вообще поднятием нашей индустрии. Вот где решающий узел. Но мы не можем развить этих отраслей промышленности, не можем, следовательно, строить эту пролетарскую крепость, не можем собрать за ее стенами отборной армии квалифицированных рабочих, — живой материал пролетарской диктатуры, — иначе как только найдя в крестьянстве рынок для продуктов нашей промышленности. А это ставит вопрос о том, чтобы создать благоприятные условия накопления в крестьянстве, но не только накопления, но и общественно-кооперативного направления накопленных средств. Мы хотим иметь крестьянство, способное потреблять увеличивающуюся продукцию наших развивающихся отраслей промышленности, но мы не хотим, чтобы передача ее из города в деревню шла помимо государственных и контролируемых государством организаций, т.-е. помимо кооперативной организации. Мы

не можем допустить, чтобы эта экономическая смычка осуществлялась при помощи частного капитала, и поэтому вопрос о кооперации, о связи с крестьянством и о развитии промышленности увязывается в один целостный вопрос. И здесь имеем завет Ильича: изучайте внимательно и подробно все те условия, которые благоприятствуют тому, чтобы пересесть с нищей, обнищалой, крестьянской лошадки на рысака крупного машинного производства.

Что нами здесь достигнуто? И в области промышленности, как и в области улучшения условий сельскохозяйственного производства, мы, несомненно, имеем порядочные успехи. Я указывал на одном из собраний, что посторонние нашей партии экономисты, статистики, изучая условия промышленного производства за этот год, называют этот год рекордным, т.-е. годом высших достижений в области промышленности за все время существования Советской власти.

Действительно, если мы обратим внимание на цифры, то увидим два чрезвычайно важных явления. С одной стороны, очень крупными, сравнительно, шагами увеличивается продукция нашей промышленности во всех, без исключения, отраслях. С другой стороны, не менее важным признаком является, то, что это увеличение продукции не является результатом какого-нибудь скачка или прыжка, а является совершенно планомерным явлением, растущим из месяца в месяц, из квартала в квартал, что свидетельствует о здоровом росте, о том, что нас, если мы не слишком наглупим, не ожидают какие-нибудь катастрофические срывы, а что мы можем надеяться при правильной политике на все повышающуюся и повышающуюся линию. Этого достигнуть можно было, конечно, только на почве правильной политики в отношении крестьянства. И в дальнейшем развитие промышленности, — а рост промышленности значит увеличение количества и качества пролетариата, увеличение социальной мощи пролетариата, следовательно, увеличение той живой силы, на которой держится диктатура пролетариата, весь наш государственный и политический строй, — возможно только в том случае, если мы для крестьянства, для его развития, для его хозяйствования, для улучшения крестьянского хозяйства будем создавать благоприятные условия.

Несколько цифр для того, чтобы вы, товарищи, рассказывая рабочим о том, как мы прожили этот год, могли не только фразами, но и фактами показать, что наследства ленинского мы не растратили, а стремились его приумножить. Я приведу несколько цифр, при чем рекомендую вам для ознакомления брошюру, из которой приведу эти цифры. Это брошюра Крумина, редактора «Экономической Жизни»: «Под знаком роста и укрепления». Цифры следующие: крупная промышленность расширилась по

сравнению с 1922 — 23 годом несколько более чем на 30%. В 1923 — 24 г., последнем году, году без Ленина, производство достигло и превзошло $1^1/_2$ миллиарда довоенных рублей. Это — общая продукция нашей государственной промышленности, в то время как в прошлом году, в 1923 году, она достигала 1 миллиарда 200 миллионов. Если взять отдельные отрасли промышленности, например, количество готовых хлопчатобумажных тканей, то увеличение за этот год произошло на 44%. Чугуна произведено в 1923 году 18,33 миллиона пудов, в 1924 г. — 40,4 миллиона пудов. Стали в 1923 г. — 36 миллионов, в 1924 году — 60 миллионов. Прокатка в 1923 году — 27 миллионов, в 1924 году — 41 миллион. Это касается металлургической промышленности, восстановление которой есть вместе с тем восстановление основного капитала промышленности, что, конечно, для нас чрезвычайно важно. Если мы обратимся к углю, то в прошлом году нами выработано 660 миллионов пудов, в этом году мы выработали 860 миллионов пудов, на 200 миллионов пудов больше за один год. Нефти в прошлом году — 315 миллионов, а в этом году — 360 миллионов.

Вот самые основные характерные цифры, которые требуют только одного добавления. Ильич проводил последние годы своей экономической работы под знаком постоянного топливного и транспортного кризиса. Вы легко себе можете представить, какие постоянные перебои в работе высших государственных органов, которыми руководил Владимир Ильич, происходили от того, что вопрос обеспечения промышленности топливом и вопрос обеспечения всего товарооборота и продовольствия транспортом постоянно, из месяца в месяц срывался. Это была подлинная трагедия, потому что нельзя было вести никакого планового хозяйства, смешно было бы говорить об удовлетворении потребностей крестьянства, трагично было бы говорить о том, чтобы дать крестьянам равное количество ценностей за взятый у них хлеб со стороны города, когда город был не обеспечен топливом, а городские продукты не были обеспечены перевозом, не говоря уже о том, что это неизбежно вело к деклассированию, разжижению, распылению пролетариата, понижению его социальной мощи. Мы можем теперь сказать, что эти два кризиса, кризис топливный и кризис транспортный, изжиты нами до конца. Мы сейчас заботимся не о том, чтобы увеличить количество добываемого хлеба для промышленности, в виде угля и нефти, а о том, чтобы найти заграничные рынки для избытков нашего топлива, и становимся в области топливной немножко «империалистами», потому что надо завоевывать эти рынки. Таким образом, мы имеем все предпосылки для дальнейшего правильного разворачивания промышленности, для планового поступательного хода ее.

Конечно, и здесь мы не имеем права быть оптимистами, и здесь мы должны сказать, что хотя мы растем довольно большими шагами за последний год, но мы не доросли еще даже до довоенного уровня. Если в период гражданской войны, 1919 — 20 год, как на первую примерку, можно было давать задание: ну-ка, дорвитесь до довоенного уровня, — то теперь нам неуместно, стыдно ставить только эту задачу. Нам надо, явное дело, превзойти довоенный уровень, если мы хотим доказать многомиллионному крестьянству, что ему выгоднее иметь государство рабочих с национализированной промышленностью, чем капиталистов с частной собственностью и частным торговым аппаратом. Нам надо превзойти довоенные нормы, а мы еще их не достигли, и здесь задача громадная, но рекордный успех, достигнутый в этом году, показывает, что мы стоим на правильном пути.

Мы нашли правильную пропорцию между крестьянским рынком, крестьянской потребительной способностью и ростом нашей индустрии. Совершается еще много ошибок, от нетерпения часто перескакивают в той или другой отрасли промышленности, чем, конечно, обескомплектовывают другую отрасль промышленности. Заработную плату мы стабилизовали, и нельзя сказать, что на низком уровне. Благодаря введению денежной реформы заработная плата выше сейчас, чем была до денежной реформы. Мы добиваемся того, что заработная плата начинает выплачиваться в срок, во-время, что тоже немалое достижение в наших условиях. Полной планомерности, плановости, полного равновесия между отдельными отраслями хозяйства мы еще не достигли, промашки бывают, но в области промышленности мы имеем такой ход развития, при котором Владимир Ильич сказал бы: вы работаете правильно. Это высшая похвала, которую мы хотели бы получить. И это достигнуто, несмотря на неурожай. Об этом нельзя забывать.

Культурная работа в деревне.

Пойдем дальше. Владимир Ильич рекомендовал воспользоваться передышкой между столкновением империалистского Запада и революционного Востока для того, чтобы «цивилизоваться». Здесь тоже естественно спросить себя: случайно ли попалось Ильичу это слово под перо? Откуда такой совет — цивилизоваться? Но вы знаете: не было у Ильича лозунгов, которые бы не хранили в себе громадного содержания. Многие коммунисты удивлялись, когда Ильич сказал: учитесь торговать. Теперь все это поняли. Это было спасение. Этот лозунг, такой простой, обычный, неэффектный, хранил ответ на вопрос: как

осуществить смычку города с деревней в данный момент? Так и с лозунгом «цивилизоваться», с тем лозунгом о поднятии культуры, который Владимир Ильич неоднократно, особенно за последнее время, повторял. Это — вопрос о темноте, отсталости, не только в смысле простой неграмотности, но и в смысле отсутствия навыков к коллективной, общественной работе, в отсутствии навыков к организации в деревне — я говорю сейчас о деревне, о страшной распыленности и раздробленности этой деревни; это зло, то проклятое наследство проклятых прошлых веков, которое черным пятном лежит на нашей республике, и которое, как гиря, держит нас. Поэтому-то Ильич и говорил: покуда придет следующее столкновение, которое потребует от Советской Республики полного напряжения, партия и государство должны обратить особое внимание на поднятие культуры в тех слоях населения, которые, благодаря прошлому, более всего отстали. Маркс писал в 50-х годах немецким рабочим: «Вам придется пережить 15 — 20—50 лет гражданских войн и битв народов не только для того, чтобы изменить строй, но чтобы изменить и самих себя и сделаться способными к политическому господству». Это — рабочим. Подумайте, что нужно сказать относительно крестьян, которых душили в вековом рабстве, какие усилия нужны для того, чтобы крестьянство действительно изжило все остатки этого прошлого, чтобы оно научилось действительно коллективно подходить к общественным вопросам, коллективно организоваться, коллективно вводить улучшения всякого рода в свое хозяйничанье, в свой быт, в свое строительство. Вот та громадная проблема, которую имел в виду Ильич, когда писал: «Одна из основных задач большинства — это успеть цивилизоваться».

Как поднять культурный уровень деревни? Первое дело, — и этому недаром посвятил одну из страничек своего дневника Ильич, — это дело просвещения, дело ликвидации всяческой безграмотности. Бюджет народного просвещения за последний год увеличен сразу на пару десятков миллионов рублей. Мы имеем возможность надеяться, что и в дальнейшем бюджет народного просвещения все время будет увеличиваться. ЦК обратил внимание на тот слой деревенской интеллигенции, который должен быть одним из главных проводников задач «цивилизации» в деревне. Буржуазные государства везде, — в самых передовых странах, в Америке, во Франции, в Англии, — пытаются держать крестьянство на самом низком уровне развития, используя для своего господства распыленность, раздробленность, отсутствие классового самосознания крестьянства. Весь буржуазный строй держится на отсталости крестьянства. Единственный строй, который заинтересован в том, чтобы превратить государство в орудие внесения культуры в деревню, есть пролетарское госу-

дарство. Ильич указывал на это, как на очередную задачу. Увеличение бюджета народного просвещения, постановка вопроса о ликвидации безграмотности, привлечение так называемой сельской интеллигенции, прежде всего в виде учителей, созыв учительского съезда, который завтра откроется и который должен стать одним из таких каналов, по которому пролетарская власть будет вводить в деревню не буржуазную культуру разделения крестьянства, а пролетарскую культуру объединения его, — вот те новые шаги, которые мы в этой области за этот последний год предприняли и которые идут по заветам Владимира Ильича. Но школы — это книжка. Это — вещь необходимая, но это не все, это далеко еще не все, что нужно для того, чтобы остатки старой темноты были изжиты в деревне. Там нужно больше самодеятельности, нужно больше привычки к коллективной работе, и поэтому кооперирование деревни на тех началах, о которых говорил Владимир Ильич, — а он говорил: «Кооперирование есть действительное участие действительных масс населения в кооперации», — вот один из методов, который больше всего ведет к делу внесения, — если говорить ильичевскими словами, — цивилизации в деревню. Ильич звал нас в своих последних статьях о кооперации «научиться практически строить социализм так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении», и подчеркивал, что именно кооперация и есть та форма практического, будничного дела, при которой каждый крестьянин может принять участие в деле постройки социализма.

Вот практический подход к делу «цивилизации», и здесь, быть-может, резче, чем в другом, сказывается одна гениальная черта Ильича, который смотрел на пролетарское государство, как на хозяйское дело, для которого социализм не был картиной, фразой, мечтой, дающей утешение, дымом, уходящим в небеса, а практическим, черным, постоянным делом, которое он хотел вести так, чтоб не только каждый рабочий участвовал в построении социализма, но и каждый крестьянин строил бы социализм своими собственными усилиями на обычном, будничном деле. И Ильич указал, где то будничное дело, которое, будучи прибавлено к власти пролетариата, может организовывать массы крестьянства и поставить каждого крестьянина в такое положение, чтобы он стихийно служил делу социализма. Это — кооперация, такая кооперация, в которой, как говорил Ильич, действительно участвуют действительные массы населения. Мы сделали в этом отношении еще мало, но кое-что сделали. Если бы сейчас Владимир Ильич потребовал от нас ответа, что в этой области сделано, мы вошли бы с цифрами и сказали, что оборот потребительской кооперации за этот год увеличился на 140%, а сельскохозяйственная кооперация увеличилась на 109%.

Два с половиной миллиона хозяйств уже объединены в сельскохозяйственной производственной кооперации, уже продукты сельского хозяйства по кооперативному руслу идут за границу, и в тот год, когда мы не можем вывозить хлеб, и казалось бы, что должна в нашем бюджете обнаружиться дыра, мы заполнили эту дыру не только промышленными продуктами (лесом, нефтью, рудой), но и продуктами крестьянского животноводства, птицеводства (яйца, масло), которые идут по кооперативному руслу. Тут есть некоторые достижения. Они малы, надо развивать их больше и больше, надо особенно настаивать на том, что та кооперация, строить которую заповедал Владимир Ильич, должна быть кооперацией, в которой принимают действительное участие действительные массы населения, а не бумажной кооперацией, кооперацией, превращающейся в лавочку, кооперацией, которая действительно развивает общественные навыки, кооперацией на началах подлинного добровольного членства и подлинной выборности, а не назначенства. Вот важнейший фактор, который должен связать рабочих и крестьян, а крестьянство из распыленного и темного превратить в организованную силу. Эта организованная сила, — мы в этом уверены, и на этом построено наше учение, — пойдет не за кем иным, а именно за рабочим классом, поскольку рабочий класс будет направлять свою политику к тому, чтоб поддержать союз рабочих и крестьян и экономически, и политически.

Государственный аппарат

Не только на вопросе о кооперации особенно заострял Владимир Ильич свои последние статьи, — они были заострены на вопросе о нашем госаппарате. И это естественно. Дело руководства государством у нас все более и более осложняется. Вместо приказов, декретов, которые подлежали исполнению без далиих рассуждений, нам приходится в обстановке нэпа действовать более сложными путями. Обстановка осложнилась, и приходится действовать целой системой приводных рычагов. Наше государство экономически представляет не элементарный, простой механизм эпохи военного коммунизма, а очень сложный механизм, который двигается целой системой рычагов. Одни — важнейшие: национализованная промышленность, монополия внешней торговли, самая советская организация, другие — меньше: регулирование цен, государственная закупка хлеба и т. д. Целая система больших и малых рычагов, которая охватывает и которая дает возможность пролетариату действительно направлять всю массу полупролетариата и крестьянства. Эти рычаги в наших руках. Эти командные высоты мы держим и никого не допустим

к ним. Но умеем ли мы ими надлежащим образом управлять, во-время передвигать, достаточно ли гибок наш аппарат? Нет, далеко нет. Власти, как говаривал Владимир Ильич, предостаточно, но пользоваться этой властью мы еще не очень умеем. Система передаточных рычагов и методы управления ими — дело очень сложное и требует длительного изучения и приспособления, а та система, при помощи которой мы управляем рычагами, и есть госаппарат, при чем, как говорил Владимир Ильич, он у нас наполовину старый, так как у нас нет нового поколения, которое могло бы заменить старое с достаточным знанием дела. Поэтому то так важна здесь роль партии, так существенно внимательное наблюдение со стороны партии, потому что если внимательный глаз партии от этого отойдет, то вся система может сдвинуться и пойти в другую сторону. Мы имеем давление нэпа, мелкобуржуазное давление, давление международной антисоветской обстановки, и этому должно и может быть противопоставлено только одно: руководящая, направляющая роль партии, что отнюдь не есть дергание, но есть политическое руководство и контроль в каждый данный момент и на нужном месте, уменье наблюдать за правильным выполнением директив партии. Этот аппарат наверху должен стать гибче, сложнее, ответственнее, а внизу — более внимательным к местным потребностям, более тонким, более чутко регистрирующим настроение мест и масс и отражающим это настроение, а прежде всего более связанным с местными потребностями. Ибо если этот низовой советский аппарат вместо того, чтобы быть передаточным механизмом низовых настроений наверх и управления сверху вниз, является стеной между ними и не доводит доверху подлинных настроений низов, то получается опасность отрыва настроений низов, то получается опасность отрыва руководящего аппарата, не зная того, что делается в стране, невозможность направить всякое недовольство в такое русло, которое будет на пользу Советской власти, и накопления этого недовольства вместо его разрежения принятием своевременных и нужных мер. Учитывая все это, Владимир Ильич так бешено нападал в последнее время на негодность госаппарата и требовал строжайшего контроля, требовал всевозможных мер к тому, чтоб этот аппарат приспособить к новым задачам государственной власти.

Один из способов подправить дело в этой области, установить непосредственную и прямую связь между низовым аппаратом и руководящими кругами, руководящим государственным аппаратом, — это есть то «оживление советов», которое сейчас поставлено на очередь и которое мы, несомненно, получим. Это есть приближение советов к местам, более внимательное отношение совета к массе, создание такой обстановки, когда крестьянин видел бы в совете действительно свой орган и шел бы в совет

не как к чиновнику, откуда-то со стороны поставленному и поэтому бюрократически, бездушно и казенно относящемуся к его потребностям, а шел бы туда со всеми своими потребностями и даже со своим недовольством, потому что лучше, если он выскажет это недовольство в пределах советской системы, и это недовольство, политически нами осмысленное, даст повод к тем или другим мероприятиям, чем если оно, помимо советской системы, начнет наносить удары с боков.

Заветы Ильича о единстве партии.

Вот краткие итоги того, что мы сделали за год, и те вопросы, которые мы ставили за последний год, находясь все время под влиянием того, что нам заповедал Владимир Ильич. Остается самый большой и самый важный вопрос: это — вопрос о партии. Как я уже сказал, вся эта система роста промышленности, увязки этой промышленности с крестьянством, кооперации, госаппарата,— все это было бы обесиложено и обездушено, если бы в области партии мы не соблюдали заветов Ильича, если бы здесь у нас обнаружилась какая-нибудь червоточина, которая свидетельствовала бы о какой-нибудь глубокой болезни партии.

Я не буду говорить здесь об учении Ильича о партии. Укажу только одно. Ильич учил, что пролетариат может достичь своих целей лишь под руководством строго выдержанной до конца революционной, группирующей в своих рядах весь подлинный пролетарский авангард коммунистической партии. Его учение о партии характеризуется больше всего исторически тем, что он с беспощадностью, не виданной, вероятно, ни в одной партии, относился ко всяким уклонениям от той правильной классовой линии, которую должна занимать партия. История нашей партии наполнена длинным рядом идейных битв, которые вел Владимир Ильич за чистоту партийной идеологии. Нельзя написать историю нашей партии без того, чтобы не описать ряда блестящих сражений, которые Ильич давал всем, кто пытался хотя бы в малой доле отклонить партию от ее правильно намеченного пути. Это вполне связывается с общим учением Ленина, с его учением о роли в социалистической революции пролетариата и его авангарда, а авангард и есть коммунистическая партия. Поскольку пролетариат должен осуществлять свою диктатуру в обществе чрезвычайно разномастном, состоящем из самых различных групп, в обществе, которое всеми силами своими, всеми своими учреждениями и всей своей идеологией давит на пролетариат и пытается заразить его буржуазными, мелкобуржуазными, социально-реформаторскими и прочими миазмами буржуазного мировоззрения и буржуазной политики, — постольку беспощадная, постоянная,

систематическая война со всеми этими наслоениями, выделение подлинного ядра, чистота идеологии пролетариата выдвигались неизбежно и неизменно Владимиром Ильичем, как основная задача. Иногда возникает такая мысль: если эта беспощадная, систематическая, непрестанная борьба за чистоту партийной идеологии, за правильность руководства партии, за монолитность руководящего штаба партии была необходима тогда, когда партия только шла к власти, то, быть-может, дело изменилось с того момента, когда партия стала правящей партией; может-быть, ее положение, как партии правящей, как партии, осуществляющей диктатуру пролетариата, требует другого, более мягкого, более «широкого» подхода к вопросам монолитности и чистоты идеологии и руководства партии.

Мы думаем, что дело обстоит как раз наоборот, и думаем так на основании именно того, чему нас учил Ленин. Именно потому, что мы — правящая партия, именно потому, что, по словам Ленина, эта правящая партия в эпоху осуществления диктатуры должна искусно лавировать и маневрировать на каждом этапе и повороте, уметь взять себе в союзники те или другие элементы из колеблющихся, из примыкающих и нестойких союзников, именно поскольку правящей партии необходимо проделывать эти политические маневры, она сама-то должна быть наиболее стойкой, наиболее монолитной и в своей идеологии, и в руководстве, должна быть подлинно коммунистической, т.-е. ленинской партией, знающей точно свою цель и позволяющей себе маневры именно потому, что она может не опасаться, что тот или другой маневр увлечет ее в сторону. Поэтому, когда возникает мысль о том, что, может-быть, для правящей партии излишняя роскошь — строгая чистота идеологии, борьба на идейном фронте, открытое провозглашение любой ошибки, сделанной каким бы то ни было товарищем, — мы говорим: это было бы не по-ленински. По-ленински, для проведения победоносной пролетарской революции необходимо точное сознание цели партии, полная монолитность ее, действительное единомыслие в ее штабе, единство в руководстве.

С этой точки зрения мы должны оценить и ту дискуссию, которая заполнила этот год без Владимира Ильича. Дискуссия, которая велась за последние месяцы, является естественным продолжением той дискуссии, которая началась еще в прошлом году. Написано о причинах этой дискуссии и ее содержании слишком много. Я по содержанию этой дискуссии ничего нового прибавить не имею. Мы должны только теперь в эти дни отдать себе отчет, имели ли мы право итти на эту дискуссию, по-ленински ли мы шли на эту дискуссию, или мы здесь изменили духу ленинского учения. Я думаю, что партия имеет на это свой ответ. Единодушие партии, единодушие, неслыханное при прежних спорах внутри партии, всецело свидетельствует о том, что она глубоко

и вполне уверена, что, объявляя решительную борьбу против подмены ленинизма троцкизмом, не допуская никакой ревизии ленинизма, она поступила так, как должна была поступить, поскольку хотела остаться партией ленинцев. На-днях ЦК должен будет сделать организационные выводы из этой дискуссии. Мы не можем здесь предрешить этих выводов, и я, как член коллегии, не могу здесь предрешать решений ЦК. Но мы можем, однако, быть совершенно уверены, что так же, как защита основных начал ленинизма против всякой попытки ревизии их была проведена правильно, решительно и до конца соответственно тому, чему учил нас Ленин, так и организационные выводы из этой дискуссии будут сделаны в том же духе ленинизма. Я говорил об отношении Ленина и о том, чему он нас учил по вопросу о руководстве партии, об идеологии партии. Значит ли это, что Ильич применял этот метод и к самому составу партии? Нет, тут у него был и другой дополнительный критерий. Конечно, Ильич и к общему составу партии применял этот же метод выдержанной идеологии, но тут он заполнял его другим критерием, тем критерием, который он применял ко всей своей практике. Ильич жалел о том, что Маркс не написал книги о том, как делать пролетарскую революцию. Он неоднократно в частных разговорах указывал, что вот у Маркса можно многому научиться, а как делать пролетарскую революцию, об этом Маркс не написал и не мог, конечно, написать. Но Ильич дополнял: но то, что не дописал Маркс, доделают сами пролетарские массы. Их творчеству в революции, их классовому инстинкту больше всего доверял Владимир Ильич. И в вопросе о составе партии он применял отнюдь не только тот критерий, который должен быть применяем к штабу, к руководителю, — он применял классовый критерий, критерий классового состава партии. Он первый поднял вопрос о чистке, когда стало ясно, что наша партия, как партия привилегированная, привлекает к себе элементы отнюдь не пролетарские ни по своей психологии, ни по своему происхождению. Ему принадлежит идея очищения партии ради ее опролетаризирования. И поэтому вполне в духе Ильича было то явление, которое тоже относится к величайшим итогам истекшего года, явление, которое мы называем ленинским призывом, когда пролетариат влил в наши ряды четверть миллиона лучших своих представителей для того, чтобы заделать ту брешь, которая образовалась с выходом из наших рядов тов. Ленина. Надо уметь сочетать это: прилив широких масс пролетариев в наши ряды и создание таким образом грандиозной, неслыханной пролетарской основы для самой партии с подлинным ленинским руководством, не допускающим никаких колебаний, следующим во всей своей политике политике и заветам Ленина и резко отметающим всякую попытку под каким бы то ни было предлогом заменить ленинские заветы какими бы то ни было

другими. В этом сочетании — сила, непреодолимая сила нашей партии, указание на ее дальнейшие пути.

Так складываются итоги этого года. Еще несколько слов о международной обстановке. Она мало благоприятна в данный момент. Но и в оценке ее Ленин оказался более прав, чем кто бы то ни было. Теперь совершенно ясно, как прав был Ильич в своей общей характеристике международной обстановки в своей статье «Лучше меньше, да лучше». Он сказал там: разные могут быть периоды, через разные этапы пройдет и развитие Запада, и развитие Востока, но суть дела «в столкновении реакционного империалистического Запада с революционным националистическим Востоком». И это та правда, которая вскрывает политические международные комбинации сегодняшнего дня. Мы видели пацифистски-демократическую эру и даже увлечение этой эрой среди некоторых коммунистов. Мы видели, как эта одежда империализма начала с него спадать, и он снова предстал перед нами в лице Чемберлена, в лице Муссолини, в лице Кулиджа, а вместе с тем мы видели, как эта империалистическая реакционная Европа и Америка разжигают все больше и больше революционное настроение Востока. «Эра» прошла и сменилась другой, может-быть, будут и еще смены, а основное, что наметил Ленин, — неизбежное столкновение империалистского Запада и революционного националистического Востока, который будет все больше и больше разжигаться империалистической политикой, — это остается как общая характеристика всего исторического процесса, который проходит перед нами.

Несмотря на неблагоприятные условия международной обстановки, несмотря на неурожай, несмотря на дискуссию, которая нас захватила в прошлый и в этот год, мы можем сказать: угнетенное человечество за этот год стало сильнее, стало организованнее, стало более подготовлено к той революционной борьбе, которая перед нами раскрывается. И если каждый год в эти дни мы будем приходить к Ильичу с тем, что сможем ему сказать: в этот год мы стали еще и еще сильнее, то тогда близок будет день, когда силы наши будут достаточны для того, чтобы целиком осуществить заветы Владимира Ильича. И тогда тот мавзолей на Красной площади в Москве, который уже сейчас стал средоточием всего борющегося мира, станет знаменем окончательной победы трудящегося человечества: ленинизм победит старый мир насилия и рабства.

II

СКОРБНЫЕ ДНИ

30 АВГУСТА 1918 г.

Рабочие, солдаты!

Сегодня в $7^1/_2$ часов вечера при выходе с митинга на заводе Михельсон предательски, из-за угла двумя выстрелами ранен тов. Ленин.

Наймиты буржуазии, лакеи империалистических клик покушались на жизнь вождя рабочего класса России и всего мира.

Под руководством Ленина рабочий класс России совершил социалистическую революцию, под его руководством он бился с контр-революцией, под его руководством трудящиеся массы идут к победе над тысячелетним гнетом.

Ленин — вождь восставших пролетариев России — указал путь борьбы и победы мировому пролетариату.

Его дело — дело угнетенных и обездоленных всех стран, наше дело, дело каждого рабочего, каждого бедняка.

Во всех странах мира в рабочих кварталах и солдатских казармах повторяют имя Ленина, как имя величайшего борца против войны — за мир, против капитализма — за социализм, против богача — за бедняка.

Ненависть всего капиталистического мира сосредоточилась на нашем вожде.

Они решили убить из-за угла нашего вождя, чтобы убить революцию рабочих и крестьян. Будем тверды. Сомкнем ряды. Пусть железная рука восставшего пролетария опустится на гадов издыхающего капитализма.

Наше дело победит. Мы одолели буржуазию в открытом бою; она не одолеет нас подлыми покушениями на наших вождей.

В борьбе за социализм, за рабоче-крестьянскую власть, за мировую революцию мы будем беспощадны. С своего пути мы сметем все препятствия.

Да здравствует революция рабочих и крестьян!

Да здравствует вождь ее, тов. Ленин!

Все по местам! Порядок и организация!

Председатель Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов *Л. Каменев.*

30 августа 1918 г.,
10 ч. 40 м. вечера.

---

17 АПРЕЛЯ 1923 г.

(Вступительное слово на XII Съезде Российской Коммунистической Партии.)

Товарищи, сегодня, когда мы начинаем ежегодный смотр сил коммунистической армии советских республик, первая наша мысль естественно и необходимо обращается к тому, кто в продолжение десятилетий стоял и ныне стоит во главе нашей партии. (Продолжительные аплодисменты; члены съезда поют Интернационал.) Первая мысль о Владимире Ильиче, и первое чувство, которое объединяет все наши боевые коммунистические силы, — это страстное желание, чтобы Владимир Ильич так же одержал победу над своим недугом, как он одерживал победы на всех фронтах, угрожавших рабочему классу и мировой революции. (Аплодисменты.) Первый отчет, товарищи, который вы можете потребовать от нас, избранных вами год назад для помощи Владимиру Ильичу, — это отчет в том, сделано ли все человечески-возможное, сделано ли все мыслимое для того, чтобы помочь Владимиру Ильичу преодолеть свой недуг. На этот вопрос мы отвечаем: да, мы использовали все, мы призвали все силы, которые могли бы помочь в этой беде нашей партии, мировому пролетариату и Владимиру Ильичу. Лучшие представители медицинской науки всех стран были собраны здесь и получили возможность длительно изучить болезнь и положение Владимира Ильича. В результате постоянного общения членов Центрального Комитета с этими врачами мы можем передать вам то, что они нам сказали: болезнь Владимира Ильича трудна, но отнюдь не безнадежна; борьба с нею длительна; корни ее — в том громадном переутомлении, в том неслыханном расходе нервной энергии, которую Владимир Ильич без всякого сожаления, на протяжении годов и десятилетий расточал на службу рабочему классу и угнетенному человечеству. Вы знаете, что приблизительно месяц назад был момент, когда казалось, что приближается к нам неминуемая опасность. Этот

момент прошел, опасности сейчас нет. Наоборот, врачи констатируют постепенное улучшение. Не надо забывать, что только с трудом и постепенно поддается этот недуг и что медленно мы будем приближаться к тому, что представляет самую сокровенную мысль и самое сокровенное желание нас всех: к полному восстановлению сил Владимира Ильича. Силы науки еще не истощены, силы организма Владимира Ильича не исчерпаны, и на этом зиждутся наши надежды, что Владимир Ильич встанет, вернется к нам и возьмет вновь в руки борца и вождя руль мировой революции. (Аплодисменты.)

Товарищи, Владимир Ильич стоял у колыбели нашей партии, которая в этом году празднует 25-летие своего существования как организованной рабочей силы. В этом же году Владимир Ильич мог бы отметить 30-летие своего систематического и постоянного, непрерывного участия в организованной жизни рабочих революционных масс России и всего мира. Наши враги по поводу нашего юбилея почти все откликнулись в одном и том же духе: они отрицали за нами право праздновать этот юбилей, ибо, как они говорили, «мы стали другими». Да, товарищи, это верно: за 25 лет мы стали другими. Вместе с рабочим классом, под руководством Владимира Ильича, мы прошли длинный, неслыханный, единственный в истории путь — путь от мелких, маленьких первоначальных рабочих пропагандистских ячеек к положению первой пролетарской партии, которая держит в своих руках управление громаднейшим государством. Владимир Ильич вел нас по этому пути. Вы знаете, что к нашей победе мы пришли не только через частичные победы, но и через частичные поражения. Вы знаете, что первый наш приступ — революция 1905 года — был отбит. Вы помните, что когда мы шли на этот первый приступ твердыни самодержавия и мировой реакции, Владимир Ильич учил нас: «врага классового, врага рабочего класса мало убить, — надо, — говорил он, — его добить, и добить его может только железная власть, стальная воля — диктатура рабочего класса». Этот первый приступ, эта первая попытка рабочего класса в союзе с крестьянством взять власть в свои руки была отбита. Мы не добили врага, но враг не добил и нас. Под руководством Владимира Ильича мы опять ушли в подполье и тогда, — в момент страшного поражения, когда шатания, колебания, уклоны в партии были неизбежным отражением депрессии и поражения рабочего класса, — тогда Владимир Ильич сказал нам: «Если побиты, нельзя хныкать надо работать». И от атаки, от революционных праздников он повел нас через революционные будни путем медленной, постепенной работы собирания наново рассыпавшейся армии коммунистов, подбора людей, составления кружков. Эта будничная подпольная работа быстро увенчалась неслыханным разливом

революционной пролетарской стихии, неслыханно быстрым переходом рабочего класса вновь к постановке революционных задач и к захвату власти в полном объеме.

Да, мы не те, которые были 25 лет назад, и в этом наша сила. Мы — единственная Коммунистическая Партия, которая не борется уже за власть, а организует власть рабочих и крестьян; единственная партия, которая имеет возможность вековые орудия угнетения поставить на службу рабочему классу и всем трудящимся. Наше государство есть первая попытка все те орудия, которые созданы историей человеческой культуры, все, что создано человеческим трудом, народное богатство, заводы, школы, науку, что до сих пор находилось в руках господствующего класса и служило орудием подавления, превратить в орудие всемирного освобождения трудящихся масс. (Рукоплескания.) Мы шли, товарищи, к этим задачам путем кризисов. Этот путь мы не могли проделать так, как, по выражению Чернышевского, гуляют по Невскому проспекту. В кризисах, в невероятном внутреннем напряжении мы проделали этот путь.

Сейчас мы вступаем в фазу, когда мы должны практически разрешить целый ряд основных вопросов. Перед нашим съездом стоит вопрос о пролетариате и крестьянстве — основной вопрос нашей революции, основная тема мыслей и тактического гения Владимира Ильича. Перед нами вопрос об организации промышленности, о решении национального вопроса и о реорганизации государственного и партийного аппарата. Эти трудные вопросы, стоящие перед партией, могут в ней породить различные ответы. Но мы знаем только одно противоядие против любого кризиса, против любого неверного решения: это учение Владимира Ильича, и к этому противоядию партия будет постоянно обращаться во все трудные моменты, в дни революционных будней, равно как и в дни революционных праздников. (Аплодисменты.) Владимир Ильич помог и этому нашему съезду. Его последние статьи написаны совершенно независимо от тех тем, которые подготовлял для партийного съезда ЦК. Владимир Ильич не мог знать и не знает ни порядка дня нашего съезда, ни резолюций, подготовленных ЦК. Последний пленум ЦК нарочно отложил опубликование этих резолюций, чтобы иметь возможность посоветоваться с Владимиром Ильичем, на что доктора нам давали надежду. К сожалению, нам этого не удалось, но, несмотря на то, что Владимир Ильич не знал ни порядка дня нашего съезда, ни течений, существующих в партии, он дал в своих статьях те указания, те директивы, тот прогноз и ту обрисовку задач нашей партии, которые, несомненно, послужат дорогой, по которой пойдет наш партийный съезд.

Так, хотя его нет здесь физически, он фактически идейно руководит этим нашим партийным съездом. (Аплодисменты.)

Никогда не застывать, учиться революционной борьбе вместе с массами и у масс, помнить, что мы боевая партия, окруженная врагами, не забывать из-за будней, что мы ни на минуту не перестаем быть окруженной со всех сторон крепостью; помнить указания Ильича, что классовый враг рабочего класса должен быть не только повален, он должен быть добит, помнить, что, как зеницу ока, как величайшую драгоценность, как залог всех наших побед, нам следует, нам нужно хранить единство нашей партии (продолжительные аплодисменты), железное единство передового отряда, выдвинутого на самые обстреливаемые посты мировой пролетарской революции, и из рук этой единой железной партии ни на минуту не выпускать руля государственного управления, — вот что говорит нам Ленин, и вот та дорога, по которой пойдет наш съезд. (Аплодисменты.)

23 АПРЕЛЯ 1923 г.

(На XII съезде РКП 23 апреля 1923 г.)

Наш съезд проходит без того, кто учил нас марксизму, кто учил нас революционной тактике пролетариата, кто своими идеями и своей личностью сплачивал воедино рабочий класс и крестьянство, того, кто в продолжение 25 лет провел строгую учебу партийной дисциплины. (Аплодисменты.)

На этом съезде Владимир Ильич не мог присутствовать, но все то, что проделал уже съезд, показывает, что хотя физически Владимир Ильич не был в том зале, где заседал съезд, но идейно, фактически он руководит этим съездом. (Аплодисменты.) Его заветы выполняли мы, принимая свои решения. С его учением сверялись каждый раз, когда перед нами становилась та или иная проблема, тот или иной трудный вопрос. Мысленно каждый из нас спрашивал себя: а как бы ответил на это Владимир Ильич?

И так как вместе с ним мы работали долгие-долгие годы, так как партия знает своего вождя, так как 25 лет она училась у него, то мы можем надеяться, что наши решения вполне совпадут с тем, что сказал бы, что сделал бы Владимир Ильич.

Мы все чувствуем новую ответственность перед нашим вождем. Мы думаем о том, что мы скажем ему, когда он встанет, — а мы верим все и всем напряжением своей воли хотим влить в ту комнату, в которой лежит больной вождь, нашу страстную жажду того, чтобы он вновь встал. (Продолжительные аплодисменты.)

Вот эта новая ответственность, мысль о том, чтобы, когда встанет наш Ильич, мы могли дать ему смелый отчет в том, что мы делали, как руководили пролетариатом и крестьянством, как продолжали начатое им дело мировой пролетарской революции, — эта мысль об ответственности перед ним есть новая сила, которая нами руководит.

16 ЯНВАРЯ 1924 г.

(Вступительное слово на XIII конференции РКП.)

Товарищи, всесоюзная партконференция собирается после того, как вся партия сверху донизу имела возможность обсудить все важнейшие вопросы как нашей внутрипартийной жизни, так и нашей общей политики. Мы спорили страстно и горячо. Мне думается, что так страстно и горячо спорили мы потому, что горячо и страстно относимся, как коммунисты и как революционеры, к тем основным задачам, которые стоят перед нами. Мы знаем, что этот горячий спор в рядах нашей партии породил всякого рода несбыточные надежды и мечтания среди наших классовых врагов. Однако, партия в процессе уже самого обсуждения спорных вопросов показала, что из этой дискуссии она выходит сплоченнее, с более отточенным оружием коммунистической политики, чем когда бы то ни было. Конференции придется подвести итоги этой дискуссии. Мы абсолютно уверены, что она покажет, что партия в громадейшем своем большинстве сплочена вокруг одной определенной политической линии, которая служила для нас руководством в продолжение шести лет напряженного строительства коммунизма и напряженной борьбы со всеми нашими классовыми врагами. Конференция покажет, что партия наша была, есть и будет едина. Конференция покажет, что наши враги, рассчитывающие на расшатывание партии или на подрыв ее авторитета, еще раз ошибутся, как неоднократно ошибались они в течение этих шести лет.

Мы приступаем на этой конференции к подведению итогов нашей дискуссии в полном и твердом сознании единства нашей партии, неизменной верности ее тем заветам борьбы, которым учил нас тов. Ленин, и с полной уверенностью, что единая ленинская партия с компасом ленинизма в руках победит все препятствия и обеспечит торжество коммунистического дела во всем мире.

18 ЯНВАРЯ 1924 г.

(Заключительное слово на XIII всесоюзной партийной конференции.)

Работа нашей конференции закончена.

Товарищи, наша партия осуществляет диктатуру пролетариата в совершенно своеобразных условиях, в стране, где громадная часть населения не принадлежит пролетариату. Колебания этой внепартийной среды неизбежны, и партия наша — основной пролетарский авангард — неоднократно доказывала, что она умеет прислушиваться к тому, что делается в беспартийной среде, и определенным образом на это реагировать. Неизбежно однако, что эти колебания во внепартийной среде время от времени так или иначе отражаются среди неустойчивых элементов нашей собственной партии. Эти колебания мы переживаем не в первый раз. На всяком повороте, при постановке трудных задач эти колебания сказывались и сказываются в среде партии и всегда они давали и дают повод для радости и внутренним нашим классовым врагам и международной буржуазии. Неудивительно поэтому, что и теперь обнаружившиеся колебания подали надежду классовым врагам внутри и за пределами союза. Наша конференция должна была подвести итоги той самопроверке, которую партия еще и еще раз произвела и произвела до конца по поводу основных принципов своей работы, правильности своего пути, твердости своего направления. Наша конференция с неслыханным единодушием показала единогласным голосованием за резолюцию о наших очередных хозяйственных задачах, что партия твердо держит курс на строительство социализма, что в основных проблемах строительства социализма у нас не будет никаких колебаний.

С другой стороны, столь же единогласное принятие всей конференцией резолюции о внутрипартийных делах, предложенной Центральным Комитетом, свидетельствует, что и в этом вопросе у нас существует полная сплоченность, что те колебания, которые были обнаружены в партии, — явление преходящее, и что партия сумеет дружно решить те задачи, которые перед ней стоят. Эта сплоченность, проявленная в двух основных

вопросах нашей конференции, имеет под собою твердую основу. Основа эта прежде всего в росте сознания, консолидации, численности, подъеме культурного уровня основной силы нашей диктатуры — рабочего класса. С другой стороны, основа этой сплоченности в том, что наша хозяйственная база, база диктатуры пролетариата, база Союза Советских Республик крепка, как никогда. Международная буржуазия скоро увидит, что Коммунистическая партия не только вывела Россию из той разрухи, в которой она находилась благодаря нападению международной буржуазии, но что Коммунистическая партия смогла призвать рабочий класс и крестьянство к созданию такого государства, которое сильнее, сплоченнее, монолитнее, чем какая бы то ни была капиталистическая держава в мире.

Партия ныне сказала свое слово. Это слово прозвучит по всей России, оно прозвучит и для международного пролетариата, и в этом слове международный пролетариат и русский рабочий класс увидят, что мы, как партия, растем, что вместе с нами растет Союз Советских Социалистических Республик, что вместе с нами растет мировая революция.

Мы должны отдать себе отчет, что перед нами громадная масса черной, будничной, требующей постоянного напряжения и постоянного внимания работы по строению социализма. После того, как конференция еще раз подтвердила путь партии, мы можем призвать всех членов партии к работе под руководством того Центрального Комитета, деятельность которого партия смогла до конца просмотреть и руководство которого она одобрила. Этот Центральный Комитет, товарищи, работает временно без руководства тов. Ленина. Мы все уверены, что в тот момент, когда Владимир Ильич вернется к руководству нашей партии, он одобрит ту трудную работу, то решение задач, которое партия, верная заветам Владимира Ильича, проделала за время его отсутствия. Владимир Ильич поправляется. В момент, когда тов. Ленин вернется к своему посту, наша партия, наш ЦК станут во сто раз сильнее, чем сейчас; но и сейчас мы уже достаточно сильны, чтобы заявить врагам, что их надежда на раскол, на разлад, на распатывание нашей партии лживы, что они здесь обманутся, как обманывались не раз. РКП будет, как и прежде, единой стальной партией, готовой к выполнению своих исторических задач. (Аплодисменты.)

27 ЯНВАРЯ 1924 г.

Товарищи! Сказаны все слова, и ясно, что нет тех слов, которые были бы достаточны для того, чтобы характеризовать то великое и в величии своем простое дело, которое жизнью своей сделал ушедший от нас вождь. Там, в глухой провинции отсталой крепостнической России, меньше, чем через 10-летие после того, как Россия перестала быть страною «крепостных мужиков», родился в семье учителя человек, который пошел на завоевание мира и который мир завоевал. Чем он был вооружен? Чем боролся он в мире насилия и зла? Что мог он противопоставить господствующему строю?

У него было пламенное сердце, но история человечества знает большое количество мечтателей, которые, однако, не смогли побороть ни одной капли человеческого зла. У него была железная воля, но человечество знает людей, результатом железной воли которых было только усугубление количества зла, только войны и гнет над миллионами.

Но кроме пламенного сердца, кроме души великого мятежника против всякого насилия, кроме железной несгибаемой воли, наш вождь был вооружен идеей, идеей освобождения трудящихся масс, идеей, которая не знает границ, которая охватывает весь мир, которая соединяет людей в братскую семью и в стальную когорту борцов. И этой идеей, ею одной он, казалось бы, бессильный и слабый, этой идеей он потряс мир, он ниспровергнул самую обширную монархию мира, он заставил дрожать самые крепкие престолы, он заставил к этой идее примкнуть миллионы людей, которые считали, что они обречены, что у них нет выхода. Этой идеей он связан с массами, он воплотил то, о чем говорил Маркс, он сделал то, что идея, великая идея освобождения пролетариата, стала идеей широчайших масс и тем самым стала величайшей силой. Мы знаем, как все враги рабочего класса видели ту силу, которая воплотилась во Владимире Ильиче. Его преследовали царские ищейки, республиканская полиция Керенского охотилась за ним. Люди, которые называли себя социалистами-революционерами, готовили для него пулю.

Ильич связал себя с рабочей массой не только идеей. Нет! Здесь, у нас, в Москве, по улицам ее, от Серпуховки и до дверей

его кабинета, идет кровавый след, след его живой крови, и эта кровь, живая кровь, связывающая его кабинет с рабочей Москвой, с рабочими окраинами, она вошла в то море крови, которым оплачивает рабочий класс свое освобождение.

Но не только кровь свою влил Владимир Ильич в то море крови, которого, как искупительной жертвы, требует капиталистический мир от борющегося пролетариата. Он отдал этой связи свой мозг. Врачи, которые достали из мертвого тела Владимира Ильича пулю, которая в последние годы оставалась там, как свидетель ненависти всех эксплуататоров к нашему вождю, эти врачи раскрыли и его мозг, этот удивительный, поразительный мозг, мощность которого не знает себе равного. И они сказали нам, сухими словами протокола, что этот мозг слишком много работал, что наш вождь погиб потому, что не только кровь свою отдал по каплям, но и мозг свой разбросал с неслыханной щедростью, без всякой экономии, разбросал семена его как крупицы по всем концам мира, чтобы эти капли крови и мозга Владимира Ильича взошли потом полками, батальонами, дивизиями, армиями борющегося за свое освобождение человечества.

Он работал всегда во имя этой идеи. Но не всегда, товарищи, ему, прирожденному вождю миллионов, человеку, который рожден был для того, чтобы быть полководцем пролетарской и крестьянской армии, не всегда было ему дано счастье говорить с тысячами и даже с сотнями. Годы, долгие годы, большее число лет, чем то, которое он имел возможность непосредственно общаться с рабочими массами, он провел в изгнании, в эмиграции. Он должен был в эти долгие годы затрачивать свой мозг, не для того, чтобы руководить миллионами, а в группах в 20 — 30 человек, подготовляя будущих вождей пролетарской армии, и он делал это дело в парижских рабочих предместьях, в женевском изгнании, обучая мелкие группы изгнанников с такой же страстью, с такой же верой, как тогда, когда его с глубоким вниманием слушали миллионы людей.

Он никогда не боялся остаться один, и мы знаем великие поворотные моменты в истории человечества, когда этот вождь, призванный руководить человеческими массами, был одинок, когда вокруг него не было не только армий, но и группы единомышленников. В момент, когда он начал организовывать нашу коммунистическую партию, он был один против всяких авторитетов. В момент, когда разразилась война, он остался один против всех соединенных авторитетов социалистов. Что давало ему силу в такие моменты? Он был один, но он верил, он жил великим доверием к массам. Единственно, что не оставляло его никогда, — это вера в творчество подлинных народных масс. Я не знаю слова, которое реже попадалось бы в сочи-

пениях и в речах Владимира Ильича, чем слово «я». Он был вождем, он был полководцем, он принимал решения, которых ждали с напряженным вниманием не только низы человечества, но и «господа» человечества. Он знал, какое значение имеет его слово, и он никогда не говорил: «я решаю», «я хочу», «я думаю»; он говорил: масса хочет, масса решает, партия хочет, партия решает. Он был рупором подлинных масс, подлинных низов человечества, был их вождем, был рупором нашей партии. Он формулировал то, что росло бессознательно в сердцах и умах угнетенного пролетариата.

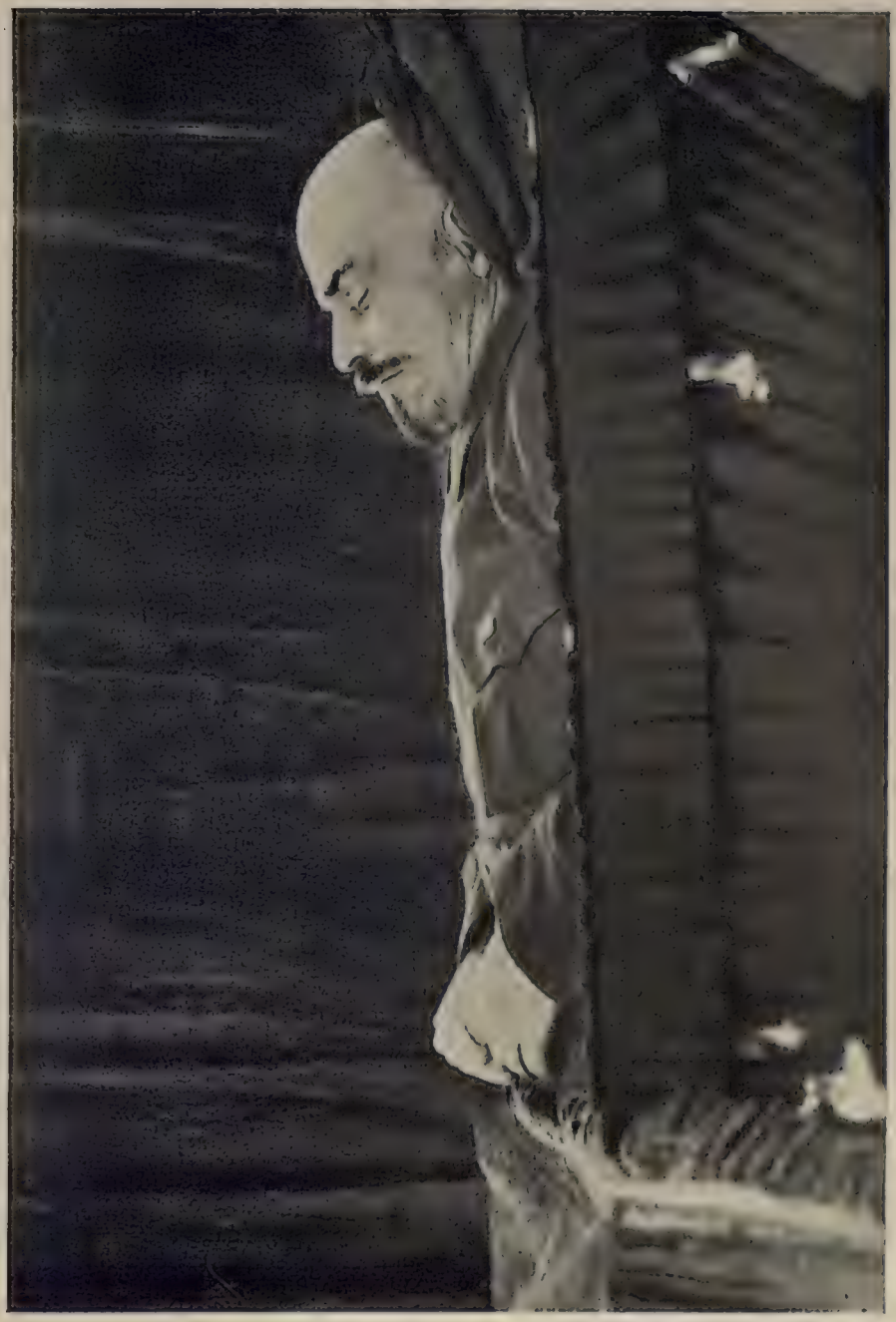
Он говорил не раз: я знаю несовершенство наших декретов, я знаю несовершенство нашего законодательства, но это — преходящее, преходящи наши законы, преходящи наши организации, мы будем ошибаться, мы будем переделывать, но непреходящим, непреложным, единственным камнем будущего является творчество самих масс, «черной кости», «простонародья». Около 20-ти лет тому назад, в момент, когда впервые рабочий класс и крестьянство России, задавленное и угнетенное, скинуло психологию рабов, которая прививается человечеству современным строем, которая пропитывает и отравляет поры человека, Ленин в это время писал:

«Либералы и оппортунисты кричат об исчезновении мысли и разума, когда вместо кромсания законопроектов всякими канцелярскими чинушами и либеральными писаками наступает период непосредственной политической деятельности «простонародья», которое попросту, прямо, немедленно ломает органы угнетения народа, захватывает власть, берет себе то, что считалось принадлежащим всяким грабителям народа, одним словом, когда именно просыпается мысль и разум миллионов забитых людей, просыпается не для чтения только книжек, а для дела, живого человеческого дела, для исторического творчества».

К этому творчеству вел пролетариат и крестьянство Владимир Ильич, ему раскрывал он все возможности, ради него шел войной против всего мира, ради него оставался один, когда это было надо. И на этой почве он создал невиданное движение, открыл во всемирной истории новую эпоху человечества.

Мы, коммунисты, не привыкли ни перед чем склонять своих голов. Сейчас мы склоняем головы свои перед могилой вождя... Не верится, что нет его.

Да, он среди нас, он живет, — живет в партии, живет в рабочем классе, живет в крестьянстве, живет во всем мире, и весь мир стоит сейчас с обнаженной головой у могилы вождя борющегося и освобожденного человечества, и вместе с нами шлет проклятья той проклятой судьбе, которая отняла у нас и у мира великого вождя. (Оркестр исполняет похоронный марш.)



23 МАЯ 1924 г.

(Вступительное слово при открытии XIII съезда РКП.)

Товарищи, впервые съезд нашей партии собирается после того, как от нас ушел Владимир Ильич. (Все встают.)

Партия наша росла в испытаниях, под тяжкими ударами враждебных сил. Мы пережили много поражений. Казалось временами, что дело наше, дело всемирного социалистического переворота, отодвинуто на долгие годы. Мы пережили, как партия, поражение 1905 г. Мы боролись в эпоху реакции, мы одни отстаивали лозунги революционного марксизма. Мы пережили испытания войны и ее первые месяцы, когда казалось, что дело всемирного социализма погребено.

Но не было более тяжкого испытания и не будет его у партии, чем тот удар, который нам принесло 21-е января 1924 г. В этот день человечество потеряло гениальнейшего представителя своего собственного будущего. Трудящиеся массы всего мира потеряли гениального полководца, который вел их к лучшему будущему в беспрерывных сражениях. Наша партия потеряла руководителя, который создал партию, вел ее и привел к победе. Все мы, и каждый из нас в отдельности, потеряли лучшего товарища, которого только могла дать нам история, и которого у нас никогда уже больше не будет. Дни, когда международный пролетариат прощался с Владимиром Ильичем, были днями величайшей сплоченности, величайших чувств коллективности, охвативших всех трудящихся всего мира. Из этих дней, из этих чувств, из этого сплочения родилось то, что единственно способно хотя бы несколько смягчить боль, которую чувствует вся партия и весь пролетариат с момента кончины Владимира Ильича. Из этих дней родился ленинский призыв. Партия вновь прикоснулась в эти тяжелые дни к самым широким пролетарским массам. Массы откликнулись на призыв партии. Вновь между нами, коммунистами, и широчайшими кругами рабочего класса завязалась неразрывная связь, и, опираясь на эту связь, на ленинский призыв, мы смелее и более уверенно, чем когда-либо, можем теперь сказать, что заветы

Владимира Ильича, то, что им оставлено нам и всему мировому пролетариату в поучение и к чему в продолжение годов и десятилетий будут обращаться борющиеся пролетарии, чтобы найти уроки, которые предотвратят ошибки и колебания, чтобы найти указание прямого пути к окончательной победе, — наша коммунистическая партия выполнит. Нашим знаменем будет—Ленин, нашей программой будет — ленинизм, и чем горше наша потеря, чем тяжелее нам ощущать свою партию без ее гениального руководителя, без Владимира Ильича, тем горячее наш привет рабочему классу, ленинскому призыву, мировому большевизму.

Под знаменем Ленина, с учением Ленина в руках мы пойдем по тому пути, который он нам указал, и мы знаем, что этот путь есть путь победы мирового коммунизма над всеми врагами.

21 ЯНВАРЯ 1925 г.

(Речь на торжественном заседании в день годовщины смерти В. И. Ленина.)

Товарищи! Год тому назад в этот час Ленина не стало, не стало того, кто был воплощением надежд, кто был вождем, кто был вестником светлого будущего для миллионов и миллионов человечества. Он покинул нас в самый разгар борьбы. Тем тяжелее была утрата, тем сильнее перед каждым из борцов за будущее человечества вставал вопрос: как пойдем мы дальше в бой без нашего вождя? не отдалился ли от нас момент наших побед?

Эти тяжкие часы Центральный и Московский Комитеты нашей партии хотели провести среди тех, дело которых было делом Владимира Ильича, — среди рабочих и крестьян. Здесь, на этом собрании присутствуют сотни крестьян и тысячи рабочих, и к ним прежде всего обращается моя речь.

Один из них, крестьянин Царицынской губернии, прислал нам к этому дню письмо; я прочту его слова, которые, может-быть, удачнее всего показывают, почему Владимир Ильич стал для миллионов и миллионов символом их освобождения. Крестьянин пишет: «злость он нашу понимал». Конечно, не о мелкой злости, не о злобе идет речь. Эти слова представителя, вышедшего из глубин народа, отметили, что Владимир Ильич действительно глубоко понимал то чувство несправедливости, то возмущение и негодование, которое столетиями живет в глубине народных масс.

Народные массы угнетались тысячелетиями. Временами вспыхивали бурные восстания, которые подавлялись, и опять на громадное большинство человечества надвигались сумерки рабства и угнетения. Ильич не только понимал эти глубины народного сознания, эти чувства, которые веками живут среди угнетенного и порабощенного большинства человечества, — он указывал путь, идя которым угнетенное человечество может от этого чувства освободиться, он указывал способ, каким образом превратить эти чувства угнетенных в активное возмущение против вековых несправедливостей, как превратить его в орудие подлин-

ного освобождения. Это понимание народных масс, это умение наметить подлинный путь освобождения сделали его подлинным вождем миллионных масс. Ленин знал, что для того, чтобы освободить угнетенное человечество, надо найти тот класс, который достаточно сплочен, организован, сознателен для того, чтобы стать во главе масс и вести всех угнетенных к свободе и равенству.

Этот класс указал еще Маркс. Этот класс — единственный класс, который может стать во главе всех угнетенных, единственный класс, который может повести их по правильному пути, единственный класс, который может привести человечество к победе, это — класс наемных рабочих, это — класс пролетариев, класс людей, которые создают все богатства, а сами лишены всякой собственности. Те, которые на гигантских фабриках и заводах работают, объединяются, сплачиваются в дружную боевую семью. Те, которые сами вышли из народа и которым народ верит. Те, которые могут увлечь за собой в битву не десятки, не сотни, не тысячи, а миллионы людей.

Прежде всего надо было организовать этот класс наемных рабочих, спаять его в боевую армию, возглавить его партией, которая шла бы твердо до конца, которая ясно видела бы весь дальнейший путь. Это сделал Владимир Ильич. 30 лет работал он над тем, чтобы сорганизовать и сплотить рабочих и во главе их поставить партию, которая бы постоянно шла вперед, которая несла бы в своих твердых руках знамя победы рабочего дела.

30 лет, начиная с маленьких кружков, бесед с отдельными рабочими и продолжая свое дело в качестве главы Первой Пролетарской Республики, Ленин собственно делал одно дело — он сплачивал, организовывал, просвещал, указывал путь вперед передовому авангарду человечества — пролетариату. Но пролетарий может победить лишь тогда, когда он объединяет вокруг себя все угнетенные массы, когда он завоюет к себе доверие всех тех, которые чувствуют на себе тяжесть капиталистического гнета, но сами разрознены, разбиты, недостаточно организованы, недостаточно инициативны для того, чтобы самим стать во главе борьбы.

Рабочий класс, организовав свою партию, должен был обратиться к многомиллионной массе крестьянства, вырвать это крестьянство из-под влияния старых предрассудков, разрушить доверие крестьянства к старым силам старого мира, показать крестьянству пример героической борьбы в городе, доказать крестьянству, что пролетарий сражается не только за улучшение своего положения на фабриках и заводах, но что он сражается за новый экономический уклад, за социализм, за коммунизм, который несет освобождение и пролетарию и крестьянину, т.-е.

всем тем, которые веками были угнетаемы крепостниками-помещиками и капиталистами. Этой политике учил Владимир Ильич свою армию — рабочий класс и он добился своей цели. 30-летней работой руководства он обеспечил то, что голос пролетария стал слышен в самых глухих уголках царской и империалистической России, он обеспечил то, что пролетарская партия выступила, как руководительница крестьянских масс в стране, которая раскинулась на $^1/_6$ часть всего земного шара, — он создал боевой союз пролетария города с тружениками деревни. И создав упорной, длительной, черной работой, в борьбе со всеми врагами, в борьбе с иллюзиями, в борьбе с обманными речами, в борьбе со всеми силами буржуазии этот боевой союз, Ленин бросил его против исконного врага, — сначала против помещичьего царства, возглавленного дворянским царем, а затем против буржуазного царизма, возглавленного союзом капиталистов и мелкой буржуазии, обманщиками эс-эрами и меньшевиками. Оба эти грандиозные сражения выиграл рабочий класс и крестьянство благодаря тому, что их объединял, вел в бой, указывал дорогу, предупреждал от ложных шагов Владимир Ильич.

Это был, товарищи, не только русский бой. То сражение, которое вел Владимир Ильич со всеми силами старого мира, разыгралось не на $^1/_6$ части земного шара, оно разыгралось в мировом масштабе, оно затронуло весь мир, оно вовлекло трудящихся всего мира. Дело Владимира Ильича — не дело той или другой нации, того или другого племени, той или другой расы, не дело людей того или другого языка, той или другой веры. Нет, это дело, которое объединяет людей всех национальностей, всех стран, на каком бы языке они ни говорили, где бы они ни жили.

Одно требуется для того, чтобы человек понял, чему учил Ленин, понял, к чему он зовет и встал под его знамя: нужно, чтобы это был трудящийся человек и нужно, чтобы этот трудящийся человек перестал хотеть быть рабом, захотел быть свободным человеком, почувствовал бы, что трудящиеся созданы не для того, чтобы выполнять в капиталистическом мире роль рабочего скота. Тот, кто не хочет быть рабом, кто начинает задумываться над своим положением, может в выборе своего пути ошибаться, может колебаться, может еще временами прислушиваться к обманным речам слуг буржуазии. Она хитра и могущественна, она изобретает разные способы обмануть и увлечь трудящийся люд. Но если трудящийся сегодня еще не знает своего пути, если он завтра еще колеблется, вы можете смело сказать — придет день, и он станет на верный путь ленинизма, ибо нет спасения для человеческого рода, нет выхода для угнетенного человечества иначе, как на тех путях, которые указал Владимир Ильич.

Боевым союзом рабочих и крестьян Ленин выиграл сражение. Под его руководством трудящиеся впервые в истории мира взяли власть в свои руки в громадной стране. Они захватили ту громадную машину угнетения, которая создавалась веками, которую выработал господствующий класс для того, чтобы обеспечить свое господство. Написаны тысячи трудов буржуазных ученых для того, чтобы скрыть от рабочих истинную сущность государственной власти. Ежедневно миллионы буржуазных газет отравляют сознание угнетенных для того, чтобы скрыть подлинную механику того, каким образом ничтожное меньшинство правит миром и господствует над громадным большинством угнетенных. Ученые, попы, книги, газеты, школы, университеты — все направлено на это. А когда этих орудий не хватает, а их не хватает все чаще и чаще, тогда выступают буржуазное войско, буржуазная полиция, буржуазная охранка, буржуазная каторга — для того, чтобы поддерживать то дело, которое делают современные капиталисты-рабовладельцы.

Ильич разоблачил эту великую ложь буржуазного государства. Он сделал доступным для миллионов людей сознание того, что государство есть орудие угнетения масс, специальная машина для подавления трудящихся и что хотя это государство кропили елеем, придавали ему самые идеальные черты, окружали его «божественным» сиянием, но все это делалось для того, чтобы прикрыть цветами и скрыть в них те цепи, которые накладывались на миллионные массы трудящихся. Ильич звал всех сорвать эти цветы, протереть глаза, взглянуть правде и действительности в лицо, понять, что государственный аппарат, демократия, республика, — все это есть только механизм, при помощи которого небольшое меньшинство богачей владеет волей и сознанием, трудом, потом и кровью громадных угнетенных масс. Ильич сказал трудящимся: «эту машину, которая направлена против нас, мы должны взять в свои руки и обратить ее против тех, кто веками угнетал большинство». Машину угнетения, государственную власть Ильич превратил в орудие освобождения рабочих и крестьян. Впервые в истории мира создано государство, — наша первая пролетарская республика, — которое использует государственную власть не для угнетения большинства, не для обеспечения господства меньшинства, не для закабаления народа, не для его оглупления, а наоборот, для его освобождения, для подавления богачей, для подавления эксплуататоров, для подавления меньшинства во имя интересов большинства.

Товарищи! Это дело трудное, и никогда Ильич не говорил нам, что освободить человечество от веками сложившегося рабства можно легко, одним взмахом богатырских плеч. Он знал, что это — длинная и тяжкая работа. Он знал, что буржуазия свою власть и свои богатства без боя не отдаст. Он суровыми сло-

вами указывал нам на то, что наш путь есть неизбежно путь жестокой и решительной борьбы. Он высмеивал, как болтунов и обманщиков, тех, которые пытались, пытаются и ныне обмануть рабочий класс баснями о том, что можно прийти к лучшей жизни и сломить господство капиталистов мирным путем, путем договоров и соглашений с ними.

Ильич предупреждал крестьян и рабочих: «Вы можете, — говорил он, — не верить мне на слово, вы не обязаны верить на слово никому, но опыт истории, ваш собственный опыт, опыт тех исторических моментов, когда масса сама выходит на арену истории и начинает строить свою жизнь, этот опыт покажет вам, покажет самому отсталому рабочему, самому темному крестьянину, что соглашением с господами ничего не добиться, что при всяком соглашении бедняка с богачем богач его обманет, а бедняк останется в дураках, что при всяком союзе политически и экономически сильного капиталиста и экономически и политически слабого крестьянина всегда победа останется на стороне капиталиста». И потому уверен был Ильич в правильности своего пути, что он знал, что все больше и больше массы будут в этом убеждаться, что собственным опытом трудов жизни и политической борьбы они к этому неизбежно придут. Поэтому Ильич ненавидел так тех, кто ласковыми словами пытался затемнять сознание пролетариата. Поэтому с таким негодованием относился он ко всем тем, кто пытался в розовых красках представить суровый путь войны бедняков против богачей.

Ильич был суровый вождь, и он говорил суровую правду в глаза тому народу, который он хотел вести в бой. Он говорил: нельзя победить эксплуататоров, не объявив им войны. Нельзя выбраться из рабства, не взявши в руки оружие и не объявив рабовладельцам гражданской войны. Нельзя победить в гражданской войне противника, лучше организованного, лучше сплоченного, больше подготовленного к политическому господству, т.-е. капиталистов и буржуазию, если не вести эту войну до конца, решительно, не останавливаясь ни перед чем, заранее решив, что в этой войне потребуются жертвы, жертвы и жертвы.

И разве не прав был Ильич в этой суровой своей правде? Разве нам не пришлось заплатить за право своего освобождения, за право строить свою страну так, как хотят рабочие и крестьяне? Разве не заставили нас буржуазия и капиталисты заплатить за это голодом, холодом, разорением, гибелью тысяч товарищей? Да, все это было и через все это провел нас Владимир Ильич, не теряя ни на минуту уверенности в том, что через эти жертвы рабочий класс и крестьянство идут неизбежно к победам, что жертвы временны, а победы наши безусловны, что иначе нельзя, что иной дороги нет. Или оставайся рабом или знай, что борьба за твое освобождение будет жестока, потребует

от тебя всякой и всей до конца решимости и что победить ты можешь только одним, только установив железную власть революционных трудящихся масс. Только тогда наша победа,—говорил Ильич, — будет закреплена, когда на место диктатуры буржуазии мы поставим диктатуру мозолистой руки пролетария в союзе с крестьянином. И разве мы не видим, как эти слова, которые многим лет 10 тому назад казались слишком суровыми, даже слишком грозными, как эти слова подтверждаются буквально каждым днем истории любой страны. Разве мы не видим, как всюду и везде буржуазия организовала свое господство в форме безусловной диктатуры. И каждый день приносит нам подтверждение того, что против этой диктатуры нет других путей, как беспощадная диктатура мозолистой руки рабочего класса.

Товарищи, когда власть рабочего класса была установлена в нашей стране, когда Ильич поднял на свои плечи великую созидательную работу, он говорил: Мы завоевали власть, но ее надо уметь удержать; мы завоевали власть, но власть нам нужна не для власти, а для того, чтобы дальше и дальше строить благосостояние угнетенных масс человечества. От непосредственной войны он перевел нас — партию, рабочий класс, крестьянство — к делам строительства. Он ждал того момента, когда, отбив нападение врагов, очистив нашу землю, землю рабочих и крестьян от иностранных войск, от войск белой гвардии, мы сможем заняться своими делами, строить хозяйство без помещиков, без капиталистов, без банкиров, строить по-своему, рабоче-крестьянской рукой, строить так, чтобы на нашем строительстве не наживался паук капитала и империализма.

Ильич был с нами только при первых шагах этого строительства. Но он и в эти первые дни указал пути для всего дальнейшего. То, что мы делаем сейчас, то, что мы будем делать еще годы и годы для увеличения благосостояния крестьянства, для поднятия положения рабочего класса, все это будет только выполнением того, что завещал нам Владимир Ильич. Он указал план, он поставил задачи, он даже сказал, какими способами эти задачи решать. Хозяйственные победы рабоче-крестьянского дела только-только начинаются, только-только мы начинаем чувствовать, как впереди перед нами обрисовываются подлинные достижения, подлинный рост богатств нашей страны, подлинный рост улучшения положения крестьянина и рабочего, подлинный рост культуры и просвещения, — и если мы к этому идем без больших колебаний, без очень больших ошибок, так потому, что Ильич своим взглядом заранее предугадал и указал нам и этот путь и то, как по этому пути итти. Он знал, что, взяв в свои руки государственную власть, рабочий класс сумеет сделать ее орудием достижения всех целей рабочих и крестьян. Он знал, что, обладая механизмом этой государственной власти,

рабочий класс и крестьянство двинется вперед с гораздо большей, несравненно большей быстротой, чем они могли бы двигаться, если бы власть была не в их руках, а была в руках их врагов. Он знал, что рабочему и крестьянину надо еще многому и многому учиться — не только из книг и не столько из книг, как из живой практической жизни, из опыта своей собственной революционной борьбы.

Надо прежде всего учиться управлять государством, — дело, к которому рабочих и крестьян не готовили господствующие классы, от которого их история в продолжение веков отталкивала. И не в один год и не в два или в три года научатся подлинные народные массы все до последнего человека понимать государственное дело, как свое дело. Неустанно повторял Владимир Ильич: рабочий и крестьянин должен учиться управлять государством, партия наша должна только помогать ему в этом деле. Рабочий и крестьянин и прежде всего крестьянин должен учиться уничтожать остатки невежества и рабства, которые тяжелым наследием и вековым проклятым гнетом лежат еще на нашей деревне. Он должен учиться жить и работать коллективно, общественно, ибо не решить нам великих задач, стоящих перед освобожденным пролетариатом и крестьянством, если мы не научимся работать коллективом, миром, всем обществом, откинув прочь старое буржуазное правило: «каждый за себя, а бог за всех». Не было ненавистнее пословицы, чем эта пословица для Владимира Ильича. Нет, не «каждый за себя», а коллектив, общая работа, дружное сотрудничество, — вот что необходимо для того, чтобы были решены те грандиозные задачи, которые перед нами стоят.

Товарищи! Тридцать лет стоял Владимир Ильич во главе нашей армии. Была сначала эта армия небольшим кружком. Потом росла она, терпела поражения, уходила в подполье, страдала, лишаясь своих товарищей на виселицах и под расстрелами, потом опять росла, ширилась, крепла, во главе со своим вождем, принимала бои и одерживала победы. И так научил свою армию Владимир Ильич, так ее воспитал, так ясно показал ей стоящие перед нею цели, что теперь эта армия может смело сказать: наследство Владимира Ильича мы не расстратим, заветов его не забудем, знамя его опустить не позволим. Его нет с нами, но знамя его держат сейчас в руках миллионы пролетариев во всем мире. Учение его, переведенное почти на все языки, достигло самых глухих и самых забитых углов земного шара, — а дело его все больше растет и растет, и все чаще и чаще видим мы, как судороги испуга охватывают господствующие классы перед делом Владимира Ильича. Мы знаем, что если здесь в Москве кликнуть клич: «ленинцы», то на это слово отзовутся голоса не только в нашей Советской России, не только

в Европе и в Америке, но в Азии и в Австралии. Всюду, где есть трудящиеся, всюду, где рабы восстают, всюду на клич: «ленинцы, в бой» будет ответ: «готовы».

Так крепко, на мировой основе, поставил свое дело Владимир Ильич. В тяжкие часы годовщины того момента, когда он ушел от нас, мы преисполнены верой, что дело его победит, что оно бессмертно, как бессмертен в веках и образ нашего учителя, Владимира Ильича!

ГОДОВЩИНА.

Год...

Год тому назад делу освобождения человечества судьба нанесла громовой и непоправимый удар. Сражающейся армии тяжело потерять вождя, еще тяжелее потерять вождя на поле сражения, во время боя, бесконечно тяжело потерять такого вождя, как Ленин. Но армия, которой предводительствовал Ленин, была классовой армией пролетариата, а война, которую он вел, была классовой войной пролетариата против буржуазии. В этой армии и в этой войне роль вождя зиждется на иных началах, чем в обычных армиях и войнах. Там полководец «управляет» насильно-объединенными массами, решая за них, умерщвляя их волю, «бросает» их в бои, цели которых им неведомы. Ленин руководил свободно объединившимися передовыми отрядами человечества, вся сила которых в добровольной борьбе за сознательно-выбранные цели. Могущество Ленина зиждилось на свободно-взвешенном и многократно-проверенном, но тем более глубоком и безраздельном доверии самой сознательной части человечества, той части его, которой предстоит взломать стену, отделяющую «царство свободы» от «царства необходимости», «предысторию человеческого рода» от его «подлинной истории». Авторитет Ленина опирался не на умерщвление воли масс, а на ее раскрепощение, не на удушение сознания, а на его расковывание, не на командование массами сверху, а на широчайшее самоуправление их снизу.

В этом—основное, принципиальное отличие характера социального могущества и личного авторитета Ленина от «героев» старой истории.

Чтоб двинуться на завоевание мира, Ленин должен был предварительно завоевать рабочий класс, собрать, организовать, сплотить его вокруг боевых знамен коммунизма. Ленин, ныне символ освобождения всего угнетенного человечества, должен был начать с завоевания отдельных рабочих в рабочих кварталах императорского Петербурга. Победоносный путь Ленина от этих первых боевых окопов до превращения Коминтерна в важнейший фактор мировой истории, проделан единственно силой гени-

ального ума, революционной, несгибаемой воли, покоряющего личного примера.

И бессмертны поэтому не только дело Ленина, дело всего будущего человеческого рода, не только учение Ленина—знамя миллионов, но и личность Ленина — прообраз будущего, слияние воедино гения личности с гением шествующего вперед коллектива.

Год...

Год тому назад у могилы вождя, учителя и товарища мы, молча, дали себе слово держать высоко его знамя, двигать вперед его дело, стоять крепко за его заветы.

Выполнено ли обещание? Кажется, да...

Растет политическая и хозяйственная мощь созданного под его руководством первого Союза Советских Социалистических Республик. Идет вперед дело большевизации секций Коминтерна. Крепнет его детище РКП, включившее в свои ряды четверть миллиона «ленинского призыва». Движется вперед изучение ленинизма. Все глубже и шире охватывает трудящееся человечество учение Ленина...

Будем работать...

III

ЗА ЛЕНИНИЗМ

РЕВИЗИЯ ЛЕНИНИЗМА.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ[1]).

Статья тов. Осинского характерна во многих отношениях, но первым и немаловажным ее достоинством нужно признать то, что статья эта может служить прекрасным образчиком бюрократического извращения и немарксистского трактования важнейших вопросов, поставленных последними статьями т. Ленина. Если бы тов. Осинский посвятил свою статью исключительно критике практических предложений тов. Ленина, его статья вряд ли могла бы привлечь к себе внимание: давно ведь известно, что у тов. Осинского имеется рецепт спасения партии и Советского государства. По собственному признанию тов. Осинского, этот рецепт имеет уже 4-летнюю давность и датирует с весны 1918 г. Тов. Осинский имел возможность предъявлять партии свои планы спасения в течение этого срока неоднократно, но с той же настойчивостью, с которой т. Осинский предъявлял свои практические рецепты, партия неизменно их отвергала.

Характерны и важны в статье тов. Осинского поэтому не его практические рецепты, не раз уже обсуждавшиеся, а его попытка связать неприемлемые для него практические предложения тов. Ленина с общей линией последнего, начиная с весны 1918 года. По выражению т. Осинского, грехопадение т. Ленина «берет начало с его апрельской речи 1918 г.» и «идет непрерывной цепью» с той же злосчастной весны и до настоящего момента. Эта «старинная идея» тов. Ленина заключается, по словам тов. Осинского, не в чем ином, как в том, что «хозяйственное строительство надо делать чужими руками, руками более культурной буржуазии или буржуазной интеллигенции». Тов. Осинский тут же сообщает: что касается лично его, т. Осинского, то ему «с настоящей идеей т. Ленина, несмотря на глубокое и искреннее уважение к т. Ленину, приходится полемизировать с 1918 года».

Отсутствия «глубокого и искреннего уважения» к т. Ленину со стороны тов. Осинского никто не заподозрит. Всем известно, что

---

[1]) «Правда» № 65, от 24 марта 1923 г.

революционная работа тов. Ленина вколотила «уважение» к себе даже в головы людей, глубоко чуждых марксизму и пролетариату, в роде, скажем, сменовеховца Устрялова.

Но партия, несомненно, будет глубоко удивлена сообщением тов. Осинского о том, как с весны 1918 г. тов. Ленин стремится передать хозяйственное строительство Советской республики в руки буржуазии и о том, как т. Осинский с того же времени, испытывая «глубокое и искреннее уважение» к т. Ленину, видит себя вынужденным оборонять русских рабочих и крестьян, а заодно и мировую революцию, от злокачественной «старинной идеи» тов. Ленина.

Но что же собственно в данный момент заставило тов. Осинского «оторваться от теоретической работы» и взять на себя труд напомнить партии, как т. Ленин с весны 1918 года систематически проповедует зловредные идеи? Что заставило тов. Осинского взяться за перо, облачиться в бранные доспехи и вновь и вновь — перед фактом ленинских статей — предупредить партию, что сдавать буржуазии «ключи от нашего хозяйства» нельзя было ни в 1918 году, ни сейчас, несмотря на «старинную» тягу тов. Ленина к этому противоестественному преступлению?

В чем действительно заключается основная мысль последних статей тов. Ленина?

Уже первую свою статью о Рабкрине, напечатанную 25 янв. этого года, т. Ленин заканчивает указанием на классовые отношения в Советской России. «Главная задача нашего ЦК и ЦКК, как и нашей партии в целом, состоит в том, чтобы внимательно следить за обстоятельствами, из которых может вытечь раскол (между рабочими и крестьянами. *Л. К.*), и предупреждать их, ибо в последнем счете судьба нашей Республики будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам» т.-е. новой буржуазии, разъединить себя с рабочими, расколоть себя с ними».

Тов. Осинскому, правда, это показалось недостаточно вразумительным, но здесь уже не вина тов. Ленина, а вина той ваты конституционной (по-русски: либерально-чиновничьей) ограниченности, которой уши т. Осинского ограждены от восприятия глубочайших социально-политических проблем Советской России.

Но т. Ленин пошел навстречу т. Осинскому: во 2-й статье он подробно разжевывает ту коренную проблему, которая стоит перед ним и перед партией и в свете которой т. Ленин только и ставит вопрос о реформах Рабкрина, ЦК, ЦКК и т. д. «Мы стоим,— пишет т. Ленин,— в настоящий момент перед вопросом, удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве, при нашем разорении до тех пор, пока западно-европейские страны закончат свое развитие к социа-

лизму». «Какая же тактика, — продолжает тов. Ленин, — предписывается данным положением дел (в России и в международном масштабе) для нашей страны? Очевидно, следующая: мы должны проявить в величайшей степени осторожность для сохранения нашей рабочей власти, для удержания под ее авторитетом и под ее руководством нашего мелкого и мельчайшего крестьянства».

«Нам следует,— разжевывает дальше т. Ленин,— нам следует держаться такой тактики, или применять для нашего спасения (подчеркнуто мною к сведению всех либеральных реформаторов. *Л. К.*) следующую политику: мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами и доверие крестьян по отношению к себе». Так стоит вопрос. И прав т. Осинский: для т. Ленина, а за ним и для всей партии так стоит вопрос не со вчерашнего дня, а с злополучной для тов. Осинского весны 1918 г.

Именно с 1918 года, с VIII Съезда партии, как свидетельствует сам тов. Осинский, он придумал рецепт спасения партии и государства при помощи точного распределения функций между государственным и советским аппаратами, при помощи реорганизации Совнаркома, изменения состава ЦК и т. п. в пределах конституционных реформ. Тов. Ленин в это время, вместо того, чтобы принять к сведению великолепные конституционные формулы т. Осинского, придумывал специальные методы укрепления союза рабочих и крестьян на почве данной экономики страны, вырабатывал и испытывал методы привлечения к хозяйственному строительству спецов и учил «левых» коммунистов учиться хозяйствовать у буржуазных организаторов производства [1]).

[1]) Кстати, ту апрельскую (1918 г.) речь т. Ленина, с которой — по Осинскому — началось грехопадение тов. Ленина, помнит не только тов. Осинский, но и тов. Ленин. Он перепечатал ее ровно через четыре года, в апреле 1922 г., и в специальном предисловии к этой перепечатке написал: «В большей своей части это старое в данном случае даже вовсе не устарело, хотя прошло четыре года необычайно бурного и быстрого революционного развития... Перепечатка старой брошюры 1918 г. небесполезна теперь, ибо тогдашние споры помогают многое уяснить в теперешних задачах нашей партии. Такие речи, как речи т. т. Преображенского, Осинского, Ларина на XI съезде партии в прениях по докладу ЦК, показали наглядно, что внимание очень многих и очень видных руководящих работников партии устремлено не туда, куда следует его устремить. «Гвоздь» задач нашей политики определен в этих речах неправильно. Я надеюсь, что мне удастся побеседовать об этом с читателями подробнее в недалеком будущем». Некоторым товарищам, видимо, и невдомек, что статья о Рабкрине есть частичное выполнение этого обещания тов. Ленина «побеседовать подробнее» с товарищами, которые определяют «неправильно» «гвоздь нашей политики» и которые «устремляют свое внимание не туда, куда следует его устремить». Куда «устремляет» свое внимание тов. Осинский, мы увидим ниже.

(Цитата из брошюры: В. Ленин. «Старые статьи на близкие к новым темы». 1922 г. Курсив мой.)

В проблему упрочения и укрепления Советской власти России тов. Ленин вводит, сравнительно с весной 1918 г., три новых элемента, ибо эти три элемента созданы самою жизнью, и было бы величайшей глупостью их не замечать или не принимать в расчет при построении политики и стратегии партии.

Первый элемент — замедленное движение пролетарской революции на Западе. Тов. Ленин прямо указывает на то, что «завершение развития Европы к социализму совершается не так, как мы ожидали раньше», и призывает рассчитывать на тот худой конец, если нам придется «обеспечить наше существование до следующего военного столкновения между контр-революционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком».

Второй элемент, это — выяснившийся на опыте нашего 5-летнего хозяйствования угрожающе-медленный рост восстановления промышленности, отстающей от роста сельского хозяйства.

«Мы едем, — пишет тов. Ленин, — на лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, на лошади экономии, рассчитанной на разоренную крестьянскую страну».

С тем бесстрашием мысли, которое неоднократно спасало партию и революцию, т. Ленин указывает, что пересесть с этой лошади на пролетарского рысака мы сможем «только тогда», если научимся «ценою величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве» создавать сбережения («малейшие сбережения», пишет тов. Ленин) и вкладывать их в развитие нашей крупной машинной индустрии.

И, наконец, третий элемент: опять-таки на опыте выяснившаяся и доказанная негодность нашего аппарата, негодность политическая, поскольку этот государственный аппарат является связующим звеном между держащим в своих руках власть пролетариатом и многомиллионным крестьянством; негодность экономическая, поскольку аппарат этот разоряет нас и поглощает те именно сбережения, на основе которых только и возможно восстановление промышленности.

Мы вступили в трудную эпоху рабочей страды; мы должны уметь продержаться годы до нового мирового кризиса, формы которого, вероятно, будут не те, которых мы ждали в 18—19 годах. Мы должны во что бы то ни стало удержать и укрепить доверие крестьянства, не имея покуда возможности использовать для этой цели ресурсы хилой промышленности. Мы должны научиться ездить на той лошади, которая дана нам всем социально-экономическим укладом Восточно-Европейской равнины. Мы должны особенно внимательно следить и особенно тщательно заботиться о тех аппаратах, органах и проводах, которые связывают город и деревню. Мы должны для этого как можно тщательнее и внимательнее заняться нашим государственным аппаратом и реорга-

низовать его сообразно политическим задачам величайшей трудности, стоящими перед нами. «Лишь посредством максимальной чистки нашего аппарата, посредством максимального сокращения всего, что не абсолютно необходимо в нем, мы в состоянии будем удержаться наверняка». Я предлагаю начать это последнее дело с того конца, который называется Рабкрином и Центральной Контрольной Комиссией. — Вот звенья и мысли тов. Ленина.

«Вот как я связываю в своих мыслях общий план нашей работы, нашей политики, нашей тактики, нашей стратегии с задачами реорганизованного Рабкрина. Вот в чем для меня состоит оправдание тех исключительных забот, того исключительного внимания, которое мы должны уделить Рабкрину... Вот о каких высоких задачах мечтаю я для нашего Рабкрина». — Так заканчивает тов. Ленин свою статью.

Тов. Ленин не мечтатель. Я совершенно уверен, что в лексиконе тов. Ленина слова: мечта, мечтание и мечтать — совсем редки. Когда я дочитал статью тов. Ленина и дошел до этих заключительных строк, до слов о том, о чем мечтает т. Ленин, я вспомнил, как 20 лет тому назад подобная же фраза о мечте тов. Ленина с неслыханной силой ударила в сердца партийных работников.

В 1902 г., в книге, которая создала эпоху в развитии нашей партии, тов. Ленин, защищая план создания общероссийской рабочей газеты (двадцать лет тому назад масштабы и задачи были поменьше нынешних!), писал: «эта газета стала бы частичкой громадного кузнечного меха, раздувающего искры классовой борьбы и народного возмущения в общий пожар. Вокруг этого самого по себе очень еще невинного и очень еще небольшого, но... общего дела систематически подбиралась и обучалась бы постоянная армия испытанных бойцов. По лесам или подмосткам этой общей организационной постройки скоро поднялись и выдвинулись бы из наших революционеров Желябовы и из наших рабочих — русские Бебели, которые стали бы во главе мобилизационной армии и подняли весь народ на расправу с позором и проклятием России. Вот о чем нам надо мечтать! — «Надо мечтать!» — написал я эти слова и испугался» (И. Ленин. Что делать?).

Тогда тов. Ленин «испугался» окриков оппортунистической ограниченности «самых пыльных углов» тогдашней партии. Не знаю, «испугался» ли бы теперь т. Ленин грозных упреков за свои «мечты» об удержании и укреплении Советской власти путем союза с крестьянством, «сбережений» в целях восстановления крупной промышленности, «умения торговать», «учебы», радикальной чистки госаппарата и т. д. со стороны «истинных защитников пролетарской диктатуры». Их ведь теперь у нас не мало.

Мы видели, как т. Осинский выступает в «защиту» рабочих и «ключей от нашего хозяйства», которых тов. Ленин склонен передать под контроль и в руки буржуазных спецов.

Мы знаем, как анонимная платформа, цитируемая т. Осинским, весьма строго выговаривает т. Ленину за «крайне характерное и весьма опасное выступление (на XI партсъезде) против преклонения перед ролью рабочих в хозяйственном строительстве и против коммунистического чванства».

Мы знаем, как эта платформа, знакомая тов. Осинскому, фактически проповедует ликвидацию партийной диктатуры под весьма левым флагом охраны партии и рабочего класса от соблазна «власти как самоцели» в стране, в которой диктатура пролетариата неизбежно должна маневрировать и считаться с давлением крестьянской массы.

Кстати, разве не характерно, что для этой, видимо, хорошо знакомой т. Осинскому платформы, с ее ликвидаторско-меньшевистской сущностью, прикрытой левыми фразами, не нашлось у него другой характеристики, как указание на неудачность одного из заключающихся в этой платформе предложений.

То, что тов. Осинский скромно считает «совершенно неудачным предложением», выражено в этой небезызвестной т. Осинскому платформе в следующих словах: «Центр тяжести работы партии и партийных учреждений должен быть перенесен из госорганов в самодеятельные организации трудящихся (профсоюзы, кооперативы, культурно-просветительные кружки и т. д.). Необходимо открыть действительный, широкий, беспрепятственный доступ беспартийным вообще, беспартийным интеллигентам и квалифицированным работникам, в частности, на все советские должности, в том числе и на выборные: речь в данном случае идет о том, чтобы уничтожить монополию коммунистов на ответственные места, лишить партбилет значения патента».

Разве одно это предложение весьма «левой» платформы, упрекающей т. Ленина в опасных, оппортунистических выступлениях, не показывает, что в известных кругах партии, под весьма левым флагом развивается тенденция, ведущая к превращению партии из партии властвующей в кружок пропагандистов. Разве не характерно, что тов. Осинский усмотрел здесь только «совершенно неудачное предложение», просмотрев за этим не только «неудачным», но просто неумным предложением настроение и тенденции, ведущие к гибели и партию и Советскую республику.

Разве под этим предложением так уже трудно заметить противопоставление советского государства и рабочего класса, противопоставление, которое ныне составляет основную идею меньшевизма и которое легко может принимать самую «левую», радикальную форму противопоставления классовых интересов

пролетариата и едущего на мужицкой лошади советского государства, но которое от этого не становится ни на каплю менее вредным для партии и для развития революции.

Разве мы в первый раз слышим из «самых пыльных углов нашей партии» попреки в «крестьянофильском уклоне» и разве для партии, прошедшей уже 25-летнюю школу борьбы с самыми тонкими и искусными подделками под революционный марксизм, трудно будет установить ликвидаторскую сущность подобных настроений даже тогда, когда они гордо напяливают на себя так мало идущее к ним облачение «коммунистической реакции»?

Разве, наконец, мы не должны быть благодарны т. Осинскому за то, что он этим неоформленным, а иногда недодуманным до конца настроениям придал достойную принципиального спора форму нападения на «старинную идею» т. Ленина, «берущую начало в его апрельской речи 1918 г.», и на его выступления, «идущие непрерывной цепью» с этого времени и до последней его статьи?

Вам хочется напомнить, что — несмотря на «глубокое и искреннее уважение», — вы с 1918 г. предупреждали партию против попытки т. Ленина «передать хозяйственное строительство в чужие руки, в руки более культурной буржуазии, или буржуазной интеллигенции», против его стремления «передать им решающее влияние в нашей промышленности в целом», против недооценки т. Лениным роли рабочих в государственном строительстве, против сдачи выходцам из чужого класса «ключей от нашего хозяйства».

Что же, давайте спорить на этой почве.

Доказывайте, что в этом была с весны 1918 г. линия т. Ленина, а за ним и всей партии, а не в том, чтобы, — трезво учитывая отсутствие твердой базы в разоренной промышленности и преобладающее значение крестьянского хозяйства в общей экономике страны, — удержать и укрепить Советскую власть и диктатуру пролетариата путем завоевания доверия крестьян, путем быстрейшего усвоения высших достижений буржуазной техники, путем сплочения партии не вокруг самой «левой» политики, а путем проведения такой политики, которая помогла бы пролетариату удержаться у власти в неслыханно-трудных условиях разоренной крестьянской страны и замедления европейской революции.

Но что же сделал со всем этим кругом идей т. Ленина т. Осинский?

Ему, которому пришлось со «старинной идеей» т. Ленина полемизировать с 1918 г., показалось неуместным проследить ту длинную цепь соображений, которые привели т. Ленина от общей мысли апрельской речи 1918 г. и брошюры «О левом ребячестве и мелкобуржуазности» к практическим предложениям о чистке госаппарата, о Рабкрине, ЦКК и ЦК.

Напомнив ошибки т. Ленина, т. Оспискій, этот любитель строгих конституционных форм, немедленно противопоставил мыслям т. Ленина, имеющего дело с громадными социальными пластами, рассчитывающим на миллионные массы, на отношения, определяющие сознание миллионов, свои очень чинные, очень тонко обструганные и вполне кабинетские мысли о том, сколько человек должно быть в Исполнительной Коллегии ЦК, и сколько раз эта Исполнительная Коллегия должна заседать; сколько членов из этой Коллегии должны состоять в то же время членами Совнаркома; сколько должно быть замов и на какой срок должен созываться ЦИК. «Было бы довольно нетрудно показать, что все технические нестроения нашего центрального аппарата, помимо нашей нищеты, проистекают из того, что обрисованная выше единственно рациональная конструкция не применяется» (вследствие «чисто личных и случайных обстоятельств» — говоря словами т. Ленина), так заявляет т. Оспискій.

Самолюбование своими юридическими формулами и «рациональными конструкциями» есть, как известно, отличительная черта любителей конституционализма — увы — не только в буржуазных странах!

Три словечка: «помимо нашей нищеты» — и кивок на «личные обстоятельства» вскрывают всю глубину мысли и рецептуры т. Оспинского. А не зависят ли и технические и всякие другие нестроения (не о технических недочетах идет речь у т. Ленина, а совсем, совсем о другом) не только от нищеты и «личных обстоятельств» (одно это сопоставление чего стоит!), но и от классового строения Советской республики; и от того, что мы не сможем пересесть и, вероятно, еще долго не сможем пересесть с крестьянской лошади на промышленного рысака; и от вытекающей отсюда постоянной необходимости маневрировать, и от замедления революции в Европе, и от колебаний в наших рядах, болезненно переживающих переход от революционных праздников к революционным будням? И сможет ли все это быть покрыто «рациональной конструкцией» т. Оспинского.

Всяческая «рационализация», конечно, необходима, и партийному съезду придется обсудить и состав, и количество членов ЦК, и количество его заседаний, и состав работников, командированных в Совнарком, и т. д., и т. п. Но единственно чего, надо думать, партия не позволит — это под видом «рациональной конструкции» проводить линию политической ревизии ленинизма, каким бы флагом эта ревизия ни прикрывалась.

21 марта 1923 г.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ [1])

§ 1. Темы Осинского и тема спора.

Тов. Осинский признает, что в своей первой статье он говорил о двух темах: 1) о том, как надо строить наше хозяйство, и 2) о том, как надо реорганизовать аппарат ЦК. Вторую тему (о реорганизации ЦК и его работы) я оставил в стороне, специально оговорив в начале же моей статьи, что мне представляются «характерными и важными» не практические предложения тов. Осинского, а его рассуждения о методах нашего хозяйственного строительства и его изложение и критика некоторых идей тов. Ленина в этой именно области. Именно потому, что я специально оговорил, точно обозначил, о чем я собираюсь спорить с тов. Осинским, странным кажется мне попытка тов. В. Смирнова уязвить меня тем, что в моей статье нет ничего о Рабкрине, о районировании и о «реформе Совнаркома». «Реформа ЦК», «реформа Совнаркома»,— все это важные темы; для тов. Осинского и тов. Смирнова они настолько интересны, что именно ради публичного обсуждения этих тем они взялись за перо. Но, уважаемые товарищи Осинский и Смирнов,—нет еще такого партийного закона, по которому я, желая поговорить с товарищами о ваших неправильных представлениях об основных идеях ленинизма, обязан был бы заодно публично обсуждать совместно с вами состав ЦК, состав Совнаркома, характер работ Политбюро, количество замов, работы пленума и «исполнительной коллегии» ЦК. Хотя тов. Осинский и еще кое-кто и очень нервно, по-моему—чрезмерно нервно относятся к этим вопросам, но я не взялся бы за перо для их обсуждения. Это — дело съезда. Съезд выслушает отчеты и критику, оценит работу и «воздаст коемуждо». «Дискутировать» по этим вопросам я не собирался и не собираюсь. Может-быть т. Осинскому и Смирнову это и покажется странным, но по-моему эти вопросы бледнеют перед открытым тов. Осинским «грехопадением» Ленина. Только этот вопрос об идеях Ленина меня и интересует в нашей дискуссии. Во всех остальных вопросах (ЦК, Политбюро и т. п.) я охотно предоставляю тов. Осинскому и первое и заключительное слово в литературной дискуссии.

---

[1]) «Правда», № 82, от 15 апреля 1923 г.

§ 2. Ленин и «хайло капиталистической щуки».

25 октября 1917 года был днем неслыханно крутого переворота во всемирной истории. Но не только. Это был также день неслыханно крутого переворота в нашей партии. Из партии, ниспровергающей власть, мы стали партией, организующей власть, властвующей партией. На следующий день после этого переворота у нас не стало более важного вопроса, как вопрос об организации хозяйства. Потому что революция наша была не политической, а социалистической революцией, потому что коммунизм есть прежде всего хозяйственная система, потому что историческое оправдание социализма заключается в лучшей организации хозяйства, потому что мы первые должны были показать, что такое социализм на практике, — вопросы хозяйственного строительства с 26 октября 1917 г. стали, остались и надолго останутся основными, решающими вопросами, вопросами жизни и смерти для нашей партии. Правильная или неправильная линия в этом вопросе не есть частность. Она решает все. Какова же была в этом вопросе по представлению тов. Осинского линия тов. Ленина?

Послушаем тов. Осинского.

«Идею» тов. Ленина Осинский формулирует так: «Хозяйственное строительство надо делать чужими руками, руками более культурной буржуазии или буржуазной интеллигенции». Эту «идею» тов. Ленин стал развивать — по Осинскому — с апреля 1918 года, т.-е. почти буквально на второй день после революции. Чтобы представить себе истинное содержание и объем этой «старинной идеи Ленина» следует присмотреться к тем возражениям, которые направляет против нее тов. Осинский. «Нельзя, — пишет тов. Осинский, возражая против идеи Ленина,— нельзя передать им (буржуазии и буржуазной интеллигенции.— *Л. К.*) решающее влияние в нашей промышленности в целом, а революционно-пролетарский элемент отвести на позицию контроля. Это было бы практически потерей руководящих позиций рабочей диктатуры в области экономической»...

Итак. «Старинная идея Ленина», провозглашенная им на второй день после Октября и поддержанная затем «непрерывной цепью» выступлений, заключает в себе такие элементы, которые ведут к «потере руководящих позиций рабочей диктатуры».

Запомним это, ибо это несомненно бросает кое-какой свет на «старинную идею Ленина».

Продолжая ее разбор, тов. Осинский выражает полное согласие на «использование спецов», но опять-таки предупреждает нас, что «идея Ленина», хватает много дальше, и, отсекая вредные элементы ленинской идеи, пишет: «но (!!) сдавать им (спецам) ключи от нашего хозяйства... нет, этого нельзя делать

и сейчас», как нельзя было делать этого и весной 1918 г., когда Ленин, повинуясь своей «идее», хотел было — по Осинскому — «сдать ключи» Мещерскому. Правда с Мещерским Ленин «обжегся»: вместо того, чтобы сдать ему «ключи», пришлось тов. Ленину посадить его «под ключ». «О, дети, дети, как опасны ваши лета», приговаривает по этому поводу строгий тов. Осинский: не догляди вот за товарищем Лениным, а он из правильной мысли об использовании спецов и сделает вывод о «сдаче ключей» и, того гляди, попадет в хайло к капиталистической щуке.

Это капиталистическое хайло, к которому неизбежно ведет «старинная идея Ленина», в первой статье тов. Осинского фигурировало лишь в виде предостерегающего примера Мещерского. Во второй статье, как бы для завершения картины, это «хайло», как и следовало ожидать, появилось в своем натуральном виде. Не надо, — говорит здесь тов. Осинский, — «бросаться в хайло капиталистической щуке, как, повидимому (?!), предлагают воспринимающие тактические идеи тов. Ленина на все 100 проц.— Каменев и Зиновьев».

Этот художественный мазок поистине великолепно заканчивает изложение Осинским «старинной идеи Ленина». Если воспринять тактические идеи тов. Ленина «на все 100 проц.», то по тов. Осинскому, обязательно попадешь в хайло к капиталистической щуке. Как жаль, что тов. Осинский не сказал тут же, каким процентом идей Осинского надо разбавить идеи Ленина, чтобы предохранить себя от этого неприятного происшествия!!! Ну, мы с тов. Зиновьевым люди отпетые и на человеколюбие тов. Осинского не имеющие права претендовать! Но и кроме нас есть в партии некоторое количество товарищей, воспринимающих идеи Ленина «на все 100 проц.», и всем им угрожает опасность, что эти идеи приведут их прямехонько в щучье хайло. Их бы хоть пожалел тов. Осинский...

Но шутки в сторону, — «мы ведь не в бирюльки играем, а рассуждаем о судьбах величайшей в мире революции», — и посмотрим, что же получилось у тов. Осинского. А получилось вот что: на другой день после Октября в самом основном вопросе о том, как строить наше хозяйство, тов. Ленин выставил положение, занял позицию, которая вела и ведет практически к «потере руководящих позиций рабочей диктатуры», к «сдаче ключей» Мещерским и ему подобным, к тому, чтобы бросить пролетариат в «хайло капиталистической щуке».

Тов. Осинский очень сердится по тому поводу, что подобное представление идей Ленина, подобное изложение их, подобную «критику» их я назвал «ревизией ленинизма». Он долго возится по этому поводу с распределением идей на «руководящие» и «конкретные». Но я надеюсь, что тов. Осинский согласится

со мной на следующем положении: если тов. Осинский правильно изложил идею тов. Ленина о том, как строить нам хозяйство, если правда, что эту, именно, идею тов. Ленин развивает в «непрерывной цепи выступлений» с весны 1918 года вплоть до статей о Рабкрине, если правильно, что она ведет практически к тем выводам, которые указал в своей критике тов. Осинский, то ей следует уделить ровно столько внимания, как если бы она была во всей форме «руководящей». Не правда ли, тов. Осинский и тов. Смирнов?

Ведь не о пустяках же идет речь. Перед лицом партии один из ответственнейших товарищей доказывает, что вождь партии с 1918 г. проповедует идеи, ведущие на практике к «сдаче ключей» буржуазии, к недооценке роли рабочих в хозяйстве, к капитуляции перед щучьим хайлом. Он доказывает также, что именно эти идеи лежат в основе практических предложений Ленина XII съезду.

Тут надо выбирать.

Или это верно. Тогда прав тов. Осинский. Тогда необходима ревизия, пересмотр этой идеи. Тогда надо бить в набат. Тогда надо удивляться не выступлению тов. Осинского, а тому, как это партия до сих пор не заметила, что ее с апреля 1918 г. тащили и до сих пор тащат в «щучье хайло». Тогда надо отвергнуть без рассуждений всю комбинацию из ЦК, ЦКК и РКИ, ибо вся эта хитроумная постройка придумана, как показал тов. Осинский, лишь для прикрытия давно подготовлявшегося отхода с «позиций рабочей диктатуры».

Или это неверно. Неверно, что Ленин с апреля 1918 г. пропагандирует строительство коммунистического хозяйства руками буржуазии помимо пролетариата. Неверно, что он недооценивает роли рабочих. Неверно, что задачу партии он видит лишь в сохранении за собой аппарата политической власти и создания аппарата контроля при передаче хозяйства буржуазии. Неверно, что он не понимает опасности для партии повиснуть в воздухе, если из ее рук уйдет практика хозстроительства. Неверно, что из его идей о методах хозстроительства вытекает «сдача ключей» буржуазии. Неверно, что воспринять тактические идеи Ленина на все 100 проц. значит попасть в щучье хайло. Тогда подобное изложение идеи Ленина надо назвать «ревизией ленинизма». Тогда надо вспомнить, что ревизия Бернштейна тоже начиналась с извращения марксизма и с критики этого извращенного под известным углом зрения марксизма. Тогда надо понять, что истолкование тов. Осинским Ленина и критика его есть некий симптом опаснейших внутрипартийных процессов. Тогда нужно твердо запомнить: одно дело — идеи Ленина, как они есть, и другое дело — те же идеи, как они отразились в голове тов. Осинского.

§ 5. Осинский излагает «конкретные» предложения Ленина и его учеников.

Тов. Осинский написал свою вторую статью, чтобы доказать, что он ленинизма не ревизует. Если бы это ему удалось, я был бы очень рад: я предпочитаю одного перевизующего Ленина товарища десятку ревизующих.

Но — увы! — т. Осинский ведет свою защиту до ужаса беспомощно. Судите сами.

Тов. Осинский признает «глубочайшей истиной» и «основной идеей ленинизма» следующее положение: «нельзя отвергать, отбрасывать буржуазную культуру; надо использовать все ее положительные силы». Он заявляет, что ни капли не сомневается в правильности этого «принципа» и критикует лишь «конкретное выражение», которое придал этому правильному принципу тов. Ленин. «Если нам говорят, предоставим буржуазии управлять хозяйством, а сами будем контролировать и на контроле учиться, тогда мы говорим, нет, эта конкретизация основного лозунга неправильна, хотя бы выставлял ее и сам тов. Ленин». Так излагает Ленина наш строгий критик.

Подумайте же, тов. Осинский, что у вас выходит? Выходит, что тов. Ленин из своей «основной» идеи о том, что «надо использовать все положительные силы буржуазной культуры», сделал конкретный вывод: «Предоставим буржуазии управлять хозяйством». Хороша «конкретизация»! Многого стоит «принцип», из которого выводится такой конкретный вывод! И чего стоит логика человека, который способен из положения «надо использовать буржуазию» перейти без сучка, без задоринки к этакому «конкретному» выводу: «Предоставим буржуазии управлять хозяйством!» И кто же, т. Осинский, не только из членов партии, но просто из грамотных людей поверит вам, что Ленин действительно проделал такую «конкретизацию».

Но тов. Осинский уверен, что действительно вскрыл основной грех ленинского подхода к делу хозяйственного строительства, и потому немедля переходит в наступление. «Спросим в упор т. Каменева, как вы-то, собственно, относитесь к этой мысли?»,— т.-е. к мысли «предоставить буржуазии управлять хозяйством».

Отвечаю: я отношусь к «этой мысли» по Гегелю, дорогой товарищ. А Гегель учил: серьезное отношение к смешному есть смех. Вот так я и отношусь к «этой мысли». И я уверен, что вместе со мной так же относятся к «этой мысли» 99 сотых партии. Да и как же иначе отнестись и к тому факту, что тов. Ленину вкладывают в уста предложение: «предоставим буржуазии управлять хозяйством, а сами будем контролировать и на контроле учиться», и к самому существу «этой мысли» и

к тому, кто эту мысль называет «конкретной», кто ее способен считать не чем иным, как ошибочной «конкретизацией» правильного принципа.

Тов. Осинский не затруднился привести ровно четыре причины неправильности «этой мысли», которую он считает мыслью тов. Ленина. Я думаю, что можно без труда привести еще четыре десятка подобных доказательств, но что т. Осинский трудился над своими доказательствами напрасно: по сути дела достаточно было бы одного единственного доказательства. В самом деле. Что это, собственно, значит: «предоставим буржуазии управлять хозяйством?» Это или ничего не значит, или — если не швыряться зря словами, — это значит: «отменим-ка Октябрьскую революцию».

И тов. Осинский хочет нас уверить, что «эта мысль» есть ленинская «конкретизация» ленинской основной идеи. Он хочет нас уверить, что подобное изложение Ленина не есть извращение, не есть ревизия ленинизма. Что же, за малых ребят, что ли, принимает тов. Осинский своих читателей?

Совершенно естественно, что, приписав указанную выше «мысль» тов. Ленину, тов. Осинский уже безо всякого труда приписывает эту «мысль» и мне. Тут любопытна не обвинение само по себе, а именно аргументация тов. Осинского.

Послушаем. «Именно потому, — пишет Осинский, — что тов. Каменев назвал свою статью «ревизией ленинизма», именно потому, что он нас может бичевать только за ревизию этой мысли, именно потому, что он во всем, до последней буквы, «до отказа» — верный ученик тов. Ленина, мы можем, мы обязаны понять его только так:.. в виду всего этого надо «предоставить» буржуазии строить для нас хозяйство, а самим «наблюдать и учиться», держа в своих руках: а) аппарат политической власти, б) аппарат контроля. Так или не так, тов. Каменев?»

Все это рассуждение, как видите, характерно отнюдь не для Каменева, а именно для тов. Осинского: стоит только во всем следовать Ленину и обязательно попадешь к буржуазии. Этакие страсти! «Так или не так, тов. Каменев?» — спрашивает меня строгий и сердящийся тов. Осинский.

Нет, не так, товарищ. Из всех тех обстоятельств, которые привел я вслед за тов. Лениным, а вы за мной (благодарю за точность передачи, ярко подчеркивающей нелепость навязываемого вами Ленину, а вслед за Лениным и мне вывода), следует, — если рассуждать по Ленину, а не по Осинскому, конечно, — не это, не передача управления хозяйством буржуазии, а следует вот что: 1) надо приближать партию к руководству хозяйственной жизнью страны, а для этого неустанно учиться хозяйствованию, 2) надо помнить, что отрыв партии от хозяйственного строительства угрожает обеспложить партию, 3) надо добиваться, чтобы хозяй-

ственный опыт партии в целом рос вместе с ростом и усложнением хозяйственных задач, стоящих перед Советской властью, 4) надо бороться с отрывом хозяйственников от партии и решительно выступать против с разных сторон растущих тенденций в сторону увеличения «автономности» хозорганов от партии. Таков ответ на роль партии в хозяйственном строительстве, который даю я и который, по моему докладу, дала в известной резолюции московская губпартконференция.

Я уверен, что это есть ответ, обязательный для всех, «воспринимающих тактические идеи тов. Ленина на все 100 проц.», для всех «принимающих всякую мысль (м ы с л ь! — тов. Осинский) Ильича за чистую монету». Тов. Осинский считает за особую доблесть не принадлежать к этой категории. Наоборот. Он считает своим долгом предупредить партию, что принять Ильичевские мысли (м ы с л и! — т. Осинский) за «чистую монету», а ильичевские идеи — «на все 100 проц.» — значит взять курс на буржуазию.

Именно поэтому, вероятно, т. Осинский, упрекая тов. Ленина и тех, кто «всякую мысль Ильича принимает за чистую монету», в готовности «предоставить управление хозяйством буржуазии»,— сам-то в своих «практических предложениях» обошел начисто вопрос об усилении партийного руководства хозорганами, сам-то не нашел ни словечка осуждения тем тенденциям, которые ведут к отрыву советских и хозяйственных органов от партии.

§ 4. Политические тенденции ревизионизма.

Чем дальше в лес — тем больше дров, — так можно было бы подытожить защитные аргументы тов. Осинского и на этом пока остановиться. Но тов. Осинский усиленно добивается критики его соображений о Политбюро, Совнаркоме и прочих весьма существенных вещах, к моей теме, впрочем, имеющих лишь косвенное отношение. Уступая настояниям моего оппонента, скажу поэтому лишь несколько слов о политической тенденции, лежащей в основе предложений т. Осинского о ЦК и Совнаркоме. Политический смысл этих предложений состоит, кратко говоря, в том, чтобы: 1) ослабить руководящую роль верховных партийных инстанций по отношению к советским и хозяйственным инстанциям и 2) увеличить «самостоятельность» последних от первых. Против этого говорят два основных политических довода: 1) в обстановке нэпа влияние мелкобуржуазной стихии, прежде всего, сказывается именно на хозяйственных и управляющих аппаратах. Ослабление руководства партией этими аппаратами угрожало бы их вырождением, ослабило бы их силу сопротивления многообразному, систематическому и неизбежному давлению

окружающей стихии нэпа. Гарантия того, что эти аппараты, несмотря на нэп и вопреки нэпу, останутся орудием пролетарской диктатуры, а не переродятся незаметными переходами — по сменовеховскому рецепту — в орудие другого класса или блока других классов, — только в постоянном руководстве ими партией; 2) точное разграничение областей партийной и советско-хозяйственной возможно было бы лишь на почве строго-плановой работы советских и хозяйственных учреждений. Если бы у наших хозяйствующих органов мог быть р е а л ь н ы й план их годовой, или даже полугодовой, или хотя бы трехмесячной работы, роль ЦК естественно свелась бы к совместной выработке этих планов, к их исправлению в исключительных случаях и к проверке их выполнения. Но мы все знаем, что именно в ц е н т р е, в общереспубликанском масштабе этих планов нет. (На местах, сообразно более мелкому масштабу, дело обстоит, естественно, лучше.) Не секрет, что нам еще не под силу не только годовой или полугодовой, но даже — увы... месячный бюджет. При этих условиях крики против «вмешательства» Политбюро обозначают не защиту «плана» от дергания, знания от безграмотности и компетентных решений от некомпетентных импровизаций (см. ст. т. Красина), а просто передачу решений важнейших вопросов от политической коллегии сумме глав ведомств, не объединенных пока ни общим реальным, деловым п л а н о м, ни возможностью в каждый данный момент обозреть общее политическое положение.

Эти п о л и т и ч е с к и е доводы перевешивают в данный момент те административные доводы и доводы от бюрократической симметрии, которые так увлекают т. Осинского, т. Красина и т. д.

Случайно ли, что ныне у нас растут настроения в пользу ослабления партийной диктатуры, в пользу большей «независимости» хозяйственных и соворганов от партии? Случайно ли, что голоса за это подаются и из некоторых кругов хозяйственников и со страниц «анонимной платформы», что этим же духом веет и от «практических предложений» т. Осинского? Случайно ли, что в эту сторону устремляют свои взоры некоторые наши п о п у т ч и к и в революции, что для них, для этих попутчиков (это не лица, а социальные группы) именно из этой щ е л и веет духом надежды? Не лежат ли в основе этих реформаторских планов и этих классовых надежд некоторые социально-экономические явления, связанные с нэпом? Не в этом ли сказывается п о л и т и ч е с к о е влияние нэпа? Не есть ли это, пока еще очень слабенький, намек на тот раскол между классами-попутчиками, внимательно следить за которым и предупреждать который учит нас тов. Ленин.

Размышляя над этими вопросами, не надо только смущаться тем, что эти и им подобные реформаторские идеи и настроения

подносятся иногда партии под очень «левым» соусом: под видом спасения партии от капиталистического хайла, куда — по Осинскому — чуть было не привел партию тов. Ленин, или под видом защиты чисто-пролетарской, истинно-коммунистической линии, на чем специализировался тов. Ларин.

Тов. Преображенский в № 2 «Диск. Листка» прекрасно показал, как под очень «левыми» фразами может скрываться политика, ведущая партию прямым путем к гибели. У тов. Ларина прикрытием этой гибельной политики служит критика «правого крыла», у анонимной платформы — критика «мелкобуржуазного перерождения партии», у тов. Осинского — извращение и ревизия ленинизма.

ЛЕНИНИЗМ ИЛИ ТРОЦКИЗМ.

(Уроки партийной истории. [1])

— Товарищи! Предметом моего доклада будет последнее выступление тов. Троцкого, — выпущенная им накануне годовщины Октябрьской революции статья, названная автором «Уроки Октября». Троцкий довольно часто дарит партии свои книжки. До сих пор, однако, мы не находили нужным специально останавливаться на этих книжках, хотя в ряде их нетрудно заметить отступления от большевизма, от официальной идеологии нашей партии. На этой книжке необходимо остановиться и разобрать ее до конца, прежде всего, потому, что темой своего последнего выступления тов. Троцкий взял уроки Октября.

Так как вся наша партия, весь Коминтерн, все мировое рабочее движение, вся рабочая молодежь учатся и будут учиться именно на уроках Октябрьской революции, то нельзя думать, что истолкование этих уроков есть частное дело того или другого автора. Раз «Уроки Октября» выходят под партийной фирмой, раз они исходят от члена ЦК и Политбюро нашей партии, руководящей Коминтерном, что не есть тайна ни для кого, то ясно, что нам грозит опасность, что подобные выступления, подобные

---

[1]) *Печатаемое представляет стилистическую обработку доклада, прочитанного мною 18-го ноября на собрании Московского Комитета РКП с активными работниками, повторенного 19-го ноября на расширенном заседании фракции членов и кандидатов пленума ВЦСПС созыва VI Съезда Союзов, с участием представителей ЦК Союзов, Областных Совпрофов, Областных бюро ВЦСПС и крупнейших ГСПС, участников Съезда, фракции пленума ЦК металлистов, ЦК сахарников, химиков и железнодорожников и 21-го ноября — на Всесоюзном Совещании начпуокров, начпуфлотов, военкомбригов, военкомдивов, начподивов и руководящего комполитсостава частей Московского гарнизона.*

«уроки» могут быть восприняты, как учебник, не только для членов нашей партии, для нашей молодежи, но и для всего Коминтерна. И по форме выступление тов. Троцкого рассчитано именно на то, чтобы быть учебником для Коминтерна. Всякий, кто читал эту статью, видел, что она апеллирует не только к нашей партии, но и к международному пролетариату, и к коммунистическим партиям всех стран. Поэтому я и сказал, что это — не частное дело, и спор по поводу того, правильно или нет изложены уроки Октября, не есть литературный спор, не есть дело литераторов: это — политический спор, это — дело всей партии. Если бы раздались голоса, что спор, вызванный книжкой т. Троцкого, есть спор между Троцким, Бухариным, Зиновьевым, Сталиным и Каменевым, что это есть спор отдельных литераторов, то такие товарищи признались бы в том, что они не понимают подлинных интересов партии. Такие рассуждения могут исходить лишь от товарищей, которые хотели бы воспользоваться спором внутри партии для создания какой-то третьей группы, которая базировалась бы на том, что «литераторы спорят, а нас это не касается».

Нет, спор об уроках Октября, спор о том, что международный пролетариат должен взять из Октябрьской революции, это не есть дело литераторов, это есть дело всей партийной толщи.

Никто не имеет права оставаться в стороне от этого спора. Это есть глубочайший вопрос нашей внутренней жизни и жизни Коминтерна. Может ли партия рекомендовать учиться по Троцкому, или же она должна всем своим авторитетом предостеречь пролетариат от тех выводов, которые т. Троцкий делает в своих «Уроках Октября»? Вот в чем вопрос.

Я не имею здесь в виду подробно разбирать эту статью тов. Троцкого. Тов. Троцкий — искусный литератор, и его искусное перо неоднократно служило партии. Здесь же оно служит антипартийным элементам, здесь оно служит не большевизму, а делу разложения и дискредитирования большевизма и как идеологии пролетарской революции, и как организации боевых элементов пролетариата. Достигнуто это чрезвычайно искусным, но в основном неправильным, противоречащим фактам изложением всех событий, начиная с февраля по октябрь. Я не сомневаюсь, что партия выдвинет ряд авторов, участников этих событий, непосредственных борцов тех дней, которые укажут и разберут отдельные извращения, допущенные т. Троцким по отношению ко всем решающим моментам партийной истории той эпохи: извращена апрельская демонстрация, извращена апрельская партийная конференция, извращены июньские и июльские события, извращены события, связанные с деятельностью предпарламента, извращен ход самых событий в Октябре. На всем

этом, на деталях восстановления исторической правды и на сопоставлении того, что говорится тов. Троцким, с документами, — на всем этом я не могу здесь останавливаться. А хочу поставить только общий вопрос о социально-политическом смысле выступления т. Троцкого, о том значении, которое это выступление имеет в связи со всеми выступлениями тов. Троцкого и с ролью тов. Троцкого в нашей партии.

По понятным причинам, мы избегали поставить этот вопрос, но теперь не можем избежать этого, потому что тов. Троцкий, затронув вопрос об Октябре, о роли нашей партии и о роли Ленина в деле сознания идеологии Октябрьского переворота и в деле проведения Октября, сам заставляет нас поставить вопрос об общем смысле всех выступлений т. Троцкого на протяжении истории большевистской партии.

Я поэтому должен буду остановиться на вопросе о троцкизме и большевизме вообще, взяв последнее выступление тов. Троцкого лишь как один из наиболее ярких и показательных элементов общей линии тов. Троцкого.

Прежде всего нужно спросить себя, действительно ли тут есть какая-нибудь общая линия? Когда говорится о троцкизме, что под этим подразумевается? Идет ли дело о личности тов. Троцкого или о некоторых общих, далеко не личных, явлениях в истории рабочего движения за последние 20 лет в России? С чем мы тут имеем дело: с личностью, с индивидуальностью, или с некоторым обобщением, с какой-то струей, которая порождена общими условиями развития рабочего движения в мелкобуржуазной стране, со случайным явлением или с явлением, которое имеет за собой историю, которую забывать нельзя? Если вы обратитесь для решения этого вопроса к сочинениям тов. Ленина, то должны будете констатировать, что нет почти ни одного тома сочинений тов. Ленина вплоть до февральской революции и—с некоторым перерывом,—вновь начиная с 1918 года, в котором вопрос о троцкизме не стоял бы постоянно и не обсуждался бы систематически. Почему?

1. Троцкизм и партия до революции 1917 г.

Наша партия сложилась в стране мелкобуржуазной, в стране капиталистически-отсталой, и вопрос о том, каким образом пролетариат, поставленный в условия наиболее отсталой из европейских стран, окруженный крестьянской мелкобуржуазной стихией в большей мере, чем пролетариат какой-либо другой страны, как этот пролетариат еще при царском самодержавии мог родить, создать и выковать партию, которой судьбами истории было предназначено стать во главе всего международного движения,—

есть основной вопрос самопознания партии. Этот вопрос есть вопрос о нашем происхождении и развитии, и партия неоднократно выясняла для себя, почему и каким образом пролетариату России (выражаясь по-старому) в отсталой крестьянской стране, при самодержавии, суждено было выковывать и выковать тот ленинизм, который теперь является путевой звездой для всего международного пролетариата, для пролетариата гораздо более капиталистически развитых и экономически подготовленных стран, чем Россия. Я не буду сейчас останавливаться на этих объяснениях. Одно — несомненно. В этих условиях партия революционного пролетариата, партия большевиков могла сложиться только в постоянной, систематической, неустанной борьбе с мелкобуржуазной стихией, попытавшейся подчинить себе рабочий класс. Большевизм есть учение насквозь боевое в том смысле, что оно создавалось, росло, крепло и окрепло в постоянной и неустанной борьбе со всеми формами влияния буржуазии на пролетариат.

Концентрированным выражением политики влияния буржуазии на пролетариат является меньшевизм. Тридцатилетняя история большевизма есть тридцатилетняя история его борьбы с меньшевизмом. Ленинизм есть учение о войне пролетариата против буржуазии. Именно поэтому ленинизм есть в то же время учение о войне против меньшевиков.

Формы влияния буржуазии на пролетариат менялись в зависимости от смены исторических эпох. Менялись соответственно и формы, виды, разновидности, приемы меньшевизма. Неизменной оставалась ленинская «бешеная» борьба против меньшевизма, ленинское умение под всеми видоизменениями форм и приемов меньшевизма вскрыть его подлинную сущность: враждебность делу создания большевистской идеологии и делу строительства большевистской партии. Это знают или, по крайней мере, предполагается, что это должны знать все. Все понимают, что тот, кто не усвоил себе мысли, что большевизм есть систематическая борьба с меньшевизмом, — тот ничего не понял в большевизме, ничего не понял ни в его истории, ни в его историческом облике, ни в том, как и почему большевизм победил. Далеко не все знают, и до недавнего времени предполагалось, что этого все и не должны знать, что так же, как ленинизм сложился, вырос и победил в постоянной, систематической борьбе с меньшевизмом, он рос, вырос и победил в постоянной, систематической борьбе с троцкизмом.

Почему?

Потому, что троцкизм в продолжение всего того периода, когда наша партия подготовлялась к решительной классовой борьбе пролетариата с буржуазией, создавая ленинизм как учение о пролетарской революции, и складывая партию как его руко-

водителя, — троцкизм служил не чем иным, как агентурой меньшевизма, как прикрытием меньшевизма, как маскировкой меньшевизма.

Начиная с 1903 года, т.-е. с момента рождения меньшевизма, и до его окончательного краха в 1917 г., Троцкий выполнял роль агента меньшевизма среди рабочего класса. Это — факт, без усвоения которого совершенно невозможно понять ту роль, которая отведена Троцкому во всех сочинениях Ленина, — на протяжении последних 20 лет.

Всякий, кто будет изучать историю партии по сочинениям Ленина, — а у нас нет и не будет лучшего, более глубокого и более богатого содержанием и выводами учебника по истории партии и революции, — неизбежно убедится, что на протяжении всей своей борьбы за партию и за революцию против меньшевиков Ленин рассматривает Троцкого (его линию в целом на протяжении десятилетий и его отдельные выступления) только и исключительно, как агента меньшевизма, как оружие, которым пользуется меньшевизм для захвата влияния в тех или других слоях рабочего класса, как слугу меньшевизма. Для Ленина Троцкий, «троцкизм», такое же характерное, не случайное, давлением буржуазии порожденное явление в общей сумме враждебных подлинной пролетарской партии явлений, как длинный ряд других групп и группок, фракций и подфракций, течений и теченьиц, которые рабочему классу надо было побороть, чтобы создать свою, пролетарскую партию.

Для Ленина, начиная с 1903 г., Троцкий интересен не как личность: он для Ленина, — а с ним и для партии, — типичное воплощение одной из исторических струек, враждебных созданию большевистской идеологии, т.-е. идеологии пролетарской революции и большевистской пролетарской организации. Для него это живое — порой талантливое, порой плоское и пошлое фразистое — воплощение враждебной делу пролетариата стихии, так же, как Мартов, Чернов, Аксельрод, которых он разбирает именно как воплощение определенных общественных явлений, а отнюдь не как личность. Эта систематическая борьба с троцкизмом, как враждебным большевизму течением, проходит у Ленина на протяжении всех томов его сочинений, вплоть до момента, когда Троцкий примкнул к нашей партии. Здесь следует перерыв и затем в другой форме возвращение к этой же борьбе.

В дни первой революции.

До II съезда партии в 1903 г., до раскола меньшевиков и большевиков, тов. Троцкий служил ленинской «Искре», как служили ей Мартов, Потресов и другие меньшевики. За свое усер-

дие в деле проведения ленинских планов на первых заседаниях съезда тов. Троцкий заслужил даже кличку «ленинской дубинки». Почетная роль! Но для политической истории тов. Троцкого характерна не столько эта роль, сколько то, что он немедленно изменил ей, как только — на последних заседаниях того же съезда — на сцену вышли меньшевики.

Организационный разрыв на съезде между меньшевиками и большевиками произошел на вопросе о выборах Центрального Комитета партии.

Надо было выбрать трех. На двоих из этой тройки сходились меньшевики и большевики. Меньшевики третьим хотели иметь... вчерашнюю «ленинскую дубинку» — Троцкого. Ленин ни за что на это не соглашался. Меньшевики ни за что не хотели уступить. Видимо, и Ленин, и Мартов хорошо оценили, насколько эта «дубинка», действительно, оказалась «ленинской». Ленин имел большинство на съезде. Троцкий в ЦК выбран не был. Тогда совместно с Мартовым, Даном, Аксельродом и другими т. Троцкий создает фракцию меньшевиков, срывает решение съезда, становится во главе бойкота центральных органов партии, возглавляемых Лениным, пишет против Ленина политический памфлет, — одно из самых претенциозных и самых отвратительных произведений меньшевистской литературы, в котором всю политику Ленина объясняет жаждой власти в партии со стороны «кандидата в диктаторы» (т.-е. Ленина). Вся компания меньшевиков, во главе с Мартовым, Даном и другими, печатно рекомендует этот памфлет т. Троцкого к широкому распространению [1]). Так начинается история меньшевизма и история т. Троцкого в партии.

Став оруженосцем Мартова и Аксельрода, тов. Троцкий, как политическая фигура, потерял для Ленина всякий интерес. Ленин длительно и систематически спорил с меньшевиками, с Плехановым, Аксельродом, Мартовым, с Мартыновым, выяснял рабочим и разоблачал перед рабочими их взгляды, но тратить время на споры с их сотрудником, Троцким, Ленин считал излишним. «Следует воевать с Плехановым, надо полемизировать с Мартовым, можно спорить с крайним оппортунистом Аксельродом, но тратить время на споры с Троцким — не стоит», — внушал тогда Ленин своим сотрудникам.

Тогда же тов. Троцкий попытался уже летом 1905 г. выбраться из меньшевистского небытия тем путем, что своими словами изложил идею Парвуса о «перманентной революции», Ленин, разобрав и отвергнув идеи и лозунги Парвуса, по поводу самой-то брошюры Троцкого выразил только сожаление, что

[1]) Подробнее см. книжку т. Канатчикова «История одного уклона», подробно и дельно излагающую ряд выступлений т. Троцкого.

«революционный социал-демократ» Парвус счел возможным выступить «вместе с Троцким» с его «революционной фразой». Больше ни о тов. Троцком, ни об его «оригинальной» теории Ленин не счел нужным сказать ни одного слова (Ленин. Собрание сочинений, т. VII, стр. 130). Кстати. Именно эту брошюру т. Троцкий пытается теперь навязать партии, как диплом на свою революционность, стараясь доказать, что Ленин оказался прав лишь постольку, поскольку стал на точку зрения этой брошюры тов. Троцкого. Об этом подробнее ниже.

За весь период первой революции, в годы, когда рабочие массы впервые в действии получили возможность проверить различные теории русской революции и вытекающие из них тактические приемы, когда Ленин ожесточенно отстаивал большевистскую схему революции, он ни разу не счел нужным добавить что-нибудь к своей характеристике принципиальной позиции Троцкого, как к «революционной фразе». Ленин знал, что эта «левая фраза» Троцкого о «перманентной революции», во-первых, решительно ничего не определяла в действительном ходе революции и рабочего движения и что, во-вторых, она ничуть не мешала т. Троцкому оставаться в меньшевистской организации, работать в меньшевистском центральном органе, политически сотрудничать с меньшевиками. Ленин имел марксовскую привычку судить о людях, партиях, направлениях по делам, а не по словам.

Во всю эпоху первой революции (1905—1907 гг.), когда пролетариат впервые получил возможность выступить на арену в виде массовой силы, демонстрируя в действии свою классовую политику и свое отношение к другим классам, проявилась ожесточенная борьба только двух тактик, только двух политик, только двух схем русской революции: это были меньшевизм, который, недооценивая или пренебрегая крестьянством, тянул рабочий класс к соглашению с буржуазией, и большевизм, который звал крестьянство поддерживать рабочих в их борьбе и с царизмом, и с буржуазией, во имя диктатуры пролетариата и крестьянства. Эта борьба большевиков и меньшевиков в первой революции за направление революции — как и вся первая революция — предвосхищала, в основном, борьбу, развернувшуюся до конца во второй революции 1917 г. Как и в этой последней, теория Парвуса-Троцкого в ходе первой революции не играла *никакой* роли: она — по предсказанию Ленина — осталась фразой, оторванной от подлинного хода классовой борьбы, и сохранилась не в живых событиях подлинной борьбы, а лишь на запыленных страницах старых меньшевистских газет. Вот почему Ленин не потратил на ее опровержение в ходе революции ни одного слова.

В дни контр-революции.

Революционная волна спала. Партия перестраивается для длительной и тяжкой работы в атмосфере контр-революции. «Левая фраза» потеряла всю свою эффектность. Приходится закладывать основы новой тактики, приходится спасать от контр-революционного погрома, в атмосфере усталости рабочего класса, разгрома пролетарских организаций, разгула ренегатства, измены и злорадства над задавленной революцией, спасать то, что можно еще спасти, — знамя революционной тактики пролетариата, основы его нелегальных организаций. Приходится защищать знамя революционной политики рабочего класса, над которым начинают издеваться, которое топчут в грязь все меньшевики. В этот момент, самый трудный для большевистской партии, потому что вся атмосфера разгрома революции была направлена против большевиков, вся целиком поддерживала меньшевистские, ликвидаторские — по отношению к партии и к революции — тенденции, в этот момент т. Троцкий, который, когда революция шла вверх, вместе с Парвусом обязательно хотел «быть революционнее всех», казалось, должен был бы притти на помощь большевикам. Так, по крайней мере, поступил принципиальный наш противник в 1905 — 1907 гг., Плеханов. Старый революционер не выдержал: перед лицом всеобщей волны ренегатства он — рядом с большевиками — бросился в бой под знаменем: «генеральное межевание», т.-е. генеральное отмежевание пролетарских революционеров от меньшевиков-ликвидаторов [1]). Троцкий поступил обратно.

Первое выступление тов. Троцкого в этот момент начавшейся контр-революции произошло на Лондонском съезде. Большевики воевали на съезде с меньшевиками-ликвидаторами, в частности, с фракцией 2-й Думы, во главе которой стояли всем нам хорошо теперь известные политики Церетели и Дан. Большевики критиковали эту думскую фракцию, как фракцию, которая, проводя на деле меньшевистские взгляды, пыталась встать на путь западно-европейского социал-демократического парламентаризма. Мы знаем, что это именно та теплица, в которой выращиваются самые отравленные плоды предательства рабочего. Против первых же шагов по этому пути большевики выступили с решительной критикой.

Тов. Троцкий, конечно, защищает меньшевистскую фракцию от большевистских нападок. Ленин характеризует его позицию: «Троцкий говорил от имени центра, он выражал взгляды Бунда. Бунд — самая оппортунистическая организация, кото-

[1]) Правда, боевого пыла хватило у Плеханова ненадолго.

рая когда-либо была в партии, самая беспринципная и самая оппортунистическая; для нас, пожалуй, беспринципность характернее, чем оппортунизм: она была организацией ремесленников и отражала их непролетарский дух. Он громил нас за внесение «неприемлемой» резолюции. Он грозил прямо расколом... Разве это не чудовищно? Одна возможность такой постановки вопроса показывает, что есть непартийное нечто в нашей партии... Это не принципиальная позиция, а беспринципность центра» и, конечно, его защитника, Троцкого [1]).

Дальше тов. Ленин найдет еще гораздо более выразительные слова для характеристики позиции тов. Троцкого в момент, когда наша партия подытожила опыт 1905 г. и на этой основе закладывала фундамент для всего будущего партии. Но эти слова Ленина уже предвосхищают всю ту роль, которую суждено было тов. Троцкому играть в течение десятилетия относительно нашей партии.

Таково было п е р в о е выступление тов. Троцкого после революции 1905 г. С этого момента и вплоть до 1917 года тов. Троцкий выступает неизменно как защитник меньшевиков против большевиков, как противник складывающейся в борьбе большевистской партии и именно как таковой неизменно же рассматривается партией.

Последуем теперь за Лениным и взглянем, как он характеризовал роль тов. Троцкого в трудном процессе создания большевистской партии, т.-е. в процессе создания и теории и организации руководства пролетарской революции.

1 9 1 0 г. М а й. Момент ф о р м а л ь н о г о в ы д е л е н и я большевиков, окончательного идейного и организационного размежевания большевиков с проводниками буржуазного влияния на пролетариат — меньшевиками-ликвидаторами, во главе которых идут Аксельрод и Мартов, и отзовистами, во главе которых известный впоследствии ренегат Алексинский. Ленин пишет (Собр. соч., т. XI, часть 2-я, стр. 49 — 53):

«Представители двух крайних течений, одинаково выражающих подчинение буржуазным идеям, одинаково антипартийных, сходятся целиком в своей внутрипартийной политике, в борьбе с большевиками... Резолюция Троцкого только по внешности отличается от «излияний» Аксельрода и Алексинского. Она составлена очень «осторожно» и претендует на «сверхфракционную» справедливость. Но в чем ее смысл? Во всем виноваты-де «большевистские вожди» — это та же «философия истории», что у Аксельрода и Алексинского...»

«Нетрудно видеть, — продолжает Ленин, — как бессодержательны звонкие фразы в резолюции Троцкого, как они служат

[1]) Л е н и н. Собр. соч., т. VIII, стр. 387 — 8.

на деле отстаивавшую той же самой позиции, на которой стоят Аксельрод и К°, Алексинский и К°. Ведь в этом вся бездна различия между примиренчеством Троцкого и К°, которое на деле служит самую верную службу ликвидаторам и отзовистам, а потому является тем более опасным злом в партии, чем хитрее, изысканнее, фразистее оно прикрывается якобы партийными и якобы антифракционными декламациями, — и между партийностью действительной, которая состоит в очищении партии от ликвидаторства и отзовизма».

Ожесточенная борьба за основы большевизма продолжается. Все враги большевизма объединяются и единым фронтом наступают на большевиков, на партию, на ее центральные учреждения. Ленин возвращается к вопросу о значении этой борьбы и о роли Троцкого и пишет (конец 1910 г., Собр. сочин., т. XI, часть 2-я, стр. 182—187):

«За статьей Мартова и резолюцией Троцкого скрываются определенные практические действия, направленные против партии. Статья Мартова есть лишь литературная форма, в которую облечена предпринятая голосовцами (меньшевиками) кампания с целью срыва ЦК нашей партии. Резолюция Троцкого есть выражение того же самого, что составляет цель голосовцев (меньшевиков): разрушить ненавистные ликвидаторам центральные учреждения (большевиков), а с ними заодно — и партию, как организацию. Эти антипартийные действия голосовцев (меньшевиков) и Троцкого недостаточно вывести на свежую воду, с ними нужно бороться».

Как видите, товарищи, всякое бывало в нашей партии, и многое, что молодым членам партии кажется новым, для нас, стариков, и для внимательных читателей сочинений Ленина из молодежи совсем не кажется уж таким новым. Всякое бывало!

Ленин продолжает:

«И мы заявляем поэтому от имени партии в целом, что Троцкий ведет антипартийную политику, что он разрывает партийную легальность, вступает на путь авантюры и раскола... Умалчивает Троцкий об этой бесспорной правде (об антипартийных группах) потому, что для реальных целей его политика правда непереносима... Эти реальные цели — антипартийный блок, каковой блок Троцким поддерживается и организуется... Этот блок, конечно, поддержит Троцкого, ибо (антипартийные элементы) получают здесь то, что им нужно: свободу своих фракций, освящение их, прикрытие их деятельности, адвокатскую защиту ее перед рабочими. И вот именно с точки зрения «принципиальных основ» мы не можем не признать этот блок авантюризмом в самом точном значении слова. Сказать, что он видит настоящих марксистов,

действительных защитников принципиальности социал-демократизма (в меньшевиках) в отзовистах, Троцкий не смеет. В том и суть позиции авантюриста, что ему приходится перманентно увиливать... Блок Троцкого с Потресовым и впередовцами есть авантюра именно с точки зрения «принципиальных основ». Не менее верно это с точки зрения партийно-политических задач... Годичный опыт показал на деле, что именно группы Потресова, именно фракция впередовцев, и воплощают это буржуазное влияние на пролетариат... Наконец, в-третьих, политика Троцкого есть авантюра в смысле «организационном».

1911 год. Борьба за партию и ее идеи продолжается. Троцкий продолжает свою антипартийную политику. Ленин продолжает его характеристику. В июне 1911 года Ленин пишет (Собр. соч., т. XI, часть 2-я, стр. 322):

«Все большевики должны сплотиться теперь теснее, укрепить свою фракцию, определить точнее и яснее партийную линию этой фракции, — собрать разрозненные силы и итти в бой за РСДРП, очищенную от проводников буржуазного влияния на пролетариат». И тут же добавляет:

«Люди, подобные Троцкому, с его надутыми фразами о РСДРП и с его раболепством пред ликвидаторами, не имеющими ничего общего с РСДРП, являются ныне «болезнью времени». На деле это — проводники капитуляции перед ликвидаторами, строителями столыпинской рабочей партии».

Через пару месяцев в специальном обращении «Ко всем партийным организациям, группам и кружкам».

«Отметим только еще одну наиболее общую черту в выступлениях группки Троцкого: в области тактических вопросов и внутрипартийных принципиальных разногласий Троцкий находит в своем арсенале оружие для борьбы только с левым крылом партии. Само собой разумеется, что подобная политика является водой на мельницу только голосовцев (меньшевиков) и оппортунистов всех других оттенков (Собр. соч. Ленина, т. XI, ч. 2-я, стр. 335 — 338).

Троцкий продолжает свою политику, и Ленин продолжает его характеристику:

«Посредством фразы прикрываются действительные ликвидаторы и делаются всяческие попытки мешать работе антиликвидаторов, т.-е. большевиков... Троцкий и подобные ему троцкисты и соглашатели вреднее всякого ликвидатора, ибо убежденные ликвидаторы прямо излагают свои взгляды, и рабочим легко разобрать их ошибочность, а Троцкие обманывают рабочих, прикрывают зло, делают невозможным разоблачение его и излечение от него. Всякий, кто поддерживает группу

Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих, политику прикрывания ликвидаторства. Полная свобода действий для г. Потресова и К° в России, прикрывание их дел «революционной» фразой за границей — вот суть политики «троцкизма» (Собр. соч. Ленина, т. XI, ч. 2-я, стр. 359—360).

Эта характеристика, прикрывание левыми, якобы революционными фразами практической политики правых дел, это — для Ленина — общая, характерная, из года в год повторяющаяся, во всяком вопросе на каждом повороте выступающая вперед черта троцкизма, как такового. И ее Ленин не устает подчеркивать и выяснять партии именно как основную, характерную, но и наиболее опасную для партии и рабочего движения черту троцкизма. Через несколько месяцев после сейчас приведенной характеристики Ленин пишет о Троцком:

«Бедный герой фразы не заметил мелочи: революционен только тот с.-д. (по нынешнему — коммунист), кто понял вред антиреволюционного якобы социал-демократизма в данной стране, в данное время, т.-е. вред ликвидаторства и отзовизма в России 1908—1911 годов, кто умеет бороться с подобными не с.-д. течениями».

«Троцкий называет себя партийцем на том основании, что для него русский партийный центр, созданный подавляющим большинством русских с.-д. организаций, есть поль... Революционная фраза служит для того, чтобы прикрывать и оправдывать фальшь ликвидаторства, засоряя тем сознание рабочих... Задача Троцкого в том и состоит, чтобы прикрывать ликвидаторство, бросая песок в глаза рабочим... С Троцким нельзя спорить по существу, ибо у него нет никаких взглядов. Можно и должно спорить с убежденными ликвидаторами и отзовистами, а с человеком, который играет в прикрытие ошибок и тех, и других, не спорят: его разоблачают, как дипломата самой мелкой пробы» (Собр. соч. Ленина, т. XI, ч. 2, стр. 446—448).

Нетрудно предвидеть, что найдутся люди, которые по поводу цитируемых мною документов партийной истории пытаются прибегнуть к самому легкому и вполне обывательскому объяснению: раздражение, острая схватка борьбы, случайные столкновения. Я поэтому и считаю малоприятным, но обязательным долгом — раз уж тов. Троцкий заставил партию обратиться к истории отношений между большевизмом и троцкизмом — проследить отзывы Ленина и характеристику Лениным отношений между партией и троцкизмом не в какой-нибудь год, не по поводу одного какого-нибудь вопроса, а систематически, на протяжении всех 15 лет, в которые партия знает троцкизм. Если определенное отношение к троцкизму проявляется у нашей партии не в какой-нибудь исключительный, отдельный момент, не по отдельному данному вопросу, а проявляется системати-

чески, в течение длинного ряда лет, на всех поворотах партийной истории, тогда даже самый умственно-ленивый, самый обывательски-настроенный человек и тот не сможет объяснить этого раздражением, случайностью, пристрастием или чем-либо подобным; даже самый ленивый человек должен будет подумать: если 15 лет Ленин изо дня в день учит партию, что такое троцкизм, если его характеристика оказывается правильной при всех поворотах истории — и тогда, когда революция идет вверх, и тогда, когда она падает глубоко вниз, и тогда, когда она опять поднимается, — то здесь дело не в раздражении, не в индивидуальных вкусах, а в том, что троцкизм есть, видимо, какое-то течение, которое появляется систематически и в систематической борьбе с которым только и можно было закладывать основы большевизма, как теории и практики пролетарской коммунистической революции.

Троцкий осведомляет Интернационал.

Тов. Троцкий не ограничивался проповедью тех взглядов, которые я характеризовал выше словами Ленина, только для русских рабочих. Известно положение большевиков во II Интернационале. Уже тогда большевики вообще, Ленин в частности, были однозначными фигурами для вождей II Интернационала. Уже тогда они чувствовали и в большевизме, и специально в Ленине какую-то новую силу, которая призвана их смести, и поэтому они охотно предоставляли органы печати II Интернационала для всякой клеветы, которой только было угодно выступить против большевиков и большевизма. В то же время Ленин за все время своей эмиграции, за все время революции и контрреволюции не получил ни разу возможности с трибуны печатных органов II Интернационала обратиться к германским, французским или австрийским рабочим и рассказать им правду о большевизме. Фактически II Интернационал держал нас под бойкотом, но зато он охотно давал слово всем противникам Ленина — Мартову, Дану и Троцкому, которые могли без опасности для себя преподносить международному пролетариату любую ложь и любую клевету о большевиках, ибо они знали заранее, что Ленину слова для ответа дано не будет. Этой возможностью и пользовался Троцкий, чтобы излагать перед интернациональным рабочим движением приблизительно следующую «философию» большевизма: «Ленинцы — это кучка интеллигентов, которые под руководством не стесняющегося никакими средствами человека, Ленина, держат темными путями в своих руках движение русского пролетариата, который, благодаря своему невежеству и отсталости, верит большевикам; задача должна заключаться в том,

чтобы освободить пролетариат России от засилия этой кучки и их лидера Ленина». Вот то представление о большевизме, которое т. Троцкий тогда внушал Интернационалу.

Так истолковывался им для европейских рабочих-социалистов исторический смысл внутрипартийной борьбы в России, смысл борьбы большевиков с меньшевиками. По поводу статей Мартова и Троцкого на эту тему, обращенных ими к Интернационалу, Ленин в 1911 году писал:

«Мартов излагает взгляды меньшевизма, прикрываясь особенно звонкой фразой. Для Мартова «русский опыт» сводится к тому, что «бланкистская и анархистская некультурность одержала победу над марксистской культурностью» (читай: большевизм над меньшевизмом). «Русская социал-демократия говорила слишком усердно по-русски» (т.-е. по-революционному. *Л. К.*) в отличие от «общеевропейских» (т.-е. парламентских. *Л. К.*) приемов тактики. У Троцкого «философия истории» та же самая. На первый план выдвигается «сектантский дух, интеллигентский индивидуализм, идеологический фетишизм». Борьба за влияние на политически незрелый пролетариат»,—вот в чем суть дела».

Изложив все эти взгляды, преподносимые т. Троцким немецким рабочим, Ленин пишет:

«Теория, видящая в борьбе большевизма с меньшевизмом борьбу за влияние на незрелый пролетариат, не нова. Мы встречаем ее с 1905 г. (если не с 1903 г.) в бесчисленных книгах, в брошюрах, статьях либеральной печати. Мартов и Троцкий преподносят немецким товарищам марксистски подкрашенные либеральные взгляды...»

«Иллюзия» думать, — заявляет Троцкий, — будто меньшевизм и большевизм «пустили глубокие корни в глубинах пролетариата». Это — образчик тех звонких, но пустых фраз, на которые мастер наш Троцкий. Не в «глубинах пролетариата», а в экономическом содержании русской революции лежат корни расхождения меньшевиков с большевиками. Игнорируя это содержание, Мартов и Троцкий лишили себя возможности понять исторический смысл внутри-партийной борьбы в России... Говорить о борьбе направлений в русской революции, раздавая ярлыки: «сектантство», «некультурность» и т. п. (словечки Троцкого против большевиков, которыми он пугал немецких филистеров. *Л. К.*), и не говорить ни слова об основных экономических интересах пролетариата, либеральной буржуазии и демократического крестьянства, — значит опускаться до уровня вульгарных журналистов».

Тов. Ленин разъясняет т. Троцкому:

«Мартов защищает воспитание крестьян (революционно боровшихся с дворянством) либералами (которые продавали крестьян

дворянам). Это и есть подмена марксизма либерализмом. Это и есть марксистскими фразами прикрашенный либерализм... Борьба большевизма и меньшевизма неразрывно связана с этой историей, как борьба из-за поддержки либералов (со стороны меньшевиков), из-за свержения гегемонии либералов над крестьянством (со стороны большевиков). Поэтому, — втолковывает т. Ленин тов. Троцкому, — объяснять наши расколы влиянием интеллигенции, незрелостью пролетариата и т. п. есть ребячески наивное повторение либеральных сказок».

Как видим, Троцкий «шел к Ленину», рассказывая международному пролетариату либеральные сказки про ленинизм!..

«Между нашим взглядом и взглядом Мартова лежит пропасть, и эта пропасть между взглядами «интеллигентов» отражает только, вопреки Троцкому, пропасть, которая была на деле в конце 1905 года между классами, именно между революционным борющимся пролетариатом и изменнически ведущей себя буржуазией.

Вот чего не понял в большевизме Троцкий, на взгляд Ленина. Много ли он понял в нем в таком случае вообще?

«Троцкий извращает большевизм, ибо Троцкий никогда не мог усвоить себе сколько-нибудь определенных взглядов на роль пролетариата в русской буржуазной революции».

Охарактеризовав все изложение большевизма перед неосведомленными немецкими рабочими со стороны т. Троцкого, как «утонченное вероломство», т. Ленин закончил свою характеристику такими словами:

«Троцкий был в 1903 году меньшевиком; отошел от меньшевизма в 1904 году, вернулся к меньшевикам в 1905 году, щеголяя лишь ультра-революционной фразой; в 1906 году опять отошел; в конце 1906 года защищал избирательное соглашение с кадетами (т.-е. фактически опять был с меньшевиками), а весной 1907 года на Лондонском съезде говорил, что его различие от Розы Люксембург есть «скорее различие индивидуальных оттенков, чем политических направлений». Троцкий совершает плагиат сегодня из идейного багажа одной фракции, завтра — другой, и поэтому объявляет себя стоящим выше обеих фракций. Троцкий в теории ни в чем не согласен с ликвидаторами и отзовистами, а на практике во всем согласен с голосовцами и впередовцами (т.-е. проводниками либерального влияния на пролетариат. *Л. К.*). Мне приходится заявить, что Троцкий представляет лишь свою фракцию и пользуется некоторым доверием исключительно у отзовистов и ликвидаторов» (Собр. соч., том XI, ч. 2, стр. 292, 293, 296, 307—8).

В дни подъема.

1912 год. Это — год перелома. В январе большевики окончательно рвут остатки организационных связей с меньшевиками и на своей большевистской конференции (в Праге) создают свой чисто большевистский ЦК, исключают из партии ликвидаторов и провозглашают революционную программу действий. В апреле, после Ленского расстрела, бурной волной вновь, впервые после 1905 года, вздымается пролетарское движение. Оно целиком усваивает программу и тактику большевиков. Среди рабочих масс начинает расти и вскоре окончательно побеждает «большевистское поветрие», по злобному выражению тогдашних меньшевиков. Воспрянувшее рабочее движение систематически «снимает с постов» тех ликвидаторов, которые успели захватить эти посты в контр-революционных потемках предшествующих лет. Это начало революционного наступления — под лозунгами большевиков, под руководством большевиков, — наступления, которое к середине 1914 года приводит уже к баррикадным боям в Петербурге.

Какова была позиция т. Троцкого перед лицом этих решающих событий? Быть может, эта волна революционного подъема, этот новый рост рабочего движения увлек т. Троцкого с той позиции агента меньшевизма, на которой он стоял в предшествующие годы упадка и разложения? Быть может, его архилевая теория «перманентной революции», лежавшая годами без употребления, теперь поможет ему разорвать пуповину, связывающую его с контр-революционным меньшевизмом?

Нет! Тов. Троцкий остается верен себе и меньшевикам-ликвидаторам.

На организационное оформление и укрепление большевистской партии (январская конференция большевиков) он отвечает укреплением своего союза с меньшевиками для борьбы с большевизмом. Его усилиями создается так называемый августовский блок — блок, союз, организационное объединение всех небольшевистских и противобольшевистских групп и группочек. Этот блок, — пишет Ленин, — «построен на беспринципной, пустой и лицемерной фразе». «Основа этого блока ясна: ликвидаторы пользуются полной свободой вести попрежнему свою линию, а т. Троцкий прикрывает их революционной фразой, которая ему ничего не стоит, а их ничем не связывает». (Ленин. Собр. соч., т. XII, ч. 1, стр. 94, апрель 1912 г.) По поручению этого блока, т. Троцкий усиленно грязнит большевиков, как руководителей начинающегося пролетарского подъема перед Интернационалом. Эту его работу т. Ленин характеризует, как «обман и введение в заблуждение немецких рабочих». По поводу

его статей, обращенных к немецким рабочим, т. Ленин писал, что «они отдают таким букетом беспардонного хвастовства и фразистой лжи, что не допускают сомнения в том, что ликвидаторский заказ на эти статьи попал в опытные руки». (Там же, стр. 93.)

Но, быть может, тов. Троцкий был заодно с врагами большевиков только в их борьбе с большевистской организацией, может быть, в вопросах об оценке, задачах, целях, тактике поднимавшегося пролетарского движения, в оценке задач, целей, тактики новой революции он отходил от контр-революционных меньшевиков, служивших либералам? Послушаем опять Ленина.

Троцкий, проклиная на все лады конференцию, уверял добряков, что «борьба за свободу коалиций» является основой Ленских событий и их отголосков, что «это требование стоит и будет стоять в центре революционной мобилизации пролетариата». Прошла какая-нибудь неделя, и эти жалкие фразы подголоска ликвидаторов были сметены, как пыль».

Только либеральные болтуны и либеральные рабочие политики, — продолжал Ленин, — могут ставить «в центре революционной мобилизации «свободу коалиций». Политике ликвидаторов и т. Троцкого т. Ленин тут же противопоставляет революционно-большевистскую политику питерского пролетариата: «Пролетариат Петербурга, — писал Ленин, — понял, что не во имя одного из прав (свободы коалиций. *Л. К.*), а во имя свободы всего народа должна быть начата новая революционная борьба. Пролетариат Петербурга понял... что надо бить в центр, нападать на источник зла, разрушать всю систему, весь строй царски-черносотенной России. Пролетариат Петербурга понял, что смешно и глупо предъявлять требование свободы коалиций»... «Нет ничего более лживого, как либеральная выдумка, повторяемая вслед за ликвидаторами Троцким, будто «борьба за свободу коалиций является основой как Ленской трагедии, так и ее могучего отголоска в стране». (Собр. соч., т. XII, ч. 1, стр. 183 — 185.)

Разница в самом подходе к основным задачам второй (после 1905 г.) революции большевиков, с одной стороны, и меньшевиков и Троцкого, — с другой, совершенно ясна. Но Ленин еще и еще поясняет антиреволюционный подход Троцкого к этим основным задачам. Троцкий тогда, вслед за меньшевиком Аксельродом, носился с идеей «европеизировать» борьбу русских рабочих, т.-е., как пояснял тот же Аксельрод, «коренным образом изменить характер партии, как он сложился в дореволюционную и дальше развился в революционную эпоху, и организовать ее на тех же началах, на каких зиждется партийный строй европейской социал-демократии». Троцкий плелся за Аксельродом. Он видел свое преимущество перед «некультурными», «варварскими», «сектантски-неистовыми» азиатами-большевиками в том, что он, Троцкий, — «европеец» и борется «под тактическим

знаменем европейской социал-демократии». Но что обозначало это противопоставление «европеизма», «европейской тактики» — большевизму? Только одно: отказ от непосредственно-революционных задач рабочего движения в царско-помещичьей России ради парламентской тактики европейских социалистов II Интернационала. О «пресловутой европеизации,—писал Ленин,—на все лады говорят и Дан, и Мартов, и Троцкий, и Левицкий, и все ликвидаторы. Здесь — один из главных гвоздей их оппортунизма. Их оппортунизм в том, — пояснял Ленин, — что они хотят придать «европейский» парламентско-пропагандистский характер партии как раз тогда, когда перед ней стоят не европейские, а непосредственно-революционные боевые задачи, они хотят, таким образом, о б о й т и задачи революции, подменить революционную тактику тактикой парламентской. В устах ликвидаторов и Троцкого — в период 1910 — 1914 гг. — словечки о «европеизме», дополняемые словечками о «варварстве» большевиков, прикрывали о т к а з от революционных задач и революционной тактики пролетариата в России. Вот что писал Ленин по поводу одного такого «европейского» выступления т. Троцкого: «Мечтание оппортунистического интеллигента, который в обход трудных не-европейских условий рабочего движения в России (Ильич эту статью писал для легальной «Звезды» и потому употреблял легальные слова: читать следовало: в обход революционных задач рабочего движения в России) сочинил отменно хороший европейский план и по случаю сочинения такого плана хвастался на весь мир своим «европеизмом». (Собр. соч., том XII, ч. 1, стр. 222 — 223, июль 1912 г.)

Эта тактика, сводившаяся фактически к проповеди перехода партии с революционных путей на путь тогдашних мирных европейских социалистов, проповедывалась как раз тогда, когда новая волна революционного подъема после Ленского расстрела требовала именно революционного руководства. Быть может, кто-либо задаст себе вопрос: как же теория «перманентной революции» не удержала т. Троцкого от подобной переворотной тактики, как мог он, придерживаясь этой архилевой теории в явно-революционной обстановке 1912 — 14 гг., проповедывать — рядом с меньшевиками — подобную антиреволюционную тактику.

Но тот, кто задал бы подобный вопрос, лишь доказал бы, что он и теперь еще не усвоил ленинской характеристики троцкизма: «прикрывание левой (несуразно левой, архизвонкой, — писал Ленин) фразой правой политики».

«Взгляните на платформу ликвидаторов, — разъяснял наивным людям т. Ленин еще в 1913 г., — ее ликвидаторская суть искусно прикрыта революционными фразами Троцкого. Наивных и совсем неопытных людей это прикрытие может иногда ослепить... Но самое небольшое внимание рассеет такой самообман».

Канун войны.

Мы подошли к 1914 году. Революционное движение пролетариата идет все вперед, волны революционного прибоя бьют все выше. Позиция Троцкого в основных вопросах революции и тактики пролетарского движения остается все той же. Вот что пишет т. Ленин в 14-м году:

«Никогда еще ни по одному серьезному вопросу марксизма Троцкий не имел прочных мнений, всегда перебегал от одной стороны к другой». (Ленин. Собрание сочинений, том XII, часть 2, страницы 536 — 537.)

«У ликвидаторов есть своя физиономия, либеральная, а не марксистская. Всякий, знакомый с писаниями Ф. Дана, Л. Мартова, Потресова и К°, знает эту физиономию. У Троцкого же никогда никакой «физиономии» не было и нет, а есть только перелеты, переметывание от либералов к марксистам и обратно, обрывки словечек и звонких фраз, надерганных отсюда и оттуда . . . На деле, под прикрытием особенно звонких, пустых и туманных фраз, Троцкий проводит, запутывая несознательных рабочих, защиту ликвидаторов своим замалчиванием вопроса о подполье (т.-е. о революционной организации и политике рабочего класса. *Л. К.*) уверениями, что у нас нет либеральной рабочей политики (т.-е. стремления меньшевиков подчинить рабочее движение кадетам. *Л. К.*) и т. д... К семерке депутатов с Чхеидзе во главе Троцкий обращается с специальными, длинными поучениями о том, как похитрее надо проводить отрицание подполья и партии. (Ленин, т. XII, ч. 2, стр. 410 — 413.)

Наступили переломные месяцы 1914 года. Рабочее движение переходило от массовых политических и экономических стачек к вооруженным демонстрациям, которые были прерваны только военной мобилизацией. В июле рабочий класс Петербурга был уже на баррикадах. Надо было подводить итоги, надо было предупредить рабочий класс, какие политические течения и фигуры выйдут перед ним из подполья, из заграничной эмиграции для того, чтобы руководить его дальнейшим движением. Ленин пишет итоговую статью и печатает ее в мае 1914 г. в большевистском журнале «Просвещение». Он подводит итог 10-летней борьбе большевизма с троцкизмом, борьбе, которую мы пересмотрели на различных ее стадиях:

«Старые участники марксистского движения в России хорошо знают фигуру Троцкого, и для них не стоит говорить о ней. Но молодое рабочее поколение не знает ее, и говорить приходится, ибо это типичная фигура. Во времена старой «Искры» (1901 — 1903 гг.) для этих колеблющихся и перебегающих от «экономистов» к «искровцам» и обратно была кличка: «тушинский

перелет» (так звали в смутное время на Руси воинов, перебегавших из одного лагеря к другому).

Когда мы говорим о ликвидаторстве, мы устанавливаем известное идейное течение, годами выраставшее, связанное корнями с «меньшевизмом» и «экономизмом» в 20-летней истории марксизма, связанной с политикой и идеологией определенного класса, либеральной буржуазии.

«Тушинские перелеты» объявляют себя выше фракций на том единственном основании, что они «заимствуют» идеи сегодня одной, завтра другой фракции. Троцкий был ярым «искровцем» в 1901 — 1903 гг., и Рязанов назвал его роль на съезде 1903 г. ролью «ленинской дубинки». В конце 1903 г. т. Троцкий — ярый меньшевик, т.-е. от «искровцев» перебежавший к «экономистам»: он провозглашает, что «между старой и новой «Искрой» лежит пропасть». В 1904 — 1905 году он отходит от меньшевиков и занимает колеблющееся положение, то сотрудничая с Мартыновым («экономистом»), то провозглашая несуразно-левую «перманентную революцию». В 1906 — 1907 году он подходит к большевикам и весной 1907 года заявляет себя солидарным с Розой Люксембург.

В эпоху распада, после долгих «нефракционных» колебаний, он опять идет вправо и в августе 1912 г. входит в блок с ликвидаторами. Теперь опять отходит от них, повторяя, однако, по сути дела, их же идейки.

Такие типы характерны, как обломки вчерашних исторических образований и формаций, когда массовое рабочее движение в России еще спало...

Надо, чтобы молодое рабочее поколение хорошо знало, с кем оно имеет дело, когда с невероятными претензиями выступают люди, не желающие абсолютно считаться ни с партийными решениями... ни с опытом современного рабочего движения в России...» (Собр. соч., т. XII, ч. 2, стр. 462.)

Вот что, как итог большевистской десятилетней борьбы не только с меньшевизмом, но и с троцкизмом, считал необходимым сказать Ленин молодому поколению рабочих накануне нового подъема революционного движения рабочего класса.

Не подумайте, что здесь подобраны специально те места из работ Ленина, где Ленин порезче высказывался о т. Троцком, — это было бы недостойно. Нет, я взял все то, что есть у Ленина о т. Троцком, все не в том смысле, что взял все цитаты — количество цитат можно было бы увеличить в десяток раз — но в том смысле, что эти слова характеризуют полностью то, что т. Ленин считал необходимым сказать о т. Троцком русским рабочим до 1914 г. Каждый понимает, что если эти характеристики делаются из года в год, не по поводу той или другой ошибки, а по поводу общей линии т. Троцкого,

то они делаются не из каких-либо посторонних соображений, а только потому, что т. Ленин видел в этой фигуре воплощение такой струи, такой политической тенденции, которая была вредна для дела большевизма. Поэтому и только поэтому Ленин считал необходимым предостерегать партию против троцкизма.

В дни войны.

Наступила война, которую Ильич правильно назвал всемирно-историческим событием в жизни человечества и величайшим испытанием для международного социализма, которое выявило непроходимую пропасть между оппортунистами и революционными коммунистами. Наступил момент, когда каждый должен был выбрать свою позицию. Наступил момент, когда раз навсегда должны были быть покончены всякие колебания и когда то, что Ленин назвал мелкой дипломатией, перебеганием из одного лагеря в другой, должно было кончиться.

Так ли это было? Заставила ли война т. Троцкого раз навсегда порвать с оппортунизмом, порвать с поддержкой правых, отказаться от той роли защитника и прикрывателя меньшевиков, которую десять лет разоблачал т. Ленин?

С того времени, когда т. Троцкий вступил в нашу партию и стал верой и правдой служить ей и этим вписал славные страницы и в свою биографию, и в историю партии, мы не считали возможным останавливаться на этих вопросах. И это было правильно. Но когда он вступает на путь фальсификации истории и идей большевизма, когда он пытается экспроприировать идейный багаж партии, когда он тщится подменить ленинизм троцкизмом в качестве идеологии русского и международного пролетариата, тогда он сам заставляет нас поставить эти вопросы.

Что же, развела ли война т. Троцкого с оппортунистами? Была ли прекращена перед грандиозностью событий политика мелкой дипломатии? Увы! Нет. Так же, как и в 1905 г., он сумел сочетать архиреволюционную, «несуразно-левую» фразу с сотрудничеством с меньшевиками, так и в эпоху войны т. Троцкий сумел сочетать свой интернационализм с поддержкой оппортунизма.

Уже летом 1915 года т. Ленин пишет: «Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству. Это — аксиома. И оспаривают ее только сознательные сторонники или беспомощные прислужники социал-шовинистов... К числу вторых принадлежит — Троцкий»... Приведя возражения т. Троцкого против взглядов большевиков, т. Ленин продолжает: «Вот образец надутых фраз, какими

Троцкий всегда оправдывает оппортунизм... Если бы Троцкий подумал, то увидел бы, что он стоит на точке зрения войны правительств и буржуазии, т.-е. раболепствует перед «политической методологией социал-патриотизма», говоря вычурным языком Троцкого». «Троцкий, — говорит тогда же Ленин, — который, как и всегда, ни в чем принципиально не согласен с социал-шовинистами, но во всем практическом согласен с ними». Тогда же: «Троцкий, также отвергая эту идею, равным образом отстаивает единство с оппортунистической и шовинистической группой «Нашей Зари», т.-е. меньшевиков... Все это — проявление того зла, которое голландские марксисты назвали «пассивным радикализмом» и которое сводится к замене революционного марксизма эклектицизмом в теории и к раболепству или бессилию перед оппортунизмом на практике». Тогда же: «(Такие-то) и Троцкий, по-моему, вреднейшие «каутскианцы» в том смысле, что все в разных формах за единство с оппортунистами, все в разных формах прикрашивают оппортунизм, все проводят (по-разному) эклектицизм вместо революционного марксизма». Тогда же: «Мартов и Троцкий желают совместить платоническую защиту интернационализма с безусловным требованием единства с «Нашей Зарей», ОК (Центр. Комитет меньшевиков) или фракцией Чхеидзе».

Конец 1915 года: «Троцкизм на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под отрицанием роли крестьянства понимают нежелание поднимать крестьян на революцию».

Тогда же: «Чхеидзе и К⁰ явно виляют: они верные друзья «Нашего Дела» (орган оборонцев), ими доволен Алексинский, и они же «играют» в левизну при помощи Троцкого... Думаю, сознательных правдистов (большевиков) не проведут».

Тогда же: «Троцкий и К⁰ заграничных лакеев оппортунизма напрягают все усилия, чтобы «замазать» разногласия и спасти оппортунизм «Нашей Зари» при посредстве обеления и превознесения фракции Чхеидзе».

Начало 1916 года: «Бессильные дипломаты или «болото», в роде Каутского в Германии, Лонгэ во Франции, Мартова и Троцкого в России, приносят величайший вред рабочему движению, отстаивая фикцию единства и этим мешая назревшему, насущному объединению оппозиции всех стран, созданию III Интернационала».

Март 1916 г.: «А Троцкий? Он горой за самоопределение, но у него это пустая фраза, ибо он не требует отделения наций, угнетенных «отечеством» данного национального социалиста; он молчит о лицемерии Каутского и каутскианцев».

Октябрь 1916 г.—12 месяцев до нашего Октября: Каковы бы ни были субъективные «благие» намерения Троцкого и Мартова

(они — для Ленина — все еще едино суть!), объективно они своей уклончивостью поддерживают русский социал-империализм».

Декабрь 1916 г.: «Гобсон превосходно подошел еще в 1902 г. к вопросу о значении «Соединенных Штатов Европы» (к сведению каутскианца Троцкого!) и всего того, что затушевывают лицемерные каутскианцы разных стран, именно: что оппортунисты (социал-шовинисты) работают вместе с империалистической буржуазией как раз в направлении создания империалистической Европы на плечах Азии и Африки... На эту экономическую, наиболее глубокую связь именно империалистической буржуазии с победившим ныне (надолго ли?) рабочее движение оппортунизмом мы указывали неоднократно, не только в статьях, но и в резолюциях нашей партии. Отсюда выводили мы, между прочим, неизбежность раскола с социал-шовинизмом. Наши каутскианцы предпочитали обходить вопрос».

17 февраля 1917 г. (февраль 1917 года!): «Троцкий — левые фразы и блок с правыми против цели левых!!». Еще через месяц и через две недели после февральской революции, 17 марта 1917 г.: «По-моему, главное теперь — не дать себя запутать в глупые «объединительные» попытки с социал-патриотами или, еще опаснее, колеблющимися в роде организационного комитета (меньшевиков), Троцкого и К° и продолжать работу своей партии в последовательно-интернациональном духе».

К этому следует, пожалуй, добавить только одно: за весь этот период т. Троцкий был решительным противником «циммервальдской левой», во главе которой стоял т. Ленин и которая являлась именно тем зерном, из которого развился III Интернационал. III Интернационал родился не только в борьбе с Шейдеманами и Вандервельдами, он родился и окреп в борьбе с циммервальдским «центром», с Каутским и с Троцким. Практическая политика этого «центра» сводилась к тому, чтобы не рвать окончательно со II Интернационалом, не основывать III Интернационала, чего добивался Ленин во главе «циммервальдской левой».

Вот политическая линия т. Троцкого, охарактеризованная словами т. Ленина, на протяжении почти двух десятков лет. Тов. Ленин не изменяет своей характеристики и своего отношения к линии т. Троцкого ни в момент величайшего подъема революции, ни в момент ее глубочайшего падения. «Тушинский перелет», «левые фразы и блок с правыми против целей левых», реальная служба экономизму, меньшевизму, ликвидаторству, каутскианству в их борьбе против большевизма под прикрытием особенно звонкой левой фразы, вот общий итог характеристики — не личности тов. Троцкого, а «троцкизма», как течения.

Ни один ленинец, всерьез принимающий это имя, не допустит и мысли о том, что систематическое — на протяжении десятков

лет разоблачение т. Лениным позиции т. Троцкого могло быть вызвано какими-либо индивидуальными причинами. Систематическая, страстная борьба т. Ленина против троцкизма подсказывалась тем, что т. Ленин видел в троцкизме определенное течение, враждебное идеологии и организации большевистской партии, течение, на практике служившее меньшевизму. Эта борьба против троцкизма не была случайным элементом на том или другом повороте истории, при том или другом событии, она была неизбежной составной частью выковывания подлинной пролетарской партии и подлинной пролетарской идеологии. С меньшевизмом бороться сравнительно легко — как бы говорил т. Ленин — потому что его антипролетарский облик, откровенный, до конца идущий, не прячущий своей либеральной сущности, становится через маленький опыт понятным каждому рабочему, и рабочий его отвергает. Нужно бороться с наиболее прикрытыми формами меньшевизма, с теми формами, которые прикрывают оппортунистическую политику левой, революционной фразой, с той формой меньшевизма, которая приспособляет меньшевизм к революционному настроению масс. Врагом является не только тот, кто с открытым забралом борется против большевизма, но также и те группки, которые прикрывают борьбу этих откровенных врагов революционными фразами и, пользуясь доверием к этим фразам, облегчают дело врагов партии.

Ленин лишь формулировал то отношение к троцкизму, которое характеризовало всю большевистскую партию в целом, хотя в особенно трудные моменты жизни партии — т. Троцкому иногда удавалось пленить своей фразой и своей «мелкой дипломатией», правда, всегда на очень короткий срок, отдельных большевиков.

Вот именно этот последний факт особенно рельефно подчеркивает те обстоятельства, которые из «троцкизма», как из исторического явления, делали препятствие в строительстве большевистской партии как идейного руководителя и организатора пролетарского движения. Троцкизм был навсегда наиболее благовидной, наиболее прикрытой, наиболее приспособленной к обману именно революционно-настроенной части рабочих **формой меньшевизма**. Там и тогда, где и когда меньшевизм в его оголенной форме, в его либердановской форме, оказывался уже явно неприемлемым, там и тогда мог еще пользоваться некоторым политическим кредитом троцкизм. Так было в 1905 г., так было в 1912 — 14 гг., так было и в эпоху войны. Во все эти моменты гибкая фраза т. Троцкого прикрывала и спасала банкротившийся меньшевизм. В мелкобуржуазной стране, где еще недавно чуть ли не каждый интеллигент почитал себя «марксистом», где рабочий класс испытывает на себе громаднейшее влияние мелкобуржуазной стихии, программа

и тактика коммунистической партии могла быть выработана только в систематической, ожесточенной, непримиримой борьбе со всеми формами буржуазного влияния на пролетариат. Наиболее опасными формами этого влияния являлись, естественно, именно те, которые наиболее «тонко», наиболее «дипломатично», наиболее беспринципно маскировали, прикрывали свою антикоммунистическую сущность, которым ничего не стоило в любой момент прикрыть свои «правые дела» особенно «левой фразой». Воплощением этого типа антибольшевистских влияний и был троцкизм. Когда ход классовой борьбы вышибал из сознания пролетариата всякое доверие к Дану, Дан оставлял за собою свою тень: этой тенью был Троцкий. Вот почему во все времена партийной истории троцкизм с его «левой фразой», прикрывавшей «правые дела», с его беспринципной проповедью примирения большевизма и меньшевизма, с его критикой ленинской «грубости», «варварства, прямолинейности», «догматизма» и «сектантства» — всегда очаровывал около-партийную и внутри-партийную интеллигенцию.

Вот почему т. Ленин на протяжении десятков лет считал троцкизм опаснейшим препятствием для построения большевистской партии, вот почему он не уставал разоблачать троцкизм и предостерегать от него партию. Вот почему борьба с троцкизмом, как борьба с меньшевизмом, входит в самое понятие большевизма. Без понимания опасностей троцкизма — нет большевизма.

2. Тов. Троцкий вступает в партию.

Описанные выше отношения между большевизмом и троцкизмом сам т. Троцкий предпочитает характеризовать словами: «Я шел к Ленину с боями». Сказано это не только кокетливо, но и красиво. Тов. Троцкий — мастер на красивые фразы. Партия, ЦК, Ленин всегда знали это достоинство т. Троцкого и не раз — с пользой для партии — поручали ему устные и письменные выступления, в которых требовалась особая красота фразы. К сожалению, вопрос, затронутый т. Троцким в вышеприведенных словах, слишком серьезен, чтобы удовлетвориться красивой фразой.

Во-первых, эта фраза неверна, во-вторых, она рассчитана на то, чтобы, очаровав читателя красотой, скрыть истинную мысль Троцкого. Чтобы сказать правду в ее неприкрашенной форме, нужно выразиться так: эта красивая фраза лицемерна.

Действительно, правда ли, что всю ту историю, которую мы с вами рассмотрели с 1903 года вплоть до февральских дней, можно охарактеризовать словами Троцкого: «Я шел к Ленину

с боями»? Троцкий, видимо, очень доволен историей своих отношений с большевизмом; по крайней мере, в своей книжке «Новый курс», всего только несколько месяцев назад, он писал: «Я вовсе не считаю тот путь, которым я шел к ленинизму, менее надежным и прочным, чем другие пути». Это очень утешительно для Троцкого. Но может ли партия, не изменяя себе, считать надежным и прочным тот путь Троцкого к нашей партии, который мы только-что с вами, под руководством Ленина, просмотрели? Если этот путь есть действительно «путь к Ленину», то, следуя словам тов. Троцкого, каждый бывший меньшевик, каждый бывший с.-р., которых немало в нашей партии, может сказать: «Я, собственно, не был меньшевиком или эс-эром, я просто шел к большевикам с боями».

Во всяком случае ясно одно: партия не может никому рекомендовать тот путь к большевизму, который прошел Троцкий; она, во-вторых, не может этот путь считать ни «надежным», ни «прочным».

Неужели же в партии, кроме тов. Троцкого, найдется хотя один человек, который полагает, что 15-летняя попытка дискредитировать идейные и организационные основы большевизма, что 15-летний, временами прикрытый, временами открытый блок со злейшими врагами партии есть «прочный и надежный» путь к Ленину? Товарищи, которые вступали в нашу партию из рядов других партий, обычно заявляли, что они ошибались, что, по-своему понимая интересы рабочего класса и по-своему служа им, они ныне убедились, что их путь неправильный, что они признают большевистскую идеологию и отказываются от прежних заблуждений. Партия не требовала подобного признания у Троцкого и, конечно, поступала правильно: Троцкий сдал экзамен и сдал его превосходно. Но это отнюдь не значит, что партия может разрешить Троцкому его 15-летнюю борьбу против большевиков и Ленина именовать прочным и надежным путем к ленинизму, не может примириться с тем, что блестящими и эффектными фразами прикрываются искажения партийной истории.

Но эта фраза не только неверно описывает то, что было до вхождения Троцкого в партию. Она неверно описывает и тот идейный багаж, с которым Троцкий вошел в партию: она непоследна, ибо скрывает то, что подлинно думает Троцкий. Притти к Ленину, хотя бы с боями, не значит ли отказаться от своих заблуждений, от того, что считал ошибкой Ленин, и признать ленинскую правду во всех основных вопросах революции? Я утверждаю, что Троцкий понимает свой приход к Ленину наоборот, что он не думает, что большевизм оказался более прав, чем троцкизм. Троцкий вступил в партию с убеждением, что не он должен учиться большевизму у партии, а он должен

учить партию троцкизму, подправлять ленинизм троцкизмом. В книге Троцкого «Война и Революция» значится [1]):

«Были три пункта, где «Наше Слово» (газета Троцкого. *Л.К.*)— и после того, как оно окончательно перешло в руки левого крыла редакции — не сходилось с «Социал-Демократом» (органом ЦК большевиков, руководимым Лениным и Зиновьевым. *Л. К.*). Эти пункты касались пораженчества, борьбы за мир и характера грядущей русской революции. «Наше Слово» отвергало пораженчество (которое Ленин с самого начала войны считал основным признаком подлинного революционного интернационализма. *Л. К.*). «Социал-Демократ» отвергал лозунг борьбы за мир... противопоставляя ему гражданскую войну (которую отвергал Троцкий. *Л. К.*). Наконец, «Наше Слово» стояло на той точке зрения, что задачей нашей партии должно быть завоевание власти во имя социалистического переворота. «Социал-Демократ» продолжал оставаться на позиции демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Несколькими строками выше этого немаловажного признания Троцкий сообщает, что «разногласия между «Социал-Демократом» и «Нашим Словом», казавшиеся вначале очень значительными, уменьшались...» В редакции «Нашего Слова» рядом с Троцким был Мартов, затем, под влиянием беспощадной критики со стороны Ленина и роста революционных коммунистических элементов, Мартов вышел из редакции. В редакции «Нашего Слова» остался Троцкий. И вот уже после этого, после того, как разногласия «уменьшились», когда газета основательно перешла в руки левого крыла редакции, т.-е. в руки Троцкого, остались именно эти три разногласия: по вопросу о пораженчестве, по вопросу о гражданской войне и мире и по вопросу о характере русской революции.

Вот описание разногласий, разделявших большевиков и Троцкого накануне революции 17-го года, данное самим Троцким; разногласия, как видит всякий, не какие-либо второстепенные, не чисто теоретические или узко-организационные. Нет, сам

[1]) Том I, стр. 27. Эта книга есть сборник статей Троцкого за эпоху войны, по поводу которых я выше привел отзывы Ленина. Очень жаль, что редактор сочинений тов. Троцкого, собравший в примечаниях к «1917 году» все то, что говорили о выступлениях т. Троцкого Суханова, «Новая Жизнь» и др., не приложил к этому сборнику статей, на которых т. Троцкий хочет учить партию, отзывов т. Ленина. Может быть, это было бы лучше в целях воспитания той молодежи, к которой обращаются эти книги. Ведь книга Троцкого о войне и революции не может быть воспринята в нашей партии, особенно молодыми членами партии, в частности, учащейся частью нашей партии, иначе как изложение взглядов коммунизма. Поскольку же наша партия не говорит, что это не так, что это не ленинизм, что по этой книжке коммунизму учиться нельзя, поскольку Троцкий сам не побеспокоился приложить к ней отзывы тов. Ленина, постольку она может быть воспринята как учебник. А мы все должны немножечко заботиться о тех, кто придет завтра к нам на смену.

Троцкий должен признать, что его разногласия с большевиками накануне революции обнимали основные, коренные, решающие вопросы. Если, по словам Троцкого, разногласия, уменьшившись, касались вопросов о пораженчестве, гражданской войне и характере русской революции, то интересно было бы узнать, в чем же, собственно, Троцкий сходился с Лениным.

Ленин был за поражение «своей» буржуазии в империалистской войне. Троцкий — против!

Ленин был за гражданскую войну, Троцкий — п р о т и в!

Ленин был за демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, Троцкий — против! (усиленно путал — по выражению Ленина — в этом вопросе при помощи левой фразы о перманентной революции).

Здесь, в этом последнем пункте, Троцкий кажется левее Ленина. Каким образом это происходит? Будучи в вопросах конкретных, которые стояли тогда на очереди дня, в вопросе за поражение или п р о т и в поражения своей буржуазии в войне, з а призыв к гражданской войне или п р о т и в призыва к гражданской войне, фактически на точке зрения меньшевиков — или в лучшем случае центра, — он в вопросе о ходе грядущей революции кажется гораздо левее Ленина, не удовлетворяется диктатурой пролетариата и крестьянства, а требует обязательно перманентной революции. В чем тут дело? Да в том же самом, о чем все время в продолжение десяти лет твердил нам тов. Ленин, когда соприкасался с вопросами троцкизма: правая политика сегодняшнего дня, прикрытая несуразно левой фразой. Итак, вот позиция Троцкого накануне революции, охарактеризованная его собственными словами. К этим трем разногласиям, впрочем, следует прибавить упущенное Троцким разногласие по вопросу о II и III Интернационалах. Ленин во главе циммервальдской левой был за немедленный разрыв со II Интернационалом и с Каутским и за создание таким путем III Интернационала. Троцкий в рядах каутскианского центра был против этого.

Но всего только через несколько месяцев после того, как четко и ясно были констатированы эти разногласия, Троцкий примкнул к большевистской партии. Что же при этом стало с разногласиями Троцкого с Лениным? В данной статье Троцкий ограничивается кокетливо-жеманным умолчанием. «Мартовская революция, — пишет он, — ликвидировала эти разногласия». Все? — Все! Но как? — Троцкий кокетливо молчит! Но все-таки как же были ликвидированы эти немаловажные разногласия? Партия имеет право поставить этот вопрос, раз сам т. Троцкий заставил ее заняться своей историей. Следует ли понимать его заявление о том, что революция ликвидировала разногласия между Троцким и большевизмом в том смысле, что Троцкий, убедившись, что его позиция во всех этих немаловажных пунктах

неправильна, перешел на точку зрения большевиков? Так сделал один из видных теоретиков меньшевизма тов. Мартынов, сказавший: «Я 30 лет по-своему служил рабочему классу, теперь вижу, что путь мой был неправилен. История подтвердила правильность взглядов Ленина на русскую революцию, я к ним присоединяюсь». Такого ответа тов. Троцкий партии не дал.

Троцкий о себе и о ленинизме.

Однако, ответ у него есть. В своей книге «1905» (стр. 4—5) Троцкий пишет: «В промежуток между 9 января и октябрьской стачкой 1905 г. сложились у автора (т.-е. у Троцкого) те взгляды на характер революционного развития России, которые получили название теории «перманентной революции»... Хотя и с перерывом в 12 лет, эта оценка подтвердилась целиком (написано в 1922 г.! *Л. К.*). Такова, на взгляд Троцкого, счастливая судьба его, Троцкого, теории.

Но этой теории противостояла в течение всех этих 12 лет другая теория, теория Ленина, нашедшая свое выражение в формуле: «Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». «Эту мысль, — пишет в 1908 и повторяет без оговорок в 1922 году т. Троцкий, — Ленин неутомимо повторяет, начиная с 1904 г. Но от этого она не становится правильнее».

Троцкий свидетельствует, что через 12 лет после ее зарождения, т.-е. в революцию 1917 г., его теория «оправдалась целиком». Как же быть с теорией Ленина? Она, значит, не оправдалась? Не могли две теории, которые десяток лет друг другу противостояли, по поводу одной из которых Ленин утверждал, что это не теория русской революции, а революционная фраза, прикрывающая мещанину из меньшевизма и большевизма, оправдаться одновременно. Если теория Троцкого и оправдалась, то, значит, с ленинской теорией, под знаменем которой он собирал партию, случилась какая-то беда. Так и есть — беда действительно случилась. Мы узнаем это от Троцкого. В той же книге («1905») Троцкий, характеризуя основную идею Ленина как голую абстракцию, пишет, что большевики «приходят к идее буржуазно-демократического самоограничения пролетариата, в руках которого находится государственная власть». «Правда,— продолжает Троцкий, — разница между ними (меньшевиками и большевиками) в этом вопросе весьма значительная: в то время как антиреволюционные стороны меньшевизма сказываются во всей силе уже теперь, антиреволюционные черты большевизма (подчеркнуто ради важности этого сообщения мной. *Л. К.*) грозят огромной опасностью только в случае рево-

люционной победы». Даже оказывается, что «большевики (как и меньшевики) пугаются последствий классовой борьбы».

Итак, мы узнаем здесь сразу несколько чрезвычайно любопытных вещей. Во-первых, оказывается, что ленинская теория русской революции продиктована испугом перед последствиями классовой борьбы пролетариата. Это уже недурно и прекрасно подтверждает, как много понял Троцкий в большевизме. А во-вторых — и это наиболее существенно — мы узнаем, что у большевизма, как и у меньшевизма, есть антиреволюционные черты и что эти антиреволюционные черты большевизма особенно опасны в случае революционной победы. Ясно, что с теорией, которая имеет в себе антиреволюционные черты, особенно опасные тем, что они сказываются в случае революционной победы, нельзя вести пролетариат в бой, хотя бы с некоторой надеждой на победу.

Перепечатывая и подтверждая в 1922 г. эту характеристику большевизма, Троцкий снабдил фразу об опасностях антиреволюционных черт у большевизма примечанием: «Этого, как известно, не случилось, так как под руководством Ленина большевизм совершил... свое идейное перевооружение в этом важнейшем вопросе весною 1917 года, т.-е. до завоевания власти» (Л. Троцкий. «1905», стр. 285).

Теперь мысль Троцкого ясна: взгляды Ленина и большевистской партии на характер революции, как они развивались им с 1904 г. до весны 1917 г., не только не верны, но и контрреволюционны по отношению к социалистической революции.

Взгляды Троцкого на тот же вопрос «подтвердились целиком». В виду этого Ленин и большевизм весной 1917 г., до завоевания власти и для завоевания власти, должны были «перевооружиться», т.-е. заменить контр-революционное оружие большевизма подлинно-революционным оружием, заготовленным уже за 12 лет до того Троцким. В этом смысле «революция ликвидировала разногласия».

После этого Троцкий вступил в партию большевиков.

«Я пришел к Ленину потому, что Ленин привел партию ко мне», — вот что лежит в основе всего построения Троцкого, вот на что он намекает, вот к чему он хочет подвести доверяющего ему читателя. Эффектная фраза «я пришел к Ленину с боями» лицемерна потому, что Троцкий убежден, что на деле, в области основных вопросов революции, Ленин пришел к Троцкому в 1917 г. после того, как полтора десятка лет строил партию на идеях «антиреволюционных».

Во всей своей идейной борьбе с большевизмом и Лениным до 1917 г. прав оказался Троцкий — вот содержание всех последних книг Троцкого («1905» и «1917»). Ленин прав лишь с весны 1917 г., и прав лишь постольку и потому, поскольку он отбросил оружие своей теории и вооружился теорией Троцкого.

Не правда ли, теперь картина совершенно ясна? 12 лет назад Троцкий выставил теорию перманентной революции. Эта теория в 1917 году подтвердилась, по его свидетельству, целиком. Теория же Ленина, на которой основывалась и собиралась партия в течение десятков лет, обладала антиреволюционными чертами, и поэтому раньше, чем итти в бой, и для того, чтобы победить, надо было большевизму перевооружиться. Каким образом? Да ясное дело — откинуть оружие большевизма с его антиреволюционными чертами и взять новое оружие, которое стояло бы на уровне тех задач, которые развернулись перед пролетариатом. Старое оружие, оружие большевистской идеологии, оказывается, октябрьские задачи разрешить не могло. Надо было перевооружиться и, конечно, за новым оружием надо было обратиться в тот арсенал, в котором это оружие заранее, за 12 лет, было подготовлено — и без единой антиреволюционной червоточинки: надо было обратиться к оружию тов. Троцкого. Вот подлинная мысль тов. Троцкого, вот история нашей партии по Троцкому. Теория Ленина, которая с самого начала обладала антиреволюционными чертами, крахнула, как только пролетариат вступил в настоящий бой. Она должна была быть отброшена, должна была быть заменена. Большевизм оказался способным организовать пролетариат, вести его к Октябрю, одержать октябрьскую победу, только потому, что он во-время отбросил большевистское оружие и позаимствовал оружие у т. Троцкого.

Если это так, это надо сказать открыто. Если в большевизме есть антиреволюционные черты, если перед решительным боем надо это оружие менять, то какое же право имеем мы учить наш пролетариат и пролетариат всего мира большевизму без поправок? Почему нигде, ни в одном нашем учебнике мы не говорим пролетариату и нашей страны, и всего мира: товарищи, мы учим вас большевизму, но помните, в большевизме есть антиреволюционные черты; когда настанут бои, тогда с оружием большевизма вам не сдобровать, вам надо тогда это оружие заменить другим, надо заменить его троцкизмом. Если это так, то мы не имеем права, хотя бы из уважения к Ленину, идейно вооружать пролетариат таким оружием, которое придется бросить перед боем. Отдельный писатель может жертвовать исторической истиной, действительной ролью Ленина, идейным багажом нашей партии, накопленным борьбой всего рабочего класса; он может всем этим пренебречь для того, чтобы сказать: когда дошло до боя, партии пришлось брать оружие у меня, а свое оружие отбросить; но партия не может быть бесчестной, она должна учить пролетариат или ленинизму, или троцкизму, или должна сказать: «надо подправить ленинизм троцкизмом». Но она не может учить ленинизму — всему целиком, без поправок, как

теории и практики мировой революции, и — одновременно — намекать, что теория и практика пролетарской революции в действительности входят своими корнями не в ленинизм, а в идеи, зародившиеся у Троцкого «между 9 января и октябрьской стачкой 1905 года» (какое внимание к датировке рождения собственных идей! Какое внимание к своим собственным биографам!).

Или мы учим большевизму, ленинизму полностью, целиком, без поправок, как подлинной теории пролетарской революции, или, если кто-либо считает, что это не подлинная теория пролетарской революции, нужно немножко подправить ее троцкизмом, он должен сказать открыто, ясно, какие поправки он в нее вносит. Если есть антиреволюционное в учении большевизма о революции — нельзя сочинения Ленина до весны 1917 года делать предметом науки пролетарской войны и пролетарской стратегии против буржуазии. Надо, по крайней мере, сказать: это есть историческая древность, которую можно изучать, но по которой нельзя учиться, как нужно делать революцию. А учиться, как делать пролетарскую революцию, надо не по Ленину до 1917 года, а по Троцкому, начиная с 1905 года.

Или Октябрьская революция была сделана под знаменем ленинизма без поправок, или же она была сделана под знаменем троцкизма и его поправок к Ленину, ибо большевизм оказался негодным орудием для решения тех задач, которые встали перед ним с февраля по октябрь. Тут надо выбирать. Тут идейный стержень спора, тут Троцкий заставляет партию сказать: чем мы были и чему мы будем учить не только наш, но и международный пролетариат, который хочет знать и имеет право знать, кто же прав — партия, которая говорит: ленинизм не нуждается в поправках со стороны троцкизма для того, чтобы быть теорией пролетарской войны с буржуазией, или тов. Троцкий, который говорит: ленинизм надо было пересмотреть, чтобы итти на приступ капиталистических твердынь с открытыми глазами. Своего читателя Троцкий искусно подводит к этой своей основной мысли: идеологически Октябрь оказался не ленинизмом, а троцкизмом, теория последнего оправдалась целиком. Октябрь шел, Октябрь объясним и Октябрь может быть охвачен только его теорией, а не теорией Ленина, теория перманентной революции должна быть реабилитирована и признана тем идейным оружием, которое дало нам октябрьскую победу.

Вот после этого я спрашиваю себя, — что же значит фраза: «я шел к Ленину с боями»? Она обозначает: я, Троцкий, пришел к Ленину потому, что в основных вопросах о характере русской революции Ленин привел партию к троцкизму. Действительно, если теория Троцкого «целиком оправдалась» в Октябрьскую революцию, а Ленин должен был пересматривать большевизм и откидывать присущие ему «антиреволюционные черты», то

надо сказать, что в идейной области Ленин пришел к Троцкому, а не наоборот. Тут надо выбирать, тут происходит подмен топкий и отменно лицемерный.

Можно заранее предсказать, что для того, чтобы дать облагодетельствованной им партии какое-либо удовлетворение, Троцкий охотно признает, что он в прошлом делал кое-какие организационные ошибки. Что стоит признание в организационных ошибках прошлого, если этой ценой можно легализовать подмену ленинизма троцкизмом, если это признание должно прикрыть признание, что именно Троцкий снабдил партию большевиков остроотточенным оружием подлинно-революционной теории, стоящей на уровне мировых задач русского пролетариата, если под прикрытием этого признания можно безнаказанно от имени партии доказывать, что антиреволюционные черты искони присущи большевизму — ленинизму? Париж стоит мессы! Роль идейного вдохновителя и теоретика большевиков в Октябрьской революции стоит того, чтобы признать за собой в прошлом несколько даже крупных, даже очень крупных организационных промахов.

В своих «Уроках Октября» Троцкий и делает эту «уступку» партии. «Свои действительные и большие организационные ошибки я признал», — пишет он, — для того, чтобы затем, прикрывшись этой фразой, целиком всю статью посвятить доказательству того, что зато в области о с н о в н ы х не организационных, а принципиально-политических вопросов революции он оказался целиком прав против большевизма и против Ленина.

Но разве об организационных вопросах шел 15 лет спор между Лениным и большевиками, с одной стороны, и троцкизмом, с другой стороны? Это — пустяки, отвод глаз. Спор был именно об основных вопросах революции, о соотношении классов в революции, ибо вопрос — «перманентная революция» или теория тов. Ленина? это — вопрос о роли крестьянства в революции, вопрос о путях к социализму в аграрной стране, вопрос о способах и условиях осуществления диктатуры пролетариата в стране с преобладающим крестьянским населением. Это не спор об абстрактных формулах. Это спор о том, как, какими путями может пролетариат взять и у д е р ж а т ь власть в крестьянской стране. Это спор не только о вчерашнем, но и о сегодняшнем и о завтрашнем дне. Теория и практика Ленина есть ответ на этот вопрос. «Теория перманентной революции», теория Троцкого, целиком построенная на недооценке роли крестьянства, отвечает лишь на один вопрос: как нельзя взять и нельзя удержать власть в этих условиях? Вот основа спора, и вот почему решительный протест должна вызвать попытка Троцкого подменить ленинизм троцкизмом.

Поскольку из-под кучи искажений, самовосхвалений и посторонних делу изучения Октября соображений, наполняющих «Уроки

Октября», можно извлечь некий принципиальный стержень, некоторую принципиальную мысль Троцкого — она вся целиком выражена в следующих его словах: «Ленин дал еще накануне 1905 года своеобразию русской революции выражение в формуле демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Сама по себе эта формула, как показало все дальнейшее развитие, могла иметь значение лишь как этап», и дальше следует литературное описание, смысл которого: «лишь как этап» к формуле Троцкого. Вот полностью и целиком сказанное признание. Сама по себе формула Ленина: «как показало все дальнейшее развитие», могла иметь значение лишь как этап к Троцкому! И тов. Троцкий прекрасно знает, это он хотел сказать и сказал именно это! Вот, если партия с этим согласится, тогда она должна сказать это прямо, тогда она должна перенести это на международную арену и сказать это Коминтерну. Учитесь-де у Ленина за первые 15 лет его деятельности, но помните, что это есть лишь этап к Троцкому, «как показало все дальнейшее развитие».

Это — идейная суть всей последней книги Троцкого. Этот подмен ленинизма троцкизмом проведен Троцким со всем умением, со всем тем литературным искусством, которым он обладает. А искусство у него большое. Эта книга написана не для широких масс, не для всей партии, она написана для молодого, подрастающего поколения, для тех, кто будет в дальнейшем, завтра, через год-два, определять судьбы партии. Взять реванш за те 12 лет, когда Ленин доказывал всю мизерность политики Троцкого, показать, что революция подтвердила его (Троцкого) теорию и этим подменом большевизма троцкизмом отравить головы будущих руководителей партии, сидящих в коммунистических университетах, совпартшколах, рабфаках, вузах и т. д., вот цель последнего выступления Троцкого, цель его книги «1917». Мы этого позволить не можем. Мы должны поставить вопрос ясно: или мы учим Ленину и ленинизму, или нам нужно свернуть знамя и выставить в качестве идеолога большевистской партии в самый критический момент революции Троцкого. Тут надо выбирать. Тут кокетничаньем, умалчиванием, фразами, что «мартовская революция ликвидировала разногласия» и «я пришел к Ленину с боями», ничего не поделаешь.

В этой книге («1917») ругают Зиновьева, Каменева, Рыкова и других. Я буду об этом говорить и буду говорить о своих ошибках, но не думайте, что здесь ругают только их. Здесь Каменевым, Зиновьевым бьют Ленина. Ведь вопрос о судьбах большевизма можно поставить так: у Ленина была правильная теория, но ученики Ленина не сумели ее применить, во-время не разобрались, не поняли обстоятельств времени и места, формула правильная, лозунг правильный, а такие-то

большевики плохо их осуществляли. Можно так поставить, а можно поставить и так, если из ленинской формулы сделать логически все выводы, тогда неизбежно попадешь в болото и трясину. Формула неправильная, а люди-то логически-правильно применяли неправильную формулу. В первом случае это — оправдание большевистской теории и указания на ошибки отдельных большевиков. Во втором случае, когда говорится: ближайшие ученики Ленина взяли его формулу и, применяя ее буквально, попали в трясину — после всего, что мы уже знаем от Троцкого относительно антиреволюционных черт ленинизма, после того, как мы знаем, что «подтвердилась целиком» теория Троцкого, а не Ленина—во втором случае мы видим, что бьют не столько Каменева и Зиновьева, сколько Каменевым и Зиновьевым бьют основную формулу Ленина. Вот на чем построены эти «Уроки Октября». Они представляют лишь продолжение, обоснование, развитие цитированных выше заявлений Троцкого 1908 г. и лишь в чуть-чуть замаскированном виде продолжают тогдашнюю полемику Троцкого с Лениным. «Уроки Октября» имеют более глубокую цель, чем это на поверхности кажется. На поверхности кажется, что это разоблачение Зиновьева и Каменева. Там это есть, но там есть больше— там есть то, что ошибками Каменева и Зиновьева дискредитируют основные ленинские формулы и рекламируют троцкизм.

Партия не может и не должна пройти мимо этого подмена ленинизма троцкизмом, совершаемого под флагом Ленина. Что-нибудь одно из двух: или в ленинизме есть «антиреволюционные черты» и большевизм должен был отказаться от своего прошлого, чтобы сделать Октябрь, — и тогда это должно быть сказано, это должно быть внесено в те учебники ленинизма, по которым партия воспитывает миллионы своих членов, об этом должно быть ясно и точно рассказано коммунистам Европы;— или это ложь, идейная путаница. Тогда почему она имеет право жить, распространяться под флагом ленинизма, под прикрытием восхвалений Ленина, восхвалений, которые приобретают в этих условиях очень «странный», чтобы не сказать лицемерный характер? Партия должна защищать основные формулы Ленина против подмены их троцкизмом. Каковы же эти основные формулы и как Ленин их проводил?

Ленин в апреле 1917 г.

Мы видели, каким образом тов. Троцкий изображает ту теорию, которой мы были вооружены, вступая в период Октябрьской революции. Мы видели, что его изображение заключается в том, что старая большевистская теория, основные черты которой Ленин создал на основе опыта массового движения пролетариата и крестьянства в 1905 г., на основе практики первых Советов

Рабочих Депутатов 1905 г., что эта теория потерпела крах весной 1917 года, что большевизм должен был перевооружаться, чтобы оказаться способным решать новые задачи, что, по существу дела, он должен был откинуть старую большевистскую теорию и обратиться к Троцкому. Так представляет дело тов. Троцкий, с этой мыслью он входил в партию и с ней оставался в ней.

Правда ли, что большевизму, чтобы решить проблемы революции, нужно было отказаться от своего прошлого? Правда ли, что теорию революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьянства нужно было отбросить, как давно обойденную жизнью? Как же было дело в действительности и как понимал его Ленин? Дело было так—и так, и только так понимал его Ленин,—что большевистская идея революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства о с у щ е с т в и л а с ь ц е л и к о м в русской революции и, о с у щ е с т в и в ш и с ь, начала перерастать, перерастала и переросла в большевистскую идею диктатуры пролетариата. Этот рост вполне соответствовал и шел п а р а л л е л ь н о изменению соотношения классов в ходе русской революции. Тот, кто этого не понимает, не понял ничего ни в ленинизме, ни в истории партии, ни в истории революции.

Для того, чтобы ответить на поставленные выше вопросы, нужно обратиться к моменту, когда, по мнению Троцкого, Ленин совершал перевооружение, т.-е. к весне 17-го года и к той программе и тактике революции, которые тогда Ленин выдвинул. Я беру самое кардинальное произведение Ленина тех дней — «Письма о тактике», в которых он комментирует, объясняет, разжевывает партии свои знаменитые тезисы 4 апреля. Что же говорит Ленин о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства? Действительно он должен был признать, что эта теория оказалась неправильной?

Ленин пишет: «Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства уже осуществилась в русской революции»... Совет Р. и С. Деп.—вот вам уже осуществленная жизнью «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». (Собр. соч. Ленина, том XIV, ч. 1, стр. 29). «Советы Депутатов есть осуществление диктатуры пролетариата и солдат; среди последних большинство крестьян. Это и есть диктатура пролетариата и крестьянства». «Мы еще в меньшинстве, мы сознаем необходимость завоевать большинство» (в этих органах диктатуры).

Значит, не в том дело, по мнению Ленина, что эта формула оказалась негодной для революции и несоответствующей ходу классовой борьбы. Нет, первыми его словами было то, что наша теория осуществлена в ходе революции, в живых учреждениях, созданных движением подлинных масс пролетариата и крестьянства. Из того факта, что большевистская теория насчет рево-

люционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства осуществилась, Ленин делает единственный — и, конечно, правильный — вывод: раз наша теория осуществлена, нужно итти дальше. Каким же путем? Тем, чтобы на почве осуществленной уже диктатуры пролетариата и крестьянства объединять и сплачивать пролетарские элементы города и деревни против элементов мелкобуржуазных. Не останавливайтесь на осуществленной уже в революции большевистской формуле, идите дальше, говорил Ленин тем большевикам, которые запнулись об осуществленную уже стадию революции. Он не говорит, что большевистская формула диктатуры пролетариата и крестьянства оказалась негодной и несоответствующей классовым интересам пролетариата. Он говорит: вы не замечаете, что она осуществилась, осуществилась «своеобразно, как и всякая теория», — добавляет Ленин, — «но осуществилась; а раз она осуществилась, двигайтесь дальше». А что значит двигаться дальше от формулы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства? Это значит на почве этой диктатуры собирать и организовывать пролетарские элементы, чтобы от революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства двигаться дальше к диктатуре пролетариата, к чисто-социалистическому перевороту. Вот каково представление Ленина о том, соответствует или нет ход русской революции старой большевистской формуле. Но Ленин, подлинный реальный политик, подлинный вождь масс, понимал, что переход от диктатуры пролетариата и крестьянства к социалистическому перевороту вещь очень сложная, к которой надо итти, но итти, все время оглядываясь на крестьянство, осуществляя диктатуру пролетариата так, чтобы на всех стадиях этого перехода она поддерживалась крестьянством. Поэтому Ленин все время применяет свою тактику к тому, как разворачивается массовое крестьянское движение, специально изучая то «своеобразие» осуществляемой диктатуры пролетариата и крестьянства, что последнее на данной стадии революции сохранило в виде «оборончества» доверие к буржуазному правительству. Излагая взгляды споривших с ним большевиков, мои в том числе, и жестоко нападая на нас, Ленин пишет:

«Марксист должен не сходить с точной почвы анализа классовых отношений. У власти буржуазия. А масса крестьян разве не составляет тоже буржуазии иного слоя, иного рода, иного характера? Откуда следует, что этот слой не может притти к власти, «завершая» буржуазно-демократическую революцию? Почему это невозможно? Так рассуждают часто старые большевики. Отвечаю—это вполне возможно... Возможно, что крестьянство возьмет всю землю и всю власть...» Когда крестьянство перестанет через эс-эровско-меньшевистские советы поддерживать правительство, «когда, — продолжает Ленин, — крестьянство отде-

лится от буржуазии, возьмет землю против нее, возьмет власть против нее — тогда это будет новый этап буржуазно-демократической революции, и о нем будет итти речь особо».

Это много сложнее, чем теория Троцкого, которая прямолинейна, как полет вороны. У Троцкого с его лозунгом: «Без царя, а правительство рабочее» все очень просто, потому что он игнорирует крестьянство и не понимает условий осуществления диктатуры пролетариата не в Англии, не в Америке, не в Германии, а в аграрной, капиталистически отсталой стране.

В чем величие Ленина? Не в том только, что он поднял знамя диктатуры пролетариата, а в том, что он не только хотел говорить о рабочем правительстве, а хотел строить его. Величие Ленина в том, что он начал и провел осуществление диктатуры пролетариата в данных условиях данной аграрной страны, постоянно учитывая те реальные элементы, на которых эту диктатуру можно не только провозгласить, но и построить. Именно поэтому он еще в апреле 17 года вводил в свои расчеты и такую возможность, как «новый этап буржуазно-демократической революции» в результате разрыва крестьянства с временным правительством и эс-эрами.

«Неизвестно, — писал он, — может ли теперь быть еще в России особая «рев.-дем. диктатура пролетариата и крестьянства», оторванная от буржуазного правительства. И действительно, в апреле было неизвестно, будет ли в ходе русской революции такой момент, когда крестьянство, оставив эс-эровские и меньшевистские советы, выступит, не доходя до диктатуры пролетариата — но уже против временного правительства. Ильич как реальный политик и вождь масс, знавший, что мы осуществляем политику пролетариата в своеобразных условиях аграрной страны, строил тактику на оба случая: «и на случай, что Россия переживает еще особую, самостоятельную, не подчиненную буржуазии «диктатуру пролетариата и крестьянства», и на случай, что мелкая буржуазия не сумеет оторваться от буржуазии и будет вечно (т.-е. до социализма) колебаться между ней и вами». (Собр. соч., т. XIV.)

Вы видите, как подходит Ленин к классовым отношениям в революции, к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, как он представлял себе переход от буржуазной революции, завершающейся диктатурой пролетариата, к социалистической революции. Для Ленина перерастание рев.-дем. диктатуры в диктатуру пролетариата совсем не представлялось таким простым и прямолинейным, как это представлялось и представляется до сих пор автору перманентной революции. Ленин не был бы Лениным, т.-е. не был бы практическим руководителем миллионных масс в ходе классовой борьбы, если бы он действительно перевооружился по Троцкому,

ибо теория Троцкого вела неизбежно к крушению и пролетариат, и крестьянство. В своем чистом виде линия Троцкого, это — игнорирование крестьянства, игнорирование переходов, в ходе которых крестьянство сначала доверяет правящей буржуазии, потом разочаровывается и выступает против нее, но еще в целом не присоединяется к пролетариату, и наконец — последний этап, — когда пролетариат на почве крестьянского восстания, ведя крестьянство за собой, осуществляет диктатуру, пробуя и меняя разные формы союза рабочих и крестьян.

Вся эта реальная политика рабочего класса, которая единственно могла привести к диктатуре пролетариата, для Троцкого — грамота за семью печатями, совершенно недоступная с точки зрения его теории, которую он теперь — задним числом — пытается навязать и партии, и революции.

Ленин очень хорошо знал, что отстать от хода революции — значит принести великий вред и революции, и партии. Но он очень хорошо знал также, что «недооценка крестьянства», лежащая в основе троцкизма, есть величайшая опасность для революции и для партии. Поэтому-то именно, категорически настаивая на том, что надо двигаться от рев.-демократической диктатуры в п е р е д, он в то же время старательно предупреждал партию от того, чтобы она не попала при этом на рельсы троцкизма.

Нужно итти вперед, — говорил Ленин весной 1917 г., когда он будто бы «перевооружал большевизм», но, идя вперед, начиная переход от революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства к диктатуре пролетариата, к социалистическому перевороту, не попадите на рельсы Троцкого, ибо троцкизм насквозь нежизненен, порожден недооценкой крестьянства, непониманием, как осуществляется диктатура пролетариата в крестьянской стране.

В этой же брошюре, где Ленин полемизирует со старыми большевиками, он пишет: «Но не грозит ли нам опасность впасть в субъективизм, в желание «перепрыгнуть» через незавершенную, неизжившую еще крестьянского движения революцию буржуазно-демократического характера к революции социалистической? Если бы я сказал «без царя, а правительство рабочее» эта опасность мне бы грозила, но я сказал не это, — пишет и подчеркивает Ленин, — я сказал иное...»

«Я абсолютно застраховал себя в своих тезисах от всякого перепрыгивания через неизжившее себя крестьянское или вообще мелкобуржуазное движение, от всякой «игры в захват власти» рабочим правительством»... И, продолжая, якобы, «перевооружаться», на петербургской конференции в те же дни Ленин не забывает предостеречь: «Троцкизм — без царя, а правительство — рабочее. Это неверно. Мелкая буржуазия (т.-е. крестьянство. *Л. К.*) есть, ее выкинуть нельзя».

Разве это не есть буквальное повторение в разгар революции (в разгар «перевооружения» по Троцкому) того, от чего Ленин предупреждал партию задолго вперед? «Основная ошибка т. Троцкого... отсутствие ясной мысли по вопросу о переходе от этой (буржуазной) революции к революции социалистической», писал Ленин в 1910 г.

«Выяснить соотношение классов в предстоящей революции — главная задача революционной партии. Эту задачу неправильно решает Троцкий, повторяющий свою «оригинальную» теорию 1905 года и не желающий подумать о том, в силу каких причин жизнь шла целых десять лет мимо этой прекрасной теории».

Оригинальная теория Троцкого берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а у меньшевиков — «отрицание» роли крестьянства. Крестьянство-де расслоилось, дифференцировалось; его возможная революционная роль все убывала... Троцкий не подумал, что если пролетариат увлечет непролетарские массы деревни на конфискацию помещичьих земель и свергнет монархию, то это будет завершением «национальной буржуазной революции» в России, это и будет революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства (писано в октябре 1916 года, в канун революции). И после этого у Троцкого хватает смелости сказать, что его теория «целиком оправдалась» в 1917 г., и в то же время называть себя ленинцем... Нет, тут надо выбирать.

Вот чего опасался Ленин: не отстать от хода развития революционного движения; и он жестоко полемизировал с теми (со мной в том числе), которые не видели, что революция уже перешла из одной фазы в другую. Но, идя вперед, он больше всего опасался, как бы не попасть на рельсы абстрактной теории Троцкого, которого он здесь в десятый раз упрекает в перепрыгивании через пережившее себя крестьянское движение.

Таким образом, Ленину не было никакой необходимости перевооружаться. Старая ленинская теория, старое ленинское большевистское представление о характере русской революции и о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства целиком, по словам Ленина, оправдались. На почве этого оправдания надо было итти дальше. Но, идя дальше, надо было ни в коем случае не попасть на ложные рельсы Троцкого, который вел к гибели и диктатуру, и пролетариат, потому что не умел, как не умеет никогда Троцкий, строить диктатуру пролетариата, учитывая реальное соотношение сил между крестьянством и пролетариатом.

Ленин все в той же брошюре, все той же весной 1917 г., когда он, якобы, «перевооружался», напоминает, что еще за 12 лет, в июле 1905 года, выдвигая лозунг «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», он

писал следующее (Ленин цитирует свою статью): «У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее... Ее будущее — борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм».

Зачем же Ленину и большевизму перевооружаться и учиться у Троцкого, у «перманентной революции», если за 12 лет до 17-го года Ленин предсказал, что, когда революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства будет осуществлена, надо будет итти вперед к диктатуре пролетариата, но итти вперед, считаясь с крестьянством, создавая такие условия, при которых крестьянство шло бы за пролетариатом, а не перепрыгивая через крестьянство, как это предлагает Троцкий. Заимствовать оружие из арсенала Троцкого большевизму не было нужды.

Вот как было дело, как в действительности большевизм подходил к решению тех задач, которые были поставлены в 1917 году. Это было не «перевооружение», не отсекание «антиреволюционных черт», не залатывание расползавшегося большевизма троцкизмом, а предсказанное большевиками, лежавшее в основе большевизма р а з в о р а ч и в а н и е большевистского лозунга, разворачивание, сообразованное во времени и темпе с ходом революции и, в первую очередь, с ходом и со своеобразием этого хода под влиянием войны — крестьянского движения.

При этом некоторые большевики не так быстро, как того требовал ход революции, бешено ускоренный гигантским давлением войны, перешли со ступеньки на ступеньку. Тому, кто смотрит на историю большевизма, как на чужое ему дело, можно по поводу этого плясать и радоваться. Но из этого факта, что некоторые большевики не так быстро шагали по начертанному большевизмом маршруту революции, никак не следует, что маршрут большевизма был неправилен, что он вел не к победе, а в трясину, что его надо было в ходе революции изменить. А ведь это именно пытается доказать Троцкий своими фразами об антиреволюционных чертах большевизма, о его перевооружении, о том, что правильной оказалась не ленинская «рев.-дем. диктатура», а троцкистская «перманентная революция».

Ленин строил тактику, как я сказал, и на случай самостоятельного крестьянского движения, которое вырвется из-под ига меньшевиков и эс-эров, которые тащили его к буржуазии, и на случай, если крестьянство окажется не в состоянии вырваться из-под власти буржуазии. И кто не понимает того, что вся тактика большевиков и специально Ленина, от февраля до октября, все время считалась с этими двумя возможностями, что Ленин все время маневрировал так, чтобы крестьянство увлечь за пролетариатом и обосновать власть рабочего класса на союзе с крестьянством, тот ничего не поймет в истории большевизма за эти месяцы.

И Троцкий тут ничегошеньки не понял, потому что не понял основного зерна ленинской теории о соотношении рабочего класса и крестьянства в русской революции. Он не понял этого и после Октября, не понимал при каждом повороте, который делала наша партия, маневрируя так, чтобы осуществлять диктатуру пролетариата, не отрываясь от крестьянства. Ему мешала понять это та теория, которая, по его мнению, «целиком оправдалась». Если бы теория Троцкого оказалась правильной, то это обозначало бы, что никакой Советской власти в России уже давно не существовало. Игнорируя крестьянство, не давая никакого подхода к решению вопроса о союзе пролетариата и крестьянства, эта теория «перманентной революции» ставит рабочее правительство в России в исключительную и полную зависимость от немедленной пролетарской революции на Западе. Согласно этой теории, став у власти, пролетариат окажется перед глубочайшими противоречиями: перед его властью будут стоять объективные социалистические задачи — «разрешение их столкнется с хозяйственной отсталостью страны; в рамках национальной революции выхода из этого противоречия нет»[1]). При таких условиях задержка или затяжка мировой пролетарской революции обозначала бы немедленное крушение правительства рабочей диктатуры в России. Вот почему для «перманентщиков» неизбежны судорожные переходы от припадков отчаяния и глубокого пессимизма к попытке властною рукою — в порядке военного приказа — расправиться с экономической отсталостью страны.

Действительная большевистская политика, которую Ленин с февраля по Октябрь проводил, не имеет ничего общего ни с этой политикой, ни с этой психологией. Тот, кто не понимает этого, лишает себя возможности понимать смену лозунгов в истории большевистского движения от февраля до Октября,—«власть советов»,— когда в советах было большинство меньшевиков и эс-эров, а мы в меньшинстве: снятие лозунга «власть советов», как предлагал Ленин после июльских дней, предложение меньшевикам компромисса и мирного соревнования в советах в сентябре...[2]) Конечно, мы никогда не поймем этого, если не поймем, что политика ленинизма глубочайшим образом отличается от политики троцкизма.

[1]) См. Л. Троцкий. «1905,» стр. 286.

[2]) Здесь имеются в виду различные статьи Ленина в период с апреля по октябрь 1917 года. В апреле-мае 1917 года Ленин отстаивал лозунг «вся власть советам», хотя большинство в советах тогда принадлежало еще меньшевикам и эс-эрам. После июльских дней, когда меньшевистско-эс-эровские советы стали в руках буржуазной контр-революции орудием разгрома большевистской партии и рабочего класса, Ленин снял лозунг «вся власть советам» (см. его статью «О лозунгах» в XIV томе). В дни корниловщины Ленин написал статью о компромиссах, в которой допускал возможность, что при известных условиях борьба за власть будет развиваться внутри советов путем мирного перехода большинства от меньшевиков и эс-эров к большевикам.

А в момент Октября и непосредственно после Октября? Разве — с точки зрения марксизма, с точки зрения анализа классовых сил революции, принятие, по предложению Ленина, II Съездом Советов эс-эровского декрета о земле, разве включение — по предложению Ленина — в состав Советского правительства левых эс-эров, разве наименование — по предложению Ленина — правительства, созданного Октябрьской революцией, рабоче-крестьянским правительством, — разве это не было, выражаясь термином, характеризующим в биологии перерастание одной формы в другую, «переживанием» «диктатуры пролетариата и крестьянства» в системе, сущность которой уже состояла в диктатуре пролетариата. Можно перескочить через эти факты Октябрьской революции, но это не будет научным анализом ленинской политики [1]). А переход от военного коммунизма к Нэпу, от комитетов крестьянской бедноты к речи Ленина о «среднем крестьянине»? Как это увязывается с «вполне оправдавшейся» теорией перманентной революции? Никак не увязывается. Понять политику рабочего класса, стоящего у власти в России, можно только с учением ленинизма в руках. В нем объяснение всех различных методов и подходов и переходов от одного метода борьбы к другому, начиная с февраля до Октября и далее.

В 1916 году Ленин писал, что жизнь десять лет шла мимо прекрасной теории Троцкого, теперь мы можем прибавить к этим 10 годам еще ровно 8 лет. Дает ли то обстоятельство, что жизнь в течение 18 лет шла мимо теории Троцкого, право последнего претендовать на поправку ленинизма троцкизмом?

Так как жизнь шла помимо теории Троцкого, то Троцкий в своих книжках пытается подправить не только ленинизм, но и жизнь, чтобы всячески доказать, что она все-таки шла по Троцкому. Но жизнь шла по Троцкому только в моменты наибольших провалов революции, а в те моменты, когда она вырывалась из этого подавленного состояния, когда разворачивалось подлинное классовое рабочее и массовое крестьянское движение, жизнь шла не по Троцкому, а по Ленину. Вот почему Троцкому

[1]) Здесь имеется в виду, что *в дни Октябрьского переворота*, за несколько часов до съезда Советов, который провозгласил переход власти от правительства Керенского в руки Советов, Ленин провел в Центральном Комитете партии: 1) предложение съезду Советов принять в качестве декрета о земле тот проект, который был выработан редакцией «Известий Всероссийского Совета крестьянских депутатов» на основе 242 ст. местных крестьянских наказов (подробнее смотри Собр. Соч. Ленина, том XV, стр. 20 — 25); 2) предложение о том, чтобы в состав первого Советского правительства были включены представители левых эс-эров, что через несколько дней и получило осуществление, и 3) предложение назвать новое правительство рабоче-крестьянским правительством, что, между прочим, получило отражение в названии первого официального органа Советского правительства «Вестник Рабоче-Крестьянского Правительства».

понадобилось извращать факты, вот почему Троцкий обрек себя на то, чтобы во всей дальнейшей истории партии, на всяком более или менее крутом повороте, всякий раз, когда хотел сказать «свое» слово, неизбежно попадать впросак.

Ленинизм целостно и полностью, без поправок, есть теория пролетарской революции. А фраза «я пришел к Ленину с боями» есть просто фраза, лицемерная дань ленинизму, маскирующая подлинную мысль Троцкого. Скитавшийся полтора десятилетия по меньшевистским литературным предприятиям политик, прибитый волнами народной революции к большевистским берегам, вошел в большевистскую партию с тайной мыслью, что прав-то был и остался он, вошел не с тем, чтобы учиться у партии, а с тем, чтобы партию учить, не с тем, чтобы вложиться всеми своими силами в общую коллективную массовую работу годами и десятилетиями складывавшейся рабочей организации, а с тем, чтобы парадировать перед ней в роли провиденциального спасителя. Его снедала мысль «отроцкистить большевизм». Перед партией по отношению к Троцкому, как по отношению к каждому своему новому члену, стояла прямо противоположная задача: «обольшевичить Троцкого». Удалась ли она?

3. Троцкий в партии. Наша ошибка. Октябрь по Троцкому.

Рассмотрев «надежный» и «прочный» путь тов. Троцкого к большевикам, перехожу к пребыванию т. Троцкого в партии. В этой его деятельности мы должны отличать две струи. Первая, — когда т. Троцкий точно и строго выполнял директивы партии, когда он, на-ряду с другими, опираясь на весь коллективный, политический опыт партии, на всю партийную массовую организацию, выполнял те или иные задания и поручения партии. Тогда тов. Троцкий делал славные дела, тогда он, на-ряду с другими, вписывал в свою личную историю и в историю партии славные страницы. Но именно потому, что тов. Троцкий вошел в нашу партию, как индивидуалист, который думал и думает, что в основных вопросах революции права не партия, а прав он, тов. Троцкий, что партия должна троцкизмом подправлять ленинизм,—рядом с этой первой струей идет у тов. Троцкого другая струя, та струя, которая доказывает, что тов. Троцкий не большевик.

Четыре попытки тов. Троцкого поправить партию.

Партия помнит четыре момента, когда тов. Троцкий хотел научить партию, дать ее политике свой троцкистский уклон. В первый раз это сказалось через несколько месяцев после того, как тов. Троцкий вступил в партию. Это было во время Брест-

ского мира. Партия знает с достаточной степенью точности и ясности, чем на самом деле была подсказана тогда позиция тов. Троцкого. Это была недооценка роли крестьянства, прикрытая революционной фразой. Тов. Троцкий хотел поправить и направить партию, исходя из недооценки роли крестьянства. Это был путь поражения пролетариата и революции. Если вспомнить те аргументы, которые тов. Ленин выставил тогда против т. Троцкого, то легко убедиться, что тов. Ленину не пришлось искать новых аргументов сверх тех, которыми он опровергал общую позицию тов. Троцкого в течение десятка предшествующих лет. Тов. Ленин упрекал его в двух политических грехах: непонимание соотношения между пролетариатом и крестьянством, увлечение якобы левой, якобы революционной фразой. Эти два аргумента в устах т. Ленина против тов. Троцкого не новы, но не новы они только потому, что недооценка крестьянства увлечение революционной фразой в эпоху Бреста были не новыми грехами тов. Троцкого. Напрасно думать, что есть два Троцких: один до 1917 года, другой после 1917 г. Тогда тов. Троцкий служил меньшевикам, теперь он перешел к большевикам, но, входя в партию, он не счел нужным во имя общей идеологии отказаться от своей собственной идеологии в основных принципиальных вопросах русской революции. Именно потому тов. Троцкий в партии систематически повторяет тип своих ошибок того времени, когда он был вне партии.

Тов. Ленин на VII съезде партии утверждал, что политика тов. Троцкого фактически под прикрытием эффектной фразы ведет дело к поражению революции. Тов. Троцкий на самом же съезде подал заявление о выходе из ЦК. Но тов. Ленин не дал тов. Троцкому «направить» партию. Наступила гражданская война, эпоха военного коммунизма. Тов. Троцкий делал порученное ему дело. В направлении общей политики партии его участие было меньшим, чем когда-либо. Но вот революция подходит к новому повороту. В соотношении классов произошла передвижка. В форме дискуссии о профсоюзах партийная мысль предвосхищает вопрос, который через несколько недель был поставлен Кронштадтом, вопрос о переходе от военного коммунизма к эпохе новой экономической политики. Чего искал тогда тов. Ленин? Он искал новых форм союза пролетариата с крестьянством, новых форм руководства партией широких рабочих масс путем применения в более широком размере, — взамен методов принуждения, — методов убеждения. Именно на этом пути искала — и нашла — партия под руководством тов. Ленина способы укрепить диктатуру пролетариата в новую эпоху. В чем видел тогда спасение тов. Троцкий? Он советовал тогда потуже завинтить гайки военного коммунизма. Это была опять и опять недооценка крестьянства, увлечение внешними формами, методами

«подтягивания» и «администрирования сверху». Лишенный возможности понять изменение соотношения между пролетариатом и крестьянством и значение этого изменения, тов. Троцкий вновь рекомендовал партии такие пути и такие методы, усвоив которые, диктатура пролетариата неизбежно крахнула бы, завинтившись о деревню. Партия и тов. Ленин опять не дали тов. Троцкому себя «поправить». Ну, а дальнейшие — еще при жизни Владимира Ильича — попытки тов. Троцкого поставить вопрос о «плане» в его своеобразном понимании, свойственном тов. Троцкому, его «формулы» о «диктатуре промышленности», разве это не были опять-таки попытки увязать мелкобуржуазную стихию сверху надетыми железными обручами, разве в этом опять-таки не сказывалось непонимание конкретных условий, при которых только и возможно осуществление диктатуры в аграрной стране с подорванной промышленностью в момент, когда международная революция затянулась? Не было ли и здесь попытки о б о й т и реальные трудности осуществления диктатуры пролетариата в данных условиях при помощи эффектных формул, которые на самом деле реальных трудностей во взаимоотношениях пролетариата и крестьянства не облегчали, а обостряли? И здесь под эффектными формулами тов. Троцкого нетрудно нащупать неизбежно связанные с его оригинальной теорией: с одной стороны — отчаяние, пессимизм, неверие, а с другой стороны — преувеличенные надежды на методы переадминистрирования (ленинское словечко!), властного преодоления сверху реальных экономических трудностей.

Последняя дискуссия у всех еще в памяти. Она наглядно демонстрировала перед партией всю сумму ошибок тов. Троцкого, которые мы рассмотрели выше. Но она выявила с особой наглядностью — сверх уже ранее демонстрированных ошибок — еще одну черту троцкизма, тоже, впрочем, далеко не новую. Это — попытка подорвать и ослабить основной костяк диктатуры в виде партии. Сюда вело и дискредитирование «кадров», и возрожденное меньшевистское представление о партии, как о сумме «групп и течений», и ликвидаторский по сути дела подрыв авторитета руководящих учреждений («ведут страну к гибели!»). И разве под флагом тов. Троцкого не шло тогда представление о большей свободе внепартийных организаций от влияния партии? Разве все это в сумме не вело на деле к ослаблению диктатуры пролетариата, не основано было на недооценке тех условий, в которых мы — в крестьянской стране — должны осуществлять диктатуру, не демонстрировало мелкобуржуазный уклон?

У тов. Троцкого в тот момент, когда он входил в партию, осталось глубокое убеждение, что в основных вопросах революции и диктатуры пролетариата прав он, а не Ленин. Партия этого не думает. В этом разгадка внутрипартийной позиции

тов. Троцкого. Когда партия здорова, когда все идет хорошо, тов. Троцкий выполняет спокойно ту работу, которая ему поручается, но как только партия натыкается на какие-нибудь затруднения, как только партии нужно повернуть руль, тов. Троцкий попытается парадировать перед партией в роли спасителя и поучителя, он всегда указывает неправильный путь, потому что в основных вопросах он не усвоил большевизма, в основных вопросах остался на точке зрения противопоставления троцкизма большевизму. Именно поэтому и Ленину, и партии всякий раз приходилось давать решительный отпор попыткам тов. Троцкого поправить партию. Партия знала и на опыте все более и более убеждалась, что поступить по Троцкому — значит подменить большевизм троцкизмом, что во всяком его предложении более или менее широкого характера, касающемся основных вопросов пролетарской диктатуры, оказывается та основная фальшь, что он вошел в партию с убеждением, что прав-то оказался он, что «целиком оправдалась» его, а не ленинская оценка основных сил революции, что он должен ленинскую партию «подправить».

Наша ошибка.

У тов. Троцкого есть еще один козырь в борьбе против большевизма. Этот козырь — ошибки некоторых большевиков (моя и Зиновьева в первую голову, затем Рыкова, Ногина) в октябре 1917 года. Конечно, ошибки большевиков всегда используются врагами нашей партии против большевизма. Тов. Троцкий не прибегал к этому козырю, который известен партии, известен самому тов. Троцкому столько же лет, сколько мы живем после Октябрьской революции, но он не прибегал к нему, пока надеялся заставить партию пойти по своему, троцкистскому пути, путем обсуждения тех или других практических вопросов. Но когда четыре попытки — Брест, профсоюзы, дискуссия о плане и последняя дискуссия — показали ему, что большевистскую партию свернуть с ее пути путем открытого обсуждения очередных практических вопросов невозможно, когда на XIII съезде он увидел партию, которая ему сказала, что мы, ленинцы, не нуждаемся в том, чтобы наша теория поправлялась в сторону троцкизма, он пустил в ход этот последний козырь. Не он первый, конечно. Эта ошибка была уже неоднократно использована нашими врагами: чем больше ошибка большевика, — а ошибка была громадной, хотя острые разногласия и продолжались только несколько дней, — и чем более ответственные большевики ее сделали, — а сделали ее очень ответственные большевики — тем, конечно, соблазнительнее для каждого про-

тивника большевизма этими ошибками дискредитировать большевизм. Эту ошибку, как только она была сделана, использовали против большевизма наши тогдашние враги.

Но так же, как и сама ошибка, это использование было тогда просто похоронено в грохоте пролетарской революции. Ни сама ошибка, ни ее использование врагами не имели никаких реальных последствий: движение пролетарских масс буквально в несколько дней «поправило» колебавшихся большевиков, сняло разногласия и смело со сцены наших врагов. Ее затем злостно «использовали» п р о т и в б о л ь ш е в и з м а все, кто уходил от коммунизма: Леви, Балабанова, Фроссар. Ни один из них, порывая с коммунизмом, не упустил этой возможности, надеясь ошибкой большевиков дискредитировать большевизм. Теперь, после Леви и Фроссара — тов. Троцкий.

Колебания были недопустимы. Против них Ленин ополчился со всей силой и страстью вождя, заметившего, что в решительный момент его сотрудники своими колебаниями способны внести смущение в ряды. Он обличал колебания беспощадно и в горячую решающую минуту не останавливался ни перед одним самым «свирепым» словом и предложением. И он был прав, прав до конца и безоговорочно. Тов. Ленин не был бы Лениным, если бы в такой момент останавливался на полдороге, если бы позволил каким бы то ни было соображениям удержать себя от предложения самых крайних, до конца идущих мер. А мы не были бы «ленинцами» и учениками товарища Ленина, если бы хоть на минуту усомнились, что эти меры тогда действительно вытекали из обстановки момента.

Но когда наступил момент для спокойного обсуждения и именно для того, чтобы предупредить повторение подобных ошибок в других коммунистических партиях, Ленин дал точную характеристику этой ошибки. Именно тогда, когда Серрати попытался этой ошибкой Каменева и Зиновьева прикрыть свой уход от коммунизма, тов. Ленин писал: «Перед самой Октябрьской революцией в России и вскоре после нее ряд превосходных коммунистов в России сделал ошибку, о которой у нас неохотно теперь вспоминают. Почему неохотно? Потому, что без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены». Я прошу прислушаться к тому, как Ленин формулирует наши ошибки: «Они проявили колебания в указанный мною период в сторону опасений, что большевики слишком изолируют себя, слишком рискованно идут на восстание, слишком неуступчивы к известной части «меньшевиков» и «социалистов-революционеров». Конфликт дошел до того, что названные товарищи ушли демонстративно со всех ответственных постов и партийной и советской работы, к величайшей радости врагов советской революции. Дело дошло до крайне ожесточенной

полемики в печати со стороны ЦК нашей партии против ушедших в отставку. А через несколько недель, самое большее через несколько месяцев, все эти товарищи увидели свою ошибку и вернулись на самые ответственные партийные и советские посты»[1]).

Вот точное, ясное, четкое, Лениным данное определение пределов наших колебаний и наших разногласий с ЦК.

Похоже ли это ленинское описание на злопыхательскую — и смешную по своему злопыхательству — попытку Троцкого создать из этого «правое», чуть ли не меньшевистское «крыло» в нашей большевистской партии. Троцкому обязательно надо, ради всей своей теории об «антиреволюционных чертах» ленинизма, для дискредитирования идей ленинизма—создать в н у т р и б о л ь ш е в и з м а «правое крыло» с чуть ли не меньшевистским уклоном! Как бы это хорошо доказывало необходимость лечить ленинизм и ленинцев троцкизмом! Как бы это облегчало распространение дорогих для Троцкого идей о «перерождении кадров»! Как же ради этих «достойных» целей не использовать ошибок Каменева и Зиновьева? Правда, и тут Ленин и его сочинения несколько мешают. Но такова уж судьба тов. Троцкого: для достижения своих целей он всякий раз должен «преодолевать» Л е н и н а, л е н и н и з м и л е н и н ц е в.

---

[1]) Л е н и н. Собр. соч., т. XVII, стр. 373. Я не могу здесь останавливаться на восстановлении действительной картины октябрьских и предоктябрьских дней и извращении моей роли в них, сделанных Троцким. Я вернусь к этому в подготовляемом к печати сборнике моих статей и речей за 1917 год. Пока ограничусь парой фактов: в апреле я открыто, согласно постановления ЦК, на страницах «Правды» дискуссирую с Лениным, дискуссия продолжается на заседаниях петроградской и всероссийской апрельских конференций. Ленин в апреле же — после дискуссии — ставит, поддерживает и проводит мою кандидатуру в ЦК. После июльских дней Ленин письменно поручает мне, в случае какого-либо несчастия с ним, отредактировать и издать незаконченную его рукопись: «Государство и революция» (для чего вряд ли годится представитель «правого крыла»). 10-го октября ЦК решает вопрос о восстании. Несмотря на разногласия, и я, и Зиновьев выбираемся — вместе с Лениным, Сталиным и др. — в созданное на этом заседании политическое бюро для руководства восстанием. 11-го мы с Зиновьевым пишем свое письмо. 16-го октября на заседании ЦК мы совместно обсуждаем вновь вопросы восстания. 24-го октября на заседании ЦК я докладываю ЦК о некоторых технических сторонах подготовки восстания. 25-го и 26-го октября я, по поручению ЦК, конечно, председательствую на II Съезде Советов, объявившем Советскую власть. 27-го октября — опять-таки согласно постановления ЦК — избираюсь председателем ВЦИК. 2-го и 3-го ноября, по поручению ЦК, веду переговоры от имени ЦК с представителями других партий. 4 ноября— в связи с разногласиями ЦК по поводу этих переговоров — я вместе с Зиновьевым, Рыковым, Ногиным и др. выходим из ЦК, 7-го ноября передаю председательствование в ВЦИК Я. М. Свердлову, а 18-го ноября получаю поручение от ЦК войти в состав брестской делегации для переговоров о мире с Германией. Таковы факты.

Троцкий еще раз о себе и о Ленине.

Один ли мы ошибались, на взгляд Троцкого, в момент Октябрьской революции? Нет, не один мы. Был еще один большевик, который глубоко ошибался в момент Октября. Действительно ли задача этой книги т. Троцкого только в том, чтобы предостеречь от ошибок Каменева и Зиновьева? Увы, товарищ Троцкий целит дальше, или, чтобы придать наиболее выгодное для тов. Троцкого освещение, он попадает дальше. Как описывает Октябрь т. Троцкий?

В этой книжке очень много сенсаций. Но, пожалуй, самым сенсационным является в этой книжке фраза, которая касается именно Октябрьской революции. На стр. 50 своих «Уроков» Троцкий пишет: «Восстание 25-го октября имело только дополнительный характер». Тут много, вероятно, участников октябрьских событий, и я думаю, что все они с удивлением узнают через 8 лет после 25-го октября 1917 года, что восстание 25-го октября носило «только дополнительный характер». К чему? Оно, оказывается, носит «дополнительный» характер к событиям, которые разыгрались 9-го октября. Мы знаем основные даты революции. Но если я говорю: «события 9-го октября», то многие себя спросят, какое же такое событие было 9-го октября, по отношению к которому октябрьское восстание было только дополнением? 9-го октября — об этом напечатано в книге Троцкого — по предложению тов. Троцкого в Петроградском Совете, под председательством тов. Троцкого, была принята резолюция, которая кончалась такой фразой: «Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов не может брать перед армией никакой ответственности за такого рода стратегию временного правительства и, в частности, за вывод войск из Петрограда».

Конечно, это важная резолюция; она связала гарнизон, не желавший итти на фронт, с Петроградским Советом. В том деле, которое Ленин, вслед за Марксом, называет «искусством восстания», установление связи между Советом и петроградским гарнизоном играло большую роль. Но послушайте, как этот момент 9-го октября описывает и оценивает Троцкий: «С этого момента (9-го октября) мы уже вступили фактически в состояние вооруженного восстания... Исход восстания 25-го октября был уже на три четверти предопределен в тот момент... По существу дела мы имели здесь вооруженное восстание... Мы имели здесь «тихое», почти «легальное» вооруженное восстание, которое было на три четверти, если не на девять десятых, совершившимся фактом... Мы имели с этого момента в столице победоносное восстание». (Л. Троцкий, «Уроки Октября», «1917», стр. 59—60). Оказывается, 25-го октября действительно является только небольшой дополнительной черточкой к тому, что произошло

9-го октября, когда «мы имели» не только предрешенный на три четверти исход, но и фактическое состояние вооруженного восстания, при чем восстания «тихого» и почти «легального», но зато — победоносного. Но тогда возникает вопрос: если 9-го октября на девять десятых «победоносное» восстание было уже совершившимся фактом, то как оценить умственные способности тех, кто сидел в ЦК большевиков и 10-го октября в горячих спорах решал, итти ли на восстание, или нет, и если итти, то когда? Что сказать о людях, которые собирались 16-го октября под именем ЦК с местными работниками, с работниками Военной Организации и еще и еще судили о шансах восстания, о силах восстания, о сроках восстания. Да ведь оказывается, оно было устроено еще 9-го октября «тихо» и «легально». И настолько тихо, что ни партия, ни ЦК этого не узнали. Но это еще туда-сюда: что такое партия, ПК, ЦК, когда Троцкий умудрился написать историю Октябрьской революции, в которой вообще ни ЦК, ни ПК нет, как живых действительных сил, как коллективных организаторов массового движения. А уж о том, что было в Москве, что не только в Петрограде, но и в Москве, и в Иваново-Вознесенске был пролетариат, что он тут кое-что делал,— об этом никто ничего не узнает из «Уроков Октября». Конечно, надо суметь так написать историю Октября, но Троцкий очень ловкий, блестящий публицист, он может и так написать. Оставим поэтому в стороне ЦК, ПК, Военную Организацию. Ну, а Ленин? О Ленине тов. Троцкий сообщает тут же, на этой же странице так: «Ленин, находившийся вне Петрограда, не оценил этого факта во всем значении... Ленин не имел возможности из своего подполья оценить коренной перелом...» и т. д. (Л. Троцкий, «1917», «Уроки Октября», стр. 59 — 60.) Видите, какие мы с вами невежды насчет Октябрьской революции. Мы до сих пор представляли себе, что именно Ленин вел Октябрьскую революцию, а организовали ее ЦК, ПК, Военная Организация партии... Оказывается, ни ЦК, ни ПК не играли тут никакой роли. Их нет на сцене. Может быть, Троцкий, проводя революцию 9-го октября, действовал по директивам руководящего центра, который подготавливал восстание? Такой центр был, но из «Уроков» Троцкого об этом узнать ничего нельзя. Есть на сцене Троцкий, который «легально» и «тихо» решает победоносное восстание 9-го числа, в то время как состоящий, видимо, из не очень сообразительных людей ЦК обсуждает еще вопрос, нужно ли это восстание. Оказывается, вместе с тем, что Ленин сидел в подполье, обстановки не учел, соотношения сил не знал... Но мало того: не учтя и не зная обстановки, Ленин,— сообщает Троцкий, — давал советы: советы начать революцию в Москве.

Чтобы вполне выяснить роль Ленина, Троцкий сообщает следующее: «если бы восстание началось (по совету Ленина.

.I. К.) в Москве, до переворота в Петрограде, оно неизбежно получило бы еще более затяжной характер, с весьма сомнительным исходом, а неудача в Москве тяжело отразилась бы и на Петрограде». (Л. Троцкий. «Уроки Октября», стр. 60.)

Пока Ленин подает подобного рода «советы», Троцкий, имея уже у себя в кармане «тихое», но «победоносное восстание», производит «широкий обволакивающий маневр»: «нам удалось,— пишет он с торжеством, — завлечь в ловушку советской легальности наших врагов...» «Наша «хитрость» удалась на сто процентов...» «Соглашатели оказались... целиком и полностью пойманы»... Троцким.

Правда, Ленин, имея в виду именно это увлечение т. Троцкого «широким обволакивающим маневром» и рассчитывая гораздо больше на рабочих, матросов и солдат, чем на «хитрость» тов. Троцкого, писал тогда: «Медлить — преступление, ждать съезда советов — ребяческая игра в формальность, предательство революции». Но Троцкий, заканчивая описание роли своей и Ленина в октябрьские дни, победоносно отражает эти слова Ленина: «Устраивать вооруженное восстание под голым лозунгом захвата власти партией — это одно,— поучает Троцкий Ленина,— а подготовлять и потом осуществить восстание под лозунгом защиты прав съезда советов — это совсем другое».

Вот расстановка фигур: Ленин сидит в подполье, не оценивает обстановки, не учитывает того, что $^{9}/_{10}$ восстания уже сделано, дает совет начать восстание в Москве, явно обрекая революцию на неуспех, первичает, ведет дело под явно нелепым простецким «голым лозунгом захвата власти партией» (в чем, впрочем, нестари обвиняли Ленина буквально все меньшевики и Троцкий), — а с другой стороны, Троцкий уже 9-го октября устраивает «победоносное восстание», твердо, но выдержанно проводит «широкий обволакивающий маневр», «завлекает врагов в ловушку», «подготовляет и потом осуществляет» победу под широким массам понятным лозунгом «защиты прав съезда советов». Кто же сделал восстание, кто им руководил, кто определил его ход, благодаря кому спасена Октябрьская революция?— Троцкий очень хороший литератор, но, как ни искусно перо тов. Троцкого, смысла его рассказа об Октябре нельзя не видеть. ЦК сидел в тряпине, ЦК не существовал на свете, тов. Троцкий в качестве председателя Совета своей политикой связывает гарнизон с Советом, умно маневрирует и оставляет 25-му Октября сделать лишь несколько дополнительных шагов, чтобы вручить пролетариату умно и тонко подготовленную победу. А Ленин в это время сидит в подполье, не знает обстановки, дает советы устроить восстание в Москве, горячится и кипятится, что оттягивается уже совершенное собственно восстание, и сбивается в сторону голого «захвата власти партией».

О чем же говорят эти «Уроки Октября»? О том, что весною Ленин должен был перевооружиться идейно, отбросить старую теорию и взять оружие из арсенала Троцкого, а в октябре неудачно пытался руководить восстанием, привести которое к победе суждено было тов. Троцкому.

Вот и надо выбирать, чему нужно учиться и учить: этой ли истории Октября или же какой-то другой, истории ли Троцкого, или же той, которая имеется в сочинениях тов. Ленина.

Я уже сказал вначале, что не могу разбирать отдельных ошибок Троцкого. Достаточно сказанного. Я не стану говорить об извращении событий в связи с апрельской конференцией, об извращении событий в связи с демократическим совещанием, но еще два места я укажу для того, чтобы показать, что опытный политик и литератор — тов. Троцкий, действительно попадает своими стрелами дальше... видимой цели.

Вот вопрос об Учредительном Собрании. Тов. Троцкий цитирует письмо мое и Зиновьева от 11 октября. Мы пишем так: «Советы, внедрившиеся в жизнь, не смогут быть уничтожены... Только на Советы сможет опереться в своей революционной работе и Учредительное Собрание. Учредительное Собрание и Советы — вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем».

Это мы писали 11-го октября. Троцкий комментирует так: «Чрезвычайно любопытно для характеристики всей линии правыми, что теория «комбинированной» государственности, сочетающей Учредительное Собрание с Советами, была $1^1/_2$—2 года позже повторена Рудольфом Гильфердингом в Германии, также боровшимся против захвата власти пролетариатом». (Л. Троцкий. «1917,» «Уроки Октября», стр. 37.)

Ну что может быть убедительнее? Мы писали о «комбинированном типе Учредительного Собрания и Советов», — а через полтора года Гильфердинг повторяет это, — и вот т. Троцкий пользуется случаем сказать, что эти, мол, люди похожи на Гильфердинга и «также борются против захвата власти пролетариатом». Но прием, употребленный здесь автором, прямо позорен.

Мое и Зиновьева письмо было написано 11-го октября; я беру статью Ленина, написанную 6-го октября, т.-е. за 5 дней до нашего письма. Вот, что пишет Ленин: «Возможны, при переходе от старого к новому, временные «комбинированные типы» (как справедливо указал «Рабочий Путь» на-днях), например, и Республика Советов, и Учредительное Собрание» (Собр. соч. Ленина, т. XIV, стр. 167 [1]).

Что же выходит? Выходит, что в данном случае и Ленин был похож на этого Гильфердинга. Или нас надо развести

[1]) Статья, на которую сослался Ленин, написана тов. Зиновьевым.

с Гильфердингом, или Ленина повенчать с Гильфердингом. Но Ленина повенчать на Гильфердинге — это не пойдет, а вот Каменева с Зиновьевым повенчать на Гильфердинге — авось найдутся дурачки, которые этому поверят. Но оставим Каменева и Зиновьева, а как быть с Лениным? Ведь остается, что социал-предателя Гильфердинга Троцкий, чтобы побольнее ударить того, кого он хотел, но не умел ударить, — поместил где-то около Ленина. Троцкому не важна историческая правда. Изменение тактики в моменты, когда ситуация менялась изо дня в день, его не интересует, — его интересует дискредитировать всеми средствами большевизм.

Последний пример, тоже в двух словах. Все в том же письме мы в октябре 1917 года говорили: «Солдатская масса поддерживает нас не за лозунг войны, а за лозунг мира... Если мы, взявши власть сейчас одни, придем в силу всего мирового положения к необходимости вести революционную войну, солдатская масса отхлынет от нас. С нами останется, конечно, лучшая часть солдатской молодежи, но солдатская масса уйдет» (Л. Троцкий. «1917,» «Уроки Октября», стр. 38). Пускай историк разберется, сколько тут было неправильной оценки. Но что делает тов. Троцкий? «Мы видим здесь, — говорит он, — основные доводы в пользу подписания Брест-Литовского мира». Итак, при Брест-Литовском мире, подписанном партией по настоянию и под железным давлением Ленина и против Троцкого, основные доводы были даны нами «правыми» гильфердинговцами. Так излагается история Брест-Литовского мира. В кого целится тов. Троцкий, в нас или в Ленина? Можно ли после этого удивляться, что наши враги, у которых на гнилье очень тонкий нюх, по поводу некоторых книжек о Ленине пишут, что трудно сказать, написаны ли они «сотрудником или соперником Ленина».

Ленинизм против троцкизма.

Теперь можно подвести итоги. Какой общий смысл этого выступления тов. Троцкого? Оно есть, конечно, продолжение всех его предыдущих выступлений. Партия дала решительный отпор его попыткам повернуть партию с линии большевизма на линию троцкизма, и Троцкий прибег к своему последнему отравленному оружию.

Мы — партия монопольная в стране. Мы в своих рядах собираем все, что есть в стране организованного, но мы не должны ни на минуту забывать, что мы окружены стихией, нам классово чуждой, что эта стихия не будет падать, она будет расти, будет становиться политически осмысленнее. Формы легальной организации у нее нет. На почве развития промыш-

ленности, фабрик, заводов и торговли будет расти и мелкобуржуазная интеллигенция. Все эти мелкобуржуазные элементы, не находя себе открытого выражения в какой-либо общественной организации, неизбежно стремятся прорваться, проявить свои стремления через саму нашу партию. И, конечно, при этом нажиме мелкобуржуазной стихии на нашу партию она ищет в ней самого слабого звена, а самое слабое звено, конечно, там, где люди, вошедшие в партию, не ассимилировались с ней, затаили, как тайну, не дающую им покоя, мысль, что они более правы, чем партия, что партия только по своему узколобию, по своему консерватизму, по традициям, потому, что во главе ее стоит тот или другой кружок, не хочет учиться у настоящих спасителей партии, в роде Троцкого.

Я говорю это с горечью, и вся наша партия скажет это с горечью, но это надо сказать: тов. Троцкий стал тем каналом, по которому мелкобуржуазная стихия проявляет себя внутри нашей партии. Весь характер его выступлений, все его историческое прошлое показывают, что это так. В своей борьбе с партией он стал уже в стране символом для всего, что направлено против нашей партии. Это нужно понять прежде всего тов. Троцкому. Если он поймет это и сделает из этого необходимые выводы, все поправимо. Хочет он этого или не хочет (наверное этого он не хочет), но для всех, кто видит в коммунизме своего главного врага, является символом высвобождения из-под ферулы коммунистической партии. Это печальный, но совершенно неизбежный вывод для того, кто привык рассматривать политические явления не с точки зрения сплетен, а с точки зрения действительных классовых соотношений. Перед нами товарищ с историей 20-летней, не очень давно явившийся в партию, который вошел в партию, не отказавшись от своих заблуждений, который пытался внутри партии на каждом повороте провести свою точку зрения, который создал в партии такое отношение к себе, которое заставляло партию неоднократно призывать его к порядку, и неизбежно, что для мелкобуржуазной стихии, желающей найти для себя какое-нибудь знамя, эта политическая фигура, постоянно находящаяся в оппозиции к партии, систематически подрывающая авторитет большевизма, авторитет его руководящих центров, авторитет Ленина, становится мало-по-малу символом и надеждой.

Вот та идейная опасность, перед которой ставит нас тов. Троцкий и мимо которой мы пройти не можем. Я знаю, что в Москве, в городе специальном в смысле особой падкости до всяких слухов, уже передаются «вполне достоверные» сведения, во-первых, о том, что книжка тов. Троцкого запрещена, что тов. Троцкий уже исключен из партии, что Троцкого собираются исключить из партии и что Троцкого даже уже нет в Москве. Это, конечно,

все сплетни. Никому в голову не приходило запрещать книжку тов. Троцкого, ни один из членов ЦК не поднимал и не поднимает вопроса о каких-либо партийных репрессиях против тов. Троцкого. Репрессии, исключение и т. п. не помогли бы разъяснению, а, наоборот, затруднили бы разъяснение и в то же время дали бы возможность смутьянам, которые хотели бы внести раскол в партию, помешать выяснению истинных основ большевизма в отличие от троцкизма; а это именно сейчас основное. Мы должны принять все меры, чтобы охранить от заразы этого небольшевистского учения те слои партии, на которые оно рассчитывает, именно — нашу молодежь, тот будущий состав, который должен взять в руки судьбы партии. И поэтому усиление всяческого рода разъяснений о неправильности позиции тов. Троцкого о том, что надо выбрать между троцкизмом и ленинизмом, что нельзя сочетать того и другого, — это должно быть очередной задачей нашей партии. Должно быть ясно для каждого сознательного члена партии, что есть троцкизм и есть ленинизм, что для нас, большевиков, и для международного пролетариата, идущего к своей победе, достаточно ленинизма, и нам не нужно ленинизм ни подменять, ни подправлять троцкизмом.

БЫЛ ЛИ ЛЕНИН ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВОЖДЕМ ПРОЛЕТАРИАТА И РЕВОЛЮЦИИ?

Партия должна горячо поблагодарить тов. Ольминского за опубликование письма тов. Троцкого. И прежде всего должны поблагодарить тов. Ольминского те члены партии, у которых остались еще сомнения в правильности позиции партии по отношению к последним выступлениям тов. Троцкого. Пусть эти сомневающиеся и колеблющиеся еще и еще перечитают письмо тов. Троцкого: мы уверены, что оно окончательно освободит их от сомнений и колебаний.

В самом деле, что утверждали мы по поводу последних выступлений тов. Троцкого?

1. Тов. Троцкий считает, что в основных вопросах революции, в оценке и предвидении ее характера, ее развития, ее движущих сил прав оказался он, Троцкий, а не большевистская партия, не учение Ленина, не Ленин.

2. Тов. Троцкий считает, что для того, чтобы вести пролетариат к Октябрю и к победе в Октябре, большевизм (= ленинизм) должен был «перевооружиться», совершить крутой перелом в своих взглядах, отказаться от того, чему он учил в течение предшествующих 15 лет.

3. Тов. Троцкий проповедует более или менее открыто, что партия в этих основных вопросах пришла к нему, к Троцкому, стала на почву его теории революции, и что с 1917 г. ее политика «совпала» с этой теорией.

4. Тов. Троцкий полагает, что его теория о движущих силах революции, неоднократно разоблачавшаяся Лениным, как полуменьшевистская теория, основанная на недооценке роли крестьянства, должна и в дальнейшем определять практическую политику партии.

5. Тов. Троцкий называет себя «ленинцем», не будучи таковым и проповедуя на деле, под видом ленинизма, подмену ленинизма троцкизмом.

Верно ли это определение позиции тов. Троцкого? Мы вывели это определение путем изучения книг и политики тов. Троцкого,

но полтора миллиона членов партии и комсомола, десятки миллионов трудящихся, желающих и обязанных знать, совпадает ли политика Троцкого с политикой Ленина или не совпадает с ней,—не могут проделать этой работы изучения книг товарища Троцкого.

Заслуга тов. Ольминского в том, что он *заставил* тов. Троцкого *говорить* (хотя бы путем письма 1921 года) по этим основным вопросам и тем *помог и поможет* всем разобраться, верны ли выставленные нами против тов. Троцкого утверждения.

Письмо написано тов. Троцким в декабре 1921 г., т.-е. тогда, когда тов. Троцкий мог вполне спокойно и хладнокровно, независимо от всяких разногласий в партии, взвешивать свои слова. Что же он пишет? «Я,—пишет тов. Троцкий,—*вовсе не считаю, чтобы в несогласиях своих с большевиками я был во всем неправ*». Неправ он был, соглашается Троцкий, в оценке меньшевистской фракции. Но, зато,—продолжает он: «*Считаю, что моя оценка движущих сил революции была безусловно правильна*». Чтобы еще более подчеркнуть свою непоколебимую уверенность в том, что в своей десятилетней борьбе против ленинизма по основным вопросам революции прав был он, а не Ленин, Троцкий продолжает: «*Статьи первой категории* (т.-е. свои полемические статьи против большевиков с 1905 по 1916 г. г. *Л. К.*), *посвященные анализу внутренних сил революции, ее перспективам, я и сейчас мог бы дать без поправок*». Это достаточно ясно. Но тов. Троцкому этого мало.

Как, действительно, могло случиться, что, вступивши в партию большевиков, тов. Троцкий может «*без поправок*» переиздавать свои статьи *против большевиков*? Тов. Троцкий отвечает: «*Так как они вполне и целиком совпадают с позицией нашей партии, начиная с 1917 г.*». Яснее выразиться трудно. Позиция большевиков в революции «*вполне и целиком*» совпадает со статьями Троцкого *против большевиков* до революции. Так как ради этого «совпадения» тов. Троцкому не понадобилось вносить в свои статьи никаких поправок, то, очевидно, *поправки* пришлось вносить Ленину. Яснее, нагляднее, вразумительнее трудно было тов. Троцкому выразить свою смешную претензию заменить Ленина в качестве вождя пролетариата и революции. Чтобы быть подлинным вождем рабочего класса в трех революциях, надо же, по меньшей мере, иметь правильное представление о движущих силах революции и ее перспективах. Этого-то у Ленина и не было вплоть до 1917 г., до того момента, когда его позиция «*совпала*» с тем представлением, которое Троцкий развивал 12 лет *против Ленина*. Так утверждает Троцкий. Как же не поблагодарить тов. Ольмин-

ского, который дал возможность партии выслушать тов. Троцкого по немаловажному вопросу о том, была ли правильна теория ленинизма до 1917 г. и существует ли *один ленинизм* или *два ленинизма*: ошибочный ленинизм (когда Ленин не «совпадал» с Троцким) и ленинизм правильный (после того, как Ленин «совпал» с Троцким).

Претензия тов. Троцкого подорвать, расчленить и подменить ленинизм для того, чтобы выставить себя самого создателем единственно правильной теории революции,—настолько явно выступает в этом письме, ее смехотворность настолько ясна, она носит в конце концов настолько обнаженно-личный характер, что после опубликования письма тов. Троцкого спорить о ней не стоит. Спорить не о чем. Спор кончен письмом Троцкого, которое подтвердило до конца худшие из возможных предположений.

Но стоит вдуматься и в те строки письма тов. Троцкого, где он говорит о том, в чем он был неправ. Неправ, — признается Троцкий,—он был в оценке меньшевистской фракции, «*переоценивая ее революционные возможности и надеясь на то, что удастся изолировать в ней и свести на-нет правое крыло*». «*Я считал, что разногласия между фракциями принципиально не так глубоки, и надеялся, что самый ход революции приведет обе фракции на позицию*»... тов. Троцкого.

Тов. Троцкий, как видим, *переоценил* революционные возможности меньшевиков и *недооценил* революционные возможности большевиков. Эта *переоценка* меньшевиков и *недооценка* большевиков у тов. Троцкого продолжалась с 1904 по 1917 г. «*Эта фундаментальная ошибка*,—сообщает тов. Троцкий в своем письме,—*вытекала*, однако, *из того, что к обеим фракциям*—и *большевистской*, и *меньшевистской*—*я подходил с точки зрения идей перманентной революции*». Тов. Троцкий думает, вероятно, что здесь он сделал большой комплимент «точке зрения перманентной революции», не заметив, что он нечаянно буквально убил ее. Хороша, действительно, «точка зрения», которая 15 лет обрекала тов. Троцкого *переоценивать* меньшевиков и *недооценивать* большевиков, которая заставляла его косить и на правый и на левый глаз! Многого ли стоит эта «точка зрения»? Нужно ли ее рекомендовать партии? Если поверить тов. Троцкому,—а не верить ему здесь нельзя,—что он действительно применял к обеим фракциям—и меньшевистской, и большевистской—«точку зрения идей перманентной революции», и вспомнить, что благодаря этому он 10 лет помогал меньшевикам против большевиков, то поневоле скажешь: опыт тов. Троцкого доказал, как дважды два = четыре, что эта «точка зрения» никуда не годится. Но сам-то Троцкий вместо того, чтобы сделать этот вывод из своего десяти-

летнего печального опыта, тут же пишет: «Моя оценка движущих сил революции была безусловно правильна». Это поистине замечательно! Все правильно оценил тов. Троцкий в революции, кроме малости: кроме роли большевиков и меньшевиков, их принципиальных разногласий, их борьбы и исторического и классового значения этой борьбы. Все остальное в революции тов. Троцкий, став на точку зрения перманентной революции, оценил, по его уверению, «безусловно правильно», но правильно оценить большевиков и меньшевиков эта прекрасная, вполне и целиком оправдавшаяся, безусловно правильная «точка зрения» ему... помешала. На подобной «точке зрения» стоял, вероятно, и тот крыловский персонаж, который «все видел, высмотрел», но должен был признаться, что слона-то он «и не приметил». «Точка зрения» этого персонажа никогда не признавалась, насколько известно, образцом проницательности. Как же опять-таки не поблагодарить тов. Ольминского, который помог партии из слов самого автора «перманентной революции» узнать ее великие достоинства в деле познания и оценки «движущих сил революции».

Грешно было пройти мимо еще одного «откровения» в письме тов. Троцкого. Раз различия между меньшевизмом и ленинизмом («старым»!) в основных вопросах революции были не столь глубоки, то каким образом ленинизм оказался во главе революции? Тов. Троцкий отвечает: потому, что «только большевизм (в отличие от меньшевизма. *Л. К.*) сосредоточил в своих рядах, благодаря своей непримиримой линии, действительно революционные элементы, создал революционно-сплоченную организацию». Иначе говоря: теория-то у ленинцев-большевиков была немногим лучше, чем у меньшевиков, и, с «точки зрения идей перманентной революции», так же мало годилась для революционного пролетариата, как и меньшевистская теория, но... ленинцам удалось «сосредоточить в своих рядах действительно революционные элементы», «создать организацию».

До сих пор мы думали, что ленинцы, и только ленинцы, сосредоточили в своих рядах действительно революционные элементы пролетариата именно потому, что обладали правильной теорией, создали и сплотили пролетарскую организацию именно потому, что создавали и сплачивали ее вокруг определенной — и оправдывавшейся на всех этапах трех революций — программы и тактики. Рассуждая так, мы оставались марксистами. Но это марксистское рассуждение не годится «с точки зрения идей перманентной революции». Ведь «с точки зрения» этой «идеи» у большевиков до 1917 года не было «правильной теории», а их программа и тактика хотя и были «непримиримы», но историей не оправданы, а опровергнуты. И приходится тов. Троцкому «с точки зрения идей

перманентной революции» утверждать, что большевики, и т о л ь к о большевики, «сосредоточили в своих рядах действительно революционные элементы» и «создали революционно-сплоченную организацию» вокруг... неправильной теории революции и неоправданной историей программы и тактики. Это, может быть, очень гладко «с точки зрения идей перманентной революции», но это никуда не годится с точки зрения марксизма. Кроме того, остается неясным: почему же тов. Троцкому, который, не в пример Ленину, уже лет за 12 до 1917 года имел и «безусловно правильную» теорию, и «вполне» оправдавшуюся программу революции, не привелось ни сосредоточить вокруг «идей перманентной революции» действительно революционные элементы пролетариата, ни создать вокруг них «сплоченной организации». Нет, не гладко выходит у тов. Троцкого!

Ясно одно: «с точки зрения идей перманентной революции» нельзя ни понять революции, ни объяснить историю партии, ни руководить политикой партии.

* * *

Мы поставили во главе нашей заметки вопрос: был ли Ленин действительно вождем пролетариата в революции? Мы его поставили потому, что весь смысл выступления тов. Троцкого сводится к утверждению, что до 1917 г о д а ответы Ленина на основные вопросы революции были неверны, а п о с л е 1917 г. Ленин отвечал на них п о - т р о ц к и с т с к и. Ленин и партия большевиков нераздельны. Ленинизм и большевизм — одно и то же. Выступление тов. Троцкого сводится к утверждению, что партия была права в основных вопросах политики только тогда, и только постольку, когда и поскольку ее линия в этих вопросах совпадала с линией тов. Троцкого. Это утверждение могло показаться чудовищным, невероятным (невероятным по невероятному вниманию к своему «я», к своей собственной роли). Опубликованное тов. Ольминским письмо тов. Троцкого целиком подтверждает, что и в 1921 году он стоял на этой же точке зрения. С неоставляющей желать ничего лучшего ясностью письмо это отрицает роль Ленина и ленинизма в исторической подготовке пролетарской революции 1917 года, утверждает правильность троцкизма и р о т и в ленинизма, прокламирует безусловную правильность идей перманентной революции, заявляет, что тов. Троцкому нет необходимости вносить какие бы то ни было поправки в свои статьи дореволюционного десятилетия против Ленина, касающиеся основных вопросов революции. Над этими смешными претензиями можно было бы только посмеяться и пройти мимо к практической работе сегодняшнего дня, если бы... если бы эти претензии ограничивались вчерашним днем истории. Но тов. Троцкий

хватает дальше. Подмена ленинизма троцкизмом в прошлом нужна для того, чтобы предъявить право давать партии «уроки» сегодня и завтра. Оправдание теории перманентной революции в прошлом, доказательство ее правильности, рядом с доказательством краха ленинской теории в прошлом нужно для того, чтобы сделать эту теорию руководящим принципом сегодняшней и завтрашней политики партии и Коминтерна. Тов. Троцкий — не историк. Мы — тоже. Спор о том, Ленин или Троцкий были правы в ч е р а, есть спор о том, вести ли революцию з а в т р а путем Ленина или путем Троцкого. Троцкий утверждает, что Ленин мог стать вождем Октября, лишь приняв «перманентную революцию» Троцкого. Мы утверждаем, что Ленин мог стать вождем Октября и построить диктатуру пролетариата, лишь отбросив прочь троцкизм с его перманентной недооценкой крестьянства. Вот суть спора. Сегодня он ведется в форме спора о роли той или другой теории, организации, наконец, личности в ч е р а, завтра он примет форму спора о конкретных политических и экономических мероприятиях. Теория перманентной революции, противопоставленная ленинизму, обрекает своих сторонников на постоянные переходы от отчаяния к авантюрам; в своем практическом выражении она ведет к срыву союза рабочих с крестьянством: она основана вся целиком на недооценке крестьянства, на недооценке значения для пролетариата союза с крестьянством, на теоретическом и практическом пренебрежении к крестьянству.

Путь Ленина, ленинизма, ленинцев — союз с крестьянством, величайшее внимание к крестьянству, внимательнейшее изучение форм сотрудничества рабочего и крестьянина, укрепление диктатуры пролетариата путем укрепления доверия крестьянства к рабочему.

Это — путь Ленина. Это и путь партии. Только на этом пути мы можем окончательно победить.

Письмо тов. Троцкого подтверждает, что свой путь он старательно отделял и отделяет от пути Ленина. Зачем?

IV

К ПОЗНАНИЮ ЛЕНИНА. ФРАГМЕНТЫ

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО И СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА.

1.

1892 год. Александр III правит Россией. Провинциальная глушь, Самара. Обложившись цифрами земской статистики, высланный студент Владимир Ульянов в изучении хозяйственной жизни крестьянства ищет ответа на вопрос о судьбах русской революции. Из-за груды сухих цифр земских статистиков-народников все яснее вырисовывается этот ответ. Деревня расслаивается. Старая опора царской монархии — поравненная в бедности и в нищете деревня — распадается. Идет фабрика, а с ней пролетариат, могильщики царизма и буржуазии. Свои выводы Владимир Ильич излагает в статье «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» и отсылает в Московский журнал «Юридический Вестник». Во главе «Юридического Вестника» стоят признанные светила русского либерализма, столпы московского университета, профессора Каблуков и Муромцев. Они, конечно, за «народ» и за «свободу печати». Но статью Ленина они отвергают. Через несколько недель рукопись «проваливается» и попадает в «архивы» охранного отделения. Там она лежит ровно 30 (тридцать!) лет. Через т р и д ц а т ь л е т первая предназначенная к печати научная работа Ленина, посвященная крестьянству, становится доступной читателю.

1894 год. Голоса еретиков-марксистов становятся все слышнее. Они не напечатали в России еще ни одной статьи, но их взгляды начинают все больше завоевывать себе сторонников среди молодежи. Генералы от литературы, почтенные хранители либеральных и народнических традиций, безраздельно господствуют в газетах, журналах и издательствах, но их все больше начинают беспокоить голоса из марксистского подполья. Во всей печати начинается поход против безвестных, безымянных, не имеющих своей печати «учеников Маркса». «Друзья народа» из либералов и народников засыпают читателей книгами, брошюрами, журнальными и газетными статьями, наполненными извращениями

и клеветами против революционеров-марксистов. Нужен отпор. Нужно выяснить до конца взгляды сторонников организации рабочей партии на основе научного социализма, нужно разоблачить до дна лицемерных «друзей народа», мешающих организации рабочей партии в России. Ильич берется за перо и пишет книжку: «Что такое друзья народа и как они воюют с социал-демократами». Для книжки не находится ни издателя, ни типографии. Книжку в 150 страниц — единственное изложение революционных взглядов рабочей партии — переписывают от руки и оттискивают на гектографе в количестве 250 экземпляров. Эти экземпляры попадают в руки только отдельных счастливцев. Широко распространяемая литература либералов и народников,— они, конечно же, за свободу печати! — молчит о книжке. При ближайших арестах все почти экземпляры книжки «проваливаются» и попадают в охранку. Книжка исчезает. Только две части книжки (из трех) через 28 (двадцать восемь!) лет отыскиваются в Берлинских архивах и становятся доступны читателю.

1895 год. Передовые застрельщики буржуазной идеологии, защитники капитализма, будущие знаменосцы кадетской партии, шумят вовсю в журналах, газетах, книгах и обществах. Революционное учение Маркса искажается и приспособляется к потребностям русского капитализма. Ильич бросается в бой со статьей, которая разоблачает фальшивомонетчиков от марксизма. Царская цензура сжигает книгу со статьей Ильича. Фальшивомонетчики продолжают сбывать свой товар. Печать либералов и народников притворяется, что ничего не произошло. Только через 12 (двенадцать!) лет статья Ильича увидела свет.

1907 год. Революция 1905 года разбита. Навсегда ли? Чем объясняется ее поражение? Что сказало в революции крестьянство? Решен ли крестьянский вопрос? Спасшись от питерских шпиков, в финляндской деревушке Куоккала, в двух часах от Питера, Ильич изучает крестьянское движение 1905 — 1906 гг., перечитывает крестьянские приговоры и речи крестьянских депутатов, проверяет цифры, сверяет данные, ищет ответ на основной вопрос будущего России. Ответ найден: крестьянство не удовлетворено, оно не может успокоиться, крестьянство требует всей земли, и революция не закончится, пока это требование не будет выполнено. Результаты своего изучения Ильич излагает в спокойной, легальной форме в книге «Аграрный вопрос в первой русской революции». Для книги не находится издателя. Ровно 10 (десять!) лет, до 1917 г., громадная рукопись, плод длительного и упорного труда, результат никем не проделанной работы, лежит на дне ильичевского чемодана и путешествует с ним из Финляндии в Женеву, из Женевы в Париж, из Парижа в Краков и через 10 лет попадает на волнах торжествующей революции опять в Питер и, наконец, в типографию.

1908 год. Под покровом наступившей реакции открыт поход против самых основ марксизма, против его философской концепции. Десятками выходят толстые тома и тонкие книжки, доказывающие крушение марксизма и материализма. Юшкевичи, Валентинов, Богданов завоевывают аудиторию и легальную журналистику для проповеди философской реакции. Ильич садится за Беркли и Юма, за Канта и Гегеля, за Маха и Авенариуса. Результат — книга: «Марксизм и эмпириокритицизм». Наче чаянья для книги находится издатель. Но, конечно, не тот издатель, капиталы которого к услугам «властителей дум» контр-революционного обывателя: он издает Санина, Милюкова, lumière'ы Изгоева и «исследования» Бердяева о православии Хомякова. Издатель философской работы Ильича был кандидатом в тюремные сидельцы. Через несколько недель после напечатания книги он попадает в тюрьму. Из напечатанных 3.000 экземпляров лишь 300 — 400 попадают на книжные прилавки, остальные остаются гнить на складах арестованного издателя. Лишь через 12 лет после написания книга Ильича стала доступна тому читателю, для которого она была написана.

1909 год. Реакция развивается. Либералы торжествуют победу над поверженной революцией. В десятках тысяч экземпляров распространяется манифест контр-революционного либерализма, прославляющий дело Столыпина и обливающий помоями дело рабочих и крестьян (сборник «Вехи»). Ренегаты всех мастей, прочно усевшиеся в газетах, журналах и издательствах, изо дня в день лают революцию, отравляют сознание масс ложью и клеветой, точат яд своего презрения к борцам 1905 г. В их распоряжении миллионы листов ежедневных газет, содержимых насчет крупнейших капиталистов, к их услугам издательства, ворочающие сотнями тысяч рублей. Ильич в эмиграции защищает дело рабочих и крестьян: в его распоряжении четыре странички рабочей газеты, выходящей раз в месяц. А иногда и на это нет денег: тогда газета выходит раз в два месяца. Двери в легальную литературу закрыты: кто станет печатать статьи или книги непримиримого «сектанта», призывающего готовиться к новой революции и исключившего самого себя из «приличного» общества контр-революции «неприличными» нападками на всех светил «русской общественности», начиная с П. Н. Милюкова и кончая Ю. О. Мартовым.

1917 год. Июльские дни. «Правда» разгромлена юнкерами Керенского и закрыта распоряжением республиканской власти. Ильича ищут, чтобы убить его. Но в дорожном чемодане Ильича лежат рукописи исследования, которое вскоре станет всемирно-известным, будет переведено на все иностранные языки и без ссылки на которое не обойдется ни один историк социализма, ни один теоретик государства: «Государство и пролетариат». Спасаясь от республиканских убийц, Ленин пишет мне: «Тов. Каменев,—

entre nous, если меня укокошат, я вас прошу издать мою тетрадку: «Марксизм о государстве» (застряла в Стокгольме). Синяя обложка, переплетена. Собраны все цитаты из Маркса и Энгельса, равно из Каутского против Паннекука. Есть ряд замечаний и заметок. Формулировать. Думаю, что в неделю работы можно издать. Считаю важным, ибо не только Плеханов и Каутский напутали. Условие: все сие абсолютно entre nous»... (Письмо относится к «июльским дням» 1917 г. Речь идет о работе Владимира Ильича, изданной впоследствии под названием: «Государство и революция»).

2.

Вот наудачу взятые факты, рисующие условия литературно-политической работы Ильича. Между тем вплоть до Октябрьской революции этот прирожденный вождь, организатор и просветитель миллионов имел в своем распоряжении лишь одно орудие воздействия: перо и слово вольного публициста. За этим словом не стояло ничего, кроме его внутренней убедительности: ни буржуазной машины, распространяющей в миллионах экземпляров любую пошлость, оброненную каким-нибудь Бисмарком, Столыпиным или Ллойд-Джорджем, ни официальной кафедры депутата или профессора, приковывающей внимание мещанской толпы. Зато п р о т и в его слова стояли все силы мира: и осознанный интерес господствующих групп, и рублем и дубьем рвавших каждую пядь, протягивающуюся между пролетарским публицистом и пролетарской массой, и стихийная ненависть обывателя, инстинктивно пытавшегося зажать рот неугомонному смельчаку, осмеливавшемуся на каждом повороте истории иметь «свое мнение», действовавшее на благополучного мещанина как красная тряпка на быка. Так сложился «заговор молчания» против величайшего человека нашего времени. Вплоть до 1917 г. и за исключением нескольких месяцев 1905—1906 гг. Ленина не существует для мировой и русской журналистики. Где же было какой-нибудь «Речи» или «Русским Ведомостям» разглядеть за «историческими» фигурами Родзянки, Гучкова, графа Бобринского или князя Трубецкого редактора подпольного листка и автора брошюр для рабочих и крестьян — Ульянова?

Дважды подымалась рабоче-крестьянская масса, дважды потрясала она основы господствовавшего режима и тем з а в о е в ы в а л а свободу слова для своего публициста, своего ученого, своего трибуна. Нужно было восстание 1905 г., чтобы в течение нескольких недель Ильич мог говорить с рабочими России, нужна была октябрьская победа пролетариата, чтобы свободное слово Ильича дошло до деревень и фабричных поселков всего мира. История публицистической деятельности Ильича должна стать для наших

совпартшкол и университетов наглядным примером того, что такое буржуазное государство и что такое «свобода печати» в буржуазном государстве. Лучше всяких общих рассуждений изучение условий публицистической работы Ильича вскроет и покажет сущность тех методов, которыми буржуазия — под самыми демократическими покровами—пытается держать в умственном рабстве трудящихся.

Мы никогда не узнаем, какое количество умственной энергии, готовой излиться в статьях, книгах и исследованиях, осталось неиспользованным для просвещения масс, и только очень редко встретим у Ильича взрыв негодования против той стены из лжи, лицемерия и насилия, которая десятилетиями вставала между ними и его читателем. Девять десятых всего написанного Ильичем (до 1917 г.) написано им для нелегальных изданий. Были годы, когда в распоряжении Ильича не имелось и этой возможности говорить с партией и рабочим классом. Когда же эта возможность имелась, она, по необходимости, была крайне ограничена. За 36 месяцев (1900 — 1903 гг.) ближайшего участия Ильича в «Искре» (Женева) вышло всего 52 №, т.-е. около 3 номеров в 2 месяца. За три года существования «Пролетария» (Финляндия, Женева, Париж), редактировавшегося Ильичем, вышло 50 №№, т.-е. тоже по 3 номера в 2 месяца. За время войны, т.-е. с августа 1914 г. до февраля 1917 г., т.-е. за 30 месяцев неслыханного обмана рабочих масс, Ильич, величайший, единственный разоблачитель этой лжи, тот, кто должен был спасти имя и честь социализма, мог выпустить только 20 №№ своей газеты. Эта «газета», впрочем, имела всего один лист, вмещавший тексту меньше, чем $^1/_{10}$ ежедневного текста одной буржуазной «Times». С этим-то орудием пропаганды выступил Ильич на борьбу со всей той отравой, которую несла во все углы человечества мировая пресса, не за страх, а за совесть, целиком поступившая на услужение Гогенцоллернов, Габсбургов, Романовых, Клемансо и Ллойд-Джорджей.

Это только примеры слабости того оружия, которое буржуазия оставила в руках Ильича для проповеди его идей. Но возможность пользования нелегальной прессой сужалась еще более самими условиями ее распространения. Какое количество статей и работ Ильича, напечатанных в подпольных типографиях Питера и Москвы или Женевы и Парижа, доходило до рабочих и крестьян? Какое количество их гибло при арестах и провалах? Но и то, что доходило, не могло храниться, не могло служить постоянным источником справок, перечитывания и изучения. Раз прочитанная статья уходила с горизонта читателя. Тому, кому попадало начало статьи, мог не попасться ее конец. В конце концов рабочая масса получала мысли Ильича в пересказе местных работников, пропагандистов, агитаторов и организаторов, — тех немного-

численных счастливцев, которым удавалось самим прочесть подлинные номера подпольной, нелегальной, заграничной газеты или брошюры. Как правило, подпольная литература была анонимна. Выступал коллектив, а не личность. Статьи Ленина в «Искре», в «Пролетарии», в «Социал-Демократе» не подписаны. Не только для массы, но и для более ответственных работников, чуть-чуть подальше стоявших от центра, личность вождя, Ильича, была скрыта коллективом, коллективной редакцией, коллективным автором резолюций. К этому надо добавить, что статьи Ильича в периодической нелегальной литературе до 1920 г., когда в IV томе Собр. соч. даны были его статьи из «Искры», ни разу не перепечатывались. Их можно было найти только в комплектах старых нелегальных газет, а комплекты эти имелись... конечно не в публичных библиотеках, а только в департаменте полиции.

Итог: соединенные усилия либеральных сторонников «свободы печати» и усердных охранителей существующего порядка сделали то, что подавляющее большинство политических работ Ильича, даже уже напечатанных, являются поистине новинками для мало-мальски широкого круга читателей.

Сотни и тысячи страниц политической публицистики Ленина эпохи 1900 — 1917 гг. только за последние год-два стали достоянием широких кругов той партии и тех масс, ради которых они писались. Так работала буржуазия, и если несмотря на все ее усилия — идеи Ильича (если не его подлинные произведения) становились еще до Октября достоянием широких масс трудящихся, то только потому, что заговор буржуазии наткнулся на несгибаемую волю партии, которая на деле была массовым аппаратом распространения идей Ильича среди трудящихся.

3.

Говорить с рабочими — было основным стремлением всей литературной деятельности Ильича. В 1897 г. из ссылки он пишет за границу, где была издана его брошюра «О штрафах», рассчитанная на массовика-рабочего: «Я ничего так не желал бы, ни о чем так много не мечтал, как о возможности писать для рабочих. Но как это сделать отсюда? Очень и очень трудно».

Теперь все знают, что Ильич, как никто другой, умел писать и говорить для самых широких народных масс. Он терпеть не мог внешней «красивости», фразы, презирал всякие попытки «припарядить» мысль, любил чаще всего цитировать слова Базарова: «Мой друг Аркадий, не говори так красиво», видел в путан-

ности стиля путанность мысли [1]). Путанности же мысли не выносил органически.

Изо всех сил рвался потому Ильич к возможности открыто говорить с массами и поэтому так ценил всякую возможность прямого воздействия печатным словом на массы. После 12 лет публицистической работы в подполье Ильич получил возможность открытого выступления впервые в ноябре 1905 г. Однако, сравнительная сила рабочего движения была еще настолько мала, что она могла обеспечить Ленину возможность открытого выступления лишь на 1 месяц в 1905 г. («Новая Жизнь», ноябрь-декабрь 1905) и месяца на $1^1/_2$ в 1906 г. (период 1-й Гос. Думы). В эпоху 2-й Думы (1907 г.) большевистская пресса насчитывает буквально несколько дней открытого существования. Затем двери надолго захлопываются. Только подъем рабочего движения после Ленского расстрела вновь дает в руки Ильичу оружие легальной печати. Беспрерывный подъем рабочего движения с этого момента (апрель 1912 г.) и вплоть до военной катастрофы (август 1914 г.) обеспечивает возможность почти беспрерывного существования большевистских «правдистских» газет. Но в каком виде? Конфискации, штрафы, аресты редакторов и закрытия сыпались на газету Ленина без перерыва, как бы из рога изобилия. Чем выше ценил Ильич возможность общения с рабочими через открытую печать, тем строже относился он ко всякому выражению, ко всякой фразе, которая могла «подвести» газету [2]). Стоит сравнить стиль, тон, мысли Ильича в «Социал-Демократе» с его же статьями в «Правде» 1912—1914 гг., чтобы почувствовать, что перед нами в «Правде» гигант со связанными руками. Сотрудничество в «Правде» из-за границы было, конечно, для Ильича великой радостью, но и мукой вместе с тем. Всякий отклик на то или другое событие запаздывал неизбежно по меньшей мере на неделю. Выбор тем был необычайно труден. Газета доходила неаккуратно. Статьи не доходили до редакции, пропадали на почте, в черных кабинетах. К этому добавилось то, что питерская редакция — благодаря провалам, арестам и т. п. — часто оказывалась в руках товарищей, плохо спевшихся с группой Ильича. «Людей нет, — пишет Ильич

[1]) Поэтому же из русской художественной литературы любил больше других Толстого, Пушкина, Некрасова, Чехова и в своей постоянной библиотеке держал «классиков». Из публицистов с громадным уважением и любовно относился к Чернышевскому, которого прекрасно знал и охотно цитировал.

[2]) Из-за этого Ильич чуть не ежедневно менял свою подпись под статьями. В «Правде» его статьи подписывались самыми разнообразными комбинациями букв, ничего общего с его обычной литературной подписью не имеющими: П. П., Ф. Л — ко, В. Ф., Р. С., и т. д., и т. п. Эти вынужденные и постоянные изменения подписи были еще одной рогаткой между словом Ильича и его читателем — рабочей массой.

в сентябре 1913 г.—С в е л и к и м трудом через год после начала мы добились только с н о с н о й редакции в Питере». Один из лучших редакторов «Правды» той эпохи т. М. Ольминский пишет о том времени: «Статьи т. Ленина кромсались не только из-за цензуры, но и вследствие неправильного отношения к авторам: статья, дескать, поступившая в редакцию, составляет ее полную собственность! — ч т о х о ч у, т о и д е л а ю с н е й». (Подчеркнуто мной.)

Таковы были условия работы Ильича даже в своей большевистской, ленинской, легальной печати в те короткие моменты, когда эта печать вообще-то существовала. При этих условиях легальной и нелегальной печати особое значение приобретает п е р е п и с к а Ильича. Во все эпохи его работы переписка Ильича с товарищами, раскиданными по всей России и Европе, была огромна. Не было товарища, который, обратившись к Ильичу за тем или другим разъяснением, не получил бы в ответ письма или — чаще — маленького трактата на интересующую его тему. Эти письма Ильича в известные периоды — когда особенно суживались возможности печатного выступления — разрастались до целых тетрадей. В первый период работы Ильича — до 1901 г.— эти знаменитые «тетрадки» Ильича ходили по всей России, будя мысль партии и заставляя ее самоопределяться по основным вопросам мировоззрения и тактики марксизма. Эта переписка, эти «тетрадки» Ильича 90-х гг. для всего дальнейшего хода революции сыграли ту же роль, как переписка Белинского, Бакунина и Герцена для русского освободительного движения в 40-х гг. Масса этих «тетрадок» пропала в недрах «охранных отделений», но кое-что сохранилось и долго еще будет служить предметом изучения. Ученые и историки будут еще через десятилетия писать о них свои диссертации.

4.

Все важно, что касается Ленина. И очень важно, в каком виде будут даны сочинения Ленина мировому пролетариату.

Когда Ильич волею рабочей революции превратился из руководителя партии и коммунистического публициста в руководителя и организатора нового государства, подавляющая масса его произведений 1893 — 1916 гг. в их подлинном виде не была известна не только широким массам народа, но даже более или менее широким кругам молодых членов партии. Их просто нельзя было достать.

Когда в связи с 50-летием Владимира Ильича, в начале 1920 г., я сказал Ильичу, что собираюсь приступить к собранию его сочинений, и соответствующее предложение внесу на съезд партии, Ильич запротестовал: «Зачем это. Ни к чему. Мало ли, что писалось за 30 лет. Не стоит». Я заставил его поколебаться только ссылкой на то, что молодежи надо учиться и что лучше, чтобы она училась на его сочинениях, чем на произведениях

Мартовых и Туган-Барановских. Теперь эта первая попытка дать в руки партии и рабочего класса сочинения Ильича закончена. Сочинения Ильича заняли 24 книги (19 томов), из них шесть томов в виду их крупного объема пришлось разбить каждый на две части. Из них тома II, III, IV, V, VI, VII (в двух частях), VIII, IX, X, XI (первая часть), XIV (в двух частях), XV, XVI, XVII, XVIII (в двух частях) и XIX уже вышли в свет, а тома I, 2-я часть XI, XII (в двух частях) и XIII находятся в печати и выйдут в ближайшие дни и недели [1]).

Эти 24 книги охватывают около 725 печатных листов, из которых около 50 листов занято комментариями, документами из истории партии, указателями и т. п., а остальное (т.-е. 675 листов) занято произведениями самого Ильича. Уже из вышесказанного ясно, какая громадная предварительная работа потребовалась для того, чтобы впервые собрать вместе все напечатанное Ильичем. Прежде всего надо было выяснить те сотни легальных и нелегальных органов печати (газет, журналов, сборников, отчетов и т. п.), в которых печатались статьи Ильича. Вторая и труднейшая задача заключалась в том, чтобы выделить статьи Ильича из ряда других статей. Не менее $^1/_3$ всех статей Ильича появились в печати без какой бы то ни было подписи. Вторая треть — подписана, но подписана самыми неожиданными псевдонимами, сплошь и рядом больше не повторяющимися. Рукописи статей в громадном большинстве случаев уничтожены. Архивы редакций «Правды», «Социал-Демократа», «Пролетария», «Искры» и десятка других изданий не сохранились или еще недоступны. Установление точного списка статей Ильича поэтому дело сложнейшее и трудное, далеко еще окончательно не решенное. Оно потребует, вероятно, еще долгих поисков и исследований.

Наконец, не менее сложным делом является датировка статей Ильича и разъяснение тех (большею частью полемических) мест его статей, которые сохраняют весь свой интерес и всю свою поучительность для партии и читателя, но часто связаны с такими эпизодами партийной жизни, которые изгладились уже из памяти даже старых членов партии. Статьи Ильича наполнены ссылками на резолюции, решения, постановления, литературные произведения, разыскание которых само по себе представляет громадные трудности.

При этих условиях естественно, что первое собрание сочинений Ленина является только первой попыткой собрать наследие Ильича. Именно как такая попытка оно и было задумано. Если бы мы решили сначала выяснить и установить все литературное наследие Ильича, проверить все статьи по

[1]) Ныне все издание закончено, и в ближайшие недели начнет выходить второе, исправленное и дополненное издание сочинений Владимира Ильича.

рукописям, не допустить при этом ни одной ошибки, — то мы не имели бы сочинений Ильича еще г о д ы. А право же нельзя не признать п р е с т у п л е н и е м перед партией и рабочим классом, что хотя бы н е п о л н о е собрание сочинений Ильича они получили только в 1924 году, только на седьмой год пролетарской революции. Эта точка зрения расходится, правда, с точкой зрения т. Ольминского, который, получив случайно возможность убедиться в ошибках первого издания, никак не может разрешить вопрос: «возможно ли изучать ленинизм по сочинениям Ленина», и склонен, видимо, на этот странный вопрос ответить: изучать Ленина надо не по его сочинениям, а по комплектам тех изданий, которыми он руководил. «А издания эти нельзя изучать без изучения истории партии», — прибавляет т. Ольминский. Пожалуй, странное и слишком далеко идущее рассуждение. Конечно, изучение Ленина требует изучения истории рабочего движения, изучения истории партии и истории большевистской печати. Но прежде всего, — прежде всего, т. Ольминский, — изучение ленинизма требует изучения сочинений самого Ленина. А для того, чтобы изучать сочинения Ленина, надо их и м е т ь, надо их с о б р а т ь. При тех условиях литературно-политической работы Ленина, которые описаны выше, нельзя было н а ч а т ь собирание сочинений Ленина без ошибок, без пропусков, без того, чтобы в его сочинения не попала пара статей его ближайших соратников, которых он заражал не только своими мыслями, но — часто — и своим стилем.

И только благодаря тому, что три года назад группа товарищей (увы! не Истпарт!) начала это дело собирания статей и речей Ильича, у партии и рабочего класса есть теперь 24 книги собрания сочинений Ленина, по которым только и можно изучать, по которым только и и з у ч а ю т теперь Ленина. Хотел бы я посмотреть, что сказала бы наша рабочая молодежь тому, кто в эти дни отослал бы ее для изучения Ленина не к этим 24 книгам, а к комплектам «Искры», «Вперед» и «Пролетария», которые Истпарт... еще только собирается издавать, или к той многотомной, подробной истории партии, которая... еще никем и не пишется.

Мы можем смело сказать, что 19-томное собрание сочинений Ленина дает все мало-мальски существенное, что было напечатано Ильичем за 1893 — 1923 гг., что оно в п е р в ы е пускает в оборот сотен тысяч читателей с о т н и с т р а н и ц Ленина, которые до сих пор были доступны только д е с я т к а м читателей [1]). Это немало, но, повторяю, это только первый шаг. Мы должны итти дальше.

[1]) Кстати. Несколько месяцев тому назад удалось достать из-за границы часть архива «Вперед» и «Пролетария» (1905 г.). В архиве этом сохранились и рукописи статей Ильича. Сравнение этих рукописей с текстом VI т. собрания сочинений Ленина позволяет установить, что я,

Первое собрание сочинений Ленина было задумано как собрание всего того, что было т. Лениным напечатано. Но в ходе работы мы не удержались в этих рамках, включив в наше собрание также и то, что напечатано еще не было, и даже то, что в момент написания и не предназначалось т. Лениным к печати [«Что такое друзья народа», «Проект программы нашей партии» (1900 г.). «Письма к ЦК и МК» (1917 г.) и т. д.].

Задача, поставленная перед Институтом Ленина, гораздо шире. Партия, рабочий класс, государство (в лице Съезда Советов) требуют издания Полного Собрания Сочинений Ленина и строго-научного характера этого издания. Этого требования нельзя толковать иначе, как в смысле издания всего того, что было написано или сказано Ильичем и что поддается воспроизведению.

Надо сказать тут же, что строгое выполнение этого требования, — если не откладывать на годы 2-го издания сочинений Ильича, а приступить к нему, как хочет и должен Институт, немедленно — вряд ли возможно в полном объеме. Вероятно, еще в продолжение годов будут притекать в Институт письма и записки Ильича, годами архивы и черные кабинеты русской и иностранной полиции будут давать нам новые и новые материалы. Во всяком случае, мы должны стремиться к максимальной полноте. Всякая запись Ильича должна найти себе место в этом «Полном Собрании Сочинений». Трудность — в таком распределении этого громадного материала, которое, не лишая его полноты и научности, сделало бы собрание сочинений Ленина тем, чем оно должно быть, т.-е. орудием борьбы и учебником борьбы в руках пролетарских масс.

Весь материал, который должен войти в новое Собрание Сочинений, можно, по его характеру, разделить на следующие рубрики:

I. Работы Ленина (статьи, книги, брошюры), предназначенные им самим для опубликования. Эти работы — независимо от того, были ли они опубликованы или не были, и независимо от причин неопубликования (отсутствие соответствующего органа,

---

М. Ольминский и покойный В. В. Воровский, устанавливая текст VI тома: 1) приписали пару статей Воровского — Ленину, 2) опустили ряд заметок Ильича из отдела «Общественная Жизнь», в котором печатались подряд и без подписей небольшие заметки на текущие темы, а также ряд информационных заметок, которые составлял Ильич по телеграммам иностранных газет, и 3) не узнали в Ильиче автора 4—5 статей не принципиального характера и не вносящих ничего нового в общую линию этих газет. Но вместе с тем это же сличение с рукописями устанавливает, что — имея в качестве руководящей нити только и исключительно знание писательской манеры Ильича — мы не пропустили ни одной статьи Ильича, имеющей мало-мальски существенное или принципиальное значение для определения политики партии в 1905 г.

несогласие редакции, цензура, пропажа и т. д.) — должны лечь в основу издания. Они составляют его стержень.

II. Работы Ленина, не предназначенные им в момент написания для широкого опубликования, имевшие целью обмен мыслей с товарищами или воздействие на определенные группы товарищей. Это, в первую очередь, те «тетрадки», о которых мы говорили выше. К подобным работам относятся также такие произведения, как запись 1900 г. о переговорах с Плехановым («Как чуть не потухла «Искра»), как «Проект программы партии» 1902 г. (до сих пор не опубликованный) или — равным образом неопубликованный — «Рассказ о II Съезде РС-ДРП». Сюда же относятся три тетрадки возражений А. Богданову, озаглавленные «Заметки рядового марксиста по философии», не опубликованные и — увы! — не найденные еще. Таких материалов собрано уже значительное количество. Весь этот материал должен быть опубликован на-ряду с работами, указанными в п. I, и в том же хронологическом ряду.

III. Проекты резолюций и постановлений партийных съездов, совещаний и т. п., разного рода извещения о партийных событиях, заявления «от редакции» и т. п. Все это должно печататься в общем порядке, поскольку можно установить личное авторство Ильича. Поскольку эти работы являются плодом коллективного труда с участием Владимира Ильича, они должны войти в дополнения к соответствующим томам.

IV. Письма Ильича. Институт уже сейчас собрал около 200 подлинников писем Ильича [1]).

Все они являются **политическими** документами. Все они подлежат напечатанию. Думается, однако, что письма Ильича (за редкими исключениями, диктуемыми содержанием самого письма) не следует печатать вразбивку между статьями. Их, вероятно, придется выделить в 2 — 4 дополнительных к Собранию Сочинений тома.

V. Рукописи предварительных работ. В Институте имеются десятки тетрадей Ильича, заключающих в себе выписки из самых разнообразных русских, английских, французских и немецких работ; по аграрному вопросу, по истории Коммуны (тетрадь Владимира Ильича 1895 г.) — видимо, результат его первой поездки за границу и работ в Национальной библиотеке в Париже, по философии и т. д. По подобного рода тетрадям можно, например, проследить всю работу Ильича над протоколом II съезда партии, проделанную им для составления книжки «Шаг вперед, два шага назад». Эти рукописи могут быть частью использованы в ком-

[1]) Главным образом относящихся к периоду до Октябрьской революции. Письма адресованы Плеханову, Аксельроду, Мартову, Смидовичу (Матрене), Носкову (Борису), Крыжановскому (Клэру), А. М. Горькому, А. М. Коллонтай, А. Г. Шляпникову и т. д., и т. д.

ментариях и дополнениях к соответствующим работам Ильича, в целом же должны быть напечатаны в виде дополнительных томов.

VI. Речи и доклады Ильича. Речи Ильича до 1917 г. пропали для нас. Также пропали и его многочисленные доклады на заграничных собраниях. Партия была и слишком бедна, и слишком мало подготовлена к тому, чтобы пользоваться стенографией. Из бесчисленного количества устных выступлений Владимира Ильича, о которых слышавшие их хранят самые сильные и глубокие впечатления, до самой Октябрьской революции сохранились лишь обрывки в передаче секретарей II, III, IV и V съездов и съезда Лиги (1903 г.). От всех остальных выступлений того периода не сохранилось н и ч е г о. Не записаны стенографически даже речи на II Съезде Советов. С 1918 г. речи Ильича на в а ж н е й ш и х собраниях записывались (хотя и очень плохо, о чем есть печатное заявление самого Владимира Ильича) и, таким образом, сохранились.

Они, конечно, должны войти в Собрание Сочинений в общем порядке.

VII. Декреты, постановления, распоряжения, резолюции, телеграммы, и т. п., написанные Владимиром Ильичем в качестве главы государства. Этот материал еще совершенно не тронут. Он нуждается в особой обработке, специальных комментариях и должен составить особые томы, томы «Государственных бумаг Ленина» дополнительно к Собранию Сочинений.

Весь указанный выше материал, который займет, вероятно, не менее 40 томов, должен быть расположен в хронологическом порядке и снабжен комментариями не только и не столько библиографического, но главным образом и с т о р и ч е с к о г о характера. Комментарий должен дать возможность читателю, не обращаясь к другим источникам, ориентироваться в тех вопросах и тех перипетиях классовой борьбы, которые разбирает данная работа Ильича.

Собрание Сочинений должно быть дополнено одним или двумя томами «Путеводителя по Ленину», содержащего библиографические, именные, тематические указатели, летопись событий и т. п.

Мы должны вернуть трудящимся и сделать доступными для них те работы Ленина, которые годами и десятилетиями скрывались от них буржуазной и царской властью при активной поддержке всего аппарата буржуазной печати и буржуазного «общественного мнения». Дать трудящимся сочинения Ленина—значит ускорить их победу. К этому и должны быть направлены все наши усилия [1]).

[1]) В какой срок сможем мы выполнить поставленную себе задачу? Я надеюсь, что благодаря подготовительной работе, проделанной в связи с 1-м изданием Собрания Сочинений, мы сможем закончить издание к 21 января 1925 г. Надо, однако, чтобы каждый исполнил свой долг

5.

В полном Собрании Сочинений Ленина найдет свое отражение не только революционная борьба русских рабочих, но и вся мировая история в ее решающие десятилетия. Эти сочинения явятся лучшим, наиболее глубоким комментарием ко всем перипетиям мировой истории за последние десятилетия, и единственным комментарием, освещающим ее с революционно-пролетарской точки зрения.

Вместе с этим, сочинения Ленина должны стать основным стержнем новой науки — науки освобождения человечества. Тут, естественно, возникает вопрос, действительно ли изложенная в Собрании Сочинений Ленина наука является наукой новой? Не является ли она простым изложением или популяризацией науки Карла Маркса?

Это, конечно, правильно, но только в известном смысле, именно в том смысле, что учение Ленина все целиком, во всех своих частях и разветвлениях, опирается на научный социализм Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Это тот железобетонный фундамент, на котором стоит все здание ленинизма. Оторвать ленинизм от этого фундамента — значит ничего не понять в ленинизме; но, вместе с тем, в сочинениях Ленина мы имеем, несомненно, новую науку. «Новое в этой науке создано применением основных положений и методов марксизма к условиям такой исторической обстановки и такой исторической эпохи, которые были неведомы Марксу.

В первую эпоху своей деятельности (1890 — 1914 гг.) Ленин должен был решать при помощи методов Карла Маркса проблемы, возникшие в своеобразных условиях буржуазно-демократической революции в отсталой аграрной стране с непропорционально к общей ее отсталости развитым, сплоченным и собранным в сильные кулаки пролетариатом. Эта своеобразная обстановка направляла внимание Ленина к тем сторонам учения Карла Маркса, которые меньше всего интересовали, изучались и понимались марксистскими теоретиками и практиками Европы того времени. Уже тогда отличие «марксизма» Ленина от марксистского шаблона, созданного в 80 — 90-х годах немецкими учениками Маркса, явно бросалось в глаза.

Во второй период своей деятельности (1914 — 1917 гг.) Ленин должен был применить метод Карла Маркса к построению тактики рабочего класса в период развернутых противоречий

и предоставил в распоряжение Института Ленина весь тот материал, который поможет нам сделать издание Ленина наиболее полным, наиболее точным, наиболее достойным имени нашего вождя и учителя.

империалистической эпохи. В этот момент учение Ленина, отправлявшееся от основных позиций Маркса, глубочайшим образом — и уже навсегда — разошлось с учением всех тех, которые считали себя признанными истолкователями Маркса в международном масштабе (Каутский, Плеханов и друг.). Применить учение Карла Маркса в эпоху развитого империализма, из основных положений марксизма сделать для принципиально нового этапа в истории человечества соответствующие выводы и обосновать на них новую тактику рабочего класса, — обозначало, несомненно, создать *новую* науку.

Но еще больше новых элементов пришлось Ленину внести в учение Маркса, когда он — первый из учеников Маркса — стал организатором первого государства победившего пролетариата. Здесь перед Лениным раскрылась в области теории «целина», почти совершенно незатронутая и неразработанная. О том, как в недрах капиталистического общества готовится и зреет пролетарская революция, о том, почему эта революция неизбежна, и, наконец, о первых ее шагах, можно было научиться у Маркса, но дальше начиналась теоретическая новь. «О том, как делается социалистическая революция, ни в каких книжках не написано», — любил повторять Владимир Ильич. Тут начиналась та работа, в которой у Ленина не было предшественников и учителей. Каждую позицию не только практически, но и теоретически надо было брать с бою. Опаснее всего здесь становились «шаблоны», естественное стремление применить к совершенно новой обстановке, созданной первой победой пролетариата, положения и формулы, выработанные в другую эпоху и для других целей. Декретами, распоряжениями, телеграммами, постановлениями, приказами Ленин дописывал в эти годы ненаписанную учителями часть теории научного социализма в действии.

Учение Ленина создавалось в ходе борьбы. Ленин не написал и не мог написать учебника ленинизма. Боюсь даже, что всякая попытка вложить учение Ленина в параграфы, отделы и подотделы, попытка создать для ленинизма какой-нибудь «Handbuch», сборник рецептов, годных для всех вопросов и для каждого момента, потерпит неизбежное крушение. Ничто не было более чуждым Ленину в его работе, чем стремление к катехизированию. Полководец *воюющей* армии, он принимал сражения и давал бои на ежедневно меняющихся позициях и так и не нашел времени, чтобы академически или, если угодно, систематически изложить свою общую теорию войны. Он полагал всегда, что «приятнее и полезнее революцию делать, чем о революции писать».

Поэтому-то его учение, созданная им наука пролетарской революции записана лишь в длинном ряде публицистических работ, каждая из которых проникнута целиком тревогами и уроками данной исторической ситуации; даже наиболее «акаде-

мические» его книги: «Развитие капитализма в России» и «Марксизм и эмпириокритицизм», — произведения глубоко полемические, созданные в «ударном» порядке, рассчитанные на данную ситуацию. Вот почему только совокупность всех произведений Ленина в свете сопутствующих им событий может приблизить нас к подлинной науке Ленина.

Вместе с активным, действенным характером этой науки выступает вперед и ее объем. Нет, кажется, такого вопроса, которого не касался бы в своих произведениях Ленин. Начиная от основных вопросов философского мировоззрения и кончая детальными вопросами кооперативной или финансовой практики при социализме, — все привлекало внимание этого великого ума и находило в нем ясное и точное решение, «увязанное» в единую систему. Ученый, публицист и государственный деятель невиданно широкого размаха, Ленин в своем учении поднял и поставил все вопросы, которые неизбежно встают перед пролетариатом, этой наиболее активной частью человечества.

Собрание сочинений Ленина только тогда можно будет назвать удовлетворительным, если оно поможет пролетариату наиболее легко, наиболее планомерно и наиболее основательно усвоить ленинизм во всем величии его идей и во всей конкретности его практики.

Выполнить свою историческую миссию, сломать цепи, в которые закованы трудящиеся, и «завоевать целый мир» пролетариат может только вооружившись ясной и стройной теорией своего освобождения. В сочинениях Ленина эта теория, созданная Карлом Марксом, нашла свое наиболее законченное, последовательное и революционное выражение. В эпоху начавшихся пролетарских революций только со светочем ленинизма в руках пролетариат придет к своей окончательной победе.

30 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД.

Пролежавшая 30 лет в тайниках охранных отделений, известная в момент своего появления лишь очень незначительному кругу первых работников марксистов и затем как бы канувшая в воду забвения работа Владимира Ильича «Что такое «друзья народа» и как они воюют с социал-демократами» представляет несомненно одно из замечательнейших произведений русской революционной публицистики.

У автора, писавшего под постоянной угрозой жандармского нашествия, пользовавшегося книгами, одно хранение которых стоило по тем временам длительной тюрьмы, не было, видимо, времени и расположения отделывать и подчищать свое произведение. Резкими чертами набрасывает он программу зарождающегося пролетарского социализма и с заражающим негодованием, не щадя идейных врагов, противопоставляет ее салонной публицистике тогдашних народников, духовных отцов последующего эс-эрства.

Этот резкий «голос из подполья» был по тем временам истинным криком «гальского петуха», задолго до пробуждения массового рабочего движения приветствовавшим зарю коммунистической революции в России. Этот голос был провозвестником и отголоском глубоких чувств возмущения, негодования и ненависти, которые копились в глубинах трудящихся масс. Вот почему эта работа насквозь пропитана чувством непримиримой вражды ко всем врагам трудящихся и глубочайшего презрения к аккуратным и благонамеренным «народолюбцам» из либерального и народнического стана.

После выстрелов героических народовольцев-семидесятников не было в русской истории последнего полустолетия XIX века более яркого, более мощного проявления ненависти к существующему порядку и презрения к примиряющимся с ним, чем этот раздавшийся из марксистского подполья голос, и он оставался таковым вплоть до того, как под аккомпанемент массовых стачек и рабочих демонстраций заговорила на всю Россию Ленинско-Плехановская «Искра».

Среди историков общественного и революционного движения, а за ними и среди широкой массы даже партийных товарищей долго держалась мысль, что первой более или менее широкой формулировкой взглядов марксистов внутри России явилась книжка Струве: «Критические заметки об экономическом развитии России». Несомненно, что громадную роль в деле распространения марксизма среди интеллигенции сыграла блестящая книга Плеханова: «К развитию монистического взгляда на историю». Только теперь, с появлением издаваемой работы т. Ленина, и историкам, и читателям станет ясно, что первой и наиболее мощной формулировкой задач рабочего социализма в России была не работа Струве и не книга Плеханова, а именно эта работа Ленина. Первая часть ее написана в апреле 1894 года, закончена она не позже июня того же года; между тем книга Струве писалась летом 1894 года и вышла в свет только в сентябре того же года, а книга Плеханова писалась осенью и появилась в свет лишь в самом конце декабря того же года.

Когда Ленин писал свою книгу, он не мог быть знаком с этими работами Струве и Плеханова. Его труд является плодом самостоятельной работы над учением Маркса и над приложением его к своеобразным условиям политического и экономического строя России.

Но работа Ленина явилась не только первой формулировкой марксизма на русской почве, она явилась вместе с тем и лучшей, наиболее отвечающей и революционному духу марксизма и специфическим условиям России формулировкой задач пролетарского социализма.

Вышедшая после работы Ленина книга Струве, как это доказал тогда же, осенью 94 года, немедленно после выхода книжки Струве тов. Ленин, формулировала не революционные задачи русского пролетариата, а прогрессивные тенденции русского буржуазного развития. Книга Плеханова в поистине блестящей литературной форме раскрывала общие источники и широкие перспективы материалистического истолкования истории. Но только работа Ленина, применяя методы Маркса к конкретному материалу российского экономического быта, раскрывала до конца глубину экономического рабства русского пролетария и мужика и апеллировала от этого рабства к духу возмущения и восстания.

Поразительна та громадная чуткость, которая позволила Ленину в этой работе наметить те тактические проблемы грядущей революции, которые впервые широко сказались лишь через 12 (1905 г.), а целиком развернулись лишь через 25 лет (1917 г.). Кто хочет понять основное зерно тактических идей Ленина, кто хочет понять корни революционной программы Ленина и 1905 и 1917 годов, тот должен изучить данную работу Ленина, ибо в этой первой своей политической работе

Ленин впервые уже наметил и подчеркнул те специфические классовые отношения в России, которые затем послужили твердым базисом для его идеи диктатуры пролетариата и крестьянства (1905 г.) и идеи революционного союза рабочих и крестьян (1917 и последующие годы).

Плеханов блестяще изложил, обосновал и проиллюстрировал учение Маркса, но в нем не было той почвенной силы, тех глубоких корней, той громадной чуткости, той стихийной связанности с миллионными массами трудящихся России, которые дали возможность Ленину не остаться т о л ь к о истолкователем марксизма, но превратили его в вождя русской революции и поставили во главе захваченного трудящимися государства.

Стихийная мощь молодого пролетариата, которому суждено было через четверть столетия открыть эру мировой пролетарской революции, чувствуется в каждой строке работы молодого Ленина. Она лежит в основе того великолепного презрения к установившимся авторитетам общественной мысли, в основе той идейной смелости и непримиримости, которыми, как динамитом, начинена эта литературная бомба, которую бросил тридцать лет тому назад Ленин в общество русских дворян, фабрикантов и слезоточивых народолюбцев-интеллигентов. Этим же объясняется и то, почему эта работа, трактующая о политических мертвецах и о решенных уже историей вопросах, и сейчас еще заражает энтузиазмом и верой в победоносность революционного дела пролетариата.

Эта книжка учит марксизму и воспитывает революционную мысль и волю; читая ее, наша пролетарская молодежь научится понимать, как сухие рассуждения и статистические таблички могут доставить истинное умственное наслаждение. А когда читатели дочитают эту книжку до конца и прочтут ее заключительные строки, — «когда передовые представители его (рабочего класса) усвоят идею научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции», — пусть они вспомнят, что это написано 30 лет тому назад, почти одиноким марксистом, в дни неслыханного могущества Российской монархии и мертвой спячки общества и пусть скажут себе: революционная воля пролетариата, вооруженная учением Маркса, действительно способна перевернуть весь мир!

11 апреля 1923 г.

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЕНИНА ДО ЭМИГРАЦИИ.

Литературная деятельность В. И. Ленина до первой эмиграции (1900 г.) охвачена первыми тремя томами Собрания Сочинений. Первый том занят нелегальными произведениями тех лет, в третий том вошло «Развитие капитализма в России» и полемика по поводу этой книги; второй том занят статьями, предназначенными для легальной печати и написанными в период 1894 — 1899 гг.

В ряде статей I тома читатель найдет первые попытки Вл. Ильича сформулировать отношения между рабочим классом и крестьянством в революции. Вдумчивый читатель, несомненно, заметит в этих первых попытках решения основной проблемы российской революции борьбу двух тенденций.

Одна тенденция опирается на общую, абстрактную идею развития производительных сил и прогрессивности с этой точки зрения крупного хозяйства над мелким хозяйством крестьянина. Эта идея заставляет Вл. Ильича в своих проектах программы 90-х гг. с особой осторожностью формулировать свои мысли о тех требованиях крестьянства, которые могли бы быть поддержаны рабочим классом.

Из этой «осторожности» — в атмосфере острой борьбы с реакционным мелкобуржуазным народничеством — вытекла и программа отрезков, происхождение которой теперь — по материалам I тома — может быть впервые детально прослежено.

Вторая тенденция, это — глубокое понимание и ощущение Вл. Ильичем уже с первых шагов его работы того конкретного факта, что аграрная революция, революционное восстание крестьян, революционное решение вопроса о земле являются необходимым моментом победы над дворянской монархией. Понимание того, что основой для победы пролетариата над этой монархией должно явиться крестьянское восстание против помещиков, было у Вл. Ильича уже в 99-х гг. глубже и определеннее, чем у кого бы то ни было из марксистов того времени, не исключая членов Группы «Освобождение Труда» и будущих редакторов «Искры».

На работах I тома мы можем изучать сочетание этих двух тенденций для того, чтобы констатировать полную и безоговорочную победу второй тенденции уже в 1904 г., т.-е. всего через год после принятия «программы отрезков». Эта вторая тенденция привела Вл. Ильича уже в начале 1905 г. к программе «национализации земли» и «диктатуры пролетариата *и* крестьянства». Эту программу Вл. Ильич выдвинул как раз в тот момент, когда меньшевики, опошлив и доведя до абсурда идею об экономической реакционности крестьянского хозяйства, сделали ее орудием контр-революционных нападений на тактику «союза рабочих и крестьян» и положили ее в основу своей тактики союза рабочих с буржуазией.

Другое обстоятельство, на которое необходимо обратить особое внимание, это та характеристика различных подходов к вопросу о роли рабочего класса в революции, которую дал Вл. Ильич в одном из примечаний к своей первой политической работе. На стр. 204-й I тома читатель прочтет следующие строки:

> «К выводу о необходимости поднять рабочего на борьбу с абсолютизмом можно прийти двумя путями: либо смотреть на рабочего, как на единственного борца за социалистический строй, и тогда видеть в политической свободе одно из условий, облегчающих ему борьбу. Так смотрят соц.-демократы. Либо обращаться к нему просто как к человеку, наиболее страдающему от современных порядков, которому уже нечего терять и который всего решительнее может выступить против абсолютизма. Но это и будет значить — заставлять его тащиться в хвосте буржуазных радикалов, не желающих видеть антагонизма буржуазии и пролетариата за солидарностью всего «народа» против абсолютизма».

В своей краткости, простоте, точности и выразительности эта характеристика 1894 г. должна быть признана гениальным предвосхищением всего смысла идейной и политической борьбы в России за последние 3 десятилетия. Ибо весь — весь без остатка — смысл этой борьбы, наложившей свой отпечаток на все области общественной жизни и мысли России — именно и заключался в решении вопроса: станет ли рабочий класс во главе всех трудящихся и поведет их на борьбу за социализм, ниспровергая с их поддержкой все препятствия на своем пути, — в первую очередь монархию, — или — по образцу классических буржуазных революций XIX века — принужден будет передать свою гегемонию либеральной буржуазии, тащась в ее хвосте на путях реформистского изживания сначала монархии, а потом «демократии». Все без исключения партии и группы — от «экономистов», «бернштейнианцев» и меньшевиков до эс-эров и кадетов — практически в течение десятилетий толкали пролетариат на этот

второй путь. Ленин, точно и ясно определивший уже в 1894 г. оба пути, звал его на первый путь. Рабочий класс пошел за Лениным. Из маленького «примечания» развернулась теория и практика, которая надолго определила ход русской и мировой истории.

* * *

Статьи, собранные во втором томе, по своему содержанию разбиваются на две группы.

Одна группа этих статей посвящена борьбе против народничества и выяснению мелкобуржуазных корней и реакционного содержания этого пережитка крестьянофильского якобы социализма. В этих статьях не только разобраны социально-политические взгляды народничества в сопоставлении с соответствующими взглядами реакционных мелкобуржуазных романтиков Западной Европы (в особенности в статье «К характеристике экономического романтизма»), но и прослежена эволюция и роль народничества, как одного из течений русской революционной мысли (в частности, в статье «От какого наследства мы отказываемся»). Последняя задача могла быть выполнена В. И. в легальной прессе только в самой общей форме. В точных политических терминах отношение к различным течениям среди народничества со стороны марксистов дано В. И. в написанной почти одновременно с вышеназванной статьей брошюре «Задачи русских социал-демократов», предназначенной для нелегальной печати и появившейся в Женеве.

Две из статей, посвященных народничеству («К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике» и «Кустарная перепись 1894/5 года в Пермской губернии и общие вопросы кустарной промышленности»), представляют детальный разбор тех методов, при помощи которых народническо-либеральная мысль обрабатывала факты экономической жизни России и прикрашивала размеры и глубину капиталистической эксплуатации трудовых масс населения.

Эти две статьи служат как бы подготовительными и дополнительными этюдами к книге «Развитие капитализма в России», которая заканчивалась В. И. как раз в это же время.

Другая группа статей II тома посвящена борьбе с так называемым «легальным марксизмом», который В. И. уже в 1894 г. охарактеризовал, как течение буржуазной мысли, подделывающейся под марксизм, и главными представителями которого в 90-х годах являлись П. Струве, М. Туган-Барановский и С. Булгаков.

В первом томе собрания сочинений впервые напечатана вышедшая в 1894 г., до выхода книжки Струве, брошюра Ленина

«Что такое «друзья народа» и как они борются с социал-демократами». Книжка эта, выпущенная на гектографе в количестве нескольких десятков оттисков, с тех пор не перепечатывалась. Из брошюры этой читатели убедятся, какая глубокая пропасть уже в 1893 г. отделяла «марксизм» Струве, с его лозунгом: «пойдем на выучку к капитализму», от марксизма Ленина, с его лозунгом — готовить коммунистическую революцию в России (этими словами кончалась брошюра Ленина 1894 г.) Разбор книги Струве, сделанный Лениным под характерным заглавием. «Отражение марксизма в буржуазной литературе», представляет следующий этап в отмежевании пролетарского социализма от буржуазных течений, принужденных своеобразными общественными отношениями в России и ходом борьбы с реакционным утопизмом народников прикрываться марксизмом или заигрывать с марксизмом.

Прежде чем окончательно перейти на точку зрения штампованного либерализма, представители легального марксизма сделали попытку приспособить к себе учение Маркса при помощи, с одной стороны, неокантианства, с другой стороны — при помощи восстановления экономических учений до-марксовского периода. Эти попытки нашли широкий отклик в легальной литературе 90-х гг., в частности в статьях Струве, который выкинул знамя борьбы против ортодоксии, и в статьях Булгакова, разнесшего книгу Каутского об аграрном вопросе. На эти попытки «критического» пересмотра, т.-е. буржуазного опошления марксизма, тов. Ленин ответил рядом статей, собранных во втором томе сочинений под заголовком: «Статьи по вопросу о теории рынков», к которым надо прибавить замечания, сделанные В. И. по тому же вопросу в статье «Некритическая критика».

В статье 1899 г. против Струве В. И. прямо ссылается против новой критической струи на «ортодоксов» Каутского и Плеханова, как на представителей подлинного марксизма, и противопоставляет критике будущих либералов лозунг: «останемся под знаком ортодоксии». Особо следует отметить, что в этой статье так же, как и в первой статье, направленной против Струве, В. И. специально подчеркивает правильность материалистической философии Маркса в ее противопоставлении неокантианству буржуазных критиков марксизма.

Однако, все эти замечания, искусно вставленные в легальные статьи и долженствовавшие указать читателям легальных журналов на несовместимость пролетарского социализма с буржуазной критикой марксизма, могли получить точную и определенную формулировку лишь в нелегальной прессе. Таким документом, подводившим отчетливые политические итоги размежеванию между пролетарским социализмом Ленина и ревизионизмом его противников, явился написанный в том же 1899 г. Лениным

«Протест русских социал-демократов». Этот документ надо иметь в виду, чтобы понять политический смысл легальных статей Ленина 1899 — 1900 гг. [1]).

* * *

III том Собрания Сочинений В. И. Ленина почти целиком занят перепечаткой исследования В. И.: «Развитие капитализма в России», первое издание которого вышло в Петербурге в 1899 г., а второе, дополненное, там же в 1908 г. (изд. «Паллада»).

Уже в первой обширной—нелегальной—работе В. И.: «Кто такие «друзья народа», и как они борются с социал-демократами», написанной в середине 1894 г., имеются статистические материалы и подсчеты, вошедшие в той или иной форме в «Развитие капитализма» и показывающие, что уже в 1894 г. В. И. собирал и группировал данные по тем вопросам, которые детально разработаны в «Развитии капитализма».

Однако, ближайшим образом работой над к н и г о й о капитализме в России В. И. занялся уже в тюрьме, в 1896-м году, когда был проработан основной материал и составлен основной план исследования. Дальнейшая обработка книги происходила в ссылке в 1897 г. и закончена в 1898 г. Печатание книги очень затянулось и было закончено лишь в м а р т е 1899 г. [2]). В апреле того же 1899 года книга появилась в свет. Еще до появления книги часть одной главы из нее (гл. III. Переход землевладельцев от барщинного хозяйства к капиталистическому) была напечатана в III (март) книжке журнала «Начало» за 1899 г. под заглавием: «Вытеснение барщинного хозяйства капиталистическим в современном русском земледелии».

Вместе с «Развитием капитализма» в этот том Собрания Сочинений включен единственный отклик В. И. на критические статьи, вызванные его книгой. Это — статья «Некритическая

---

[1]) Когда писались эти строки «Протест» Ленина против «Credo» был единственно доступным нам документом, который можно было рассматривать как выражение подлинных, — несмягченных ради цензуры легальных журналов — взглядов Владимира Ильича соответствующего периода. С тех пор разысканы и опубликованы ряд новых работ Ленина, предназначавшихся для нелегальной печати и написанных в том же 1899 году. Эти «находки» не только подтверждают сказанное в тексте, но и позволяют еще резче подчеркнуть сделанные в тексте выводы. О значении этих вновь найденных статей Ленина см. ниже.

Прим. к наст. изд.

[2]) Об этом говорит сам В. И. в статье: «Еще к вопросу о теории реализации». См. т. II Собр. Соч.; об этом можно судить также по основании сопоставления того, что говорит В. И. в предисловии к 1 изд. своей книги о книге Каутского «Аграрный вопрос», с тем фактом, что эта работа Каутского была уже в руках у Вл. Ил. в м а р т е 1899 г.

критика». Вызвана она статьей П. Н. Скворцова «Товарный фетишизм», напечатанной в № 12 «Научного Обозрения» за 1899 г. и посвященной критике книги В. И.

О критике В. И., П. Н. Скворцове, нам известно немного. Он был одним из первых русских марксистов. В воспоминаниях М. Горького имеется следующая отметка о Скворцове, относящаяся к самому началу 90-х гг.:

«П. Н. Скворцов был в то время одним из лучших знатоков теории Маркса, он не читал никаких книг, кроме «Капитала», и гордился этим. Года за два до издания «Критических заметок» П. Б. Струве, он читал в гостиной адвоката Щеглова статью, основные положения которой были те же, что и у Струве, но — хорошо помню — более резки по форме. Эта статья поставила Скворцова в положение еретика, что не помешало ему сгруппировать кружок молодежи,— позднее многие из членов этого кружка играли весьма видную роль в строении с.-д. партии. Он был, поистине, человек «не от мира сего». Аскет, он зиму и лето гулял в легком пальто, в худых башмаках, жил впроголодь и при этом еще заботился о «сокращении потребностей» — питался, в течение нескольких недель, одним сахаром, съедая его по две осьмых фунта в день,— не больше и не меньше» («Летопись Революции», кн. I, ст. М. Горького: «В. Г. Короленко»).

Из статей П. Скворцова нам известны лишь: 1) Международная хлебная торговля России» («Юридический Вестник», 1890 г., XII), 2) «Итоги крестьянского хозяйства на южном трехпольном черноземе» («Юридический Вестник» 1891, № 5—6). В этих статьях П. Скворцов выступил, едва ли не первым в русской легальной журналистике, защитником марксистских взглядов на значение дифференциации русского крестьянства. Наконец, сожженный цензурой марксистский сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» (1895 г.), со статьями Ленина, Плеханова, Потресова и др., открывался обширной статьей того же Скворцова «Итоги крестьянского хозяйства по земским статистическим исследованиям», включавшей также его статьи из «Юридического Вестника» за 1892 г.

На П. Н. Скворцове мы остановились несколько подробнее потому, что нигде до сих пор не встречали каких-либо указаний на его роль в эпоху зарождения марксизма и первых марксистских групп в России.

Что касается статьи (точнее: ее последних трех страниц, 522—524 Соб. Соч.) В. И., то она заслуживает в связи с рядом обстоятельств особого внимания.

К 1899 году окончательно наметился решительный поворот очень значительной группы «легальных марксистов», поддержи-

вавших борьбу марксистов против народничества в начале 90-х гг., от марксизма к либерализму. Во главе поворачивавших стояли Струве, Туган-Барановский, Булгаков. Свою «критику» пролетарского социализма они могли проделывать открыто, в легальной журналистике, в ряде статей, книг и сборников, сразу заполнивших книжный рынок. Противопоставить этой «критике» открытую защиту «ортодоксального», т.-е. революционного марксизма в легальной печати было невозможно. Именно в связи с этой потребностью широко развернуть основные положения революционно-марксистской идеологии, программы и тактики в их противопоставлении бывшим «марксистам», ставшим либералами, или в лучшем случае «ревизионистами», в группе Ленина возникает мысль о создании за границей боевого органа марксизма, осуществившаяся в 1900 г. в виде создания «Искры» и «Зари». Но в 1899 г. Ленин находился еще в Сибири. Впредь до создания задуманного боевого органа приходилось ограничиваться намеками на свою позицию в легальной печати и выработкой основных позиций задуманной кампании в узком кругу единомышленников путем совещаний и переписки. На одном подобном совещании был выработан Лениным в середине 1899 г. известный «Протест российских социал-демократов против Credo».

Что касается легальной литературы 1899 г., то свое отношение к начавшемуся походу «критиков» В. И. выразил уже в статье «Еще к вопросу о теории реализации» (март 1899 г., переп. во II томе Собр. Соч.) и вновь — через пару месяцев — в статье «Ответ Неждапову» (май — июнь 1899 г.). Уже в первой из этих статей лозунгу Струве: «Против ортодоксии» Ленин противопоставляет лозунг: «Останемся под знаменем ортодоксии». Затем последовало резкое выступление против Булгакова (статья: «Капитализм в сельском хозяйстве», «Жизнь» 1900 г., №№ 1 и 2), и, наконец, то недвусмысленное «определение своей позиции» (выражение Ленина), которое, несколько искусственно, но вполне обдуманно, пристегнуто к полемической статье против П. Скворцова.

Чтобы вполне оценить преднамеренность этого неожиданного заключения статьи «Некритическая критика», именно и необходимо взять его в связи с указанными выше статьями В. И. за 1899 г.

Статья «Некритическая критика» была последней статьей В. И., написанной и опубликованной в легальной печати до отъезда его за границу. Она написана в марте 1900 г., после возвращения из ссылки, когда отъезд за границу для создания «Искры» был уже решен (В. И. выехал за границу 16 июля того же года).

Таким образом заключительные страницы статьи «Некритическая критика» представляют как бы легальное изложе-

ние программы ближайших задач той группы, которая во главе с Лениным переходила на нелегальное положение ради отстаивания основ пролетарского социализма и пролетарской партии и которая через несколько месяцев выступила в виде организации «Искры» и «Зари». В этом и заключается смысл и значение заключительных страниц статьи «Некритическая критика», как бы открывающих новый период и в работе В. И. и в жизни нашей партии.

Особо следует подчеркнуть то обстоятельство, что в «определение своей позиции» В. И. включает в данном случае и «определение своей позиции» в философии, делая тут же несколько замечаний о марксизме и неокантианстве. Ошибочно думать, что эти замечания случайны. Уже в 1894 г., при разборе книги Струве, В. И. посвятил несколько страниц «критическому» отношению последнего к материализму (ср. т. II Собр. Соч., стр. 69 и сл.). В данной статье В. И. прямо говорит, что вопрос о «современном эклектическом направлении в философии», рядом с тем же «направлением» в политической экономии его «особенно занимает». Известно, что этот интерес В. И. к вопросам философии марксизма мог по историческим обстоятельствам получить свое выражение в систематизированном виде лишь через 10 лет, лишь после первой революции (книга: «Материализм и эмпириокритицизм»).

* * *

История зарождения и роста политических и организационных идей, легших в основу партийно-политической работы «Искры» и нашедших свое законченное выражение в ленинском «Что делать?», оставалась до сих пор «темным» местом и в истории партии, и в биографии Ленина. Для трехлетия, лежащего между «Задачами русских с.-д.» (1897 г.) и № 1 «Искры» (1900 г.), мы имели до сих пор в качестве партийно-политических документов, исходящих от Ленина, лишь его ответ на «Credo» (1899 г.) и несколько намеков в легальных статьях, о которых была только что речь. Сам Ленин для того, чтобы восстановить подлинную историю партийной мысли в России в эти годы, должен был уже в 1902 году ссылаться не на какие-либо статьи, резолюции и т. п., а на документы, которые света не увидели.

Вновь найденные статьи Владимира Ильича, написанные им в 1899 г. и предназначавшиеся для невышедшего в свет № 3 «Рабочей Газеты», вместе со статьей «Понятное движение в русской с-д-тии», написанной в то же время и тесно с ним связанной, восполняют указанный пробел. Эти статьи полностью раскрывают перед нами взгляды Ленина по всем основным

вопросам марксистской мысли и партийной практики и служат прекрасным пояснением к тем «намекам», которые разбросаны в его легальных статьях 1899 — 1900 гг. Вместе с тем эти статьи можно и следует рассматривать как первую формулировку организационных и политических идей «Искры» и «Что делать?».

Целый ряд основных идей этой книги в ясных и точных словах даны уже в этих статьях, предназначавшихся для подпольной газеты. После ознакомления с этими статьями становится совершенно неоспоримым, что Владимир Ильич приехал в 1900 г. за границу и вступил в переговоры с Группой «Освобождение Труда», имея вполне, до конца и всесторонне продуманный организационно-политический план восстановления и работы партии на ряд ближайших лет. Вопрос о преодолении «кустарничества», о систематической и беспощадной борьбе с бернштейнианством и его русским обличием—«экономизмом», о создании кадра «профессиональных революционеров», о воссоздании партии вокруг «общерусской газеты» и, наконец, о тактике рабочей партии, которая поставила бы пролетариат во главе всех борющихся сил и обеспечила бы ему руководящую роль в подготовке и проведении народной революции против монархии — путем преодоления в первую очередь трэд-юнионистской узости — все основные положения «Что делать?» поставлены и решены в этих статьях, дающих общий итог мыслям, окончательно созревшим у Владимира Ильича в тюрьме и ссылке.

В те самые месяцы, когда Ленин в Восточной Сибири писал упомянутые статьи, Плеханов в Женеве составлял свой известный Vademecum для ред. «Рабочего Дела» (вышел в феврале 1900 г.).

Сравнение этих работ легко покажет, в чем заключается их различие при полном единстве основной задачи. От блестящего памфлета Плеханова работы Ленина отличаются глубокой связью с практическими задачами подлинного рабочего движения, как оно развивалось в России, и наличностью глубоко-продуманной положительной программы воссоздания революционной пролетарской партии, программы, целиком воплощенной в 1900—1903 гг.

ЛЕНИН В «ИСКРЕ».

1. Встреча с Плехановым в 1900 г.

Среди немногочисленных документов, рисующих личные переживания Владимира Ильича и эволюцию его политических приемов, запись Ильича о том, «как чуть не потухла «Искра», имеет особое значение. Для многих даже очень хорошо знавших Владимира Ильича товарищей этот документ раскроет новые черты его характера. Он покажет прежде всего, как глубоко переживал этот железный человек те внутрипартийные столкновения, которые неизбежно сопровождали рождение и укрепление революционной партии рабочего класса. Он раскрывает также с поразительной искренностью интимное отношение Владимира Ильича к Г. В. Плеханову.

Соратники Владимира Ильича знали давно, что даже после окончательного разрыва с Плехановым Владимир Ильич сохранял к последнему особое чувство. Мы знали, что никогда Владимир Ильич не ставил Г. В. Плеханова на одну доску с другими своими противниками, что он ценил в нем не только большой ум, революционную опытность и громадные знания, но и боевой дух, воинственный пыл подлинного марксиста. Всегда и на всех поворотах исторического пути — вплоть до катастрофического августа 1914 г. — Владимир Ильич готов был прежде всего посчитаться и особенно тщательно взвесить аргументы Плеханова. «В Плеханове живет подлинный якобинец» — не раз говаривал Владимир Ильич, а это было в его устах высшей похвалой. Не раз с восхищением отзывался он о тех литературно-политических боях, которые провел Плеханов. Среди политических недоносков, с которыми по долгу службы приходилось иногда сражаться Владимиру Ильичу, он явно выделял Г. В. Плеханова как бойца, достойного своего противника.

Для правильного понимания отношения Владимира Ильича к Плеханову надо вспомнить, что после самой резкой полемики с Плехановым в 1905—1907 гг. не кто иной как сам же Владимир Ильич выдвинул в 1909 г. объяснение тактики Плеханова в первой революции как попытки политического маневра, который во-

всяком случае заслуживает серьезного разбора. И уже тогда мы шутливо говорили Владимиру Ильичу: «А ведь вы, Владимир Ильич, влюблены в Плеханова», Владимир Ильич — отшучивался.

Теперь перед нами документ, в котором Владимир Ильич именно этим, столь необычным в политическом лексиконе Владимира Ильича, словом характеризует свое отношение к Г. В. Плеханову.

Правда, это относится к 1900 году. Перед нами еще не тот Ленин, которого знает весь мир. Это — Ленин *накануне* своего выступления в качестве руководителя всероссийской организации. В его багаже — ряд научных трудов, ряд блестящих публицистических выступлений, руководство петербургской рабочей организацией, крупное влияние в среде русских «практиков». Но политический опыт и закал политического вождя, это — то, что еще надо завоевать и что завоевывается лишь путем тяжких испытаний. В этом смысле 1900 год — год переезда за границу, организации «Искры», столкновений и соглашений с Г. В. Плехановым и окончательного разрыва с П. Б. Струве — переломный год в жизни Владимира Ильича. «Это было знаменательное и «историческое» в своем роде собрание,—пишет Владимир Ильич 29 декабря 1900 г., — по крайней мере историческое в моей жизни, подводящее итог целой — если не эпохе, то стезе жизни и определяющее надолго поведение и жизненный путь».

Это признание и его форма особенно знаменательны в устах Владимира Ильича, никогда не любившего «лирических излияний». Они показывают глубину личных переживаний, которыми сопровождалось накопление политического опыта, ценой которых покупался закал политического вождя.

В огне этих жизненных испытаний сгорело многое из того, что впоследствии сам Ильич характеризовал как «политическую наивность», и приобретено было многое необходимое для того, чтобы железной рукой вести корабль пролетарской революции.

Этот переломный момент в жизни Владимира Ильича получил в печатаемом документе поразительно ясное и яркое отражение: в нем Владимир Ильич нарисовал не только Г. В. Плеханова, но и себя самого в один из важнейших моментов своего политического роста.

Запись Владимира Ильича, озаглавленная им «Как чуть не потухла «Искра», начата 2 сентября и закончена 6—7—8 сентября 1900 г. (здесь и всюду в дальнейшем новый стиль).

Для точного понимания содержания описанных в записи Владимира Ильича бесед надо иметь в виду следующее. Владимир Ильич приехал за границу в самом конце июля 1900 г. для организации за границей газеты «Искра».

Параллельно с «Искрой», по плану Владимира Ильича, за границей должно было быть организовано издание научно-теорети-

ческого органа марксизма (будущая «Заря»). Ближайшее участие в том и другом органе должны были принять члены Группы «Освобождение Труда». Формы сотрудничества Группы «Освобождение Труда» с организаторами «Искры» и «Зари» и должны были определить те переговоры, которым посвящена запись Владимира Ильича.

Владимир Ильич прибыл за границу в момент, когда давно подготовлявшийся разрыв между Группой «Освобождение Труда» и экономистами за границей дошел до полного раскола (на апрельском (1900) съезде Заграничного «Союза русских социал-демократов») и ожесточенной полемики. За несколько месяцев до описанных в записи Владимира Ильича бесед, Г. В. Плеханов выпустил направленную против экономистов (иначе называвшихся союзниками — по возглавленному ими после апрельского съезда «Союзу русских социал-демократов за границей», или рабочедельцами — по издававшемуся ими журналу «Рабочее Дело») свою резко-полемическую и беспощадную брошюру «Vademecum» для редакции «Рабочего Дела» (февраль 1900 г.). Именно в этой брошюре, а также в изданных им двух номерах листка «Из записной книжки социал-демократа» (июнь 1900 г.), Георгий Валентинович Плеханов употребил те приемы полемики, которые неприятно поразили прибывшего из России Владимира Ильича.

С другой стороны, необходимо помнить, что к моменту переговоров с Группой «Освобождение Труда» организаторы будущей «Искры» еще не окончательно порвали с мыслью привлечь к делу постановки своей газеты П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановского. Эти два лица были даже ими привлечены к предварительному обсуждению плана издания будущей «Искры» и принимали вместе с Владимиром Ильичем, Ю. О. Мартовым, А. Н. Потресовым и С. И. Радченко участие на Псковском Совещании весной 1900 г. перед отъездом Ленина и Потресова за границу.

Резко-отрицательное отношение Ленина к тому повороту от марксизма, который совершили П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский, было к тому времени уже точно фиксировано как в легальных (см. статьи Ленина: «Еще к вопросу о теории реализации» 1899 г. Собр. Соч., том II), так и в нелегальных (см. «Протест русских с.-д.» 1899 г. Собр. Соч., том I) произведениях Владимира Ильича. Однако, с этим резко-отрицательным отношением к проповеди г.г. Струве и Туган-Барановского у организаторов «Искры» сочеталось стремление на определенных условиях использовать их для нового органа. В конце концов это стремление получило некоторое реальное воплощение в том факте, что две статьи Струве были напечатаны в первых номерах «Искры». Вскоре, однако, поворот П. Б. Струве к либерализму обнаружился настолько ясно, что о дальнейшем его сотрудничестве не могло быть и речи. Окончательный разрыв между Владимиром Ильичем

и Струве произошел через пару месяцев после переговоров в Женеве и тогда же описан им в документе (Запись 29 декабря 1900 г.), который тоже представляет важнейший документ в истории политической деятельности Ленина.

Переговоры между Лениным и Группой «Освобождение Труда», описанные Владимиром Ильичем, закончились договором, о проекте которого Владимир Ильич говорит в конце своей записи.

Описанные в записи Ленина свидания и беседы имели место в Цюрихе и в деревушке на берегу Женевского озера, где жили в эти дни Плеханов, Владимир Ильич и А. Н. Потресов, в 20-х числах августа 1900 г.

Насколько можно судить по данным самой же записи Владимира Ильича, съезд Группы «Освобождение Труда» и представителей организации «Искра», т.-е. фактически — совещание, в котором принимали участие Г. В. Плеханов, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод, В. И. Ленин и А. Н. Потресов, начался в пятницу 24 августа и закончился во вторник 28 августа 1900 года. В тот же день вечером Владимир Ильич выехал из Женевы в Германию.

---

2. История одной статьи.

1. История рукописи.

Статья Владимира Ильича «Аграрная программа русской социал-демократии» была впервые напечатана в № 4 журнала «Заря», помеченном августом 1902 г. Когда она была написана?

В «Заре» статья эта сопровождена пост-скриптумом автора следующего содержания:

«P. S. Предлагаемая статья была написана до начала крестьянских восстаний на юге России весной текущего года. Принципиальные положения статьи вполне подтвердились этими событиями. А о тех тактических задачах, которые с особенной силой выдвигаются теперь перед нашей партией в ее «деревенской» работе, мы надеемся поговорить в следующий раз».

Крестьянские «беспорядки» в Харьковской и Полтавской губерниях происходили в 20-х числах марта 1902 г. Следовательно, статья Владимира Ильича написана во всяком случае до этой даты.

Внимательное изучение рукописи и печатного текста статьи обнаруживает, однако, такие характерные черты, которые дают возможность еще точнее приблизиться к дате ее написания.

На стр. 11 рукописи Владимир Ильич пишет: «Все 16 пунктов этого (рабочего) отдела программы относятся и к сельским рабочим». Между тем стоит взглянуть на текст программы, впервые

напечатанной в № 21 «Искры» (от 1 июня 1902 г.), чтобы убедиться, что в нем «рабочий отдел» имеет не 16, а 17 пунктов.

Такое же странное несоответствие между ссылками статьи Владимира Ильича на программу и самим текстом программы мы находим на странице 84 рукописи. Рукопись гласит: «...§ 16 требует учреждения промысловых судов во всех отраслях народного хозяйства... из представителей от рабочих и предпринимателей поровну». Этот текст воспроизведен и в печати («Заря», № 4, стр. 177).

Между тем текст программы в № 21 «Искры» гласит: «учреждение во всех отраслях народного хозяйства промысловых судов, составленных поровну из представителей от рабочих и предпринимателей».

Но еще поразительнее тот факт, — до сих пор незамеченный, кажется, ни одним из комментаторов и критиков аграрной программы «Искры» и «Зари», — что Владимир Ильич в своей статье цитирует, комментирует и защищает не совсем тот текст проекта аграрной программы, который был опубликован от имени «Искры» и «Зари» за три месяца до появления статьи Владимира Ильича.

В самом деле. Приступая к защите программы, Владимир Ильич пишет: «Приведем полностью «аграрную» часть этого проекта».

Далее идет воспроизведение соответствующих пунктов программы. Однако, то, что выписано Владимиром Ильичем как аграрная программа редакции «Искры», не вполне совпадает с тем, что стоит в программе, напечатанной в № 21 «Искры» и что воспроизведено в той же книжке «Зари», где напечатана статья Владимира Ильича.

Пункт 4-а программы в № 21 «Искры» и в № 4 «Зари» гласит: «Партия требует...

«Учреждения крестьянских комитетов а) для возвращения сельским обществам (посредством экспроприации или — в том случае, если земли переходили из рук в руки — выкупа государством за счет крупного дворянского землевладения)» и т. д.

Между тем Владимир Ильич в рукописи дает такой текст этого пункта: «Учреждения крестьянских комитетов а) для возвращения сельским обществам (посредством экспроприации или — в том случае, если земли переходили из рук в руки — выкупа и т. п.)» и т. д. [1]).

---

[1]) Характерно, что несоответствующая тексту программы формулировка попала и в печатный текст статьи Владимира Ильича, напечатанной три месяца спустя после опубликования официального текста программы (см. «Заря», № 4, стр. 154). И это несмотря на то, что статья Владимира Ильича перечитывалась каждым членом редакции не менее чем по два раза, и перечитывалась, как мы убедимся, очень и очень внимательно.

Далее. Вводная часть аграрной программы в «Искре» и «Заре» гласит: «В целях устранения остатков крепостного порядка, тяжелым гнетом лежащих на крестьянах, и в интересах» и т. д.

У Владимира Ильича в первоначальной рукописи это введение приведено в следующем виде: «В целях устранения остатков крепостного порядка и в интересах» и т. д.

Приведенные нами обстоятельства явно указывают на то, что, работая над своей статьей-комментарием к аграрной программе, Владимир Ильич имел перед глазами не тот текст программы, который появился в № 21 «Искры», а какой-то другой проект программы.

Существовал ли такой проект программы, в котором:

1) «рабочий отдел» включал 16 (а не 17) пунктов;

2) § 16 был формулирован согласно тексту, цитируемому Лениным;

3) аграрная программа читалась по тексту, приведенному Лениным, а не по тексту, воспроизведенному в «Искре»?

Да, такой текст существовал. Это был текст, выработанный в Мюнхене 5-ю членами редакции и воспроизведенный нами в «Ленинском Сборнике», II, стр. 42 — 50. Именно этот текст имел перед собой Владимир Ильич, на него именно ссылался и его цитировал в своей статье.

Выработка этого текста была закончена в Мюнхене, вероятно, в первых числах февраля 1902 г.

Текст этого проекта подвергся переработке на Цюрихском Совещании членов редакции «Искры», происходившем 14 — 17 апреля 1902 г. Именно здесь «рабочий отдел» был дополнен новым, 17-м параграфом, § 16 был перередактирован, аграрная программа дополнена указанием на выкуп «государством за счет крупного дворянского землевладения» и внесены некоторые стилистические изменения, не вошедшие в текст рукописи Ленина.

Таким образом можно установить точно, что рукопись Владимира Ильича была составлена в Мюнхене в феврале и начале марта и во всяком случае закончена не позднее двадцатых чисел марта 1902 г. При этом Владимир Ильич имел перед собой текст проекта программы, составленный в Мюнхене. Изменения, внесенные в практическую часть этого проекта на Цюрихском Совещании, не были (кроме одного случая) перенесены в текст статьи Владимира Ильича и она поэтому сохранила следы первоначального «мюнхенского» проекта программы.

Какова была дальнейшая судьба рукописи?

Надо предполагать, что члены редакции (В. И. Засулич и Ю. О. Мартов), выехавшие 12 апреля из Мюнхена в Цюрих на Совещание с Г. В. Плехановым и П. Б. Аксельродом, захватили ее с собой. (Ленин от поездки в Цюрих отказался.) Во всяком случае, рукопись была коллективно прочитана и обсуждена

на Цюрихском Совещании 15 апреля. (На Совещании участвовал — кроме вышеназванных членов редакции — еще и Л. Г. Дейч, тоже приехавший в Цюрих из Мюнхена.) Об этом первом коллективном чтении рукописи Вл. Ильича мы имеем два свидетельства. Первое исходит от П. Б. Аксельрода. В своем письме к Владимиру Ильичу от 16 апреля 1902 г. (полный текст письма см. «Ленинский Сборник», II, стр. 135) П. Б. Аксельрод пишет:

«Прочитали мы вчера сообща Вашу статью об Аграрной программе. Статья очень хорошая, есть места прямо прекрасные. Но кое-где необходимо подправить. Хотя почин или инициатива предложения поправок исходили то от одного, то от другого из нас, но они без споров быстро принимались всеми, а формулировались чаще всего Алексеем [Мартовым]. Я не могу представить себе, чтобы Вы вполне и безусловно не согласились с нами — trotz Вашему «упорству». За исключением одного пункта, все требуемые поправки частью литературного, а частью политическо-дипломатического характера, словом, частности».

Второе свидетельство принадлежит Ю. О. Мартову. В своем, очень важном для истории Цюрихского Совещания, письме к Владимиру Ильичу от 17 апреля (из Цюриха же в Лондон) Мартов пишет:

«Читали сообща статью об отрезках и на-днях отошлем ее тебе со своими коллектив[ными] замечаниями о необходимых изменениях. Думаю, что ты не найдешь требуемых изменений слишком «строгими»; статья, имеющая быть редакционной, должна не вызывать ни в одном члене редакции Bedenken в роде того, что это навлечет на нас подозрение в том, что мы прежде всего хотим откреститься от мысли, что нас интересуют бедствия крестьянства просто, как бедствия etc. — главный довод Вел. Дм. [Засулич] и Пав. Бор. [Аксельрода], а отчасти и Г. В. [Плеханова]. Устранение места о национализации земли, равно к[ак] и «обилия Мартынова», кажется и мне не менее необходимым».

Это первое, коллективное обсуждение статьи Владимира Ильича 15/IV в Цюрихе имело результатом ряд замечаний и поправок, формулированных письменно Мартовым на чистых листах рукописи Владимира Ильича. Рукопись с этими замечаниями была отправлена Владимиру Ильичу в Лондон. (Возможно, что ее привез в Лондон Ю. О. Мартов, выехавший 24/IV из Цюриха в Лондон.) Во всяком случае рукопись с замечаниями была получена Владимиром Ильичем не ранее 23/IV, ибо в письме его к Аксельроду от 23/IV о получении рукописи еще нет упоминания.

Получив рукопись, Владимир Ильич внес в нее поправки согласно замечаний, сделанных Мартовым от имени редакционной коллегии. Это было проделано Владимиром Ильичем между 23 апреля и 3 мая. В письме к П. Б. Аксельроду от 3/x

Владимир Ильич пишет: «...Теперь хотел бы с вами поговорить немного насчет статьи об отрезках. Я исправил ее, приняв во внимание все (подчеркнуто Лениным. *Л. К.*) указания и требования высокой коллегии (т.-е. редакции. *Л. К.*). Теперь она посылается Г. В. [Плеханову] для пересылки Вам... Берг (Мартов. *Л. К.*) удовлетворен моими поправками...» Сам Мартов в письме П. Б. Аксельроду от 15/х следующим образом изложил положение дела со статьей Владимира Ильича к 3 мая: «..... В Цюрихе мы сообща разбирали статью Вл. Ил. [Ленина] и выработали формулировку тех поправок и изменений, которые мы все считали необходимым условием для того, чтобы статья могла пойти, как редакционная. Вл. Ил., соответственно сделанным мною на полях замечаниям, изменил статью. При просмотре ее в новом виде я счел себя лично удовлетворенным сделанными реформами, но, не полагаясь на свое личное впечатление, как человека, который всех меньше был недоволен большинством соответствующих мест в первоначальном тексте, я не высказался окончательно, предложил послать статью Г. В. [Плеханову] и Вам с тем, чтобы Вы выразили свое отношение и, буде то или другое изменение покажется недостаточным, чтобы предлагалось всей коллегии голосовать определенно формулированную новую редакцию критикуемого места (процедура та же, что проделана с программой). Только таким образом можно было надеяться на то, что редакционное обсуждение не будет означать бесконечной волокиты. Так и было сделано».

Итак, 3 мая исправленная Владимиром Ильичем рукопись была отправлена им из Лондона в Женеву Г. В. Плеханову.

Плеханов получил ее 5-го мая.

9 мая Г. В. Плеханов отправил рукопись со своими замечаниями из Женевы в Цюрих П. Б. Аксельроду. В своем письме В. И. Ленину и Ю. О. Мартову от 9 — 10 мая П. Б. Аксельрод пишет: «Сегодня (суббота 10 мая. *Л. Б.*) уже перед вечером получил от Плех[анова] рукопись. Теперь уже почти 10 часов — и я успел только около трети прочесть, да замечания Ж[оржа] [Плеханова] просмотреть. Должно быть, раньше, чем завтра после обеда не удастся прочитать ее и сделать свои заметки, а т[ак] [как] в воскресенье почта только в определенные часы открыта, то статья едва ли раньше понедельника двинется в путь. Во всяком случае больше чем $1^1/_2$ суток она у меня никаким образом не пролежит. Постараюсь на полях, насколько возможно и необходимо, высказать мои desiderata [пожелания], с которыми, насколько помню, в большинстве случаев соглашался и Ю. О. и которые им же формулированы большей частью...» П. Б. Аксельрод, действительно, сделал ряд замечаний на полях рукописи Ленина, сводившиеся, впрочем, в громадном своем большинстве к поддержке замечаний Плеханова, и отправил рукопись в Лондон.

П. Б. Аксельрод получил рукопись в Цюрихе 10 мая и собирался отправить ее в Лондон 11 или 12-го; при этом условии в Лондон рукопись могла прибыть не ранее 13 или 14; принимая во внимание, что 15 мая Ю. О. Мартов писал уже Аксельроду о впечатлении, которое произвели на него и на Владимира Ильича замечания Плеханова, приходится заключить, что 14 мая рукопись была уже в руках у Владимира Ильича.

Замечания Плеханова, которыми была испещрена вернувшаяся к Ленину и уже однажды исправленная им рукопись, носили совершенно необычный характер. Этими замечаниями Плеханов явно стремился не только исправить рукопись в желательном ему направлении, но и выразить все свое недовольство тем, как складывались внутренние отношения в «Искре».

«Искра» и как литературное предприятие и как практическая организация фактически вдохновлялась и направлялась Лениным. Это было неизбежно, поскольку вместе с «Искрой» социал-демократическая работа в России переходила из эпохи кружкового просвещения в эпоху построения массовой партии. Уже в этот момент Плеханов представлял — прошлое, Ленин — будущее марксизма в России. Неосознанное, но очень острое ощущение этого положения дел несомненно руководило Плехановым, когда он своими замечаниями на статью Ленина пытался закрепить за собой положение безапелляционной верховной инстанции в решении программных и тактических вопросов создававшейся вокруг «Искры» партии. В. И. Засулич и П. Б. Аксельрод целиком поддерживали Плеханова.

Ознакомившись с замечаниями Плеханова, Ленин «принял бой». Он отказался вносить какие-либо изменения в свою статью, а замечания Плеханова снабдил тут же — на полях рукописи — репликами, тон которых вполне соответствовал резкости вызванного Плехановым столкновения. Несомненно, что в тот же день, 14-го мая, непосредственно по ознакомлении с замечаниями Плеханова (поддержанными Засулич и Аксельродом) Владимир Ильич написал и свое негодующее письмо Плеханову. Это означало — разрыв и распадение редакции «Искры».

На следующий же день, 15-го мая, Мартов, в те дни ближайший единомышленник Ленина, выступает с попыткой приостановить разгоревшееся столкновение. В ходе переписки между Мартовым, Потресовым, Засулич и Аксельродом выдвигались различные способы ликвидации конфликта. Одно время усиленно выдвигался план отделения «Зари» от «Искры», с передачей первой в фактически-единоличное редактирование Плеханова. Связанная с этими планами переписка будет опубликована в IV Сборнике.

Что же касается непосредственно статьи Владимира Ильича, то — в результате вмешательства Мартова, Потресова и Засулич,

Плеханов 20 июня написал — впервые после возникновения конфликта — непосредственно Владимиру Ильичу письмо, которое знаменовало отказ от его первоначальной позиции. Владимир Ильич пошел навстречу примирению и — ради этого примирения — предложил Плеханову прислать ему корректуру статьи с тем, чтобы Плеханов внес в нее желательные ему изменения. Корректура статьи была получена Плехановым в начале июля 1902 г. Вместо доброго десятка поправок первоначально предложенных Плехановым, последний ограничился на этот раз лишь двумя: он предложил выкинуть одно место в рассуждении Вл. Ильича об отрезках и в с е место о национализации земли, как возможном лозунге крестьянского восстания. Параллельно с этими изменениями в статье Вл. Ильича, Плеханов в своей статье-комментарии к программе специально и особо подчеркнул р е а к ц и о н н ы й характер национализации земли, ни единым словом не упомянув в ней о каких-либо разногласиях своих с Лениным по вопросу об отрезках.

Сделанные Плехановым в корректуре изменения были приняты Владимиром Ильичем, и статья, таким образом, увидела, наконец, свет в августе 1902 г., претерпев в результате четырехмесячного обсуждения и переписки лишь то коренное изменение, что из нее выпало очень важное место о национализации земли.

Было, однако, еще одно немаловажное последствие обсуждения этой статьи. Нельзя сомневаться в том, что именно история редакционного обсуждения этой статьи — вместе с ходом обсуждения проекта программы — убедили Владимира Ильича в нежизнеспособности такого состава редакции «Искры», при котором Плеханов — почти наверное и при любом разногласии — имел за себя еще двух членов редакции П. Аксельрода и В. Засулич. При шестичленном составе редакции это положение становилось тормозом дальнейшего ведения дела. Мысль Ленина об изменении состава редакции «Искры» ведет свое начало несомненно от рассмотренного конфликта. А предложение об изменении состава редакции и ограничении ее тройкой (Плеханов, Ленин и Мартов) было, как известно, ближайшим поводом к расколу «искровцев» и созданию «большинства» и «меньшинства» на втором съезде партии.

Этим определяется и значение конфликта по поводу статьи Ленина в истории партии. Однако, далеко не только этим.

2. Суть разногласий.

Число замечаний, проектов поправок и исправлений и ответов по поводу этих предложений, сохранившихся на чистых листах рукописи Ленина, превосходит сотню. Если, однако, отбросить все, сравнительно маловажное, или вызванное посторонними

самой статье мотивами в замечаниях и предложениях Плеханова, Аксельрода, Засулич и Мартова, то мы обнаруживаем два, так сказать, фокуса или центра разногласий большинства редакции с Лениным. Одно касалось объема тех «отрезков», которые должны были быть возвращены крестьянству; другое — лозунга национализации земли.

Ленин говорил в своей статье, что подлежат возвращению те «отрезки», которые служат орудием закабаления крестьянства и способствуют удержанию крепостнических отношений в сельском хозяйстве; Плеханов находил это ограничение — излишним. Зато Ленин ясно и решительно высказывался за принципиальную правильность и полную пригодность лозунга «национализации земли» как лозунга *демократической революции*; Плеханов же и другие члены редакции требовали сугубого подчеркивания реакционности национализации земли и допускали этот лозунг *вообще* лишь *как часть* общих требований *социалистического переворота*.

По первому вопросу — об объеме экспроприируемых «отрезков» — компромисс был найден сравнительно легко: Ленин без особой борьбы откинул выдвинутые им сначала ограничения понятия отрезков. По второму вопросу — о лозунге национализации земли в демократической революции — компромисс достигнут не был: не желая итти здесь на затушевывание своих взглядов, Ленин просто *устранил* из своей статьи все обсуждение вопроса о национализации. Плеханов же в своем комментарии к программе из всей аграрной программы специально остановился на вопросе о национализации и специально для того, чтобы подчеркнуть реакционность этого лозунга.

Мы не можем здесь подробно остановиться на смысле этих разногласий во всем объеме: они связаны с разногласиями о взаимоотношении пролетариата и непролетарских слоев в ходе буржуазной и пролетарской революции, с разногласиями о методах осуществления гегемонии пролетариата и т. п., которые проявились в редакции «Искры» уже при обсуждении программы в целом [1]).

Мы ограничимся лишь тем, чтобы наметить ту точку зрения, которая дает возможность понять рассматриваемые разногласия между Плехановым и Лениным в правильной исторической перспективе.

Статья Ленина — а вместе с ней и вся аграрная программа Ленина 1902 г.— является по существу, а не только по форме — полемическим произведением. Она почти целиком заострена

[1]) К сожалению, тов. Ваганян, который с присущей ему похвальной смелостью взялся изложить эти разногласия в своей книге о Г. В. Плеханове, оказался явно неспособен их понять.

против того якобы ортодоксального и широко распространенного в 90-х годах взгляда, что последователи Маркса не могут предлагать таких мер, которые вели бы к усилению и умножению мелкого землевладения за счет крупного. Как сочетать основы марксизма, учение о прогрессивности крупного хозяйства, борьбу с реакционно-утопическим «социализмом» народников, разоблачение буржуазной апологетики Бернштейнов и Булгаковых с поддержкой крестьянства в его борьбе за землю? — вот вопрос, о который запиналась мысль с-д-тии в 90-х и начале 900-х годов и который — объективно — для дальнейших судеб рабочей партии тогда имел такую же теоретическую и практическую важность, как вопрос о сочетании «социализма» и «политики» в 80-х годах.

Неумение ответить на этот вопрос приводило фактически к отрицанию нужности и возможности аграрной программы для рабочей марксистской партии. А этот отказ или даже пассивность в этом основном для всей революции аграрном вопросе обозначали фактически отказ пролетариата и партии от роли гегемона в русской революции.

Аграрная программа Ленина, выдвинутая им в основных чертах уже в середине 90-х гг., программа отрезков обозначала борьбу с этими взглядами; она носила революционный характер, пробивая п е р в у ю брешь и прямо провозглашая от имени рабочей партии прямую поддержку мелкого крестьянства в его борьбе за землю, прямо откидывая предрассудок о недопустимости этого с точки зрения марксистской «ортодоксии». Насколько сильны были противоположные взгляды и предрассудки даже среди наиболее революционной части марксистов — среди «искряков» — даже еще в 1902 г., накануне первого широкого крестьянского движения, — показывает на настойчивость, с которой разъясняет этот вопрос в своей статье Ленин, явно имея в виду не столько врагов революционного марксизма («экономистов» и др.), сколько именно друзей и единомышленников «Искры».

С другой стороны, тот факт, что группа «Освобождение Труда» не смогла противопоставить программе Ленина никакой другой программы, никакого другого ответа на вопрос о «смычке» революционной программы пролетариата с революционным движением крестьянства, а приняла целиком программу отрезков, — свидетельствует, что при наличной обстановке, — в начале 900-х гг., при полном отсутствии какого бы то ни было революционного или вообще массового движения крестьянства — эта программа была действительным и громадным шагом вперед в деле революционизирования программы и тактики тогдашних зачатков партии. Пролагая дорогу своей программе и вынужденный считаться с якобы «ортодоксальными» предрассудками, Ленин защиту своей программы построил на том, что рекомендуемая им программа возвращения отрезков хочет «поддержать мелкую соб-

ственность именно не против капитализма, а против крепостничества». Но из этого — в известной мере неизбежно — вытекала и та уступка господствовавшим предрассудкам, которую склонен был сделать первоначально Ленин, соглашаясь, что возвращены должны быть те именно отрезки, которые служат «орудием закабаления крестьянства»; т.-е. орудием крепостнической (в отличие от капиталистической) зависимости.

Была ли, однако, эта уступка Ленина проявлением общей тенденции, направленной к ограничению, к сужению поддержки революционным пролетариатом крестьянства? Отнюдь нет! Наоборот. Общая тенденция Ленина в его толковании аграрной программы была направлена в прямо-противоположную сторону, не в сторону ограничения и сужения, а в сторону наибольшего расширения *и* аграрных требований *и* аграрного движения. Об этом свидетельствует прежде всего общий характер статьи Ленина, страстно доказывавшего (друзьям-единомышленникам!) необходимость для рабочей партии выдвинуть крайнюю, до конца идущую, не останавливающуюся перед якобы маркситскими предрассудками «программу-максимум» в крестьянском вопросе. «В крестьянском отделе, — писал Ленин, воюя за свою программу с этими предрассудками, — мы можем и должны выставить такие требования, значение которых было бы равносильно тому, чтобы окончательно сломить господство крепостников-помещиков, чтобы совершенно очистить нашу деревню от всех следов крепостничества... В крестьянском отделе мы ставим социально-революционные требования, ибо социальная революция, ниспровергающая господство крепостников-помещиков (т.-е. такая же социальная революция буржуазии, каковой была Великая Французская революция), возможна и на базисе данного буржуазного порядка... В крестьянском отделе мы должны, в отличие от социал-реформаторов, требовать того, что никогда нам (им, крестьянам) не дадут и не могут дать крепостники-помещики,— требовать того, что в состоянии только силой взять себе революционное движение крестьянства».

Уже из этих основных положений, из которых исходил автор программы отрезков, вытекает, что для Ленина программа отрезков была лишь первым шагом, первой брешью, только «дверью», как выразился впоследствии сам Ленин, к дальнейшему расширению и аграрных требований пролетарской партии и ее поддержки в революционной борьбе крестьянства за землю.

Ленин и сказал это прямо в этой же статье, заявив: «требование национализации земли действительно «идет дальше» требования вернуть отрезки, и в принципе мы вполне разделяем это требование. В известный революционный момент мы не откажемся, разумеется, его выдвинуть». Признав далее «требование национализации земли вполне правильным с принципиаль-

ной точки зрения и вполне пригодным для известных моментов», Ленин определяет этот момент как «эпоху революционного восстания».

Вот именно против этих слов Ленина и восстал Плеханов; именно это место и было выкинуто из статьи Ленина по настоянию большинства редакции, пошедшего за Плехановым. Взамен их в статье Плеханова, сопровождавшей программу в качестве официального комментария, было напечатано подробное рассуждение о реакционности национализации земли.

Будущие меньшевики в редакции «Искры» в 1902 г. рассуждали таким образом: «пусть крестьянство получит все отрезки, но не надо говорить о национализации земли, как о лозунге крестьянского восстания». «Национализация земли и как лозунг восстания — теперь антиреволюционна» — написал Аксельрод на рукописи Ленина.

Ленин же уже в 1902 г. рассуждал в прямо-противоположном смысле: «Рабочая партия должна дать в крестьянском отделе своей программы — программу-максимум, рассчитанную на глубокую крестьянскую революцию, ниспровергающую господство помещиков. Теперь, когда нет еще налицо никакого массового движения крестьянства, мы можем ограничиться выставлением требования возвращения отрезков, служащих орудием закабаления крестьянства, поскольку это требование «непосредственно разжигает данную классовую борьбу в деревне». Но мы должны будем перейти и мы готовы перейти к требованию национализации земли, которое вполне принципиально-правильно и политически-пригодно, как только мы вступим в эпоху широких народно-революционных движений».

Оспаривая эти положения Ленина, Плеханов, Аксельрод, Мартов требовали подчеркивания реакционности лозунга национализации — во-первых, и утверждали, что этот лозунг вообще допустим в программе рабочей партии лишь как часть общих социалистических требований. Нетрудно проследить, какое продолжение этот спор на полях рукописи Ленина в 1902 году имел на поле классовой борьбы 1905 — 1917 годов.

Уже в 1902 г. Ленин требовал и готов был выставить лозунг «национализации земли» как лозунг крестьянского восстания, не связывая его обязательно с требованием национализации всех средств производства, т.-е. уже в 1902 г. Ленин допускал «национализацию земли» как лозунг не социалистической революции, а революции «буржуазной», если только эта последняя примет характер широкой, народной, крестьянской революции. Это именно и осуществилось в первой революции. Ленин немедленно же выдвинул тогда лозунг «национализации земли». Он провел его в революции 1917 г.

Плеханов, а за ним и Мартов, совершенно исключали эту возможность: для них лозунг национализация земли был допустим только (слова Мартова) как непосредственный пролог к социализации всех средств производства, только как часть (слова Плеханова) требования национализации всех средств производства. Из этого вытекло отрицание лозунга «национализации земли» для революции и 1905 и 1917 гг. у меньшевиков. Они доказывали реакционность этого лозунга тогда, когда крестьянство шло к нему, отбирая земли у помещиков.

В первой революции одним из наиболее глубоких и основных столкновений меньшевизма и большевизма было столкновение именно по этому вопросу: борьба меньшевиков против лозунга национализации, как лозунга крестьянского восстания, как знамени доведения революции, до конца вскрывала самые корни антиреволюционной сущности меньшевизма. Принципиальное и политическое значение этого столкновения не нуждается ныне в пояснениях. Сам Ленин в одной из замечательнейших и важнейших своих работ «Аграрная программа с.-д. в русской революции 1905 — 07 гг.» — показал, что именно борьба меньшевиков против большевистского понимания крестьянского движения обозначала их отказ от победы революции, от поддержки крестьянского восстания, от союза пролетариата и крестьянства, и переход на позицию союза с либералами, превращение в хвостье либеральной политики.

Зерно этого коренного политического расхождения меньшевиков (и Плеханова) и большевиков в первой революции заключается в том теоретическом разногласии, которое разыгралось в 1902 г. вокруг статьи Ленина. В этом «гвоздь», как написал уже тогда Плеханов, не предвидевший, однако, как далеко уведет его от рабочего класса непонимание «гвоздя» Ленинской тактики по отношению к крестьянству.

ПИСЬМА ЛЕНИНА ГОРЬКОМУ.

Друг или враг — всякий, кто ознакомится с этими письмами, признает, что в них мы имеем замечательнейший документ нашей замечательной эпохи. Многие из этих писем посвящены эпизодам, сравнительно с пережитыми после того событиями, казалось бы, второстепенным или, во всяком случае, потерявшим интерес. И, действительно, эпизоды эти забылись или забудутся, но то, как реагировал на них Ленин, осталось, останется и войдет важнейшим элементом в создающуюся культуру рабочего класса.

Произошло это потому, что дробные осколки жизни, вызывавшие письма Ленина, освещены в них концентрированным светом одной, всеобъемлющей и до конца продуманной идеи, идеи революционного освобождения человечества от всей гнили, мерзости и хлама, которые оно в себе накопило. В свете этой идеи отдельные факты будничной, повседневной борьбы вливаются в общий поток развертывающихся грандиозных исторических событий, приобретают исторический смысл и значение.

В письмах Ленина нет ни торжественных слов, ни приподнятого стиля «исторического деятеля»; они просты, естественны, часто шутливы, всегда «деловиты», написаны как бы сразгона, «единым махом», прозрачны и ясны до конца, — а вместе с тем, перелистывая их, ясно ощущаешь величие той работы, мощь той умственной энергии, случайными и дробными отражениями которых являются письма Ленина. Это как бы блестящие осколки, оставшиеся на рабочем столе великого мастера мысли.

Поневоле любуешься силой, точностью, ясностью и гибкостью великого ума, следя за тем, как он ставит и решает любой попавший в поле его зрения вопрос, и вдруг ясно видишь блеск стального клинка, вскрывающего до дна тот или другой сложнейший вопрос человеческой мысли или истории. Никакой запутанности, никаких неясностей, никакой внешней «красивости», никакой фразеологии: поразительная четкость политической мысли, поражающая и покоряющая способность любой вопрос текущей жизни связать ясными переходами с основными положениями общего мировоззрения и кардинальными задачами исторической эпохи.

Для автора писем рабочее движение, строительство рабочей партии не что-то вне его стоящее, чему он «служит», для чего он «работает»: нет, он слит с этим делом до конца, для него органически — физиологически, можно сказать, — невозможно отделить личную, «субъективную» оценку и оценку с точки зрения хода мирового движения пролетариата: в личности Ильича эти две оценки слились в нерушимое единство. Никогда и нигде ни самомалейшей трещины или щели между личными вкусами, интересами и точками зрения и интересами или точками зрения развертывающегося исторического процесса.

Именно это единство придает какую-то монументальную значительность даже отдельным замечаниям писем Ильича, несмотря и вопреки их внешней простоте и как бы случайности. Чем больше вникаешь в эти замечания, тем больше понимаешь, что устами Ленина говорит новый, поднимающийся к жизни и борьбе исторический пласт, миллионы, для которых необязательны никакие установленные точки зрения, никакие авторитеты, которые ищут и находят с в о й подход ко всем вопросам истории и жизни.

Поэтому-то в письмах Ильича перед нами подлинные документы новой, созидающейся в борьбе пролетарской культуры. Поэтому же эти письма — документы в о й н ы, неустанной, изо дня в день ведущейся войны нового класса на идеологическом фронте. Недаром Владимир Ильич некоторые свои письма сам называет «бешеными».

Боевой дух, готовность в каждый момент броситься в бой за подлинные ценности рабочего класса, дух негодования и возмущения против всякой попытки приукрасить старую идейную гниль и привить ее рабочему классу — проникают все письма Владимира Ильича. Идейная беспощадность составляет их характерную черту.

Ленин, великий мастер практических «компромиссов», когда эти компромиссы навязывались революционной целесообразностью, был всегда величайшим врагом «компромиссов» в области идей. Готовый принять деловой союз «с чортом и с его бабушкой», когда этого требовал ход революционного движения, Ленин никогда не допускал ни малейшего «соглашательства» в области идей, в области теории, в области научного социализма. «Врозь итти, вместе бить», «раньше размежеваться, потом соглашаться»—эти постоянные формулы ленинской тактики понимались им всегда в том смысле, что какое бы то ни было практическое временное соглашение рабочего класса с чуждыми ему силами требует, как предварительного условия, точности, чистоты, определенности его собственной линии. А это, в свою очередь, требовало величайшей беспощадности ко всякой попытке внести в идеологию рабочего класса чуждые ему элементы. Здесь источник тех не-

престанных «бешеных» боев, которые вел Ильич на идейном фронте и которые так сильно и ярко отразились в его письмах к Горькому. «Я лучше позволю себя четвертовать, чем соглашусь участвовать в органе или в коллегии, подобные вещи проповедующей»,—писал Ленин Горькому о проповеди своего недавнего единомышленника.

Как некогда, на заре русского освободительного движения, завет непримиримости, провозглашенный «неистовым Виссарионом», Белинским, и его отказ сесть за один стол с «филистимлянами» отразил революционный разрыв демократии с дворянско-буржуазной идеологией, так — через 75 лет — «бешеная» борьба Ленина против всех элементов буржуазной идеологии, его «сектантство» и «раскольничество», его идейная беспощадность явились необходимым и спасительным условием формирования подлинно-революционной идеологии борющегося пролетариата.

«Сопоставьте все это в целом, — писал Ленин Горькому, — всю сумму идейных течений 1908—1912 годов у с.-р., трудовиков, беззаглавцев, кадетов с тем, что было и есть у с.-д. (кто-нибудь, когда-нибудь, историк, вероятно, сделает эту работу непременно), и вы увидите, что все, буквально все вне с.-д-ов решали те же самые, буквально те же самые вопросы, из-за которых откололись у нас группки от партии в сторону ликвидаторства и отзовизма.

О «склоке» у с.-д. любят кричать буржуа, либералы, с.-р., которые к «больным вопросам» относятся несерьезно, плетутся за другими, дипломатничают, пробавляются эклектизмом. Разница с.-д. от всех них та, что у с.-д. склокой облечена борьба групп с глубокими и ясными идейными корнями, а у них склока внешне приглажена, внутренне пуста, мелочна, мизерна. Никогда, ни за что не променял бы я резкой борьбы течений у с.-д. на приличную пустоту и убожество с.-р. и К°».

Письма Ленина к Горькому написаны в самую глухую, самую гнетущую эпоху рабочего движения. Когда, в начале 1908 г., после поражения первой революции Владимир Ильич вернулся в опостылевшую Женеву,—«как в гроб»,—говорил он Надежде Константиновне, потянулись долгие годы контр-революции, годы распада движения, явных и тайных измен, ренегатства, ликвидаторства и уныния. Но ни одной ноты уныния, сомнения или колебания мы не найдем в письмах Ильича. Они поражают своей бодростью, тоном глубокого убеждения в возрождении движения, уверенностью, что через громадные жертвы, на новых путях, в новой обстановке, но рабочее движение оспилит лежащие на его пути затруднения, что, несмотря ни на что,—«будет на нашей улице праздник!»

И как характерны для Владимира Ильича, рядом с этой абсолютной уверенностью в конечном торжестве своего дела,

радостные отклики на каждый мельчайший шажок рабочего движения: с какой несдерживаемой радостью сообщает Ильич Горькому о выходе рабочего журнальчика, о приезде «хорошего парня» — рабочего из России, о победе большевиков в профессиональном союзе или страховой кассе.

Глубокая, органическая, корневая ненависть к мещанству, ко всякому мещанству — и, прежде всего, к мещанству идейному — и революционная страсть, двигавшая Владимиром Ильичем, нашли свое выражение в десятках статей Владимира Ильича. Но в письмах к Горькому она выразилась, быть может, свободнее, непринужденнее и потому яснее, чем где-либо в другом месте.

Именно потому, что это — письма другу, набросанные между делом и безо всякой мысли об их возможном опубликовании, Ленин встает в них перед нами не столько как политический вождь, как руководитель партии, а как Ильич, как человек. Документов, которые дали бы возможность сотням и тысячам людей подойти к личности Владимира Ильича, к основным чертам его духовного облика, бесконечно меньше, чем документов, рисующих его как ученого, вождя, политика. Их очень и очень мало. Между этими очень малочисленными документами письма к Горькому — один из важнейших.

Владимир Ильич не только ценил А. М. Горького как величайшего художника новой революционной России. В Горьком Ленин видел могучего союзника в общем деле, соратника, который борется другим оружием, но бьется против того же врага и за ту же цель. Оружие Горького — художественное слово — Владимир Ильич оценивал очень высоко и придавал ему громадное значение. Тем большую горячность проявлял Владимир Ильич, когда ему казалось, что оружие это направляется неправильно, что союзник стреляет мимо цели. Чем более высоко ценил Владимир Ильич силу Горького, чем более хотел он видеть Горького рядом с собой в общей борьбе, тем внимательнее относился он к каждому его литературно-политическому выступлению, тем заботливее предупреждал его об опасностях тех идейных трясин, которые окружают путь выработки пролетарской идеологии.

Но Владимир Ильич не только ценил Горького, он попросту любил его, как крупного человека, как выходца из тех самых «низов», в торжестве которых Владимир Ильич видел очередной этап истории человечества. Подлинный интерес и привязанность к Горькому сквозит в письмах Владимира Ильича. Еще яснее высказывалось это Владимиром Ильичем в устных беседах... Все это создавало известный тон отношений Владимира Ильича к А. М. Горькому, тон дружеской откровенности и искренней заинтересованности.

Теми замечательными документами, которые лежат перед нами, рабочий класс обязан не только тому, что их писал Ленин,

но и тому обстоятельству, что у Ленина был такой корреспондент, как Горький. Это обстоятельство и делает из писем Ленина к Горькому не только ценный комментарий к его печатным произведениям, но и ценнейший документ для познания Ленина как человека. На этих письмах величайшего вождя революционных масс к великому художнику революционной эпохи будут учиться длинные поколения пролетарской молодежи и пролетарской интеллигенции всего мира. Они войдут в железный инвентарь новой пролетарской культуры.

ПИСЬМА ЭПОХИ ВОЙНЫ.

Письма Владимира Ильича к товарищам А. Г. Шляпникову и А. М. Коллонтай охватывают период с первых дней войны 1914 г. и до первых дней революции 1917 г. В своей совокупности они дают незаменимую, живую, набросанную со всей присущей Владимиру Ильичу страстностью летопись событий, характеризующих развитие нашей партии и зачатков III Интернационала за период войны.

Предательская позиция, занятая с первых дней войны большинством официальных руководителей II Интернационала, естественно оттолкнула своей обнаженностью всех тех, в ком сохранилась хотя бы капля революционного духа. Однако, неспособность этих людей итти до конца по следам Шейдеманов и Вандервельде отнюдь не гарантировала, что они способны стать на подлинно-революционную точку зрения или создать идейный и организационный центр будущего пролетарского движения. Наоборот, решаясь на более или менее явные протесты против политики наиболее откровенных предателей социализма, эти люди по существу пытались спасти самые основы той политики, которая привела к крушению II Интернационала. Достаточно сказать, что в числе этих «протестантов» числились такие враги коммунизма, как Мартов и Аксельрод (Россия), Лонгэ (Франция), Гримм (Швейцария), Каутский (Германия) и т. д.

Политическая позиция этих людей к моменту окончания империалистской войны и после нее достаточно ясно подтвердила, что в своей оппозиции социал-шовинистам во время войны они отнюдь не исходили из какой-либо революционной программы и не имели в виду какой-либо революционной перспективы.

Эти люди во время войны составляли так называемый «Циммервальдский центр». Лишенные какой бы то ни было революционной перспективы и боявшиеся не менее Шейдеманов и Вандервельде подлинно-революционного движения рабочих масс, эти люди в течение войны больше всего боялись окончательного и полного разрыва со II Интернационалом.

Связь между довоенным оппортунизмом европейской социал-демократии и социал-шовинизмом эпохи войны ими отрицалась, а лозунг превращения империалистской войны в войну гражданскую был для них подлинным страшилищем. От «пораженчества» они открещивались гораздо более яростно, чем от голосования за военные кредиты в пользу империалистских правительств.

Надо хорошо усвоить себе тот факт, что именно эти тенденции определяли политическую линию «циммервальдского большинства», для того, чтобы понять, почему такие люди, как Чхеидзе и Церетели, в 1915 — 1917 гг. могли — и не без основания — называть себя «циммервальдистами».

Подлинно-пролетарская линия могла и должна была пробивать себе дорогу в борьбе не только с явными предателями типа Шейдемана и Вандервельде, но и в неустанной и систематической борьбе с этим «циммервальдским центром».

Поскольку же этот «циммервальдский центр» прикрывал свою соглашательскую и антиреволюционную сущность словесным осуждением тактики официальных социалистических партий, борьба с ним с точки зрения выработки подлинно-революционной программы рабочего класса была особенно и настоятельно необходима. Инициатива борьбы по этому фронту в 1915 — 1917 гг. и победоносное завершение ее путем создания Коминтерна и против шейдемановцев и против центристов целиком принадлежит товарищу Ленину.

Разоблачение оппортунизма и антиреволюционности «циммервальдского центра» и составляет главное содержание писем, в которых бичующее негодование Ленина обрушивается не столько на тех, кто оставался вне пределов «Циммервальда», сколько на тех, кто, как Мартов, Гримм, Чхеидзе и даже тов. Троцкий, не шли до конца в деле организационного разрыва со II Интернационалом и, отвергая лозунги Ленина, всячески воздерживались от того, чтобы стать окончательно на почву создания III Интернационала.

Весь этот период Владимир Ильич провел в Швейцарии, в Цюрихе и Берне, тов. Коллонтай жила в Швеции, Норвегии и Америке, тов. Шляпников за это время ездил в Россию, вернулся в Скандинавию и опять уехал в Россию. Этим объясняется интенсивность переписки, при помощи которой Владимир Ильич старался держать в курсе дел международного социализма обоих товарищей, через которых он из Швейцарии поддерживал связь с левыми группами в Швеции, Норвегии, Америке и России.

Надо вспомнить страшную оторванность и изолированность, которая наступила для Владимира Ильича с начала войны. Ближайшие сотрудники Владимира Ильича, члены ЦК партии, члены редакции, члены думской большевистской фракции (Г. И. Петровский, А. Е. Бадаев, М. К. Муранов, Ф. И. Самойлов, Н. Р. Шагов,

И. В. Сталин, Я. М. Свердлов, М. П. Томский, Серго Орджоникидзе, Тимофей Спандарьян, Л. Б. Каменев и т. д., и т. д.) — все находились или на каторге, или в отдаленных углах Сибири. При этих условиях естественно, что Владимиру Ильичу приходилось ценить и усиленно «развивать» любую «связь», дававшую хотя бы слабую надежду передать свои мысли и директивы в Россию или заграничным группам «левых».

Письма эти, таким образом, представляют существеннейший комментарий к статьям Владимира Ильича, собранным ныне в XIII т. собрания сочинений. Но, сверх того, в письмах этих нашли выражение и такие стороны деятельности Владимира Ильича, которые по разным причинам не получили отражения в его публичных выступлениях. Больше, чем по каким-либо другим из доступных нам до сих пор материалов, по письмам к А. Г. Шляпникову и А. М. Коллонтай можно проследить широту интернациональных интересов Владимира Ильича, его участие в формировании «левых» групп в различных странах, его связь с этими группами и способы его воздействия на процессы выработки коммунистической идеологии в Европе и Америке. Наконец, эти письма дают нам точную картину внешних условий литературно-политической работы Владимира Ильича в 1914—1917 г. г. и приоткрывают завесу над тяжкими условиями его материального положения (см. скупые, но потрясающие в устах Владимира Ильича слова его в конце письма № 40).

Особняком от всей серии писем дореволюционной эпохи стоят два последних письма, написанные 16 и 17 марта н. ст. (3 и 4 марта ст. ст.) — первые отклики Владимира Ильича на первую революцию 1917 г. В них уже на весы истории брошены те мысли и та воля, которые предопределили Октябрь.

РУКОПИСИ ИЛЬИЧА.

I.

Рукопись брошюры «Грядущая катастрофа и как с ней бороться».

Стать ближе к Владимиру Ильичу — это не только политическая директива, но и выражение интимной потребности каждого из нас. Неутолимая жажда общения с гениальной лабораторией великих мыслей и великих дел толкает тысячи людей к мавзолею Ильича, к его книгам, к воспоминаниям о нем. Через запечатленный труд своего гениального вождя великий коллектив трудящихся стремится приобщиться к самому процессу творчества великого человека, инстинктивно ощущая, что здесь бьют незамутненные живые ключи освобождения человечества. Рукописи Ильича, — больше чем что-либо другое из того материального, что он оставил нам, — подводят нас к процессу его творчества, к механике работы, скрытой за прекрасным куполом его лба.

Мысль сосредоточенная, четкая, точная и стремительная, воля твердая и неуклонная запечатлены на страницах рукописей Ильича с такой ясностью, полнотой и законченностью, что гармонией мысли и ее внешнего выражения рукописи Ильича создают подлинное художественное впечатление. Перед нами — одна из наиболее замечательных и наиболее типичных для Владимира Ильича рукописей в ее подлинном виде. Это рукопись — программа Октябрьской революции. Она написана сразу, без черновиков, в несколько дней, 10 — 14 сент. 1917 г., на конспиративной квартире, в момент, когда лозунгом дня и судьбою автора стало: смерть или победа! Перед нами — подлинная страница истории. Незабываемой рукой на ней написано о величии Ленина и его дела.

II.

Рукопись воззвания «Товарищи-рабочие, идем в последний, решительный бой!»

Эти строки написаны в час боя. 7 июля левые эс-эры подняли восстание в Москве. 11 июля Савинков поднял восстание в Ярославле. 22 июля чехо-словаки и правые эс-эры заняли Симбирск. 28 июля – Екатеринбург. 2 августа англичане произвели десант в Архангельске. Украина стонала под гетманом, Владивосток—под японцами. Воспрявшие белогвардейцы предвкушали конец власти рабочих и крестьян и, опираясь на иноземный империализм, организовывали заговоры и восстания. Рабочие голодали. Напряжение борьбы достигло высшей точки. Текли решающие для революции минуты. Лишь в беззаветном массовом подъеме рабочих и крестьян и в хладнокровии и выдержке вождя было спасение.

С гигантским напряжением сил работал в эти дни Ильич, организуя отпор и победу над врагами рабочих и крестьян. Трезво глядя в лицо огромным опасностям, хладнокровно, планомерно, твердой рукой вел Советскую власть к победе, он знал, что судьбу боя решат глубинные, миллионные массы: краткими, ясными словами он звал их в бой, в последний, решительный бой. Перед нами его воззвание. Оно написано после падения Архангельска и Екатеринбурга и за пару дней до падения Баку и Казани. Уверенной рукой, без колебаний, без помарок и поправок, крупными буквами,—как бы видя перед собой те миллионы, которые будут его читать,—без лишних фраз, суровыми и простыми словами Ильич говорит борцам за рабоче-крестьянское дело: вот твои враги, вот твои союзники—борись! Сдержанная, сконцентрированная в один ударный кулак страсть борца пылает под простыми, скупыми словами ленинского призыва. Он не ищет слов, отбрасывает прочь красивую фразу: для него ясна цель, ясны силы, вступившие в борьбу, ясны пути к победе – и потому так ясен его призыв, так понятны миллионам его слова, так уверен, точен, тверд его почерк, так связно, без перерывов, без колебаний, без помарок ложится на бумагу его мысль, его призыв к беспощадной борьбе с врагами народа и революции.

Но враг не дремал. Через пару недель после написания этого воззвания Ильича на рабочем митинге пронзили пули прислужников капиталистов (30 августа). А через пару месяцев германская революция нанесла непоправимый удар всем врагам Советской власти и расчистила путь для дальнейшего победоносного движения вперед пролетарской революции под руководством Ильича. Вера вождя в победу его дела, дела рабоче-крестьянской революции, оправдалась.

III.

Рукопись плана брошюры о диктатуре пролетариата.

Рядом с рукописью брошюры «Грядущая катастрофа» и воззвания «Идем в последний, решительный бой» Институт издает настоящую рукопись Ильича, как образец его подготовительных работ, как прекрасный образчик его заметок для себя.

Рукописи Ильича, предназначавшиеся для печати, большею частью написаны без поправок и помарок, так сказать, единым духом. Но эти рукописи есть результат глубокого и всестороннего предварительного обдумывания. Наиболее любимым и обычным было у Ильича обдумывание своих статей путем бесед с товарищами. Но Ильич обдумывал свои статьи и с карандашом в руках, набрасывая и изменяя планы разработки той или другой темы. Самым мелким из своих почерков, с характерными для Ильича многочисленными и оригинальными сокращениями, острым пером или тонко очиненным карандашом набрасывал Ильич эти планы на клочках бумаги, попутно осложняя и осложняя тему новыми и новыми соображениями, ссылками, полемическими экскурсами.

Воспроизводимый план ненаписанной брошюры о диктатуре пролетариата дает всем ученикам Владимира Ильича возможность стать ближе и проникнуть в самый механизм работы гениального учителя. Вглядываясь в бисерные точки и значки Ильичевского наброска, в систему его цифирных и буквенных обозначений — с привлечением арабских и римских цифр, латинской и греческой азбуки, — следя за плавным развитием схемы, невольно ощущаешь великую силу и законченную красоту прекрасного умственного аппарата, который вел руку, набрасывавшую эти строки.

Учиться у Ильича надо не только тому, что делать, но и как делать, как работать. Его наброски, планы, заметки учат этому.

ЗАДАЧИ ИНСТИТУТА ЛЕНИНА.

[Речь на XIII-съезде РКП (б.).]

Товарищи, я хотел бы в самых кратких чертах сообщить вам о тех задачах, которые поставлены пред Институтом Ленина, и предложить съезду своей резолюцией начать открытие действий нашего Института.

Вы сейчас выслушали сообщение, смысл которого заключается в том, что через 40 лет после смерти Маркса мы не только не имеем собрания его сочинений, но далеко еще не закончена работа по собиранию тех материалов, которые должны лечь в основу действительно полного собрания сочинений основателей научного социализма. Естественно, что это произошло в буржуазном мире. Естественно, что международный пролетариат, окруженный врагами, до сих пор не мог собраться с силами для того, чтобы выполнить эту необходимую работу. Мы находимся в более благоприятном положении. Мы работаем в стране, в которой пролетариат победил, и поэтому мы должны употребить все усилия к тому, чтобы собирание всех материалов, оставленных нам Ильичем, и действительно научное собрание его сочинений было предоставлено в распоряжение международного пролетариата не в 40 лет, не в 20 лет и не в 10 лет, а в самый короткий срок, который должен исчисляться месяцами.

В основу Института Ленина положены две идеи. Первая— собрать все, что осталось в виде рукописей, материалов, записок, заметок Владимира Ильича. С другой стороны, превратить этот Институт в подлинный рассадник ленинизма. Что касается собрания всех материалов, то в основу этого собрания положены те бумаги, которые переданы были мне еще при жизни Владимира Ильича Надеждой Константиновной. Это знаменитый в истории нашей партии чемодан, так называемый «чемодан тов. Фрея». Фреем назывался Владимир Ильич в 1901—1902 гг., во время своей первой эмиграции. В этом чемодане оказались собранными материалы, имеющие отношение к самым первым

шагам марксизма и революционного движения пролетариата в России в конце 90-х годов. Центральный Комитет обратился к членам партии с воззванием, с предложением все имеющиеся у них рукописи, записки и письма Владимира Ильича сдать в Институт. Нельзя сказать, чтобы все члены партии последовали этому приглашению, и сейчас еще чрезвычайно много материалов, как можно подозревать, находится на руках отдельных членов партии или отдельных организаций. Но воззвание ЦК имело своим результатом то, что в Институт начался приток материалов.

Вы получили первый выпуск каталога рукописей Владимира Ильича, находящихся в Институте. В этот каталог включено до 3000 рукописей. На самом деле, уже сейчас в Институте количество рукописей самого Владимира Ильича, его ближайших друзей и сотрудников доходит, вероятно, до 10000. Но это, вероятно, меньшая половина того, что вообще может быть еще найдено. Рукописи Владимира Ильича, его записки, письма рассыпаны по всему миру. Мы знаем, что есть чрезвычайно важные рукописи в Нью-Йорке, мы знаем, что подобные рукописи хранятся в Лондоне, Берлине, Вене, Швейцарии. Собирание всех этих рукописей представит громаднейшую задачу, потому что многие из них находятся в таком положении, при котором диктатуры пролетариата в России еще недостаточно для того, чтобы обязать владельцев этих рукописей передать их нам. С другой стороны, мы должны считаться с тем, что значительная доля рукописей Владимира Ильича, повидимому, погибла для нас безвозвратно. Условия, в которых работал Владимир Ильич, — условия жизни подпольного революционера, нелегального писателя, человека, который писал и в тюрьмах, и в ссылках, и в эмиграции, — привели к тому, что надеяться на собрание рукописных материалов в полном объеме нет никакой возможности. Однако, розыски Института уже и сейчас привели к тому, что мы находим материалы, которые, казалось бы, окончательно погибли. Так, совсем на-днях нам удалось выручить целый ряд материалов из рук польского генерального штаба. Мы надеемся также разыскать ряд рукописей, которые зарыты в землю отчасти в Самарской губернии, отчасти в Оренбургских степях. Эти розыски нами продолжаются и будут продолжаться со всем необходимым усердием. И Институт надеется, что в конце концов все, что еще сохранилось, что уцелело от рук охранки, от печи конспиративной квартиры, — все удастся сконцентрировать в Институте.

Эти находки бросают новый свет на целый ряд моментов нашей партийной жизни. Так, например, до сих пор оставался совершенно неясным и темным такой важный момент в истории нашей партии, как выработка программы 1902 — 1903 гг., программы, с которой мы жили, как партия, до 1917 — 1918 годов.

В выработке этой программы доля участия Владимира Ильича на-ряду с Плехановым была настолько неясна, что существует, например, подробное исследование Рязанова, которому, правда, исполнилось 22 года, и которое, как выясняется на основании вновь разысканных материалов, находится в решительном противоречии с теми действительными отношениями, которые сложились в редакции «Искры» при создании этой программы. Теперь, благодаря материалам, найденным в бумагах Владимира Ильича, вся история программы, вся внутренняя борьба между Лениным и Плехановым в 1902 году, при выработке этой программы, может быть прослежена до последних деталей. Мы имеем не менее 4 вариантов программы, написанных самим Лениным, никому до сих пор неизвестных, имеем программу в редакции Плеханова, равным образом никому неизвестную, и всю ту письменную полемику между Лениным и Плехановым, которая уже предсказывала будущий раскол между большевиками и меньшевиками и которая до сих пор оставалась совершенно неизвестной партии и ее историкам. Мы успели опубликовать такую пророческую и делающую эпоху в истории марксизма и в истории русского пролетарского движения брошюру Ленина, как «Что такое «друзья народа», и как они борются с социал-демократами». Но мы опубликовали только первую и третью части этой брошюры; вторая часть не найдена до сих пор, и мы боимся, что ее нельзя будет найти. С другой стороны, мы знаем, например, что книге Владимира Ильича по философии предшествовала неопубликованная рукопись Владимира Ильича, посвященная вопросам философского обоснования марксизма. Мы знаем о существовании этой рукописи в трех тетрадях, мы понимаем глубокую важность их для истории философского развития Владимира Ильича и истории нашей партии, но этих тетрадей у нас нет, следы их затеряны, и будут ли они найдены, — сейчас ответить мы не можем. Итак, в литературном наследии Владимира Ильича есть большие пробелы. Только при активном содействии всех членов партии и местных организаций можно надеяться на то, что мы сможем восстановить в мало-мальски полном виде литературное наследие Владимира Ильича.

Есть еще отдел, который до сих пор еще далеко не разработан, к разработке которого почти не приступлено. Это те материалы, письма, которые характеризуют Владимира Ильича, как государственного деятеля. Вы знаете о бесчисленном количестве распоряжений, телеграмм, телефонных приказов, записок, писем, резолюций, при помощи которых Владимир Ильич осуществлял дело государственного управления. Все это до сих пор еще не собрано, не квалифицировано, не поставлено в связь с соответствующими событиями, не расшифровано. Только

тогда, когда будничная работа Владимира Ильича, работа с часа на час, изо дня в день, нашедшая свое отражение в этих бесчисленных записках, приемах, разговорах, заметках, телеграммах, распоряжениях, декретах, приказаниях, — когда все это будет собрано, квалифицировано, размещено в известном порядке, снабжено соответствующими комментариями, вся гигантская роль Владимира Ильича как государственного деятеля, вся громадная работа, которая была проделана первым руководителем первого пролетарского государства, сможет быть выявлена. Это необходимо международному пролетариату, поскольку он должен учиться на истории российской революции производить свою коммунистическую революцию. Для выполнения этой задачи работа Института абсолютно необходима. Такова первая задача: собрать то, что Владимир Ильич оставил.

Вторая — собранное сделать достоянием международного пролетариата, дать литературное наследство Владимира Ильича в распоряжение международного пролетариата в такой форме, которая сделала бы литературно-политическое наследство Владимира Ильича орудием мировой пролетарской революции. Дело идет не о том, чтобы по строгим академическим законам издать Владимира Ильича в таком виде, в котором можно было бы его поставить на полку и обращаться к его сочинениям в торжественные дни. Надо понять, что учение Ленина записано не только в обработанных литературных работах, а записано в телеграммах, в отдельных приказаниях, разговорах, постановлениях и распоряжениях. Учение Владимира Ильича должно быть передано в руки международного пролетариата в таком виде, который действительно дал бы возможность пользоваться этим учением, как боевым орудием против буржуазии, как инструментом при постройке нового социалистического строя. Заканчивая первое черновое собрание сочинений Владимира Ильича, мы можем с удовлетворением констатировать, что отныне партия в этих 23 томах собрания сочинений Владимира Ильича имеет первое, повторяю, черновое, с грубым приближением сделанное собрание его литературных, политических работ. Мы должны будем продолжать эту работу для того, чтобы издать действительно всего Владимира Ильича, не жертвуя ни одной строкой, им написанной, и ни одним словом, им сказанным. Если первое черновое издание Владимира Ильича заняло 23 тома, то, по моим приблизительным подсчетам, полное издание Владимира Ильича даст не менее 50 томов. Это будет тот основной кладезь, из которого затем должны развиться различные типы изданий Владимира Ильича: и боевые агитационные брошюры, и тематические сборники по отдельным вопросам, и сборники, хронологически освещающие отдельные моменты в истории мировой революции, — все это должно быть основано на твердом, науч-

ном, проверенном тексте полного собрания сочинений Владимира Ильича.

Мы не хотим превращать Институт Владимира Ильича в какой-то оторванный от живой жизни и борьбы академический орган, — это было бы не в духе Владимира Ильича, он первый это осудил бы. Как вся жизнь Владимира Ильича была непрестанной войной против буржуазного строя, так и Институт Ленина должен превратиться в боевой орган, боевой рассадник ленинизма. И все работники Института употребят все усилия, чтобы каждый солдат пролетарской армии, желающий обновить свое оружие, желающий сильнее вооружиться в бесконечно трудной борьбе, которую мы ведем под знаменем ленинизма, мог в Институте Ленина обновить и закалить свое оружие. Пусть Институт Ленина станет боевым рессурсом международной пролетарской революции, которую Ленин провозгласил и которая только с Лениным победит.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ТЕРМИНОВ.

(В алфавитном порядке.)

Аксельрод, П. Б. вместе с Плехановым был одним из первых марксистов в России и содействовал Плеханову в организации первой русской социал-демократической группы за границей. В 1903 году перешел целиком на сторону меньшевиков и с тех пор вел систематическую борьбу против большевиков. Живя с начала 80-х годов за границей, имел большие связи среди руководителей II Интернационала, он пользовался ими для борьбы против Ленина.

Апрельская конференция. Здесь имеется в виду Всероссийская конференция нашей партии, состоявшаяся 29-го апреля 1917 года. Это была первая Всероссийская конференция после февральской революции, на которой присутствовал Ленин и которая приняла постановление, определявшее дальнейшую политику большевиков в революции. Троцкий на конференции не присутствовал и не мог присутствовать, так как не был членом нашей партии.

Балабанова — русская социалистка, работавшая до войны с меньшевиками, затем вступившая в нашу партию и исключенная из партии за поддержку итальянских противников Коминтерна.

«Борьба за свободу коалиций». — В эпоху контр-революции меньшевики боролись против наших большевистских лозунгов: республика, конфискация помещичьей земли, 8-часовой рабочий день, потому что они казались им чрезмерно революционными. Вместо этих революционных требований меньшевики предлагали рабочим требовать от царского правительства свободы коалиций, т.-е. свободы собраний и союзов. Большевистские требования направляли внимание рабочих на ниспровержение царского режима, требование же свободы коалиций сеяло в умах отсталых рабочих представление, будто без ниспровержения царизма возможно добиться для рабочих необходимых им прав. Троцкий целиком поддерживал меньшевистскую тактику в этом вопросе. Большевики вели против меньшевиков в этом пункте самую ожесточенную борьбу, рассматривая их тактику, как подмен тактики революционной тактикой либеральной.

Бунд. На Лондонском съезде часть делегатов занимала колеблющуюся позицию между большевиками и меньшевиками. Этих колеблющихся в нашей партии искстари называли болотом или центром. Главным представителем такой политики болота или центра являлся Бунд. Бундом называлась организация еврейских рабочих западных губерний и Польши, входивших в партию. Так как Бунд объединял главным образом еврейских ремесленников, то он постоянно поддерживал в партии оппортунистическое правое крыло и проявлял большую беспринципность в основных вопросах революции.

Гильфердинг, Рудольф — автор «Финансового капитала», одного из лучших исследований о природе империализма, написанного в общем и целом с марксистской точки зрения. Во время войны Гильфердинг отказался от выводов своего собственного исследования об империализме. Одно время стоял во главе так называемой независимой социалистической партии в Германии, колебавшейся между коммунистами и шейдемановцами, а затем перешел целиком в партию Шейдемана.

Гобсон — английский экономист, либерал, книгу которого об империализме использовал Ленин в своей работе «Империализм как новейший этап капитализма».

Голосовцы — так называли меньшевиков-ликвидаторов, потому что их орган, издававшийся за границей, назывался «Голос Социал-Демократа».

Дан — вместе с Мартовым являлся одним из самых видных руководителей меньшевиков с самого начала существования этой партии. Всегда поддерживал самые правые течения и самую злобную борьбу против большевизма. Во время войны стал оборонцем и вместе с Церетели являлся фактически руководителем политики меньшевистских советов, а также и Временного Правительства.

«Демократическое Совещание» созвано было меньшевистско-эс-эровскими советами в сентябре 1917 года в составе представителей Советов рабочих и солдатских депутатов, городских и земских самоуправлений, армейских организаций и т. д. Большевики воспользовались этим совещанием для того, чтобы открыто заклеймить политику эс-эров и меньшевиков. Под влиянием растущего негодования в среде рабочих, крестьян и армии Демократическое Совещание отклонило предложение о составлении правительства на основах союза (коалиции) с буржуазией. Несмотря на это, Керенский после совещания составил правительство, в котором громадное большинство принадлежало именно представителям буржуазии.

«Искрой» называлась газета, организованная Лениным в 1900 году. Она на деле заложила основание революционной тактики рабочего класса в России. «Искра» под редакцией Ленина вела неустанную борьбу с оппортунистическими течениями в партии. Во главе этих оппортунистов стояли так называемые «экономисты», предшественники меньшевиков, которые проповедывали, что рабочий класс России еще не дозрел до политической борьбы с царизмом и должен ограничиться чисто экономической борьбой за улучшение своего положения на фабриках и заводах. Сторонников «Искры» называли искровцами. В конце 1903 г. меньшевики захватили редакцию «Искры в свои руки и изменили ее направление. С тех пор в партии стали отличать старую «Искру», выходившую под ред. Ленина с 1900 г. до 1903 г., и новую «Искру», меньшевистскую, выходившую с 1903 по 1906 г.

Кадеты — так называлась партия русских помещиков и фабрикантов, во главе которой стоял Милюков. Кадетами их называли потому, что сами себя они называли—«конституционалисты-демократы», первые буквы этих двух слов и дали возможность сокращенно называть их кадетами. Эта партия требовала от царя некоторых уступок в интересах помещиков и капиталистов, но вела самую решительную борьбу с революционным движением рабочих и крестьян. После 1917 года стала оплотом и руководителем всего контр-революционного движения против Советской власти.

«Каутскианцы», т.-е. разделяющие взгляды Каутского. Каутский — один из виднейших представителей II Интернационала в Германии. Со времени войны изменил революционной теории Маркса. Во время войны он занимал колеблющуюся позицию между левыми и правыми, между подлинными пролетарскими революционерами и социал-патриотами, всячески поддерживая последних против первых, защищая II Интернационал против критики его со стороны Ленина и других.

Со времени победы Советской власти Каутский выступил ее яростным врагом.

Конференция большевиков в январе 1912 года исключила ликвидаторов из партии и знаменовала возрождение и укрепление нашей партии.

Леви, Пауль — германский коммунист, участник 2-го конгресса Коминтерна, затем покинувший ряды коммунистической партии Германии, перешедший к с.-д. и ведущий с коммунистами яростную борьбу путем лживых разоблачений, сплетен и т. п.

Ленский расстрел — расстрел рабочих на Ленских приисках царским офицером Трещенковым, происшедший в апреле 1912 года. Этот расстрел послужил сигналом к широкому революционному движению рабочего класса во всех уголках России.

Либердан. В меньшевистском совете в Петрограде в начале февральской революции видную роль играли меньшевики Дан и Либер. Предательская политика этих меньшевиков по отношению к рабочему классу вызвала на страницах «Правды» стихотворение Демьяна Бедного. В этом стихотворении Демьян Бедный объединил фамилии обоих меньшевиков, назвав их политику «либердановской». Этой кличкой большевики затем характеризовали самых тупоумных и предательски действовавших меньшевиков.

Ликвидаторы — от слова ликвидировать, уничтожать. После разгрома революции 1905 года в нашей партии стали называть ликвидаторами меньшевиков. Они в то время проповедывали ненужность подпольной нелегальной партийной организации и выступали против революционных лозунгов и способов борьбы, которые пролетариат применял в 1905 году. Это течение в партии опиралось целиком на либералов и мелко-буржуазную интеллигенцию, которые воспользовались господством контр-революции для того, чтобы попытаться окончательно уничтожить нелегальную организацию и революционную тактику пролетариата.

Лонгэ — французский социалист, занимавший ту же позицию, что Каутский в Германии.

Лондонский съезд—пятый партии происходил в апреле и мае 1907 года в Лондоне и поэтому назван был Лондонским съездом.

Мартов, Ю. О. — организатор и руководитель меньшевистской партии с самого начала ее существования, виднейший писатель меньшевизма, редактор всех партийных органов меньшевиков. Умер в 1923 году в эмиграции. Мартов, как и все меньшевики, считал и проповедывал, что в революционном движении 1905 года рабочий класс России вел себя не по-марксистски, а по-*бланкистски и по-анархистски.* Основная черта меньшевизма заключалась в том, что меньшевики истолковывали Маркса по-либеральному. Подлинной марксистской тактикой они считали ту тактику, которую в мирные времена проводили руководители II Интернационала. Широкие экономические и политические стачки, вооруженные демонстрации, вооруженные восстания и захват власти меньшевики считали поэтому немарксистскими и ругали большевиков за поддержку и проповедь этих форм борьбы анархистами и бланкистами. Меньшевики проповедывали, что рабочий класс поддерживал эти большевистские способы борьбы лишь благодаря своей отсталости, невежеству и некультурности. Цитированной Лениным фразой Мартов стремился показать, что рабочий класс России поддержал в 1905 году революционную тактику большевиков именно благодаря своей отсталости и некультурности. Такую же характеристику большевистской революционной тактики давал и Троцкий, только в еще более запутанной форме, в той фразе, которую дальше цитирует Ленин.

Меньшевизм, как особое политическое направление, сложился в 1903 г. на 2-м съезде партии. Сторонники этого направления были на этом съезде в меньшинстве (большинство принадлежало к группе, во главе которой стоял тов. Ленин), — отсюда и произошла их кличка «меньшевики».

После 2-го съезда меньшевики сложились в особую фракцию внутри Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. С этого времени у меньшевиков и большевиков, несмотря на то, что они существовали по внешности в рядах единой партии, были все время свои особые организационные и идейно политические центры, а также и свои собственные органы (газеты, журналы, сборники и т. д.). С того момента, как большевики собрали партийную конференцию в январе 1912 г., прекратилась и всякая даже внешне организационная связь между меньшевиками и нашей партией. Во главе меньшевиков стояли Аксельрод, Мартов, Дан, Церетели и др. Плеханов то примыкал к меньшевикам, то отходил от них. За все время своего существования меньшевики являлись проводниками буржуазного влияния на пролетариат и отстаивали тактику подчинения пролетариата либералам. В начале февральской революции меньшевики в союзе с эс-эрами имели большинство в Советах, поддерживали правительство капиталистов, вошли с ним в союз, одобрив вступление членов своей партии: Церетели, Скобелева, Гвоздева и др. в состав правительства Керенского, и были окончательно разбиты вместе с Керенским. Остатки меньшевиков после укрепления Советской власти эмигрировали за границу, откуда продолжают бороться с Советской властью. Меньшевики входят во II Интернационал.

«Наша Заря» — название журнала меньшевиков, выходившего в 1910—15 гг. в Петербурге. Главными сотрудниками «Нашей Зари» были Мартов, Дан, Аксельрод, Потресов и др. Таким образом: группа «Нашей Зари», голосовцы, группа Потресова, ликвидаторы — все это различные названия меньшевиков.

«Новая Жизнь» — газета, издававшаяся в Петрограде в 1917 г. Газета не примыкала целиком к меньшевикам, но вела борьбу против большевиков. Одним из редакторов был Суханов, тогда член меньшевистской партии. Писания в «Новой Жизни» Суханова отражали колебания интеллигенции, не решавшейся целиком и полностью защищать предательскую политику Церетели и Дана, но в то же время до смерти перепуганной большевизмом.

Оборонцами называли тех, якобы, социалистов, которые во время войны фактически стояли на стороне своей буржуазии и под лозунгом защиты отечества проповедывали рабочим прекращение классовой борьбы и поддержку буржуазных правительств, ведших войну.

Октябрьская стачка 1905 г. — всеобщая забастовка рабочего класса в России, которая заставила царя издать манифест 17 Октября 1905 года о свободах.

Отзовистами называлась в 1908—12 гг. группка бывших большевиков, которая не захотела последовать за Лениным и партией после поражения революции 1905 года. Отзовистами они назывались потому, что одним из главных их требований было отозвание рабочих депутатов из 3-й Госуд. Думы, в то время, как большевики, под руководством Ленина, были против отзыва и требовали, чтобы депутаты использовали свое положение для поддержки революционных целей и тактики рабочего класса. Будучи по внешности очень «революционными» и упрекая Ленина в умеренности, в том, что он «поправел», отзовисты на самом деле представляли мелкобуржуазный уклон. В целях борьбы с ленинцами они входили в соглашение и действовали в союзе с меньшевиками и ликвидаторами. В 1909 году группа отзовистов была исключена из нашей партии. Во главе ее стоял А. А. Богданов, а также *Г. Алексинский*. Последний в борьбе с ленинцами не брезговал никакими средствами, а во время войны изменил всем основам марксизма, сделался патриотом и впоследствии поддерживал Врангеля. Отзовистов называли также «впередовцами», так как они за границей издавали журнальчик под названием «Вперед».

Падение революционной волны в эпоху первой революции в 1905 г. началось уже после того, как войсками царя было задушено декабрьское (1905 г.) восстание в Москве, на Кавказе, Прибалтийском крае и крестьянское движение в ряде губерний Центральной России. Однако, и после этого революционное возбуждение масс поддерживалось весь 1906 и половину 1907 г. Торжество контр-революции окончательно было закреплено разгоном 2-й Гос. Думы в июне 1907 года, преданием суду рабочих депутатов этой Думы, введением военно-полевых судов для революционеров и полным разгромом рабочих организаций. Возрождение широкого массового рабочего движения рабочего класса последовало затем лишь в 1912 году; ближайшим поводом к этому послужил расстрел рабочих на Ленских приисках.

Парвус (литературное имя Гельфанда) — родился в России, но еще в молодости уехал за границу, где примкнул к германской социал-демократии, стоя на ее левом крыле. В 1905 году вернулся в Россию, был арестован, выслан в Сибирь, бежал опять за границу. Во время империалистской войны выступил решительным защитником германского империализма. Сильно нажился на военных поставках и является самым отвратительным типом изменника рабочему делу.

Перед революцией 1905 года он выдвинул идею перманентной революции (в буквальном переводе непрерывная революция) и отстаивал ее против Ленина.

Парламентаризм и социал-демократия. После франко-германской войны 1870 — 71 гг. и поражения Парижской Коммуны в 1871 году Европа вступила в так называемый мирный период развития: рабочее движение не проявляло себя в мало-мальски широких революционных формах. Работа социал-демократической партии в этот период сосредоточивалась на пропаганде, агитации и организации в законных формах, не ставя себе целей прямого нападения на капитализм и перехода власти в руки рабочего класса. Центром своей деятельности социал-демократическая партия сделала парламентскую борьбу, т.-е. завоевание голосов во время избирательной кампании в парламенты и отстаивание отдельных реформ в пользу рабочего класса в парламентах. Внепарламентские, массовые формы борьбы отодвинуты были на задний план. Таким образом, парламентаризм стал на деле школой оппортунизма. Такое положение дел продолжалось до русской революции 1905 года, которая всколыхнула массы европейского пролетариата и заставила лучших вождей тогдашней социал-демократии поставить вопрос о расширении форм социал-демократической работы. Под влиянием революции 1905 года западно-европейская социал-демократия приступила к обсуждению вопроса о массовых экономических и политических стачках, уличных демонстрациях и т. п. После поражения революции внимание с.-д. было опять почти исключительно поглощено парламентскими выборами и деятельностью в парламенте, несмотря на то, что тогдашние «левые с.-д.», как Роза Люксембург, Паннекук и другие левые не переставали напоминать о тактике массовых действий. Социал-демократические парламентарии во время войны оказались самой надежной опорой для буржуазных правительств и лучшими агентами буржуазии по обману рабочих масс. Этой политике западно-европейской социал-демократии большевики, начиная с 1905 года, противопоставляли соединение парламентской деятельности с действиями самого пролетариата (экономические и политические стачки, демонстрации и т. п.) и требовали, чтобы свою парламентскую деятельность депутаты подчиняли революционным задачам, стоящим перед пролетарскими массами.

Плеханов — основатель Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, один из первых проповедников марксизма в России. Не только в России, но среди западно-европейских марксистов Плеханов выделялся,

как лучший знаток и истолкователь теории марксизма. Когда Ленин приехал за границу в 1900 году, чтобы основать там руководящий орган нашей партии «Искру», Плеханов поддержал его; но длительное пребывание за границей (Плеханов жил за границей с 80-х годов) и отрыв от рабочих масс привели к тому, что уже в первую революцию Плеханов не понял характера революционного движения русского пролетариата, испугался его и перешел на сторону меньшевиков. В этот период Плеханов вел резкую борьбу против большевиков и Ленина. Когда одержала верх контр-революция, и меньшевики стали проповедывать отказ от нелегальной партийной организации, Плеханов не пошел с ними и стал поддерживать большевиков в их борьбе с ликвидаторами. Во время войны Плеханов перешел на точку зрения буржуазии и проповедывал поддержку русского царизма в войне с Германией. Во время революции Плеханов поддерживал Временное Правительство, вел резкую борьбу с большевиками. Умер в 1918 году.

Потресов, А. — литератор, крайний правый меньшевик-ликвидатор. Группа Потресова обозначает группу крайних правых меньшевиков-ликвидаторов.

Примиренчество. Троцкий часто развивал идею о примирении между большевиками и меньшевиками, считая, что ни те, ни другие не выражают подлинных стремлений рабочего класса, и полагая, что большевики неправильно считают меньшевиков представителями либеральной политики.

«Семерка депутатов с Чхеидзе во главе». В 4-й Госуд. Думе было 7 депутатов меньшевиков, во главе которых стоял меньшевик Чхеидзе, впоследствии председатель меньшевистского совета в Петрограде. Эти 7 депутатов во главе с Чхеидзе целиком поддерживали меньшевистскую тактику и примыкали к тому союзу (блоку) всех противо-большевистских групп, который организовал Троцкий.

Серрати — видный деятель итальянского рабочего движения, при образовании коммунистической партии вступивший в нее и затем вышедший из нее. Впоследствии вновь вернулся в коммунистическую партию.

Столыпинская рабочая партия. Большевики называли меньшевиков представителями столыпинской рабочей партии. Столыпин — министр Николая II и руководитель всей политики царизма во время контр-революции. Меньшевики, борясь с нашими нелегальными организациями и стремясь создать открытую, легальную рабочую партию, тем самым проповедывали приспособление классовой борьбы рабочих к столыпинским законам. Поэтому-то большевики и клеймили их, как представителей столыпинской рабочей партии.

Филистеры—мещане, дрожащие за собственное благополучие и поэтому боящиеся всяких потрясений, в первую очередь, революционного движения рабочих.

Фроссар — французский коммунист, участник 2-го и 3-го конгрессов, покинувший французскую коммунистическую партию и образовавший собственную группу, на деле проводящую политику II Интернационала.

Церетели. Во 2-й Гос. Думе было несколько десятков депутатов социал-демократов, членов партии. Громадное большинство из них принадлежало к меньшевикам, и лишь небольшое число избранных непосредственно рабочими поддерживало тактику большевиков. Во главе депутатов-меньшевиков стоял меньшевик Церетели, избранный в депутаты на Кавказе. При разгоне 2-й Гос. Думы депутаты социал-демократы были арестованы, осуждены на каторгу и ссылку. Церетели вернулся из ссылки после февральской революции, вошел в состав Петроградского Совета и стал руководителем всей меньшевистской работы в советах. Он целиком поддерживал продолжение войны, призывал рабочий класс и крестьянство поддерживать правительство Керенского, а затем и сам вошел в качестве министра в правительство Керенского. В бытность его министром он

проводил план разоружения петроградского пролетариата. После победы советов бежал в Грузию, а оттуда за границу, откуда ведет и до сих пор борьбу против Советской власти.

«Циммервальдская левая». В сентябре 1915 г. состоялась международная конференция социалистов, противников той политики, которую вели во время войны социалистические партии главных европейских стран. Эта политика заключалась в поддержке своей буржуазии и в проповеди войны до победного конца. Противники этой политики и устроили свою конференцию в Швейцарии в деревушке Циммервальд, и с тех пор их стали называть «циммервальдцами». Большинство «циммервальдцев», будучи противниками политики социал-патриотов, однако, далеко не шли до конца. Это большинство отказывалось принимать лозунг гражданской войны и отказывалось окончательно порвать со II Интернационалом. Лишь небольшая часть собравшихся в Циммервальде принимала полностью эти лозунги. Во главе последних стоял тов. Ленин. Они организовались в особую группу, которая получила название «циммервальдской левой» в отличие от остальных циммервальдцев. Эта группа была тем зерном, из которого развился III Интернационал.

Чернов, В. М. — организатор и руководитель партии эс-эров, член Центрального Комитета и редактор партийных органов партии эс-эров за все время ее существования. Был министром в правительстве Керенского. Ныне в эмиграции продолжает борьбу с Советской властью.

Эклектицизм — смешение различных несоединимых учений. В данном случае Ленин имеет в виду сказать, что Троцкий и другие подмешивали к теории революционного марксизма немарксистские и нереволюционные учения.

Библиотека
Института В. И. Ленина

12178

Цѣна 1 р. 40 к.